О.А.Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА БУХАРЫ

г. БУХАРА

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ДЖАРИБОВ

ворота Хазрат Имам

ворота Самарканд

ворота Угло

ворота Тали Поч

Чашма Аюб

V джариб РЕГИСТОН

XI джариб ИСКАНДАР-ХОН

Суфиёни Саури

Баховаддин Накшбанд

зиндон

Исмаил Самани

АРК

XII джариб КАЛОБОД

Файзабад

ворота Мазор

IV джариб ЧАШМА АЮБ

VII джариб МУРДАШУЕН

X джариб ШАХРИСТОН

медресе Калобод

медресе Чор мунор

ворота Шергирон

ворота Карши

Сайфиддин Бохарзи

VI джариб ХЫЁБОН

ходжа Чоршанби

IX джариб ГАУКУШОН

I джариб ШАЙХ РАНГРЕЗ

ходжа Булгор

VIII джариб СУФИЕН

Турки Джанди

III джариб ДЖУЙБАР

II джариб ТУРКИ ДЖАНДИ

ворота Саллаххона

ворота Каракуль

ворота Шайх Джалоль

ворота Намозгох

Кунджи калъа

городская стена

улица

мазары

медресе, мечети, хонака

торговые купольные пассажи

зиндон

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

О. А. Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА БУХАРЫ

(В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ КВАРТАЛОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

9 (С) 1
С 91

В работе анализируется внутригородская жизнь и быт квартальной общины, дается полная характеристика всех бухарских кварталов, прослеживается их история, засвидетельствованная письменными источниками X—XII и более поздних веков. Устанавливается, что развитие феодального города выражалось в продолжавшемся веками процессе членения кварталов по мере роста их населения и превращения в городские кварталы пригородных селений, периодически включавшихся в черту города.

С $\frac{10604\text{-}095}{013(02)\text{-}76}$ 128-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изложению материалов по исследованному вопросу необходимо предпослать некоторые пояснения по поводу использованных источников и их обозначений в ссылках, а также передачи в транскрипции местных терминов и выражений.

Основным источником исследования явились полевые материалы, собранные в Бухаре за период 1947—1960 гг. Хотя эти сведения собирались более чем на 20 лет позже, чем происходило изучение Бухары М. С. Андреевым и возглавлявшейся им экспедицией, и город, его население и формы жизни успели во многом коренным образом измениться, все же удалось записать множество ценных воспоминаний о тогда еще сравнительно не столь далеком прошлом. Было опрошено множество бухарцев преклонного возраста, которые успели, будучи уже взрослыми, застать жизнь дореволюционной Бухары в период, когда там еще правил эмир и вся жизнь горожан сохраняла свой традиционный облик. Их воспоминания позволили восстановить картину городской жизни в период феодализма, в частности быт жилых кварталов. Прекрасная память и высокая добросовестность, искренняя заинтересованность в воссоздании истории их города и доброжелательное стремление помочь в работе обеспечили получение ценнейших, теперь уже неповторимых и, как показала проверка, весьма надежных сведений. Ссылка на информаторов дана в описании конкретных кварталов, содержащих большую часть полевого материала. Поэтому, если при изложении фактов ссылки нет, значит эти сведения основаны на сообщениях опрошенных мной бухарцев.

Из письменных источников в работе использованы как изданные, так и хранящиеся в архивах. Эти источники использованы при установлении истории кварталов. Широко привлечены данные «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи. Ссылки на этот источник даются чаще по переводу Н. Лыкошина, отредактированному В. В. Бартольдом; там же, где важно было сослаться на подлинный текст,— по критическому изданию его Шарлем Шефером. Ссылки на источник XV в.—

«Книгу Мулло-зода» — даны на подлинный текст по каганскому литографированному изданию 1904 г. Широко использовались документы XVI в. из архива ишанов Джуйбара, изданные в 1938 г. Переводы этих документов, выполненные П. П. Ивановым, вышли из печати тогда, когда моя работа над этим источником была закончена, и мною не привлекались; все ссылки даны на подлинный текст документов по изданию «Из архива шейхов Джуйбари».

Из неизданных материалов очень полезными для установления истории кварталов оказались вакуфные грамоты XV — начала XX в. из Государственного архива УзССР, объединенные в фонд 323 и происходящие из архива канцелярии куш-беги. Для целей исследования оказалось достаточным использовать опись этого фонда, превосходно составленную образованным бухарцем И. Мирадыловым, в довоенные годы работавшим в Институте востоковедения (тогда Институт восточных рукописей). В этой описи содержатся все необходимые для этой работы данные, в частности упоминаются кварталы. Ссылки на этот материал приводятся под условным обозначением ГА, после чего указывается единица хранения.

Из неизданных материалов использованы также очень ценные материалы необработанного архива Самаркандского (ранее Бухарского) института тропических заболеваний, известного под сокращенным названием Тропин. Ссылки на этот архив, познакомиться с которым я смогла благодаря любезности проф. Л. М. Исаева (ныне покойного), приводятся под условным обозначением Т, с указанием года, к которому относятся данные.

Для транскрипции в целях облегчения издания принята русская графика. В указателях названия и термины даны и в транслитерации.

В написании отдельных слов и выражений отражено местное, бухарское произношение, с его диалектными особенностями; например, вместо «рафтанд» — «рафтан», вместо «хаммом» — «хамбом» и т. д. В соответствии с современным таджикским алфавитом йотированные звуки передаются как «я», «ю», «ё».

При написании местных слов, вошедших в язык русской научной литературы, они даны так, как принято в ней; например, «мечеть» вместо «мачит», «медресе» вместо «мадраса». При этом возможны отклонения и некоторая непоследовательность, поскольку не всегда ясно, следует ли считать то или иное конкретное слово вошедшим в русский язык.

Так как в таджикском языке ударение падает на последний слог и это правило нарушается лишь в определенных случаях (например, не получает ударения изафет, произносящийся слитно со словом), то в тексте иногда, а в указателях вез-

де дается ударение, падающее не на конец слова, во всех остальных случаях следует читать с ударением на последнем слоге.

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить всех тех, кто своими советами, замечаниями, порой предоставлением для использования своих материалов помог завершить эту многолетнюю работу по освещению различных сторон жизни кварталов дореволюционной Бухары. Их помощь и советы особенно понадобились при исследовании истории кварталов, выполненном не только на основе этнографических данных, но и с привлечением письменных источников. Особую благодарность выражаю А. М. Беленицкому, О. Д. Чехович, Е. А. Давидович, М. Г. Рабиновичу, А. К. Писарчик, Е. М. Пещеревой, а также всему сектору народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых интересных проблем истории стран Востока является история городской жизни и история городов. Особую актуальность имеет изучение «внутреннего строя» феодального города [1]. Эта проблема многогранна, она включает в себя целый ряд частных задач. Сюда входит исследование этногенеза городского населения, его занятий и всей организации производственной и иной деятельности горожан, сословного и социального строя городского общества со свойственными ему противоречиями и борьбой и, наконец, раскрытие своеобразных форм городского быта, сложившихся в той или иной стране.

Интерес к исследованию этих вопросов определяется ориентацией современной исторической науки, особенно стоящей на позициях марксизма-ленинизма, на изучение положения и условий жизни народных масс. Это направление успешно развивается советскими историками. В историографии Средней Азии все более глубоко изучаются вопросы производственной жизни, социальных отношений, быта. В такие исследования теперь вовлечена наряду с другими историческими дисциплинами и этнография. В качестве своего основного источника она пользуется непосредственными наблюдениями и сообщениями наших современников. Среди самых пожилых людей были такие, молодость которых прошла в дореволюционное время, когда среднеазиатский город еще оставался феодальным. Их рассказы позволяют проникать во внутреннюю жизнь феодального города.

Для Бухары это было время правления последних эмиров — Ахад-хана и Алим-хана, период господства феодального общественного строя. В производственной жизни (и в сельском хозяйстве, и в городском ремесле) господствовали феодальные отношения, а в городах ханств и отчасти Туркестан-

[1] Так сформулировал задачу крупнейший советский историк-востоковед И. П. Петрушевский («Городская знать в государстве Хулагуидов»,— «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 80).

ского края сохранялся в полной неприкосновенности традиционный бытовой уклад, весь «внутренний строй» феодального города.

Одной из важных черт этого внутреннего строя была сама структура города, членение его на отдельные части. Это членение сложилось в процессе развития города и сохраняло еще в период позднего феодализма непосредственную связь и с его историей, отдельные этапы которой отразились в глубоко традиционной структуре города, и с повседневной жизнью горожан.

От глубокой древности шла традиция членения города на две или четыре части, обнаруженная во многих городах Средней Азии[2]. Эта традиция не потеряла своего значения до начала XX в. Возможно, она восходит к очень раннему членению древних поселений на «две половины, представляющие собой каждая замкнутый, сплошь застроенный квартал». Генезис этого явления С. П. Толстов видит в «архаичной традиции дуального деления поселений»[3].

Отмеченное выше деление городов на четыре части, несомненно, представляет собой ту же, что и двухчастная, но усложненную структуру, ее дальнейший этап, дальнейшую эволюцию деления городов на две части, которое сохранялось в Шахрисябзе и Ходженте[4].

Наряду с сохранением пережитков этой древнейшей структуры, перешедшей в сферу административного устройства городов и потому не исчезнувшей вплоть до начала XX в., сохранялось не менее традиционное деление городов (как и крупных селений) на мелкие ячейки — жилые кварталы.

Кроме этих хорошо сохранившихся и потому отмеченных всеми исследователями среднеазиатских городов структурных элементов — двух- или четырехчастного членения, с одной стороны, и деления городов на жилые кварталы — с другой, по мере изучения городов и их исторической топографии все яс-

---

[2] Деление Ташкента на четыре части было описано еще в 70-х годах XIX в.: Н. А. Маев, Азиатский Ташкент,— «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 262. Также см.: А. А. Диваев, Предание о возникновении азиатского города Ташкента,— газ. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1900, № 91; Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза,— сб. «عقد الجمان В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 109; О. А. Сухарева, Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане,— «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», XXX, 1958, стр. 122—123; ее же, Бухара. XIX — начало XX в., М., 1966, стр. 88—91.

[3] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 282, 285 и др.

[4] О делении на две части дореволюционного Ходжента см.: Н. Турсунов, Ходжент и его население (конец XIX — начало XX в.),— «Очерки из истории северных районов Таджикистана», Ленинабад, 1967, стр. 26. О делении Шахрисябза см.: О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 130.

нее проступают следы еще одной — промежуточной — структурной ступени: выделение отдельных районов города, которые, на современный лад, могут быть названы «микрорайонами». Подробнее они будут рассмотрены в дальнейшем.

Самым жизненным оказалось деление городов на жилые кварталы. Оно полностью сохранялось до Октябрьской революции и начало изживаться лишь в процессе коренной реконструкции городов. Там, где такой коренной реконструкции и перепланировки не произошло, жилые кварталы существуют и поныне, сохраняя многие черты, характеризовавшие их бытовой уклад в дореволюционное время. Быт квартала еще не совсем ушел в прошлое, наиболее пожилые наши современники хорошо его помнят. Поэтому изучение быта квартала по этнографическим данным оказалось весьма эффективным, тем более что в письменных источниках о внутренней жизни кварталов нет или почти нет никаких сведений; мы находим в этих источниках в основном лишь названия кварталов.

Опыт этнографического изучения городов показал, что именно жилой квартал при его тщательном и детальном изучении дает ключ к пониманию города в целом. Каждый горожанин хорошо знал, как правило, только свой квартал, где обычно его предки жили не одно поколение, и лишь о нем мог сообщить достаточно подробные и надежные сведения. Поэтому с обследования жилых кварталов — каждого в отдельности или по группам — целесообразно начинать этнографическое изучение всякого города. Это даст возможность понять не только его топографию, но и установить во всех деталях состав его жителей, выяснить, по их семейным преданиям, многие особенности формирования современного городского населения, так как предания охватывают нередко период в два-три столетия. Изучение кварталов позволяет исследовать занятия горожан и социальную структуру городского общества на последнем этапе феодальной формации.

Традиционный бытовой уклад жилых кварталов рассматривается в этой книге на примере Бухары. Но материалы о других среднеазиатских городах, засвидетельствовавшие неизменность их членения на жилые кварталы, позволяют предположить, что описываемые ниже особенности организации внутреннего быта кварталов, а также пути их формирования и эволюции свойственны не только Бухаре, но и среднеазиатскому феодальному городу вообще, по крайней мере на позднейшем этапе его существования.

Изучение кварталов Бухары раскрыло их социальное значение, показало, что жилой квартал был не только территориальной единицей: его жителей объединяли своеобразные общественные связи, которые определили формы быта горожан и самый характер средневекового жилого квартала. Этот воп-

рос почти не находил отражения в обширной литературе, посвященной городу, как восточному, так и европейскому, в частности русскому, также знавшему членение на отдельные ячейки — «концы» или слободы.

Деление среднеазиатских городов на кварталы давно обратило на себя внимание. Мимо этого не мог пройти такой наблюдательный ученый, как Н. Ханыков. Он первый из всех писавших о среднеазиатских городах отметил такую малозаметную для постороннего наблюдателя сторону жизни города, как организация жизни горожан в рамках кварталов. Ханыков правильно поставил кварталы в связь с приходами и указал на особую роль имамов приходских мечетей и старост кварталов «в надзоре за нравственностью жителей»[5]. Также впервые описал Ханыков «кварталы иноверцев»; в Бухаре это были кварталы, населенные евреями. Определенный интерес имеет его сообщение о том, что они образовались на пустырях, считавшихся собственностью казны и продававшихся эмиром «по чрезмерно высоким ценам». Покупать были вынуждены те, кому было запрещено селиться в кварталах, где жили мусульмане.

Сведения о кварталах среднеазиатских городов значительно пополнились после присоединения Средней Азии к России. А. Кун, побывавший в Китабе и Шахрисябзе с русскими войсками, составил список кварталов этих городов (по Шахрисябзу неполный) [6]. Особенно точные и подробные данные были собраны о кварталах Ташкента[7]. В советское время, в связи с углублением исторических исследований, внимание ученых в числе других тем привлекли и вопросы структуры городов. Были опубликованы полные списки кварталов Ташкента[8], Ходжента[9], Куляба и Кабадияна[10]. Историком А. Мухтаро-

---

[5] Н. Ханыков, Городское управление в Средней Азии,— «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1844, кн. 5, стр. 345—347.

[6] А. Кун, Очерки Шагрисебзского бекства,— ЗИРГО по отделению этнографии, т. 6, 1880.

[7] Н. А. Маев, Азиатский Ташкент, стр. 263—269. Эти данные повторил А. П. Шишов в своей книге «Сарты», ч. I («Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл.», кн. XI, Ташкент, 1904, стр. 50).

[8] В. А. Шишкин, О названиях ташкентских махалля,— «Бюллетени Ташкентского новогородского Исполкома», 1925, № 4—5; Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза; К. Фазилова, Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,— «Научные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4, Ташкент, 1961.

[9] А. Е. Маджи, К истории феодального Ходжента,— «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945; Н. Турсунов, Ходжент и его население.

[10] А. П. Колпаков, Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба,— «Изв. АН ТаджССР, Отд. общественных наук», вып. 5, Сталинабад, 1954; его же, Из недавнего прошлого Кабадияна,— МИА, 1953, № 37.

ым (Душанбе) изучены кварталы г. Ура-Тюбе (готовится публикация). Перечень кварталов небольших городов Бухарского ханства — Каратага и Гиджувана — имеется в книге Е. М. Пещеревой, посвященной гончарству [11]. На схематическом плане Шахрисябза, опубликованном М. Е. Массоном, намечено местоположение кварталов по их социальному признаку (кварталы знати, духовенства, ремесленников [12]); но так как источник сведений об этих кварталах не указан, так же как и время, к которому они относятся, использовать его для исследования о кварталах невозможно. Автор этих строк опубликовал списки и план расположения кварталов Бухары, Карши и Шахрисябза с краткой характеристикой кварталов [13]. В рукописи остаются списки кварталов городов Ферганской долины: Коканда и Андижана [14], Маргелана и Риштана [15]. Таким образом, к настоящему времени накоплен значительный материал для суждения о структуре среднеазиатских городов в отношении состава их жилых кварталов.

Первые данные о кварталах Бухары начала XX в. или, вернее, о квартальных мечетях города содержались в экспликации к плану Бухары, составленному военными топографами Парфеновым и Фениным [16]. Так как находившиеся в кварталах мечети были в подавляющем большинстве приходскими и носили те же названия, что и кварталы, их перечисление в экспликации дало нам в руки довольно полные сведения о числе, названиях и расположении бухарских кварталов. Приступая к изучению города Бухары, автор этих строк нашел в экспликации к плану ту исходную точку, с которой он мог начать свое исследование [17].

---

[11] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 136, 186—187.

[12] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке,— «Труды САГУ», н. с., вып. LXI, Ташкент, 1953, стр. 33.

[13] О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, план г. Бухары (стр. 96), стр. 112, 115—116, план г. Шахрисябза (стр. 128).

[14] Составлены А. К. Писарчик, но, к сожалению, не вошли в ее опубликованную статью «Некоторые данные по исторической топографии Ферганы» («Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа», Сталинабад, 1956). Не опубликовано специальное исследование А. К. Писарчик о кварталах Коканда.

[15] Составлены автором этой работы.

[16] Экспликация была издана в виде книжечки малого формата Штабом Туркестанского военного округа в 1911 г.

[17] О существовании плана расположения квартальных мечетей Бухары, составленного Л. И. Ремпелем на основе плана Парфенова—Фенина для его работы по исторической топографии Бухары, автор настоящих строк, к сожалению, узнал после опубликования своей книги «К истории городов Бухарского ханства». Л. И. Ремпель использовал собранные им материалы о кварталах Бухары позже в своей статье «Из истории градостроительства на Востоке» (сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962).

Тщательное изучение городских кварталов в натуре и нанесение их на план позволило надежно установить число и местонахождение всех кварталов конца XIX — начала XX в. и выяснить характер каждого квартала в отдельности: количество домовладений, этнический состав жителей, их занятия, детали топографии; фиксировались находившиеся в квартале примечательные здания, кладбища и святыни.

Несмотря на то что изучение Бухары было начато автором этих строк уже в послевоенные годы (с 1947 г.), когда бухарские кварталы почти перестали существовать, заменившись 16 домоуправлениями, на которые был разделен город, а сама Бухара значительно изменилась в своем объеме и топографии, все же оказалось возможным собрать достаточно полные сведения. Неоценимой была помощь многочисленных информаторов, происходивших из разных кварталов. Их сообщения позволили восстановить всю структуру города и сделать описания каждого его квартала в отдельности.

С целью исследования истории кварталов были привлечены и письменные источники. Немало упоминаний кварталов имеется в таких сочинениях местных авторов, как «История Бухары» Мухаммада Наршахи[18], «Книга Мулло-зода»[19] и «Подарок паломникам»[20]. Два последних представляют собой путеводители по бухарским святыням: один — составленный в XV в., а другой, мало отличающийся от предыдущего,— в начале XX в. Особенно ценными для нашего исследования явились официальные акты, в которых указания на кварталы — если речь идет о городе — были обязательны при оформлении всевозможных сделок в отношении недвижимости. Эти материалы привлекаются для выяснения истории конкретных кварталов.

Понятно, что в письменных источниках такого рода упоминания жилых кварталов более или менее случайны. Порой одно название встречается много раз, другое не встретишь ни разу, что, конечно, не значит, что такого квартала не существовало. Не охватывая всего города в целом, сведения, полученные из письменных источников, не дают основания

---

[18] Критический текст был издан Шарлем Шефером в 1892 г. (Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nershakhy. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892). Русский перевод Н. Лыкошина 1897 г. (Мухаммад Наршахи, История Бухары, Перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897); английский перевод Р. Фрая 1954 г. (The History of Bukhara. Transl. from a Persian Abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954).

[19] مرغوبۀ پسندیدۀ زائران مسمی بملازاده Автор — Ахмед бен Махмуд, по прозвищу Му'ин ал-фукаро, литогр. изд., Новая Бухара, 1904.

[20] تحفة الزائرين литогр. изд., Бухара (Каган), [б. г.].

для суждения о том, сколько кварталов было в тот или иной период его истории, т. е. какова была тогда структура города. Но сопоставление этих данных с этнографическими, охватившими весь город, позволило лучше понять в их конкретном значении те сведения, которые имеются в письменных источниках. Оказалось возможным локализовать кварталы, упомянутые в разных источниках прошлых веков, и таким образом связать эти названия с реальной территорией города. Удалось также, сопоставив письменные и устные данные, установить историю членения некоторых кварталов, т. е. выявить самый механизм появления новых кварталов, и таким образом проследить процессы, происходившие в жизни феодального города на разных этапах его истории. Выявился в конкретных данных рост города в одни периоды и уменьшение его в другие. Уклад жизни населения кварталов в конце XIX — начале XX в., раскрытый этнографическими данными, позволяет судить, каковы могли быть кварталы в прошлом и какую роль они играли в жизни горожан.

В этой книге, завершающей публикации автора по истории Бухары [21], ставится специальная задача исследования кварталов — их специфического быта и их истории, насколько оказывается возможным проследить ее по источникам, которыми мы располагаем. Результаты исследования жилого квартала Бухары, вероятно, представят интерес не только для истории восточного феодального города, поскольку в этом своеобразном историческом феномене нашла выражение одна из специфических черт, свойственных феодальному общественному строю вообще.

---

[21] См. работы О. А. Сухаревой: К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки), Ташкент, 1958; Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в. (Ремесленная промышленность), Ташкент, 1962; Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население), М., 1966 (далее — «Бухара...»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

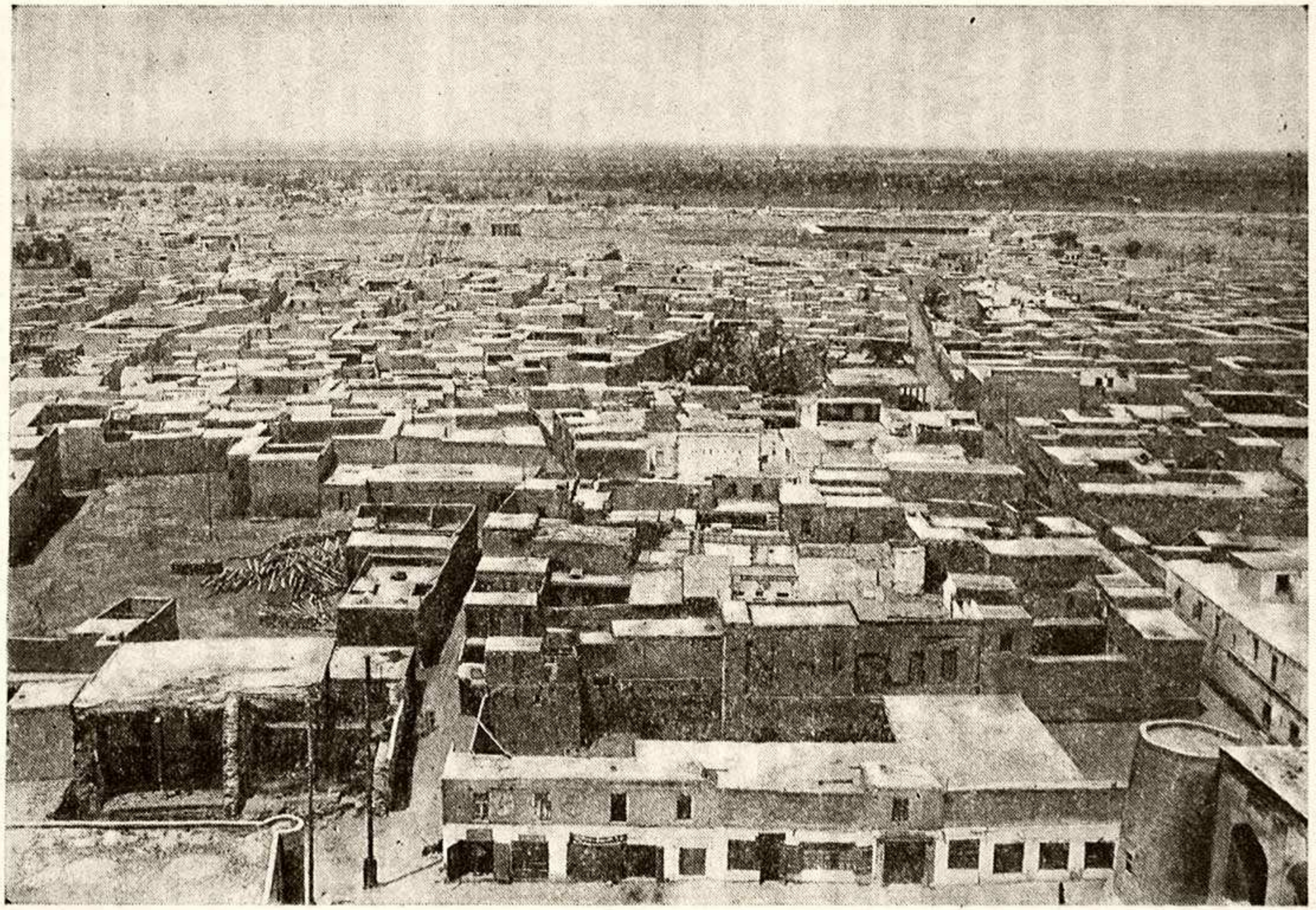
ВНУТРИГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

1. Жилой квартал, его административно-социальное значение и быт

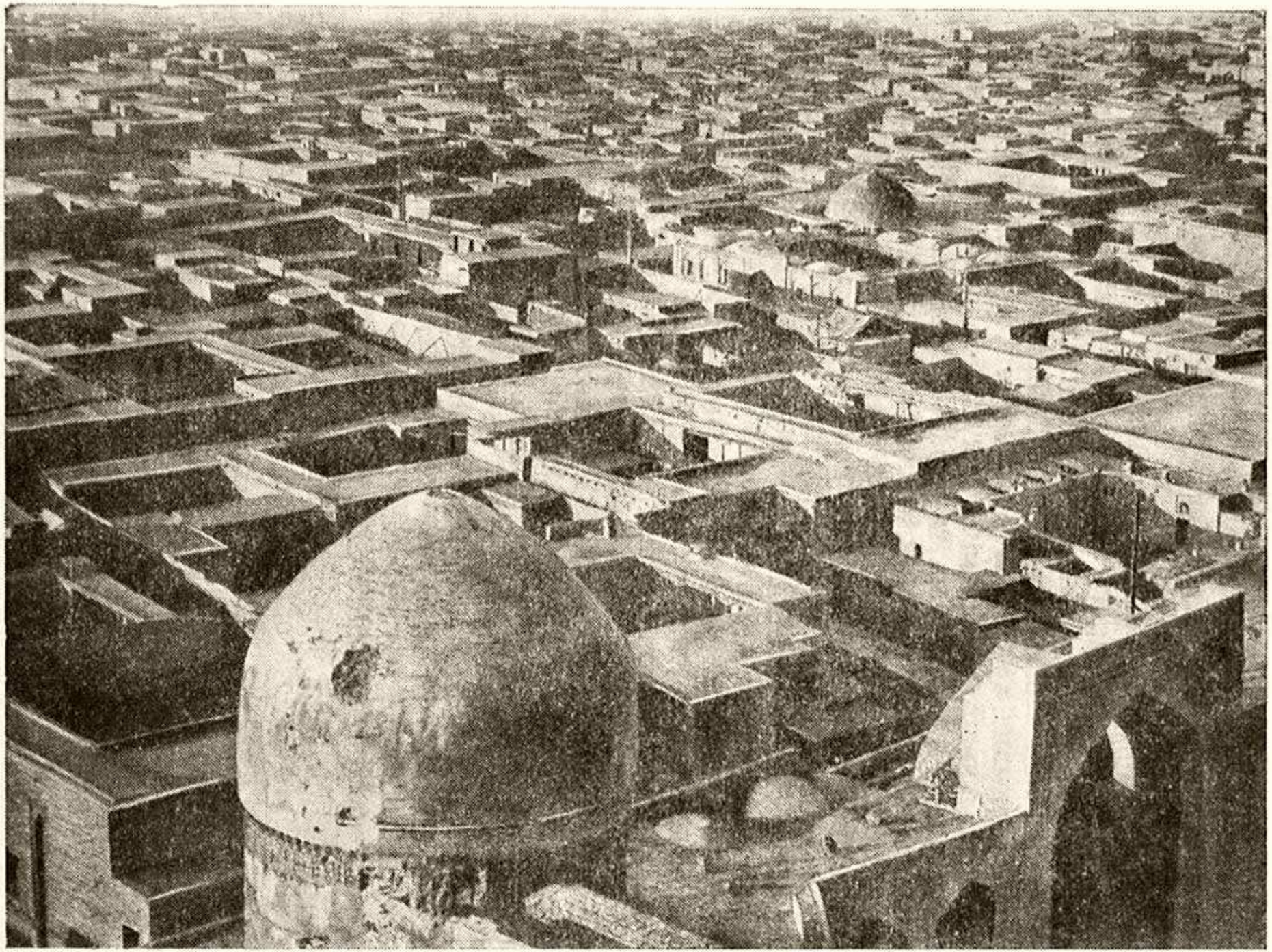
Членение городов на жилые кварталы для феодального общества было закономерным: оно коренилось в свойственном феодализму замыкании людей в ограниченных узкими рамками группах, объединенных либо родственными узами или общим происхождением из одного места, либо профессиональными связями, либо проживанием на общей замкнутой территории. Последнее и лежало в основе выделения жилых кварталов в структуре феодального города.

Жилой квартал восточного феодального города, изученный нами на материалах Бухары, с привлечением сравнительных данных по другим среднеазиатским городам и частично селениям, был явлением чрезвычайно своеобразным. К нему только условно может быть применен термин «квартал». В современном европейском понимании квартал — это группа домов, обычно занимающих площадь более или менее правильной прямоугольной формы, ограниченную со всех четырех сторон улицами. Таким образом, улица отделяет один квартал от другого, и дома, стоящие по разным сторонам ее, относятся к разным кварталам; улица как бы изолирует их друг от друга. В среднеазиатском феодальном городе, наоборот, улица соединяла живших на ней людей, была центром, сердцевиной квартала. Квартал включал в себя все дома, стоявшие по обеим ее сторонам и в отходящих от нее переулках и тупичках. Границы между кварталами шли по задним стенам домов и усадеб, обращенных на разные улицы[1]. Благодаря этому кварталы были отделены друг от друга глухими стенами, а

[1] Разделяющую роль в старом среднеазиатском городе играли лишь некоторые уличные магистрали, по сторонам которых располагались торговые ряды. Примером такой разделяющей улицы в Бухаре был проспект Хыёбон, известный под этим названием с XVI в. Проходя в меридиональном направлении, он отделял от остального города ту его часть, которая называлась Джуйбар и была включена в городскую черту при перестройке городской стены во второй половине XVI в. По-видимому, проспект Хыёбон прошел по линии этой старой стены.



Общий вид жилой застройки



Общий вид жилой застройки

вместе с тем переплетались в сплошной массив. Эта структура жилой части города была необходима и целесообразна в условиях феодализма с его частыми междоусобными войнами, набегами и нашествиями. Замкнутость квартала обеспечивала его жителям защиту. Перегородив улицу воротами, они превращали квартал в своего рода крепость, препятствуя до известной степени вторжению врагов. Ворота запирались на ночь, их значение для безопасности жителей было вполне реально.

В Бухаре такие ворота, стоявшие поперек улиц, ведших в некоторые кварталы, имелись еще в начале XX в. Для них был и специальный термин: они назывались «дарвоза́йи калон» — «большие ворота». Такие ворота преграждали вход, например, в квартал Хонако (в Джуйбаре), где жили знаменитые еще с XVI в. джуйбарские ишаны. Сохранение там ворот вызывалось тем, что в этом квартале находилась мечеть джуйбарских ишанов, считавшаяся святыней и охранявшаяся от осквернения. Вторые «большие ворота» сохранились в квартале Амири, который находился в торговом центре города. Вдоль улицы квартала располагались ряды торговцев обувью, и ворота поддерживались в их интересах, позволяя оставлять в лавках товары на ночь. Ворот было двое, они стояли на обоих концах этой улицы. Пожилые бухарцы вспоминали, что когда-то такие ворота имелись также в одном из кварталов, помещавшихся у северного конца проспекта Хыёбон, но они давно исчезли. До конца XIX в. существовали подобные ворота в пригородном селении Кумработ (за воротами Шергирон). По-видимому, ворота, закрывающие вход в кварталы, были и в Бухаре эпохи Наршахи. Вероятно, такие внутригородские ворота дали названия упоминаемым им кварталам Дарвозача и Ворот Мансура. Имел ворота и квартал Аъло, застроенный богатым дехканом Хасаном, сыном Аъло. Этот квартал был защищен оградой (خطيره), в то время как квартал Дарвозача и квартал Ворот Мансура могли не иметь стен, как это было в описанных выше кварталах Бухары начала XX в., имевших ворота, но не стены.

Система охранительных сооружений кварталов, изученная нами на примере некоторых кварталов Бухары XIX — начала XX в., сложилась в условиях уплотненной городской застройки, явившейся результатом уже значительного развития города [2]. Система защиты территории квартала воротами, пре-

---

[2] Такое устройство жилых кварталов делает весьма затруднительным определение границ и нанесение их на план; это возможно лишь при фиксации каждого домовладения в отдельности. Это было выполнено по Шахрисябзу, уникальный план которого благодаря любезности инженера А. В. Земляницына был опубликован в книге О. А. Сухаревой «К истории городов Бухарского ханства».

граждавшими вход в него, была характерна не только для Бухары. В. В. Бартольд пишет, что «из современных городов Хамадан не имеет общих городских стен, но между отдельными кварталами есть ворота, запирающиеся на ночь; такие же ворота устроены при выходе улиц за город»[3]. Из этого видно, что представление о том, что кварталы средневекового феодального города были окружены стенами[4], справедливо далеко не во всех случаях. В уплотненной городской застройке они не были необходимы, стены могли окружать лишь такие кварталы, которые, как говорит Наршахи, «были удалены и отделены друг от друга»[5].

Каждый квартал имел свое название, а иногда и несколько: наряду с официальным в обиходе были распространены и другие, иногда более популярные. Официальное название чаще всего было названием квартальной мечети, обиходное отражало либо состав населения, либо какую-нибудь топографическую особенность квартала. Например, квартал, официально называвшийся Мулло Шамси-Мухаммад (по имени лица, отстроившего на свои средства квартальную мечеть), в народе был больше известен как квартал Шаршара — «Водопад» (так как на протекавшем через квартал арыке имелся водопадик), или Бозори алаф — «Сенной рынок»: на его территории находился базар, где продавался корм для скота.

Квартал был ячейкой феодального города не только в территориальном отношении. Он являлся административной единицей, с которой имели дело городские власти, действовавшие через старшин кварталов.

В отношении состава населения кварталы Бухары XIX — начала XX в. были неодинаковыми. В отдельных кварталах, а иногда в нескольких соседних наблюдалась тенденция к образованию компактных однородных групп соплеменников или земляков, переселившихся откуда-нибудь в Бухару, или тенденция к некоторой концентрации ремесленников одной специальности, составлявших во многих кварталах большую часть жителей. Наряду с тем имелось много кварталов, где селились ремесленники разных специальностей или же они жили смешанно с другими слоями населения: с торговцами, духовенством, знатью; иногда однородные по происхождению или по занятиям группы жителей занимали на территории квартала свое обособленное место. Смешанно с основ-

---

[3] В. В. Бартольд, Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 157.
[4] И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 87; Вл. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 125.
[5] Наршахи, История Бухары, текст, стр. 52; пер., стр. 69.

ным суннитским населением жили шииты. Большинство бухарцев-шиитов находилось на положении свободных; из их среды вышло много сановников, но в основном это были ремесленники, среди них имелись и потомки рабов[6]. Иноверцы же (в условиях Бухары в основном евреи) не могли жить в мусульманских кварталах.

Особенно неоднородным было население квартала в социальном отношении: в одном квартале жили богачи и бедняки, знать и простой народ, «чернь» (карача) и ходжи. Лишь последние иногда занимали определенную часть квартала, что было связано с их поселением вокруг родовой святыни (обычно около могилы их родоначальника), если она находилась на территории квартала. В некоторых кварталах было много представителей военно-служилого сословия, принадлежавшего к привилегированным слоям, но и в таких случаях в квартале кроме них проживал простой люд. Семьи военно-служилых людей чаще жили в разных кварталах, где им предоставлялись казенные квартиры или где они осели, купив дом.

Обычно это были семьи узбеков, приехавших в Бухару из тех районов, на которых лежала повинность поставлять воинов — наукеров. Из их среды выходили семьи знати; они держались в квартале несколько особняком, но, прожив там не одно поколение и за это время нередко утратив свое привилегированное положение, сливались со своими соседями по кварталу, иногда усвоив их профессию и таджикский язык[7].

Социальное неравенство соседей по кварталу нисколько не нарушало ни установленного издревле бытового уклада, ни классовых привилегий. Наоборот, для богатых и знатных семей такое соседство представляло много удобств: они всегда находили около себя людей, которые не могли отказать им в услугах. Нам кажется маловероятным наличие кварталов одного социального облика и в прошлом, как это дано на плане Шахрисябза, составленном М. Е. Массоном, руководствовавшимся, несомненно, названиями кварталов: в северо-западном секторе города им указаны «кварталы знати и духовенства»[8]. Для XIX — начала XX в. здесь отмечены кварталы Эшон, Ходжа и Супи, но, по собранным нами сведениям о населении этих кварталов, в прошлом в этих кварталах жило не духовенство, а ткачи чалм и вырабатывалась

---

[6] О различном происхождении и положении форсов в Бухаре см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 158—159.

[7] Там же, стр. 134, 146.

[8] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, стр. 33 (схематический план Шахрисябза).

бумажная пряжа[9]. Вероятно, названия этих трех кварталов были даны им по проживавшим там в тот или иной период семьям духовенства и ходжей, которые, видимо, не являлись единственным населением этих кварталов.

При всей неоднородности жителей квартала — их классовом неравенстве, взаимной несвязанности их (в большинстве случаев) отношениями производственными и профессиональными — они были объединены в общину. Это соединяло все семьи квартала личными связями, общими интересами и обязанностями, участием в общих делах.

Условием для вхождения в общину было проживание на территории квартала; это автоматически включало семью, поселившуюся в квартале, в состав общины. Сохранились слабые следы былой общинной собственности на эту территорию. Выражением ее было соседское право: несмотря на то что дома находились в частной собственности жителей квартала и могли покупаться и продаваться, свобода продажи была ограничена соседским правом, согласно которому продавать домовладение постороннему можно было только после того, как от покупки его откажутся соседи. При оформлении сделки на продажу недвижимости у казия считалось необходимым их присутствие, и казий должен был задать им прямой вопрос, не хотят ли они воспользоваться своим соседским правом (хáккы шафáтатона мегиред-ми?). В отличие от шариатского соседского права, распространявшегося лишь на тех, кто непосредственно граничил с домовладением, обычай распространил соседское право на всех жителей квартала. На дома в Бухаре конца XIX — начала XX в. был большой спрос, и нередко вокруг их продажи разгоралась борьба. Когда кто-нибудь намеревался продать дом, обычно об этом знали все в квартале. Если хозяин дома или квартальный старшина, который являлся непременным посредником при всех подобных сделках, пытались продать дом чужому, поднимался шум (шафатталош) и право на покупку домовладения оспаривали не только непосредственные соседи, но, если последние отказывались от покупки, претендентами с полным правом могли выступить другие жители квартала. Правда, на практике их права не всегда соблюдались. Если нарушение шариатского соседского права давало возможность оспаривать продажу домовладения постороннему судебным порядком, то при нарушении права, распространенного обычаем на всех членов соседской общины, протест мог выражаться лишь в общем неодобрении, которое вызывала семья, решившаяся поселиться в квартале наперекор обычаю. Этот обычай признавался всеми, его сохранение

[9] О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, стр. 135 и 128 (схематический план).

в Бухаре начала XX в. говорит о живучести пережитков общинного права на территорию квартала [10].

Большое значение для объединения жителей квартала в общину имели всякого рода общественные работы, связанные с его благоустройством. В организации таких работ в Бухаре наблюдалось некоторое отличие от других городов Средней Азии. Здесь работы выполнялись преимущественно наемными работниками, а оплата производилась в складчину. Помочь (хашар) — выполнение какой-нибудь работы силами жителей квартала, что было очень распространено в других среднеазиатских городах,— в Бухаре почти не практиковалась. Это объясняется, вероятно, большей по сравнению с городами Туркестанского генерал-губернаторства степенью разложения общинных связей в условиях столицы восточной деспотии, где население было дифференцировано не только в социальном, но и в сословном отношении. Это делало невозможным участие всех жителей квартала в общей работе, ставило некоторых из них в привилегированное положение. В оплате же работ по кварталу они могли участвовать, внося долю, приличествующую их общественному весу.

Пользуясь территорией квартала, его жители должны были обеспечить ее хорошее содержание. Каждая семья наблюдала за чистотой улицы около своего дома. Но если квартал имел большую территорию, а особенно если на ней имелся небольшой базарчик, что отмечалось в отношении многих бухарских кварталов, то квартальная община нанимала специального человека (фаррош), на обязанности которого лежала поливка и подметание территории квартала.

Среди общественных работ по благоустройству квартала важную роль играла забота о водоснабжении. В условиях столичного города большая часть этой работы была переложена эмирскими властями на плечи крестьян из окружавших город селений. Ежегодная очистка городского канала Шахр-руд, подводившего воду из Зеравшана, была их повинностью. Организацией этой работы ведал городской мираб. Как говорили, «Очистка Шахр-руда была за мирабом»

---

[10] Это право было еще более живучим в Ташкенте, где жители квартала владели сообща не только территорией квартала, но и участками пахотной земли за городом. Жалобы жителей кварталов на захват этой земли отдельными лицами или прошения о выделе участка общественной земли в частную собственность встречаются в отдельных архивных документах дореволюционного времени (Государственный архив УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 1913, лл. 14—16). См.: М. Рузиева, О занятии земледелием жителей города Ташкента (конец XIX — начало XX в.),— сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 75—76. Факт наличия в Ташкенте у жителей кварталов общинных земель отмечен также историком Ф. Азадаевым в его работе «Ташкент во второй половине XIX в.» (Ташкент, 1959, стр. 178, 180).

(Шахр-руда тоза карда́наш та́ни ми́ри об буд). На эту работу, которая, несмотря на ее принудительный характер (в отличие от помочи), тоже называлась «хашар», он собирал жителей окрестных кишлаков, земли которых орошались этим же каналом. Они очищали и ту его часть, которая проходила по территории города.

Уход за мелкой внутригородской сетью считался делом народа (халк), обязанностью всех водопользователей. Но в Бухаре эта сеть имела свои особенности: здесь воды было так мало и она поступала с такими перерывами [11], что текучей водой бухарцы в отличие от жителей других городов пользоваться почти не могли. На большей части территории Бухары не было арыков, протекающих через домовладения. Арыки шли к общественным хаузам, которые были основными источниками воды в Бухаре. Поэтому здесь для очистки арыков, протекавших через квартал, чаще всего делались складчины и нанимались работники.

Основная забота направлялась на хаузы. Важным делом была и постройка, и очистка хаузов. Каждым из них пользовался либо один квартал, либо несколько соседних. Иногда хауз строился на средства богатого или знатного жителя квартала, желавшего таким образом увековечить свое имя, иногда — на средства казны. Лишь отдельные, притом небольшие, хаузы сооружались квартальной общиной, собиравшей деньги и нанимавшей работников и мастера-специалиста. Случаи, когда эту работу выполняли сами члены общины, нам неизвестны.

Очистка хаузов, которая должна была производиться ежегодно, тоже не входила в обязанность квартальной общины. Это делали водоносы, объединявшиеся в группы вокруг определенного хауза, из которого они разносили воду [12]. Вероятно, они при этом очищали и арык, подававший в этот хауз воду и выведенный из большого городского канала. Таким образом, жители столицы были почти полностью освобождены от заботы о воде, которая в других городах представляла одну из важнейших материальных основ общинных связей между жителями квартала.

Кроме права на территорию квартала все члены квартальной общины имели право пользоваться находившимися там общественными зданиями и целым рядом предметов. В общем владении находились большой котел для варки пищи на общественно-семейных пиршествах и другие необходи-

---

[11] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 27—29. Схематический план водной системы города Бухары опубликован в статье: Л. М. Исаев, Ришта и ее ликвидация в Узбекистане,— «Труды узбекистанского Института малярии и медицинской паразитологии», т. II, Самарканд, 1956.

[12] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 317, 320.

мые для этого предметы: блюда, чашки (коса), ложки, большие скатерти (дастархон). Общине принадлежали хранившиеся при мечети похоронные носилки, в которых относили на кладбище покойников из этого квартала, а также несколько пар сапог, которые надевали в грязную погоду те, кто брал на себя обязанность нести гроб. Неотъемлемую собственность квартальной общины представляла собой, по существу, и квартальная мечеть, хотя она юридически и не считалась чьей-либо собственностью, а сама признавалась юридическим лицом, собственником вакуфного имущества, в которое могли входить и различные доходные статьи (земля, торговые помещения, жилые дома), и необходимые для общественных нужд предметы.

Характерное для городов Средней Азии большое значение мечети в жизни квартала обусловливалось двумя причинами, имевшими различное происхождение. Наиболее очевидна была роль мечети как места совершения официального культа, значение которого в жизни населения Средней Азии было гораздо большим, чем в христианских странах. Государство носило теократический характер и требовало неукоснительного выполнения всех предписаний государственной религии, в число которых входило совершение ежедневных общественных пятикратных молитв (намóзи панджвакти). В Бухаре выполнение горожанами этой обязанности находилось под бдительным надзором специального чиновника — раиса, разъезжавшего по городу со своей свитой, в которую входил и специальный плетеносец (даррадаст). Ранним утром раис наведывался то в одну приходскую мечеть, то в другую, проверяя, являются ли мужчины квартала на первую, совершавшуюся перед рассветом молитву (намóзи бомдод). Осведомившись у имама, кого из прихожан нет, раис посылал за виновным на дом, и если уважительных причин не находилось, то либо ограничивался строгим внушением, либо, не найдя смягчающих вину обстоятельств (среди которых большое значение имели знатность и богатство провинившегося), приказывал плетеносцу наградить нерадивого несколькими ударами плети. Среди дня, когда большинство мужчин расходилось по своим делам и не могло присутствовать на намазах в мечети своего квартала, молитву совершали там лишь престарелые люди, оставшиеся дома.

Обязательность совершения первой молитвы в приходской мечети своего квартала делала последнюю необходимой в квартале с точки зрения не только властей, но и населения: мечеть должна была находиться поблизости от их жилищ, чтобы облегчить явку на раннюю предрассветную молитву. Поэтому, когда мечеть оказывалась слишком далеко от какой-нибудь части квартала, его обитатели иногда предпочи-

тали выстроить себе новую, чем ходить в другой конец. Так произошло, например, в квартале Шахри нау, территория которого была вытянута вдоль западной стены города, а мечеть находилась в северном конце.

Содержание мечети с ее причтом и обзаведение необходимым для ритуала инвентарем были тяжелой повинностью, нести которую мог только коллектив. Таким коллективом и являлись жители квартала, составлявшие в Бухаре один приход.

Второй причиной, делавшей роль мечети в Бухаре особенно важной, было ее значение как центра общественной жизни квартала. В отличие от других городов Средней Азии в Бухаре не было квартальных чайхан, которые играли бы роль своеобразных клубов; не знали бухарцы обычая кейфовать в чайхане с друзьями, как ташкентцы и особенно ферганцы. В Бухаре чайхана (в конце XIX — начале XX в., носившая название самоворхона) была лишь заведением, где продавался кипяток и куда из каждого дома посылали за ним. В бухарских чайханах, расположенных на базарах, пили чай и закусывали лишь приезжие, не имевшие в городе пристанища. Коренные бухарцы считали это для себя не совсем приличным. Здесь единственным местом, где могло происходить постоянное общение между мужчинами — жителями квартала, была мечеть, в которой осуществлялись многие аспекты общественной жизни. Там мужчины регулярно встречались друг с другом, нередко оставаясь на краткий часовой перерыв между двумя послеполуденными молитвами. Проводя это время в беседах, они обсуждали вопросы, связанные с жизнью квартала; в мечети же происходили выборы квартальной администрации; сюда приезжали эмирские чиновники в тех случаях, когда у них было дело к жителям квартала.

Это значение квартальной мечети в Бухаре позволяет провести прямую параллель с функцией мечети в ранее глухих районах горного Таджикистана, где мечеть была не столько местом культа, сколько общественным домом («алоу-хона»— «дом огня»), куда мужчины собирались по вечерам [13]. По-видимому, в Бухаре особое значение квартальной мечети было связано с идущей из глубокой древности традицией соединения места культа с общинным домом, совпадения мечети с центром общественной жизни.

---

[13] М. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы),— «Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1929, стр. 118—119; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966, стр. 40 и др.; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936, стр. 116—118.

Кроме мечети в общем пользовании жителей бухарского квартала находилось специальное помещение для омовений — они имелись во многих кварталах города и были двух видов: тахоратхона — место для неполных омовений, которые, по шариату, должны предшествовать каждой молитве, и гуслхона — помещения, разделенные на изолированные кабинки, где могли совершаться полные омовения. Они заключались в окатывании водой всего тела — с головы до ног — и были обязательны после супружеской близости. Как правило, такие омовения совершались дома, но наличие в бухарских кварталах помещений для полных омовений, куда имевшие нужду ими воспользоваться являлись в накинутом на голову халате (так как они не должны были показываться кому-нибудь на глаза, не очистившись омовением от скверны), несомненно, связано с пережитками древней традиции общинного быта, лучше сохранившейся в других местах [14].

Содержание помещений для омовения лежало на обязанности прихожан. Для изнеженных жителей столицы зимой вода согревалась, топливо для этого либо по очереди доставляла каждая семья, либо все жители квартала участвовали в его покупке. Квартальная община нанимала какого-нибудь бедняка из числа жителей квартала, который обслуживал помещение для омовений и подогревал воду, чтобы она была теплой к тому времени, когда начнут собираться на первую молитву. Иногда кто-либо из состоятельных жителей квартала завещал вакф специально в пользу помещения для омовений, и тогда нужные траты производились из доходов с вакуфного имущества. Так было, например, в квартале Шохи Ахси, мечеть которого считалась одной из самых богатых в Бухаре. Может быть, выгоды, которые давало жителям этого квартала отсутствие забот по содержанию мечети и помещения для омовений, были основной причиной, почему квартал Шохи Ахси сохранил единство и не разделился (как многие другие кварталы), хотя был очень велик по территории и количеству населения и в нем выделились четыре отдельные части.

Предметы, которыми была убрана мечеть (всякого рода подстилки, светильники), а также котел и посуда для общественных трапез считались собственностью всей общины. Их мог получить безвозмездно каждый, кто имел в них нужду. Наиболее ценные из этих вещей — ковры для мечети, большой котел — чаще всего жертвовались богатыми жите-

---

[14] По полевым материалам этнографа А. Давыдова, в Ходженте (современный Ленинабад) раньше широко практиковалось совершение жителями квартала полных омовений в общественных помещениях при мечетях.

лями квартала и считались вакфом. На пожертвованных в вакф котлах чеканились иногда надписи, в которых указывалось, кто и в пользу какой мечети сделал пожертвование. Вещи помельче, вроде чашек, ложек, блюд и т. п., приобретались обычно старшиной квартала на средства, которые оказывались в его руках при устройстве общественных пиршеств или поминок; иногда вещи жертвовались кем-нибудь из жителей квартала, особенно если среди них были торговцы нужными кварталу предметами или ремесленники, их производившие.

Особой заботой общины был ремонт квартальной мечети. Он производился обычно на средства жителей квартала или одного из богачей, бравшего все расходы на себя. Это считалось «богоугодным делом» (савоб) и высоко поднимало общественный вес такого человека. Затрачивая свои средства на общественные нужды квартала, богач обычно не оставался в накладе: помимо почета он получал в свое бесконтрольное распоряжение все то, что по его примеру жертвовали при строительстве «на богоугодное дело» другие жители квартала. Обычно в этих расходах принимали то или иное участие и родственники жертвователя, даже если они жили в других кварталах, а если инициатор строительства был лицом «уважаемым», т. е. богатым или знатным, то все знакомые и зависимые от него люди считали нужным внести в предпринятое им строительство и свою лепту.

Но иногда ремонт квартальной мечети делали за счет казны. Жители квартала подавали ходатайство об отпуске средств через раиса при очередном его приезде для проверки в данный квартал. Ему указывали на неисправности в здании мечети, и если он считал ремонт необходимым, то поручал администрации квартала и имаму мечети составить список расходов и либо присылал для организации работ своего чиновника («мулозим меистод»), либо поручал провести ремонт самостоятельно, обещая оплатить расходы (шумохо кунетон, мо хараджóтатона метийем). Казна оплачивала лишь материалы и труд мастеров и чернорабочих (мардикор). Полагавшееся им, по общепринятому обычаю, питание — утренний завтрак и горячую еду в полдень и вечером — обеспечивали жители квартала, сообща принимавшие участие и в расходах на угощение, и в его приготовлении.

Так же производился ремонт или строительство хаузов. В конце XIX в. в правление Ахад-хана был отремонтирован на казенный счет один из крупнейших хаузов Бухары — хауз Девонбеги. Эта работа выполнялась под руководством мастера Усто Бури-караулбеги. Тогда же казна отремонтировала хауз в квартале Мир-Дустум. Была восстановлена его облицовка камнем, от времени сильно попортившаяся. Хауз

квартала Чор корвонсарой был построен на деньги богатого афганского купца Рашида, который вел крупную оптовую торговлю чаем и подолгу жил в Бухаре; в этом квартале у него был собственный караван-сарай. За хаузом закрепилось имя строителя.

Приведенные факты показывают, что, хотя и в Бухаре жители кварталов несли определенные обязанности как члены общины, у них этих обязанностей было меньше, чем в других городах, где все работы по кварталу выполнялись или самими его жителями, или на их средства. Если учесть, что бухарцы специальным документом были освобождены эмиром Шах-Мурадом от подушного налога, в чем им была выдана тарханная грамота [15], их привилегированное положение будет очевидно.

Таким образом, квартальная община, будучи глубоко пережиточной, все же в известной степени сохраняла материальную основу, которую поддерживали и связи иного порядка.

Особенно заметную роль в объединении жителей квартала играли ритуальные пиршества. Это были либо общественные жертвенные трапезы, либо пиры по поводу семейных обрядов (свадьба, обрезание, похороны) членов квартальной общины.

Жертвенные трапезы, устраивавшиеся семьями квартала в складчину или кем-нибудь из них по обету, совершались при мечети в случаях повальных болезней или если кто-нибудь жертвовал в общую пользу продукты или скотину в благодарность за избавление от несчастья. Мужчины варили во дворе мечети особое обрядовое кушанье «халиса» (сильно разваренную кашу из пшеницы и мяса), которое раздавалось всем жителям квартала. В женском кругу также в общественном порядке весной приготовлялось обрядовое кушанье «сумаляк» — кисель из солода (сока проращенной пшеницы). Продукты тоже давали все семьи квартала, и каждая из них получала свою долю этого кушанья.

Еще большую роль в объединении жителей квартала играли семейные торжества и поминки. Они не были личным делом каждой семьи, а принимали, по обычаю, характер общественных ритуальных пиршеств или тризн.

Общественными пиршествами отмечались все важнейшие семейные события. Празднеством дважды отмечался сговор, причем на «большой сговор» в доме невесты собиралось множество гостей из кварталов как жениха, так и невесты; пиршество продолжалось целый день, с утра до вечера. Свадьба, сопровождавшаяся особенно обильным угощением, начиналась вечером в доме невесты и продолжалась

---

[15] «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 652.

на следующий день, а иногда и несколько дней в доме жениха. Пиршество, устраиваемое по поводу обрезания, длилось несколько дней, у крупных богачей — до месяца. Особенно большим числом обрядов сопровождалась смерть. Обычай требовал устройства по этому поводу цикла поминок. Взрослые жители квартала — мужчины и женщины — обязаны были прийти в дом, где кто-нибудь умер, прочесть за него молитву; все мужчины — участвовать в заупокойной молитве (джаноза) и проводить покойника на кладбище, а женщины — оплакать его дома вместе с родственницами и членами семьи. На третий, двадцатый и сороковой день в доме умершего происходили поминки, и пришедших ждало угощение. Через год устраивались последние поминки и угощение по поводу снятия траура; в угощении участвовали наряду с родственниками все жители квартала.

Приведенный перечень охватывает лишь самые главные семейные обряды, на которых бывало и обычно угощалось все население квартала. К этим обрядам добавлялся целый ряд менее важных: кроение одежд для невесты, рождение ребенка, первое положение его в колыбель, болезнь человека или его выздоровление, приезд гостя — все это также приводило в дом соседей, большее или меньшее число которых определялось важностью события и размерами приготовляемого по этому случаю угощения. Никто не должен был пережи вать или пировать в одиночку. Даже если в доме готовилось какое-нибудь кушанье получше, то и оно выходило за пределы семьи: небольшие порции посылались ближайшим соседям.

На семьях, живущих в квартале, лежала обязанность совершать все семейные обряды в соответствии с обычаем. Их число и порядок проведения требовали от каждой семьи таких тяжких расходов и столько работы, такого количества посуды и другого специального инвентаря для приготовления кушаний и угощения многочисленных гостей, что отдельной семье справиться с этим самостоятельно, без участия общины, было бы не по силам. Эта нужда в помощи большого коллектива людей при семейных обрядах и была одной из основных причин, которые придали такую живучесть общинному укладу жизни квартала.

Участие в семейном обряде множества людей считалось необходимым. Без этого невозможно было вступить в брак, как невозможно было оставить умершего без должных поминок. Обычай должен был соблюдаться и богатыми, и бедными, для которых он был совершенно разорителен. Разница между семьями разного достатка состояла лишь в числе приглашенных. Наиболее узким кругом помимо родственников были старшие члены семей, входивших в квартальную

общину. При более расширенном праздновании присутствовали все семьи квартала, от мала до велика. На богатые пиршества приглашались и гости из соседних кварталов.

Право всех проживающих в квартале участвовать в таких семейно-общественных пиршествах распространялось не только на живущих в нем постоянно, но и на тех, кто жил там временно. Так, на семейных праздниках жителей квартала Чармгарон, в котором находилось общежитие цеха ткачей (такия), присутствовали и те, кто до подыскания места останавливался там, приходя в Бухару из других мест на заработки. Всех их приглашали обязательно, потому что, как выразился пожилой житель этого квартала, «они были за нами» (уно да хисóби мо буд).

Участие в пиршествах или угощениях, устраиваемых той или иной семьей, рассматривалось как священное право и обязанность каждого жителя квартала. Не прийти было невозможно — это значило бы нанести обиду хозяину. С другой стороны, никто не хотел лишаться своей законной доли угощения.

Этот обычай был настолько распространен у всех народов, что нет нужды приводить параллели. Его обременительный ритуал имеет то же происхождение, что и известные потлачи североамериканских индейцев: он порожден тенденцией соблюдать древний закон коммунистического потребления в условиях развития частной собственности и имущественного неравенства. Конечно, семейные празднества народов Средней Азии, а особенно таких ее культурных центров, каким была Бухара, очень далеко отошли от первоначальной формы, осложнились многими культурными напластованиями, но в основе их генезиса лежит именно эта традиция. И она была настолько прочна, что обычай этот соблюдался неукоснительно, сделался законом. Он действовал с такой непреложностью, что оказывался сильнее, например, суеверного страха перед обмывателями мертвых, которые составляли своего рода касту «неприкасаемых». Если они жили (конечно, обособленной группой) в квартале, остальные его жители обязательно приглашали их к себе и шли в таких же случаях в их семьи. Связь между членами общины была сильнее и религиозной розни. Хотя между суннитами и шиитами существовала некоторая отчужденность, после событий 1910 г. перешедшая во вражду, в кварталах, где сунниты и шииты жили смешанно, они были обязательными участниками семейных обрядов друг друга.

Если семья на своих праздниках и поминках угощала всех жителей квартала, то, с другой стороны, все соседи должны были так или иначе участвовать в расходах на угощение и в его приготовлении. Молодежь квартала и многие из муж-

чин выполняли всевозможные работы и поручения: кололи дрова, приносили воду, резали морковь для традиционного плова, обслуживали гостей. Хозяин дома избавлялся от этих хлопот. На его обязанности было встречать и приветствовать гостей, его место было у ворот, при входе в дом.

Соседки по кварталу, как и родственницы, по обычаю, должны были участвовать в подготовке угощения: каждой гостье полагалось принести на пир поднос с чем-нибудь съедобным, иногда и какой-нибудь подарок. Смысл этого обычая ясен: таким образом жители квартала помогали в устройстве обрядовых угощений не только своим трудом, но и участием в расходах.

Эта помощь особенно нужна была в случае смерти. По обычаю, до трех дней в доме умершего пищи не готовили: все необходимое для питания семьи и угощения тех, кто пришел выразить соболезнование, доставляли наряду с родственниками соседи по кварталу, которые, потратившись на приношение, могли рассчитывать, что и им в соответствующем случае будет отплачено тем же.

Важно отметить, что, идя на похороны, все женщины квартала должны были наравне с родственницами надевать траурную одежду. Костюм для подобных случаев имелся у каждой женщины. Вместе с родными соседки должны были оплакивать умершего или по крайней мере сделать вид, что они плачут — все сидели, прикрыв лица. Эта черта быта со всей очевидностью указывает, что соседская квартальная община происходила из родовой общины. Из этой же традиции вырос и обычай всем женщинам квартала приносить на похороны еду. Традиция определяла, какое именно кушанье надо нести, идя на похороны. В Ташкенте, например, полагалось в таких случаях приносить похлебку, и это породило там производство особых медных сосудов в форме ведра, очень красивой формы, украшенных чеканным орнаментом.

С течением времени в быту народов Средней Азии значение приношений как формы участия в расходах на семейные обряды забылось. Появился обычай тут же отдаривать пищей с праздничного стола тех, кто пришел с подарком. Блюдо, в котором гостьей было доставлено приношение, не возвращалось ей пустым. После того как угощение было окончено и все собирались расходиться по домам, скатерти убирались, стряхивались и снова расстилались. Перед каждой гостьей клали несколько лепешек разных сортов в определенном обычаем количестве и делили все оставшиеся после угощения сласти, высыпав их предварительно в одну кучу. Уносили домой обычно и подававшийся в качестве последнего блюда плов, ссыпая его на принесенный из дома с подарком поднос или блюдо и прикрывая сверху полученны-

ми лепешками. Угощение, которое раздавалось для уноса домой, носило название «улиш» [16]. Если гостья кроме съедобного приносила в подарок какую-нибудь вещь, на ее блюдо поверх сластей клали ответный дар, который должен был быть более ценным, чем полученный. Это отдаривание явилось результатом деформации старого обычая, первоначальный смысл которого состоял в помощи членов общины семье, совершавшей обряд.

Вследствие непосредственного участия всех семей квартальной общины в семейных праздниках друг друга между ними устанавливались постоянные связи. Пируя у соседей, получая от них знаки внимания, а нередко и традиционные подарки, все жившие в квартале семьи оказывались связанными взаимной задолженностью. В каждой семье велся точный учет: кто у кого угощался и что было принесено в подарок, а следовательно, кому и чем должна семья отплатить.

Хотя описанные отношения охватывали лишь сферу обрядово-ритуальной жизни, практически они имели большое значение в сплочении жителей квартала в единый коллектив, постоянно собирая их вместе за скатертью с угощением и, что было еще важнее, заставляя их деятельно участвовать в приготовлениях. В семейно-общественных празднествах проявлялась общественная жизнь квартала, укреплялись общественные связи. Обрядовые пиршества были той ареной, на которой происходило постоянное общение между членами общества. Для женщин общественная жизнь, можно сказать, этим и ограничивалась.

Несмотря на то что ритуальные пиршества были пережитком общинных отношений, в них ощутимо проявлялись классовые различия между семьями, живущими в квартале. Прежде всего это сказывалось в богатстве угощения, в продолжительности празднеств и в сопровождавших их увеселениях. Внушительность празднеств или похоронных обрядов приобретала значение показателя благосостояния и социального положения, становилась делом семейной чести. Это заставляло каждую семью тщательно продумывать все детали обряда и обставлять его возможно богаче. Чем больше людей угощалось на устроенном семьей пиршестве, тем больший общественный вес она приобретала.

Классовое неравенство жителей квартала выражалось также в том, что бухарская знать и крупнейшие богачи позволяли себе уклоняться от личного участия в пирах своих соседей. В женской среде считалось признаком особой утон-

---

[16] اولوش — اولاش (доля), см.: Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 151.

ченности не ходить на празднества или поминки в семьи соседей по кварталу. Со свойственным высшим кругам ханжеством женщины из богатых и знатных семей делали вид, что особо строгое соблюдение затворничества не позволяет им принимать участие в пиршествах. Не идя на пир своих соседей, они посылали через служанку богато убранное блюдо с ценным приношением. Позволить себе подобный жест могли лишь представительницы знати или жены крупных богачей; для остальных он был бы сочтен проявлением необоснованного притязания на высокое общественное положение.

Особенно резко проявлялись классовые различия в церемониале приема. Для почетных гостей предназначалась лучшая комната, угощение подавалось им в первую очередь, более изысканное, по целому блюду на одного-двух человек, нередко сопровождалось преподнесением подарков — халатов, поясных платков, тюбетеек. Гости попроще принимались в комнате похуже и угощались не столь обильно. Для бедноты блюдо с пловом — одно на несколько человек — подавалось прямо во дворе, где иной раз даже не было подстилки, чтобы сесть, и «гости» съедали свою порцию, присев на корточки. Несмотря на эти различия, подчеркивавшие неравенство между членами общины, все же посещения друг друга, участие в общих пиршествах создавали некоторую иллюзию близости высших и низших, как бы связывали их съеденным вместе хлебом-солью.

Эти обычаи весьма ощутимо влияли на экономику каждой семьи. Если они мало отражались на ее доходах, то в значительной мере определяли расходы. Только путем жесточайшего самоограничения, непрерывного и явного голодания могли небогатые семьи, т. е. семьи большинства горожан, собрать необходимые средства для выполнения обряда обрезания, похорон умершего члена семьи или женитьбы сына. Именно расходы на угощение, ложившиеся большей своей частью на семью жениха, составляли у оседлых земледельческих народов Средней Азии основную тяжесть калыма. В отличие от скотоводов последний у них выражался не столько в плате за жену, сколько в обязательных крупных расходах семьи жениха на угощение, без которого женитьба считалась невозможной.

Насколько были велики расходы на свадебное угощение, видно из сообщения известного бухарского строителя и резчика по ганчу Усто Ширина Мурадова, который рос сиротой в семье дяди (амак) и очень долго не мог обзавестись семьей. Женился он только в 30 лет. Справляя свою свадьбу, он давал два дня пир своему кварталу (день мужчинам, день — женщинам), один день был отведен для угощения гостей из

соседних кварталов (атро́фи гузар) и один день — мастерам своего цеха, из которых, вероятно, были приглашены только более близкие — в Бухаре насчитывалось несколько сот мастеров-строителей.

Сопровождавшиеся поминальными пиршествами траурные обряды были особенно разорительны, и большинству семей для достойных похорон своего умершего не оставалось ничего другого, как влезать в долги. Выплата их совершенно расшатывала экономику семьи. Большая часть рассказов о разорении семьи среднего достатка начинается со смерти какого-нибудь члена семьи, в особенности если это был человек почтенный и осиротевшая семья должна была почтить его память достойным образом [17].

Но весьма обременительные расходы лежали не только на семьях, в которых совершался обряд: приношения, без которых нельзя было явиться на пир, как и на поминки, каждая семья должна была делать постоянно, и это было обязательной статьей расхода в семейном бюджете. Если когда-то в этом был смысл, так как таким образом члены общины помогали друг другу, то с тех пор, как появился обычай отдаривания, приношения лишились всякого смысла. Расходование огромных средств на совершение обрядов, которое производится систематически и в наше время, не может не отражаться отрицательно и на жизни семьи, и на экономике всего общества в целом в силу своей нерациональности. На приготовление угощений и приношений тратятся не только средства, но и масса времени. Однако сила традиции такова, что, и тяготясь такого рода обязанностями, никто не может от них уклониться, не рискуя своим добрым именем.

Общинный уклад быта жилого квартала породил систему самоуправления, специальный выборный орган, который направлял этот быт, обеспечивал его правильное, в соответствии с обычаем, течение.

Квартал возглавлял старшина, в Бухаре называвшийся аксакал (узб. «белобородый»). Его патриархальное название подчеркивает генетическую связь этой должности с общинным строем. В помощь аксакалу придавался посыльный — пойкор (тадж. «работающий ногами»). Во главе женской половины жителей квартала стояла кайвони [18], игравшая среди женщин ту же роль, что аксакал среди мужчин. Двой-

---

[17] Этот мотив содержится в романе Садриддина Айни «Дохунда» (М., 1956), где дореволюционная народная жизнь изображена с этнографической точностью.

[18] О роли «кайвони» и о самом термине см.: Е. М. Пещерева, О ремесленных организациях Средней Азии,— «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. XXXIII, М.—Л., 1960, стр. 44.

ником пойкора была ходи́ми гузар (тадж. «служанка квартала»).

Выборы аксакала и его помощников не были, конечно, выборами в полном смысле этого слова. Они происходили в мечети, и это передавало инициативу в руки имама, который и называл кандидатуру (мачит-ба ки шуд, хатиб-имом мегут), получив, конечно, соответствующие инструкции от наиболее влиятельных прихожан, расположение которых в значительной мере определяло его положение и доходы. Кандидатура аксакала могла быть выдвинута и непосредственно кем-нибудь из самых влиятельных, авторитетных жителей квартала. Обсуждались кандидаты в кругу наиболее почетных его обитателей, каковыми в те времена считались прежде всего люди богатые («у которых во рту кусок пожирнее» — «даха́наш раугантар бошад»). В обсуждении кандидатур принимали некоторое участие и те жители квартала, которые пользовались уважением из-за своего возраста. Участвовать в выборах, а тем более высказывать свое мнение молодым считалось нескромным и не разрешалось.

Выдвинутым на выборные должности лицам полагалось сначала отказываться — из скромности или по нежеланию обременить себя довольно хлопотными обязанностями. Но в конце концов они обычно соглашались, их положение, в особенности положение аксакала, было почетным и приносило доход. К тому же считалось невозможным не выполнить того, что требует община в лице ее самых влиятельных членов.

Занимая почетный пост руководителя общественной жизни квартала, аксакал, как и другие лица квартального самоуправления, считался слугой общества, о их деятельности говорили как о службе («хызмат»). Поэтому в квартальные аксакалы никогда не выбирали богачей или людей знатных. Аксакалы бывали из мелких торговцев или ремесленников средней руки — хороший мастер был слишком занят своим прямым делом. Вот, например, несколько сменивших друг друга аксакалов квартала Усто Рухи, населенного преимущественно торговцами и ремесленниками; двадцать семей принадлежало к военно-служилому сословию. Последним аксакалом этого квартала перед установлением Советской власти был Шоди-бой, торговец обувью (кафшфруш), человек лет 60; перед ним — ремесленник, изготовлявший мехи для разноски воды, Джумабой-машкдуз, который имел в квартале свою мастерскую. До него аксакалом был мясник Гуломджон-кассоб, отец которого также был в свое время аксакалом этого квартала. В квартале Кош-мадраса, населенном преимущественно ремесленниками различных специальностей, место аксакала занимали один за другим торговец мылом (собунфруш) Атокул, торговец сундуками, известный

под прозвищем Бобойи-сандук, зажиточный ремесленник-токарь (харрот), по имени Нурилло-оксакол, владевший мастерской-лавкой, где он работал и продавал свои изделия. В квартале Мулло Хоки рох, подавляющее большинство жителей которого состояло из мастеров-строителей, аксакалы бывали из мастеров. Последним был Усто Мирзо-канд, мастер средней квалификации.

Помощник аксакала — пойкор не должен был быть обремененным собственными делами, которые могли бы помешать ему хорошо выполнять его обязанности по отношению к общине. На эту должность нужно было подобрать того, кто нуждался в заработке и был достаточно подвижен. Поэтому в пойкоры чаще всего выбирали человека не старого, малообеспеченного, нередко из представителей обслуживающих профессий, например водоноса. Пойкор нередко брал на себя и обязанности уборщика квартала (фаррош), за что получал от общины особую плату. Так было, например, в предреволюционные годы в квартале Усто Рухи, где фаррош и пойкор совмещались в одном лице.

Кайвони и ходи́ми гузар избирали сами женщины, также из наиболее влиятельных жительниц квартала. Мужчины их кандидатур не обсуждали, хотя аксакалу и принадлежало в этом деле право высказать свое мнение. Одному из информаторов, престарелому жителю квартала Усто Рухи, Садилло Мирзоеву довелось услышать, как при нем аксакалу задали вопрос, кого он хочет сделать кайвони («Оксаккол, ки́я кайвони мекунед?»). На должности кайвони и ходи́ми гузар избирались женщины, обладавшие соответственными природными данными и не обремененные заботами о своей семье. Кайвони должна была обладать хорошей памятью, сообразительностью, организаторскими способностями и распорядительностью, хорошо знать обычаи и порядки и пользоваться уважением среди женщин квартала. Обязанности ее помощницы — ходи́ми гузар поручались какой-нибудь бедной вдове, которая нуждалась в заработке. Она должна была быть энергичной, подвижной, услужливой и надежной.

К выборам как аксакала, так и его помощников относились очень серьезно, учитывая, что неудачные избранники причинят жителям квартала много неудобств и неприятностей. Иногда выборы вызывали среди жителей квартала большие несогласия и споры. Кандидатуры отводились противной стороной в вежливой форме, под благовидным предлогом: например, говорили, что кандидат слишком занят (шо́на ко́рашон бисйор). Если стороны, выдвинувшие разных кандидатов, не приходили к соглашению, дело доходило до ожесточенных и неразрешимых споров. В таких случаях сторонники разных кандидатов, также в лице людей наиболее «почет-

ных», обращались к казию (козибози мекардан), и тот определял, кто из названных кандидатов больше подходит для выполнения обязанностей старшины. Иной раз дело доходило до того, что, не придя к соглашению, жители квартала делились на две части. Так произошло, например, в квартале Буйробофон, население которого состояло из двух разных этнических групп: переселенцев из Хорезма (урганджихо) и туркмен племени хидир-эли, также переселившихся с Амударьи. Не поладив при выборе аксакала, так как каждая группа держалась за своего кандидата, они перессорились, разделились, и каждая часть квартала выбрала себе отдельного аксакала.

В исключительных случаях, если квартал был очень велик и аксакалу трудно было выполнять одному свои обязанности, выбиралось два аксакала; нужно думать, что один из них был в некотором подчинении у другого. Так, в квартале Шохи Ахси — самом большом в Бухаре, в котором выделились четыре отдельные части, имелось два аксакала, и при каждом из них было по пойкору. Вероятно, в соответствии с этим там избирались и две кайвони и две ходи́ми гузар.

Аксакал являлся официальным представителем квартала перед городскими властями и потому должен был утверждаться ими. После того как совершалось избрание, несколько самых почетных жителей квартала вели нового аксакала к казикаляну и заявляли о его избрании. Назначение утверждалось выдачей аксакалу письменного документа — ярлыка (ярлиг). После этого все торжественно возвращались в квартал, причем новый аксакал шествовал с ярлыком, воткнутым в складки чалмы таким образом, чтобы его конец был хорошо заметен (Кози ярлиг медод, салля-ба халлонда меомад, оксаккол шудам гуфта). Квартальные старшины хорошо были известны городским властям, и в случае надобности, если дело касалось квартала в целом или кого-нибудь из его жителей, прежде всего вызывали аксакала. Если судились жители разных кварталов, истец и ответчик являлись к казию в сопровождении своих квартальных старшин. Но до судебного разбирательства дело доходило сравнительно редко: старшины старались помирить тяжущихся и обычно преуспевали в этом. Даже если в суд был подан иск, аксакалы кварталов стремились разрешить спор миром. Достигнув этого, они шли к казию и говорили: «Этот отказался от своего иска, а тот получил, что ему следовало. Господин судья, ставьте печать!» («Ин аз давóш гузашт, он ба хáккаш расид, эшони кози, мухр пахш кунед!»). Казий составлял документ о примирении и его условиях, прикладывал к нему печать и получал полагающееся за это вознаграждение.

Обязанностью аксакала было выручить так или иначе жителя своего квартала, попавшего в беду. Если против него было выдвинуто обвинение властями, аксакал должен был выступать посредником, постараться избежать суда или взять жителя своего квартала под залог или на поруки (кафили).

Если происходила ссора или тяжба между жителями одного квартала, они прежде всего шли к аксакалу, который выступал в роли третейского судьи, всеми силами стараясь примирить обе стороны и не доводить дело до обращения к казию.

Продажа домов в квартале происходила только через аксакала, без него не могла быть совершена никакая сделка этого рода. Он играл важную роль при разделе имущества умершего жителя квартала, выступая как третейский судья при возникавших в ходе дележа конфликтах и как посредник между наследниками и государственными властями, которые в лице чиновника (таракачи) оформляли раздел. Аксакал становился опекуном малолетних сирот, советником и помощником одинокой, не имеющей родственников вдовы, которую обычай женского затворничества лишал экономической самостоятельности, даже если она и владела каким-нибудь приносящим доход имуществом. Аксакалу сдавались на сохранение (амонат) сиротские деньги. Он должен был поместить их так, чтобы они давали какой-то доход: отдавал в рост, одалживая надежным людям, иногда просто хранил у себя или сам пускал в оборот, делясь с владельцами денег прибылью, насколько хватало совести.

Аксакал наблюдал за порядком на территории квартала, нанимал специальных людей для подметания улиц и обслуживания мечети и помещения для омовений, выступал организатором всех общественных работ, о которых говорилось выше.

Но особенно заметна была роль аксакала и его помощников на обрядовых пиршествах и поминках, устраиваемых в семьях квартала. Прежде всего аксакал был главным советчиком при решении вопросов, возникавших при устройстве семейных празднеств. По специальному приглашению хозяина дома он в сопровождении нескольких стариков приходил на «трапезу совета» («маслихат-оши»), чтобы обсудить все детали предстоящих расходов и организацию торжеств. Совещаясь с приглашенными вместе с ним стариками, он определял в соответствии с положением семьи приличествующий ей размер трат и количество необходимых продуктов, число гостей и их персональный состав, подарки, которые надлежало преподнести наиболее почетным из них. Если скопленных семьей денег было мало, аксакал помогал получить недо-

стающую сумму в долг, нередко сам одалживал деньги, не без выгоды для себя.

Особенно большое участие принимал аксакал в организации похорон. Хозяину дома не приходилось заботиться ни о приобретении необходимых предметов для похоронного обряда, ни о приглашении обмывальщиков, ни о приготовлении могилы. Все эти заботы брала на себя община в лице аксакала, кайвони и их помощников. К широкой помощи привлекались и остальные жители квартала, особенно молодежь, которая была обязана прислуживать и помогать при всех общественных сборищах и делах. Аксакал изыскивал все необходимые, и, по обычаю, довольно крупные, средства для похорон. В Бухаре он расходовал их самостоятельно и по своему усмотрению, лишь много позднее представляя список расходов главе потерпевшей утрату семьи.

Расходы эти были немалые, и ими ведали в основном женщины; мужчины должны были только платить. (Как говорили старики-бухарцы: «Ихтийóри мурда да зано буд, мардо кор надоран» — «Власть в отношении всего, связанного с покойником, была у женщин, мужчины этого не касались».) Женщины рассчитывали, что нужно для обряда, и закупки поручались аксакалу. Они наказывали мужчинам: «Скажите аксакалу, чтобы он принес такие-то вещи» («оксаккóля гуйет, фалон чи́за бийрат»), соразмеряя, конечно, свои заказы со средствами, которыми могла располагать семья. Аксакал отправлялся в сопровождении пойкора в специальный ряд (тим), где продавалось все необходимое для похорон, и покупал белую фабричную ткань (суф) для савана, покрывало на гроб, которое должно было соответствовать возрасту и положению умершего, ситец для раздачи поминальных кусков (йиртиш) на кладбище всем провожавшим покойника, ткань для траурных платьев всей женской родне и целыми мешками обувь для нее — сапожки с кожаными калошами, чтобы ходить на кладбище в течение годичного траура. Платье срочно шила себе каждая родственница сама и носила его первые сорок дней после смерти, а более близкие — до года.

Делая все закупки на свои деньги, аксакал составлял список (руйхат), в который он вносил все расходы на приобретение нужных вещей и продуктов для устройства угощения, на оплату могильщика и причта мечети, где читалась заупокойная молитва, и т. п. Список этот не сразу предъявлялся хозяину дома, где был покойник (сохи́би мурда); не торопился спросить о сумме расходов и тот, кому надлежало расплачиваться. Лишь по прошествии нескольких дней, когда считалось, что прошло достаточно времени, чтобы опомниться от горя, глава потерпевшей семьи обращался к аксакалу

с вопросом, есть ли у него список («руйха́татон хаст-ми?»). Аксакал подавал список, и хороший тон требовал не проявлять к его содержанию слишком большого интереса; список засовывался в карман или за пазуху и читался только дома, без посторонних свидетелей. Аксакал должен был проявлять в таких случаях добросовестность; однако если он и приписывал немножко лишнего, на это смотрели сквозь пальцы, считая, что должны быть ему благодарными за помощь в трудную минуту (ин ходжа́тамоя баровард).

В руках аксакала скапливались некоторые средства. Они пополнялись за счет денег, которые ему удавалось сэкономить во время происходивших в квартале похорон или семейных празднеств (свадеб, обрезаний), когда аксакал также участвовал, правда в меньшей степени, в закупках к пиршеству. Перепадало ему и при продаже домовладений и при разделе наследства, что также требовало некоторых расходов, производившихся часто аксакалом. Предъявляя наследникам свой счет, аксакал и тут пользовался случаем приписать лишнее. Собиравшиеся таким образом в руках аксакала средства должны были идти на оплату расходов по кварталу и носили специальное название — «хароджо́ти гузар» (квартальные расходы) или «хароджо́ти хориджи» (посторонние расходы). Аксакал распоряжался этими средствами единолично, как собственными деньгами, и никому в них не отчитывался. Однако все знали, что такие средства у него есть, и он должен был тратить их на нужды квартальной общины. Из них он делал закупки по поручению той или иной семьи для похорон или семейных торжеств, часть их расходовал на пополнение необходимых для общественных пиршеств вещей, в особенности ложек и посуды. Вероятно, часть их шла на его личные нужды. Особого вознаграждения старшины квартала, как и их помощники, не получали. Их доходы от выборной должности складывались из случайных, но постоянно поступавших в их пользу подарков. Каждая жившая в квартале семья, устраивая торжество (той) или поминки (маърака), считала своим долгом выделить какую-то сумму аксакалу и его помощникам. Эти деньги назывались «оксакколона» («аксакальские»). Давали «по щедрости» (химма́таш-ба), стараясь не уронить достоинства семьи слишком маленькой суммой. Конечно, от состоятельных членов общины аксакал получал гораздо больше, и это было для богачей одним из средств обеспечить себе его поддержку. По некоторым сведениям, аксакал в каждом случае сам определял косвенным образом размер «аксакальских» денег: он назначал, основываясь на состоятельности данной семьи, сколько следует заплатить имаму квартальной мечети, пойкору и фаррошу. Аксакалу же полагалось столько, сколько

всем троим, вместе взятым. Кроме денег аксакал получал на семейных торжествах наравне с наиболее почетными гостями подарок в виде халата и, наблюдая за раздачей угощения на мужской половине, имел право отослать к себе домой одно блюдо плова в дополнение к тому, что получал он и женщины из его семьи в порядке угощения, наравне с другими гостями.

Одной из важных обязанностей аксакала было распределение пищи во время пиршеств. Он стоял «над котлом» (да са́ри дег) и отвечал за то, чтобы приготовленного угощения хватило на всех. Хороший аксакал брал свою долю только после того, как были удовлетворены все гости. На женской половине ту же роль, что аксакал на мужской, выполняла кайвони, но ее задача была еще сложнее: помимо того что она также должна была раздать приготовленную пищу таким образом, чтобы хватило всем, сумев отложить одно блюдо себе и кое-что для ходи́ми гузар, кайвони принимала от приходящих скатерти с завернутым в них приношением, точно запоминая, кто и что принес, чтобы приготовить ответный дар, не перепутав при этом ни скатерти, ни блюда, ни хозяйки скатерти, к тому же учтя ее отношения с хозяевами дома.

Аксакал и кайвони должны были наблюдать за тем, чтобы вся жизнь квартала шла по заведенному исстари порядку, чтобы никто из членов квартальной общины не нарушал обычаев, не уклонялся от тех обязанностей, которые налагала на каждого принадлежность к общине. Если аксакал замечал на свадебном пиру того, кто пару раз не являлся на похороны, он не стеснялся сделать ему при всех замечание,— конечно, если это был человек, стоявший не особенно высоко на социальной лестнице и к тому же не старый.

Ни аксакал на мужской половине дома, ни кайвони на женской совершенно не касались обрядовой стороны: их делом были организация пиршества и дележ угощения. Эта их функция при неразвитости других проявлений общественной жизни горожан приобретала в глазах последних такое значение, что многие информаторы прямо заявляли, что главным делом аксакала было участие в организации тоев и поминок (туй, маърака, аъзо — оксаккол да хамун дахлдор). Такое понимание функций аксакала вытекало из того значения, которое имели обрядовые семейно-общественные пиршества в быту горожан-бухарцев, как и жителей других городов и селений Средней Азии.

Если аксакал и в меньшей степени кайвони являлись важными персонами в квартале, то пойкор на мужской половине, а ходи́ми гузар на женской были в полном смысле слова слугами всей общины. Они выполняли всевозможные по-

ручения, помогали своим трудом той семье, которая нуждалась в помощи. Ходи́ми гузар ухаживала за больными, в случае надобности жила некоторое время в семье больного, особенно если было очевидно, что он вот-вот умрет. И ходи́ми гузар, и пойкор первыми являлись в дом, который посетила смерть, так как их обязанностью было закрыть мертвому глаза и подвязать подбородок — этого не полагалось делать самим родственникам умершего.

Являясь выборными, аксакал и его помощники могли быть смещены, если их деятельность вызывала недовольство у жителей квартала, особенно наиболее влиятельных. По свойственному народам Средней Азии, особенно горожанам, этикету, не допускавшему резкостей в обращении, это делалось в уклончивой форме, под предлогом плохого здоровья смещаемого или его обремененности собственными делами. Аксакала смещали чаще всего за злоупотребления: если он слишком много приписывал к расходам по похоронам, брал взятки с покупателей домовладений в его квартале или завел обыкновение, пользуясь суматохой во время тоев, при раздаче угощения под шумок отсылать к себе домой не одно блюдо плова, как полагалось по обычаю, а два-три. Заметив за аксакалом подобные проделки, люди начинали поговаривать: «Зачем нам такой жадный (букв. „голодный“) аксакал? Пусть он убирается!» («Интухин оксаккóли гушна да мо чи даркор? Дафъ шавад!»). Иногда сменяли аксакала за плохой характер. Так был смещен упомянутый выше Нурилло-оксаккол в квартале Кош-мадраса; он оказался слишком сварливым: одного пробирал за то, что не подметена улица перед домом, другого за то, что не туда брошен мусор. Эти постоянные замечания так надоели жителям квартала, что Нурилло недолго удержался на своем месте.

Однако, так как все жители квартала хорошо знали друг друга и, выбирая аксакала и его помощников, могли заранее учесть слабости и особенности характера кандидатов, обычно выбирались люди, более или менее подходящие, которые оставались на своих местах подолгу. Большинство информаторов сообщало, что известные им аксакалы не сменялись по 10, а то и по 15 лет, нередко оставаясь на своей должности до самой смерти.

Положение аксакала, так же как и его помощников, показывает, что мы имеем все основания расценивать их как лиц, осуществлявших самоуправление общины. Как бы ни были они зависимы от наиболее влиятельных жителей квартала, волю которых они нередко должны были выполнять, настоящим хозяином считалась община в целом, их выбиравшая и имевшая право их смещать.

Административные функции аксакала вытекали из его

роли главы общины: в качестве такового он представлял квартал и перед государственной властью. Он не располагал никакими средствами принуждения и должен был добиваться выполнения членами общины всех лежавших на них обязанностей, опираясь лишь на обычай, на свой авторитет как главы общины и на общественное мнение составлявшего ее коллектива.

2. Общественные связи между жителями различных частей позднефеодального города (межквартальные и внутригородские связи)

В эпоху раннего средневековья жилые кварталы имели, по-видимому, еще большее значение в жизни города. Историки предполагают (правда, не имея подтверждающих фактов), что тогда в Средней Азии квартал и ремесленная корпорация совпадали, так как все ремесленники одной специальности жили в одном квартале[19]. Характеризуя положение ремесленников в феодальном городе, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что они представляют собой коллектив, «организованную общину»[20]. Возможно, на Востоке цех во многих случаях совпадал с квартальной общиной.

Восточный город раннефеодальной эпохи «был лишен общих связей», в нем «не существовало достаточно прочных связей между различными кварталами, отделенными друг от друга стенами»[21] или же, как можно думать на основании изучения устройства кварталов в позднефеодальный период, задними стенами обращенных в разные стороны домовладений, выходящих на разные улицы и принадлежащих к разным кварталам.

Сравнительно слабое развитие общегородских связей было свойственно и среднеазиатскому городу конца XIX — начала XX в., особенно городам ханств. Они все еще оставались в своих основных чертах феодальными. Связи горожан между собой носили свойственный феодализму узкий характер землячеств, ремесленных корпораций, объединений торговцев по специализированным торговым рядам и кварталь-
ных общин. В результате развития феодального общества, даже в условиях застойного характера феодализма, дожившего вплоть до конца XIX в., среднеазиатский город был

---

[19] По словам А. Ю. Якубовского, «в этом нас убеждают указания источников на наличие квартальных шейхов (глав кварталов) в ряде городов того времени» («История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 245).

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 51.

[21] И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 88.

уже иным, и приведенную выше характеристику раннефеодального города можно отнести к городу последних этапов феодализма лишь отчасти. К концу XIX в. и, вероятно, уже в предшествовавший период сформировались более широкие связи между горожанами, частью совершенно новые, частью представлявшие собой модификацию прежних связей. Эти связи отражали более широкое развитие производства и торговли, сказывались в общественном быте и общественном сознании.

Особо важное значение для развития общегородских связей имели связи в сфере производства, которое в городах феодальных было представлено в основном ремесленной промышленностью. Если в далеком прошлом ремесла, как и некоторые другие профессии, совпадали, вероятно, с кварталами и в силу этого ремесленные корпорации ограничивались рамками одного квартала, то при развитии ремесла многие промыслы и соответственно их корпорации вышли далеко за границы не только одного квартала, но и группы соседних кварталов. Высшую ступень развития ремесленной промышленности и вместе с тем производственных связей в Бухаре конца XIX — начала XX в. представляли собой промыслы по выработке тканей, распавшиеся на множество специальностей. К началу XX в. они были распространены в более чем полусотне кварталов. Привычная для феодального ремесла форма производственных связей — объединение всех ремесленников одной специальности в единой корпорации — оказалась уже не в состоянии охватить всех ткачей Бухары. Их корпорация была вынуждена разделиться на четыре части (джариба)[22], сохраняя в то же время свое единство. Таким путем в среде ремесленников, вырабатывавших ткани, установились весьма широкие связи, практически в масштабе всего города и ближайших пригородов, населенных ткачами. Если ткачи теперь и не знали всех своих сотоварищей по ремеслу в лицо или по имени, то наиболее выдающиеся своим мастерством или размахом производства были хорошо известны всем ткачам. Особенности каждого предпринимателя — хозяина мастерской, как и каждого ткача, учитывались первым — при найме мастеров на работу, вторым — при поступлении в чужую мастерскую. Почти столь же широки были производственные связи ремесленников, вырабатывавших обувь. Разделившись по отраслям, в зависимости от вида производимой продукции, все они образовывали одну корпорацию, проживая в 32 кварталах. Во многих кварталах жили строители. Они были расселены тремя компактными груп-

---

[22] Термин «джариб», употребленный информатором, не имеет в виду те 12 «микрорайонов» — джарибов, на которые делился город.

пами, объединяясь в две корпорации — каменщиков и плотников, которые и в работе, и в быту были тесно связаны друг с другом [23].

В Бухаре наблюдался целый ряд градаций в степени развития производственных связей в зависимости от развития ремесла. Но, как правило, во всех ремеслах, за немногими исключениями, связи уже успели перерасти границы квартала, и это следует считать одним из признаков высокого развития феодального города.

Такой была Бухара конца XIX — начала XX в., когда она уже начала переход к новой капиталистической формации, но не завершила его, как и вся Средняя Азия в целом. В силу этого производственные связи между горожанами осуществлялись в форме средневековых профессиональных корпораций, порожденных феодальным строем. Но теперь каждая корпорация в развитых промыслах охватывала более или менее тесными производственными связями значительные массы городского населения, жившего в разных районах города. Установление таких связей было одним из важнейших факторов в прогрессивном развитии города, а вместе с тем и в развитии общественного сознания. Отдельные примеры замыкания промысла в рамках одного квартала, наблюдавшиеся еще в Бухаре начала XX в., свидетельствуют о том, какое отрицательное влияние оказывало это на культурный уровень и весь быт населения. В такой изоляции оказались жители квартала Буйробофон (на северо-восточной окраине города), которые являлись потомками переселенных сюда в конце XVIII в. по приказу Шах-Мурада сельчан узбеков и частью туркмен с Амударьи. Переселенцы сохранили свой промысел — изготовление циновок из камыша и монополизировали его. Раньше этот промысел был, по-видимому, в руках местного населения, и рынок циновок находился в центре города, как явствует из документа XVI в.[24]. В конце XIX — начале XX в. все производство и вся торговля циновками были сосредоточены в квартале Буйробофон, получившем по этому промыслу свое название. Предки жителей квартала, придя в столичный город, принесли с собой сельские традиции, и, хотя с тех пор прошло более полутораста лет, ограничение производственных связей рамками квартала воспрепятствовало их ассимиляции с городским населением и освоению городской культуры, законсервировало в их быту сельский уклад, сельские нормы быта.

Их квартал был одним из немногих районов города, где

---

[23] Подробнее о расселении ремесленников и о их производственных связях см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 22, 30, 31—38, 84—99, 101—107 и др.

[24] «Из архива шейхов Джуйбари», М.—Л., 1938, стр. 41.

употреблялся узбекский язык, весь облик квартала и его жителей — их одежда, манера повязывать чалму — шел вразрез с обликом утонченных бухарцев, которых наблюдатель конца прошлого века назвал «парижанами Средней Азии»[25]. Плетенщики циновок спустя столь долгий срок не утратили сельского вида, сельской непритязательности в одежде и в бытовых условиях.

Не менее важно было установление общегородских связей в среде торговой прослойки жителей города. Как свидетельствуют исторические источники, в средние века все лавки, торговавшие одним видом товаров, размещались на базаре в одном ряду[26]. К концу XIX в. между отдельными категориями торговцев Бухары имелись довольно существенные различия. В отличие от более ранних времен к началу XX в. одними и теми же товарами торговали в нескольких местах и торговцы одной специальности не всегда оказывались объединенными в единую корпорацию. Но крупные купцы (саудогар) независимо от того, какова была их торговая специальность, составляли одну организацию[27]. По своей сущности она соответствовала купеческим гильдиям Западной Европы и России, где они также появились на поздних этапах феодализма и, конечно, тоже в результате установления более широких общественных и производственных связей, отразившихся и в торговле. И там их развитие было одним из важнейших показателей исторических и социальных сдвигов, установления более общих, широких связей между торговцами. Таково же было значение корпорации купцов в Бухаре. Когда зародилась эта организация бухарского купечества — неизвестно, так как исторические источники о ней ничего не сообщают.

Недостаточно изучен вопрос о внутригородских связях в сфере культуры. Имеющиеся весьма неполные данные говорят о том, что в Бухаре XIX в. существовало довольно широкое общение и на почве развития культуры. В какой-то мере

---

[25] «Дервишизм в Туркестане»,— газ. «Туркестанские ведомости», 1898, № 56.

[26] О том, что каждое ремесло размещалось на отдельной улице, в отношении Самарканда сообщал кастильский посол Клавихо (Р. Г. де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.,— «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 28, СПб., 1881, стр. 283). Таков же был порядок и в городах Малой Азии, где, по сообщению Ибн Баттуты, на рынках «каждый цех занимал отдельное место» и «всюду цехи (اهل كل صناعت) и профессиональные группы (طائفه) жили отдельно друг от друга» (Ибн Баттута, II, 281,— цит. по: Вл. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, стр. 126).

[27] Об организациях торговцев подробнее см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 257—260. 283.

были связаны между собой поэты, писатели разного направления, в частности авторы исторических сочинений и хроник, а также просто любители поэзии и вообще люди с культурными запросами. Общение таких людей в Бухаре конца прошлого века наиболее подробно обрисовано в мемуарах Садриддина Айни, который в юности сам был до известной степени вовлечен в эту среду. Он описывает собрания образованных людей того времени, любителей поэзии и умных разговоров, происходившие трижды в неделю в доме богатого представителя культурных кругов Бухары — Шарифджона-махдума. По обычаю, для гостей готовилось угощение. Собравшиеся читали стихи, делились мнениями о происходивших в Бухаре того времени событиях, обсуждали характер и поведение известных в городе людей (в частности, должностных лиц), критиковали установившиеся в ханстве порядки[28]. Эти собрания, с их регулярностью, по форме были довольно близки к традиционным собраниям так называемых мужских союзов[29], которые были обычной и широко распространенной в Средней Азии формой проведения мужчинами досуга. С другой стороны, они напоминали пирушки, на которые хозяин приглашал определенный круг своих знакомых. Такие пирушки были очень распространены в Бухаре среди высших слоев населения. Но описанные Айни собрания у Шарифджона-махдума отличались от тех и других весьма существенными чертами: гости Шарифджона-махдума объединялись на основе близости духовных интересов и сравнительно высокого культурного уровня, иным было содержание бесед, отсутствовали обычные для традиционных мужских компаний развлечения. Характерным было также то, что в отличие от мужских союзов круг участников таких собраний отнюдь не ограничивался жителями одного квартала или части города, представителями одного сословия или социального слоя.

Культурные круги бухарцев конца XIX — начала XX в., описанные Садриддином Айни, были еще целиком связаны с бытом и характерными чертами феодального общества. Мемуары Айни как нельзя лучше показывают, в каких неблагоприятных условиях развивались тогда культура и культурные связи. Нарисованные писателем характеры отличаются большими странностями. Это люди, которых изуродовала атмосфера столицы Бухарского ханства. И в Самаркан-

---

[28] Садриддин Айни, Воспоминания, М.—Л., 1960, стр. 383 и далее.

[29] См.: М. Ф. Гаврилов, Остатки ясы и юсуна у узбеков, Ташкент, 1929; Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии,— «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963 (там же литература вопроса).

де, по этнографическим материалам, собранным нами, в начале XX в. образовался довольно широкий круг культурных людей, известных своим согражданам как поэты, знатоки литературы. Все они так или иначе были связаны друг с другом, хотя и не всегда были лично знакомы или близки. Естественно, что в тот период, особенно в Бухарском ханстве, эти связи охватывали сравнительно немногих; рядовые горожане вели жизнь, замкнутую в рамках жилого квартала или корпорации, их связи с обществом носили характер связей феодальных, хотя и более широких, чем на ранних этапах этой формации.

Видимо, на каком-то этапе, пока неизвестном, но, возможно, достаточно раннем, общая для позднего феодализма тенденция к расширению общественных связей привела к сложению более широкого общения и в жизни пережиточных квартальных общин. Сохраняясь больше всего в области семейного быта, общинные связи начали перерастать рамки квартала. Прочные добрососедские отношения устанавливались между несколькими соседними кварталами. Их объединял обычай гостевания друг у друга по поводу семейных праздников. Это составляло основное содержание связей между жителями соседних кварталов. Поэтому в таджикоязычной Бухаре такие кварталы назывались «ошхур-у обхур» — «едящие и пьющие [вместе]», у таджиков Самарканда — «туйхур». У узбеков, в частности в Ферганской долине, существовал имеющий тот же смысл термин «бир туйлаш».

Число объединяемых этим обычаем кварталов бывало различно и устанавливалось в каждом отдельном случае прочной традицией. Так, например, в Бухаре «ошхур-у обхур» друг для друга были кварталы Гозиён, Чор харос, Заббиён, Махдуми Аъзам и Амон-бой. Так же были связаны кварталы Суфиён, Моркуш, Мирджон-кельды и Косагарон, как и Мехтар Шафеъ, Арабон и Эшони пир. Различия в числе объединившихся кварталов и прочность этой, видимо, издавна сложившейся традиции позволяют предположить, что в такие группы объединялись кварталы, составлявшие некогда один квартал, который в ходе своего развития и роста населения расчленился на несколько отдельных кварталов. Как показывают сообщения пожилых людей, одной из главных причин такого членения была обременительность обычая приглашать на семейные пиры всех жителей своего квартала. Хотя между кварталами, составлявшими группу «едящих и пьющих вместе», также сохранялся обычай взаимных угощений, но он принимал менее обременительную форму. Из соседних кварталов приходили только мужчины, чаще всего десять человек; лишь в редких случаях, желая придать своему празднику больше блеска, из чужих кварталов при-

глашали большее число гостей. Если приглашение на семейный праздник жителей своего квартала было обязательно для каждой празднующей семьи, то гостей из соседних кварталов могли приглашать не все семьи, а лишь очень состоятельные, занимающие высокое общественное положение. Когда вопрос об организации семейного празднества, в частности о приглашении гостей из соседних кварталов, обсуждался на предшествовавшем этому событию совещании (маслихат), старшина квартала обычно сам определял, исходя из общественного положения устроителя празднества, от скольких кварталов ему следует пригласить гостей. Если хозяин пира был человеком богатым, аксакал прямо указывал: «Вы пригласите семь (или десять) кварталов», менее состоятельным он говорил: «Вы пригласите только наших „пьющих и едящих“» («Шумо хаф гуза́ра мегуйед, шумо дах гуза́ра мегуйед, шумо обхур-у ошху́рамоя мегуйед»).

Описанное нами расширение бытовых связей и выход их за пределы квартала успели распространиться лишь на мужчин. Мир женской части общин почти полностью ограничивался своим кварталом. Женщину за пределы квартала выводили лишь родственные связи: она посещала своих родных, живших в других кварталах, да и то редко — главным образом при каких-нибудь чрезвычайных событиях в их семьях.

Нам неизвестно, что еще, кроме совместных пиршеств, связывало между собой кварталы, входящие в коллектив «ошхур-у обхур», в Бухаре, где, как уже говорилось, жителей квартала не объединяли общественные работы, производимые общими силами, как и забота о водоснабжении квартала или нескольких соседних кварталов. Возможно, в других городах, не столичных, не обладавших привилегиями, последнее обстоятельство имело большее значение, хотя и в Самарканде, например, сообщения пожилых людей в первую очередь говорят об объединяющей роли общественных пиршеств.

Особой формой межквартальных или даже общегородских связей были связи, вызванные к жизни пережитком весьма архаического обычая традиционного соперничества между жителями отдельных частей городов и крупных селений. Коренясь в дуальной организации первобытного общества (С. П. Толстов) [30], этот древний обычай сохранялся в условиях классового общества вплоть до капитализма. В городах Средней Азии он не исчез до начала XX в. и мог быть изучен по этнографическим данным [31]. Соперничество было свя-

---

[30] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 283—284.
[31] О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 121—129.

зано с отмеченным выше древним, но не изжитым и в начале XX в. делением городов на две — четыре части (даха, кытъа), население которых чаще всего образовывало соперничающие группы. В некоторых случаях в качестве противников противостояли жители двух или нескольких соседних кварталов, и это ограничение, видимо, надо рассматривать как результат деформации старого обычая под влиянием роста городов и их населения, увеличение численности которого сделало невозможным прежние формы общения. Но в более малолюдных городах сохранялись старые порядки, при которых соперничали жители не кварталов, а частей города. Так, в Шахрисябзе, где сохранилось более архаическое деление города на две части, они вставали друг против друга как два противника.

В городах, где это древнее деление города исчезло, перекрытое более поздним членением, традиция соперничества перешла на выделившиеся в ходе развития города более старые и более молодые районы. К таким городам относилась и Бухара. Там традиционно выделялись жители четырех районов, последовательно, в разное время вошедших в состав города: шахристанцы, регистанцы, калабадцы и джуйбарцы [32]. Обычай соперничества был широко распространен в городах дореволюционной Средней Азии. Он отмечен не только в Бухаре, но также и в Карши, Пскенте, Ташкенте, Самарканде, Ходженте (ныне Ленинабад) и др. О глубокой традиционности этого обычая среди таджикского и узбекского (сартовского) населения говорит его существование в далеком прошлом, засвидетельствованное письменными источниками в Фергане и городе Куча (VI в.), в Гургане, Нишапуре, Мерве, Самарканде, Балхе (X в.) [33].

Постоянное соревнование, соперничество порождало так называемые «жестокие обычаи», проявлялось в драках и побоищах, напоминавших русские кулачные бои и имевших тот же генезис. Такие драки назывались «дук», «дукбози» [34].

Состязания между представителями соперничавших групп из разных частей города принимали в Бухаре весьма своеобразные формы. По сообщению бухарского ювелира Касима Миракова (род. в 1875 г.), лично наблюдавшего, как они происходили, состязания устраивались весной за городскими воротами, куда собирались представители соперничавших

---

[32] Там же, стр. 124.

[33] Сведения об этом обычае, имеющиеся в письменных средневековых источниках, были подобраны С. П. Толстовым в его работе «Древний Хорезм», стр. 283—284.

[34] Этимология термина неясна. Вероятно, он происходит от тюркского «дукмок» — «бить, колоть» (дукиш — «драка»). См.: Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. 572.

групп. Сперва на круг выпускали бойцовых птиц — перепелов или петухов, потом баранов (тагол). После этого, все больше входя в азарт и ожесточаясь, переходили к состязаниям между людьми. Сначала борьба имела характер единоборства, сходились один на один (тан ба тан) посреди круга, образованного зрителями из обеих партий. В Бухаре драка носила очень своеобразный характер: договорившись, кому начинать, противники по очереди то наносили удары, то принимали их. Тот, кому предстояло принять удары, вставал поустойчивее, ухватившись обеими руками за ворот своего халата или рубахи. Противник, соблюдая известные правила, наносил ему удары, не встречая никакого сопротивления. Задача заключалась в том, чтобы устоять на ногах, проявить нечувствительность к боли, не попросить пощады; иногда уговаривались о числе ударов, иногда же каждый из противников бил до тех пор, пока был в силах. Когда бьющий наконец останавливался, принимавший удары спрашивал его, не нарушая правил вежливости: «Вы кончили?» («шудед-ми?») — и начинал бить в свою очередь. Первую пару сменяла вторая, вторую — третья. Постепенно в сражение вовлекались и другие члены обеих партий.

В других местах (Карши), видимо, единоборства не было — бой сразу принимал массовый характер и велся с таким ожесточением, что иногда приходилось вмешиваться властям и посылать наукеров бека для усмирения драчунов. Если при драке оказывался убитый, противная партия давала выкуп за кровь (хун) и все ее члены принимали участие в его уплате.

Драки регулировались общепринятыми правилами. Дрались кулаками (муштзани), ладонью открытой руки (торсаки), ногами (кокмазани или лингазани), коленями (зонузани) и головами (каллазани) [35]. Выдержать подобное испытание было, конечно, нелегко; для этого была необходима специальная тренировка. Наш информатор, Усто Касим, знавал человека, который ежедневно тренировался, ударяясь лбом о столб, поддерживавший крышу веранды в его доме. Садриддин Айни пишет, что хорошо натренированные участники таких состязаний, желая показать свое мастерство в бое головами, на празднествах разбивали о свою голову глиняные чаши, блюда, даже кувшины, выражая таким образом свой восторг от танца или песни [36].

Наряду с состязаниями, происходившими регулярно в определенное время года, в единоборство иногда вступали по какому-нибудь особому поводу отдельные лица. Любопытно

---

[35] С. Айни, Воспоминания, стр. 489—491.

[36] Там же, стр. 482 (перевод этого места не совсем верен). См.: С. Айнӣ, Ёддоштҳо, III, Сталинобод, 1950, стр. 139.

отметить, что некоторые детали соревнований, описанных древними источниками, имеют черты близкого сходства с наблюдавшимися еще в начале XX в. В древней Фергане, так же как и в Бухаре начала XX в., сначала происходило единоборство; соперничавшие партии выбирали по одному представителю, которые сражались друг с другом, получая моральную поддержку от своей партии. В древней Куче, так же как в Бухаре, драке предшествовали бои животных, выставленных разными партиями. Как в древности, так и в начале XX в. соревнования устраивались весной (в древности их приурочивали к празднованию Нового года). Весьма любопытное объяснение дают соревнованиям древние авторы: по исходу боев судили об урожае предстоящего года. Это позволяет установить связь «жестоких обычаев» с магией плодородия, стремлением помочь творческим силам природы напряжением сил и проявлением мощи человеком. Эта сторона идеи, лежавшей в основе обычая, до сих пор не отмечалась; в частности, она не была указана С. П. Толстовым, проанализировавшим подобные обычаи в древней Средней и Передней Азии.

Отлившись в глубоко традиционные, хотя, конечно, не неизменные, формы и сохранившись до самого конца существования в Средней Азии феодальной формации, обычай соперничества был явлением весьма своеобразным и противоречивым по своему влиянию на жизнь народа; он одновременно разъединял и объединял соперничающих. Состязания на почве постоянного соперничества и драк вели к возникновению вражды и неприязни между жителями одного населенного пункта, и эта вражда была столь же традиционна, как и сам обычай соперничества. На эту сторону вопроса указал еще Макдиси (X в.), который отметил, что «в Мавераннахре мало городов, в которых нет распри»[37]. Та же черта характеризовала и быт городов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Традиционная распря, конечно, оставляла на всем быте горожан резкий отпечаток, постоянно противопоставляя друг другу жителей разных частей города. Это отмечали все наши информаторы, особенно по городу Карши, где обычай соперничества прочно сохранялся еще в предреволюционные годы[38].

Но необходимо отметить одну очень важную черту обычая соперничества: оно проявлялось только между частями единого целого — населенного пункта, жители которого были объединены историческими, экономическими и культурными связями, участием в общей жизни, вызывавшим необходи-

[37] Макдиси, BGA, III, стр. 336,— цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 205.

[38] О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 127—128.

мость постоянного общения. Несмотря на порождавшуюся этим обычаем традиционную вражду, соперничество отнюдь не вело к разрыву общественных связей. Оно было одним из проявлений единства населения, своеобразной формой общественных связей, а не их разрушением. В силу диалектического противоречия сама вражда между различными группами тесно связанного между собой населения подогревала и оживляла взаимоотношения между жителями разных частей города, постоянно сталкивала их между собой. Жителям одной части города были хорошо известны имена, характеры и вся жизнь наиболее выдающихся или, наоборот, приобретших худую славу бойцов из другой части.

Все описанные традиционные проявления общественных связей между жителями различных частей города бытовали лишь в среде демократических слоев горожан. Господствовавшие классы стояли от этого в стороне. Это особенно резко проявилось на примере Карши, где центр города, обнесенный стеной, выделился как резиденция правителя и район проживания знати и богатого купечества, в то время как пригороды, сохраняя в полной мере характерные черты средневековых рабадов, были населены ремесленниками и земледельцами. Именно в их среде и жили традиции соперничества, от которого оставались в стороне жители центральной части города.

В Бухаре, где не было такого резкого территориального членения города, где не выделялись части, заселенные богачами и знатью, как и районы обитания бедноты или трудового люда, демократический характер описываемых отношений проявлялся в составе участников соревнований, выходивших главным образом из среды ремесленников.

Порожденный глубокой древностью обычай соперничества не утратил в жизни феодального общества практического значения, что, видимо, и способствовало его длительному сохранению. Этот обычай формировал в народном характере такие черты, давал людям из народа такие навыки, которые были исторически необходимы. Одним из результатов бытования этого обычая в среде народных масс было развитие патриотизма, правда, очень узкого, направляемого даже не на весь город, а лишь на свою часть или на свой квартал, но патриотизма очень живого и горячего. Состязания вырабатывали в народе боевые качества, дававшие необходимую в борьбе с постоянными напастями стойкость, без которой невозможно было бы противостоять жизненным испытаниям и бороться с нападавшим нередко на город внешним врагом. Вероятно, именно на традициях соперничества воспитывались смелость и мужество, не раз проявленные народными массами в тяжелую минуту. Известно, что в XIV в.,

как и столетием позже, Самарканд от нападения монголов спасли не феодалы со своим обученным войском, а сами горожане. Ремесленники и крестьяне из пригородных селений сумели отразить наступление врагов, в частности «стотысячной армии» хорасанского правителя Абулькасима Бабура, и нанести ему поражение[39]. В тех «пеших воинах», смелость и изобретательность которых приводили в замешательство феодальную конницу Бабура, мы с полным основанием можем видеть представителей народа, взявшего в свои руки оборону города; ведь известно, что феодальное войско в Средней Азии состояло из всадников. Простой народ не обучался военному делу, которое считалось привилегией и исконным занятием военно-служилого сословия и феодалов. Поэтому вряд ли люди из народа могли бы выступать как значительная военная сила, если бы в этой среде не было условий для приобретения определенных навыков и боевого духа. Весь строй феодального общества самыми жестокими мерами воспитывал народные массы в покорности и смирении, а их боевые качества принципиально отрицались и, во всяком случае, не поддерживались. «Средневековые феодалы считали участие народных масс в войнах нежелательным»[40]. При таком положении не было условий для выработки в народном характере боевых качеств. Однако в период феодализма, с его постоянными войнами и нашествиями, не раз возникала такая ситуация, когда простой народ должен был подниматься на самозащиту и отстаивать свою независимость. Вероятно, именно эта жизненная необходимость являлась причиной сохранения глубоко пережиточного института соперничества, породившего «городских удальцов» и традиции «мужских союзов». В этих своеобразных организациях складывались нужные для борьбы с врагами навыки и приемы, воспитывались стойкость и воинственный дух, которые в мирное время проявлялись в драках, соперничестве и жестоких забавах.

Мужские союзы сравнительно хорошо изучены, и здесь нет надобности на них специально останавливаться. Но в Бухаре (а можно думать, что и в других городах) существовал еще один институт, который, по существу, играл ту же роль. Мы имеем в виду связанную до некоторой степени с соперничеством организацию так называемых удальцов (олуфта). Эта организация до сих пор была отражена только в мемуарах Садриддина Айни, который довольно подробно описал ее, заметив, что к началу XX в. этот обычай уже вы-

---

[39] О. Д. Чехович, Оборона Самарканда в 1454 г.,— «Изв. АН УзССР. Серия общественных наук», 1960, № 4, стр. 43.

[40] Там же.

шел из народной практики[41]. Поэтому изучение его в наше время чрезвычайно трудно, так как единственным источником может быть этнографический материал — воспоминания пожилых людей, а найти среди них людей, могущих рассказать о годах, лежащих за пределами начала XX в., уже почти невозможно. Членов организации «удальцов», которую цементировали неписаные, но строгие правила, объединяло в своеобразное товарищество понятие о чести, требование бесстрашия, мужества и удальства, верности в дружбе и непреклонности в ненависти, твердого соблюдения данного слова, если оно подтверждено клятвой. Соблюдение клятвы считалось настолько обязательным, что нарушение ее влекло за собой изгнание из среды «удальцов» и за таким человеком навсегда утверждалась худая слава «немужчины». Если кто-либо наносил «удальцу» оскорбление, тот должен был тем или иным путем — обычно в единоборстве — получить удовлетворение. Если же оскорбленный не находил в себе мужества и оставлял обидчика безнаказанным, он также изгонялся из организации.

Члены организации разделялись на три категории (или три ступени), которые связывались с возрастом, а главное — с предоставлением доказательств своей зрелости и мужества. Чтобы перейти в мнении товарищей (иного критерия не было) на следующую, более высокую ступень, надо было показать себя в деле (корномахо нишон додан): проявить храбрость, овладеть всеми традиционными приемами боя, применяемыми в состязаниях, выработать в себе боевые качества и приобрести в этом деле опыт.

Требования, предъявляемые к каждой ступени, относились и к внутреннему, и к внешнему облику членов организации. Внутренняя сторона выражалась во все большем овладении боевыми приемами и моральном росте, внешний облик определялся и манерой держать себя, и установившимся стилем одежды.

Молодые юноши, по большей части ученики ремесленных мастерских, составляли среди «удальцов» первую ступень. Они назывались «нимтаёр» — «полузрелыми» (букв. «полуготовыми»). Отличительными чертами их костюма были рубахи с закрытым воротом, кожаные калоши на высоких каблуках, надетые на босу ногу, и коротко отпущенный конец («мышиный хвост») навитой очень плотно чалмы. К поясу из свернутого углом платка они подвешивали пару небольших ножей в ножнах.

Когда «полузрелые» постигали все приемы боя и доказы-

---

[41] С. Айни, Воспоминания, стр. 481 и далее; С. Айнӣ, Ёддоштҳо, III стр. 139 и далее.

вали на практике свою силу и ловкость, им давалось звание «таёр» — «зрелых» (букв. «готовых»). Это была вторая ступень. «Зрелые» ходили в сапогах на высоких подборах, подпоясывались кушаком в виде длинного куска ткани и носили у пояса большой полуаршинный нож. Они одевались в легкие халаты без рубахи, носимые всегда нараспашку, чалму навертывали плотно, придавая ей плоскую форму, по фасону, который назывался в Бухаре «корзиночным». Конец чалмы выпускался более длинный, чем у «полузрелых».

На самой высокой ступени находился «молодец из молодцов», или «муж мужей» (марди мардон). Это звание мог носить только один человек. Он признавался главой всех удальцов своего времени. Его одежда отличалась подчеркнутой простотой: на босых ногах были надеты остроносые калоши из грубой замши без каблуков, на голове — маленькая чалма с длинным спущенным на спину концом, как носят афганцы. И зиму, и лето он ходил в одном бумажном халате, который был у шеи скреплен завязками. Поясом служил дешевенький платок, на котором висел ножичек для очинки камышовых перьев — другого оружия «молодец из молодцов» не носил. Когда «молодец из молодцов» умирал или его лишали этого звания за какой-нибудь проступок, на его место выбирали другого из числа «зрелых». Звание «молодца из молодцов» мог оспаривать любой из «зрелых», если он чувствовал себя к этому подготовленным. В таком случае новый претендент вызывал «молодца из молодцов» на поединок и вопрос решался исходом драки. Будучи побежденным, «зрелый» навсегда изгонялся из среды «удальцов», так как считалось, что, вызвав на поединок их главу без достаточной подготовленности, он позволил себе недопустимую дерзость, оскорбительную как для «молодца из молодцов», так и для всей организации.

Поведение «удальцов» и в своей среде, и в обществе определялось неписаным каноном. Они должны были держать себя скромно, но с достоинством, быть находчивыми в ответах, чтобы всегда уметь отразить метким словом насмешку или недостаточно уважительное отношение к себе или к своим товарищам. Между собой они должны были поддерживать дружбу и единство, защищать более слабых.

Айни считал, что «удальцы» играли в жизни бухарцев положительную роль: они защищали тех, кого кто-то обижал, безжалостно расправлялись с хулиганствующими элементами. Их авторитет, особенно «мужа мужей», был настолько высок, что было достаточно пройтись вместе с ним по улице, чтобы никто не осмелился обидеть того, кому покровительствует известный в городе уважаемый «удалец».

Институт «удальцов», несомненно, имел глубокие истори-

ческие корни. Их можно было связать со средневековыми аййарами, которые имелись и в Бухаре (это доказывает упоминание «башни Аййаров» в источнике XV в. «Книге Мулло-зода»). Однако в исторической литературе до недавнего времени не было данных, которые позволили бы сделать это с достаточным основанием. Эту возможность дало исследование О. Г. Большакова, собравшего и связавшего воедино разрозненные сведения об аййарах, имевшиеся в письменных источниках[42]. В научный оборот поступили факты, которые позволяют сопоставить описанных выше бухарских «удальцов» со средневековыми аййарами. Между ними обнаруживается несомненное и очень близкое сходство. Сходен их моральный кодекс, понятие о чести, которую надо защищать любой ценой; общей чертой является наличие главы организации — «раиса молодцов» у аййаров и «молодца из молодцов» у «удальцов». Аналогии между бытом и обликом тех и других бросаются в глаза. Но аййары и «удальцы» были разделены хронологически почти пятью столетиями, и, конечно, этого нельзя не учитывать. Вероятно, больше всего изменилась роль «удальцов» в жизни общества. Судя по имеющимся далеко не полным данным, удальцы не принимали такого участия в политической жизни города, как в свое время аййары. Но и тем и другим была свойственна одна важная черта: эта организация сложилась в среде трудового населения городов, в частности среди ремесленников.

Этнографический источник позволил более полно и конкретно изучить организацию «удальцов» (хотя эта полнота весьма относительна), и потому сведения о ней, касающиеся гораздо более позднего периода, несомненно, представляют большой интерес для лучшего понимания жизни и бытового уклада средневекового города. Такое своеобразное явление, как организация «удальцов» в Бухаре конца XIX — начала XX в., в свою очередь, становится более понятным в своих корнях после того, как в исследовании О. Г. Большакова вырисовались с достаточной конкретностью средневековые аййары. Устанавливается факт исторической преемственности, хотя пока корни этого сложного явления еще не вполне ясны.

Моральный кодекс и некоторые обычаи «удальцов» (защита чести, своеобразные турниры, испытания смелости и силы) позволяют сравнить их со средневековыми рыцарями Европы. Но существовало между ними и коренное, принципиальное различие. Почвой, на которой выросла организация «удальцов», были не высшие классы, не аристократия,

---

[42] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 341—346.

как у рыцарства Западной Европы, а демократическая среда ремесленников. Ярким выражением этого демократизма было отрицательное отношение бухарских «удальцов» к немногим представителям привилегированных классов, примкнувшим к этой организации. С. Айни сообщает, что после смерти последнего «молодца из молодцов» было несколько претендентов на это звание, из которых только один соответствовал ему по своим личным качествам. Однако «удальцы» воспротивились его избранию, мотивируя это тем, что он «родом из ходжей и знати», почему и не может быть их главой.

В последний период существования Бухарского ханства организация «удальцов» начала разрушаться и терять свои высокие «рыцарские» традиции. С. Айни связывает это с распространением в Бухаре пьянства, вызванного, по его представлению, открытой продажей там спиртного, что раньше строго воспрещалось (хотя, как известно, втайне и существовало). В действительности упадок института «удальцов» был порожден разложением феодализма, что и приводило к деформации или исчезновению выросших на его почве обычаев и бытового уклада.

* * *

Проведенное нами исследование быта квартальных общин и различных форм межквартальных и более широких, внутригородских связей показывает, что жилой квартал Бухары до конца феодального периода сохранял свое значение основной единицы членения города, как и свой традиционный быт, в котором черты общины переплетались с отношениями, порожденными классовым строем общества. Внутри квартала замыкалась до известной степени жизнь горожан: здесь сложились условия, поддерживавшие пережиточный общинный уклад, способствовавшие сохранению его в народном быту до самых поздних этапов истории феодального общества. Но наряду с ограниченностью быта горожан рамками кварталь ных общин развитие феодального города вызвало появление целого ряда взаимосвязей, которые соединяли друг с другом соседние кварталы, объединяли живших в разных кварталах горожан на почве общей профессии. Они же породили своеобразные формы общения городской молодежи из плебса — состязания, а также организации «удальцов». Все эти формы общения горожан, прослеженные нами на примере Бухары, сложились в далеком прошлом, иногда ведут свои истоки из древнего, доклассового общества, как это можно положительно утверждать в отношении пережитков общины. Другие формы общественных связей, такие, как

объединение ремесленников в профессиональные корпорации, были вызваны к жизни условиями феодального общества.

Вплоть до конца феодальной формации город оставался в значительной степени «социально-раздробленным», «лишенным общих связей»[43], и вскрытый настоящим исследованием замкнутый быт квартальных общин дополнил эту характеристику. Но наряду с тем обнаружились и общественные связи, в какой-то степени преодолевавшие эту замкнутость. Следует думать, что они появились и все больше расширялись, вовлекая в общение всё более широкие круги населения, по мере развития феодального города. Особенно ясно обнаруживается это в жизни профессиональных корпораций. Совпадая, вероятно, в прошлом с границами квартала и сохраняя эти рамки в слаборазвитых ремеслах, корпорации ремесленников начинали все более расширяться по мере развития того или иного промысла, охватывая то несколько соседних кварталов, то целые районы города, где в ходе развития промышленности сложились самостоятельные центры промысла. Как мы видели, в условиях наиболее развитого ткацкого промысла единая профессиональная корпорация связала между собой постоянными связями население четырех отдаленных территориально друг от друга районов города и пригородов. Широта этих общественных связей, не свойственная выработанным феодализмом формам организации, вызвала новое явление в жизни ремесленников — членение ремесленной корпорации на несколько частей по территориальному признаку.

Для изучаемого периода — периода зарождения внутри феодального общества новых капиталистических отношений — характерным оставалось все же сохранение в быту горожан замкнутых традиционных форм общественного быта, сложившихся под влиянием закономерностей феодальной формации. Это еще раз подтверждает сделанный на основе анализа других сторон жизни горожан-бухарцев вывод о том, что вплоть до Октябрьской революции Бухара оставалась в своей основе городом феодальным.

---

[43] И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 88.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КВАРТАЛЫ БУХАРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Для изучения кварталов среднеазиатских городов конца XIX — начала XX в., когда они сохраняли сложившийся в период феодализма внутренний строй и внешний облик, может быть широко привлечен источник этнографический. Он был основным при изучении автором бухарских кварталов. Опросные сведения, полученные от старожилов каждого квартала в отдельности, позволили охватить весь город в целом, выявить особенности каждого квартала и определить действительное число их в этот период.

Несмотря на то что кварталы сохранялись почти в неприкосновенности еще в довоенный период, вопрос о числе кварталов Бухары не был ясен ни для самих жителей города, ни для тех, кто его изучал. По этому поводу были высказаны разные мнения.

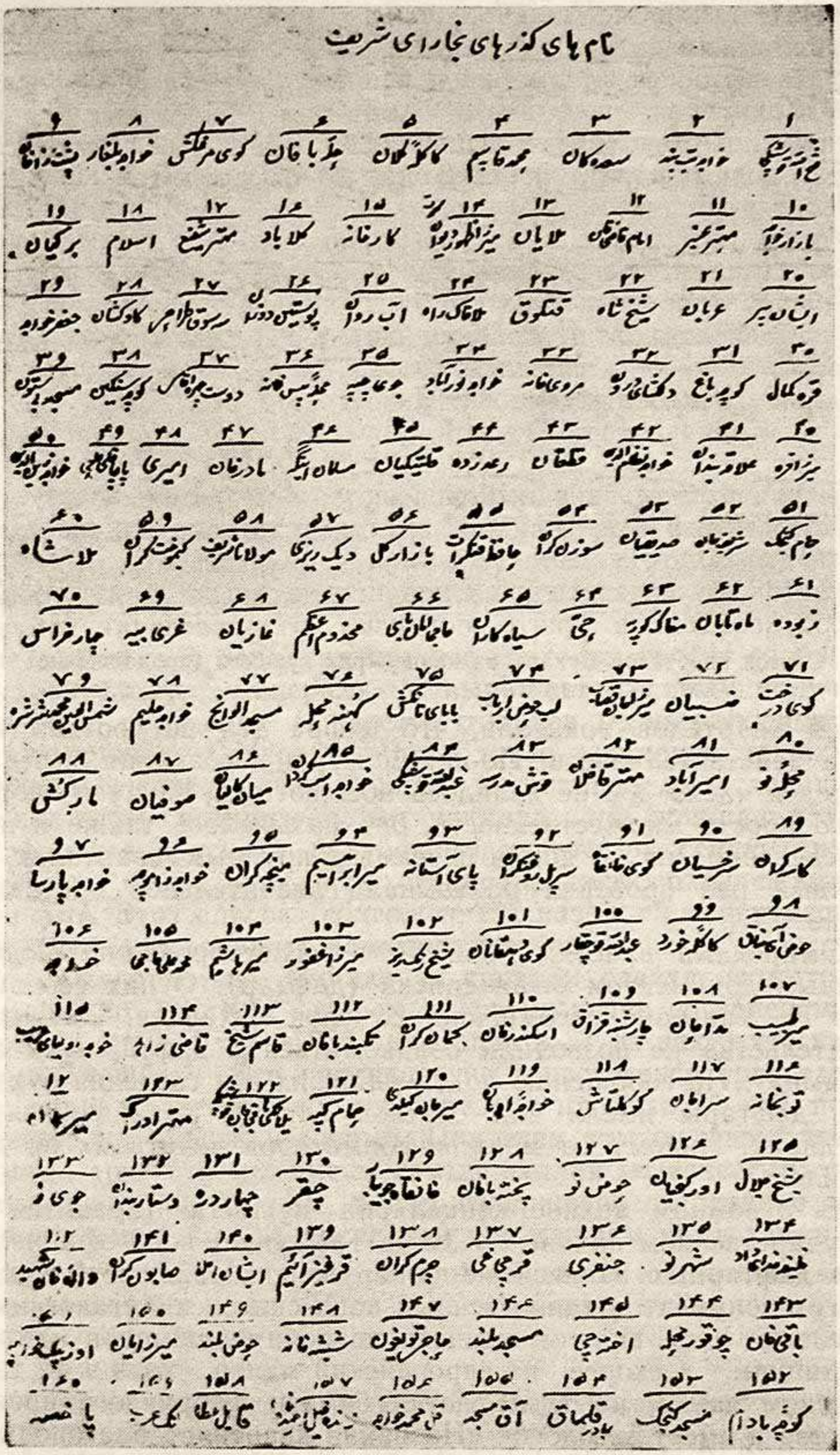
Бухарцы были твердо убеждены, что в их городе было 360 кварталов. Мы встречаем эту цифру и у европейских авторов конца XVIII — первой половины XIX в. Они говорят о 360 мечетях города. Эту цифру назвали побывавший в Бухаре в конце XVIII в. Бурнашев[1], Мейендорф и «очевидец»[2], посетившие Бухару в 1820 г., Н. Ханыков, который приезжал сюда в 1841 г.[3] Ту же цифру называли автору этих строк старики бухарцы в 1947—1950 гг. Не остается сомнений, что источниками всех подобных сведений в литературе также были сообщения бухарцев, опиравшихся на прочную, но тем не менее ошибочную традицию. Изучение города в натуре, обследование и фиксация на плане всех без исклю-

---

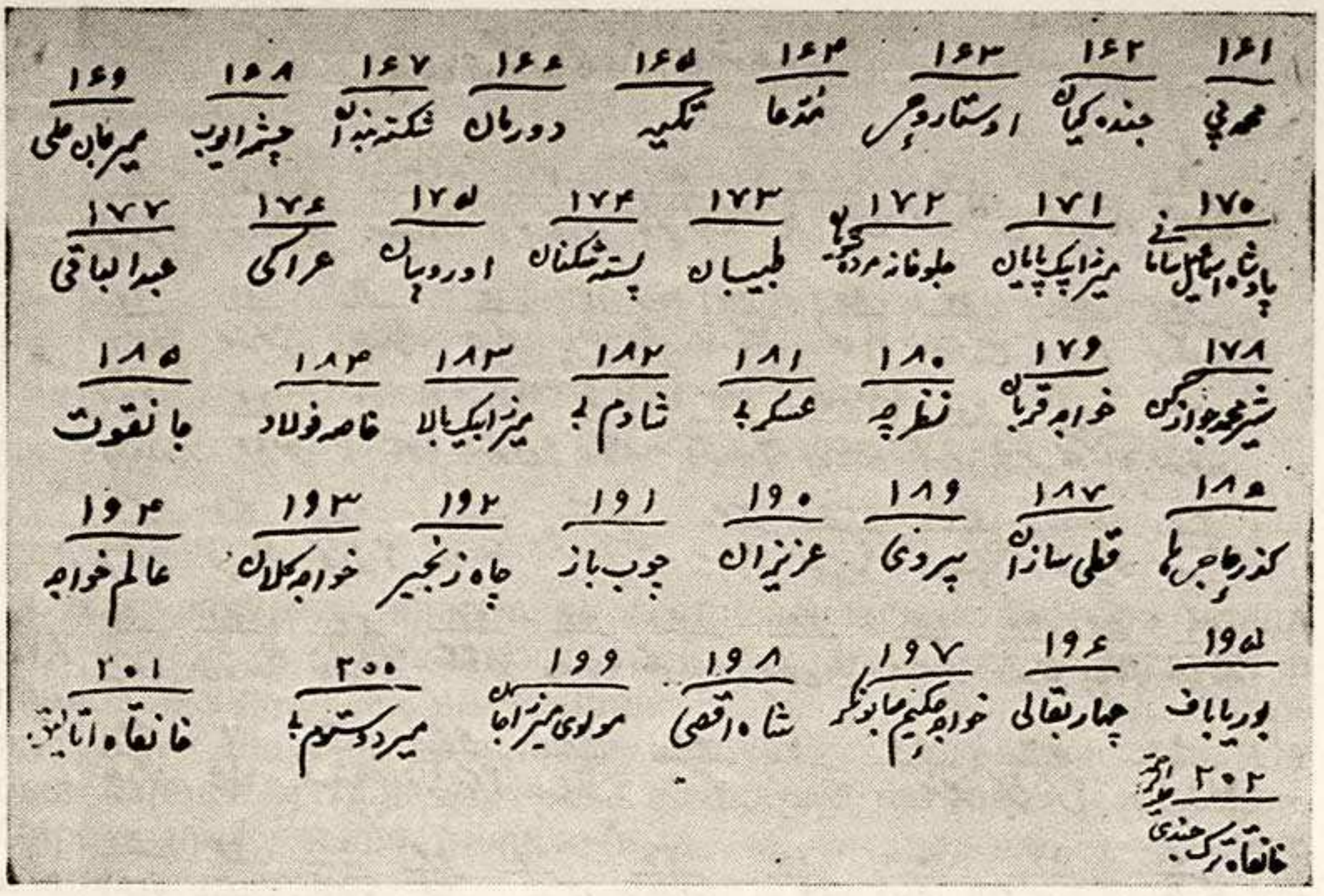
[1] «Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году»,— «Сибирский вестник», 1818, ч. 2, стр. 280.

[2] G. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, Paris, 1826, стр. 180; «Русские в Бухаре в 1820 г. (Записки очевидца)»,— «Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.», стр. 24.

[3] Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 87. Ханыков говорит о 360 мечетях «по числу улиц», из чего ясно, что речь идет о квартальных мечетях, а следовательно, и о кварталах.



Список кварталов Бухары из канцелярии кушбеги



Список кварталов Бухары из канцелярии кушбеги (продолжение)

чения кварталов показали, что цифра эта не соответствовала действительности. По-видимому, и в сознании местных жителей число 360 не являлось абсолютным, означая скорее всего просто множественность, оно называлось также и при определении числа домов в самых крупных кварталах, и каждый раз проверка показывала значительное преувеличение.

Эмирскими властями кварталы регистрировались. Письменным документом были списки (дафтар). О них сообщал еще Н. Ханыков, несомненно, со слов бухарцев. Ему «обстоятельства не позволили ознакомиться с дафтарными записями»[4]. По сообщению подтвердивших эти сведения бухарцев, дафтары имели вид свитков (лула), хранившихся в футлярах. Никому из моих информаторов читать их не доводилось.

В огромном архиве канцелярии кушбеги (хранится в Государственном архиве УзССР в Ташкенте) пока официальных дафтарных записей не обнаружено. Найденный среди других документов единственный пока список кварталов имеет совсем иной вид; он написан не по имевшимся в Бухаре традициям, а скорее на европейский манер, хотя и на таджикском языке, на трех листах бумаги фабричного производства и имеет заголовок «Названия кварталов благородной

[4] Там же, стр. 96.

Бухары» (نامهای گذرهای بخارای شریف)[5]. Названия кварталов размещены в строчку, каждое имеет порядковый номер, надписанный сверху цифрами и подчеркнутый прямой чертой. Всего в списке 202 названия. Список не датирован. Характер документа позволил обнаружившей его К. Х. Хакимовой предположить, что он мог быть составлен в канцелярии кушбеги для Российского политического агентства в Бухаре. Если это так, то список относится к концу XIX — началу XX в., что соответствует и его внешнему виду. Однако в числе кварталов, названия которых в большинстве употреблялись и в начале XX в., мы находим несколько более ранних, к этому времени не только вышедших из употребления, но и забытых. Это может свидетельствовать о том, что данный документ скопирован со списка, составленного много раньше.

Второй список местного происхождения недавно обнаружен в архиве востоковеда А. Л. Куна[6]. Не вызывает сомнений, что его составил какой-то бухарец, вероятно по поручению Куна. Это видно из написанного на той же странице письма, адресованного, очевидно, Куну, в котором составитель списка и дополняющих его сведений просит сообщить о своей заслуге «генералу» и выражает надежду получать подобные поручения (а вместе с тем и вознаграждение) и в дальнейшем. Содержащееся в этом документе подробное описание еженедельных базаров, в основном происходивших в окрестных селениях, может указывать на принадлежность составителя списка к бухарскому купечеству средней руки, торговые связи которого ограничивались близлежащими рынками. Этот список содержит 197 названий кварталов, к которым надо добавить названия трех еврейских слобод, упоминаемых отдельно. Однако за списком следует подытоживающий его текст, в котором в противоречии со списком говорится, что в Бухаре 230 кварталов и 37 из них — это кварталы Джуйбара. Это противоречие, как и явное преувеличение числа кварталов в Джуйбаре, где их было 16—20, показывает, что список неточный. При всем том он очень ценен: помимо того что мы имеем самый ранний из известных списков кварталов Бухары, в нем содержатся сведения о приблизительном (تخمیناً) числе домов в каждом квартале, о наличии или отсутствии там школы (мактаб) и о числе учеников в каждой из них. Нельзя не пожалеть, что этот источник до сих пор оставался неиспользованным: его публикация в

---

[5] ГА, ф. 126 (Канцелярия кушбеги эмира Бухарского), оп. 1, ед. хр. 73.

[6] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Архив А. Л. Куна, ф. 33, оп. 1, д. 217, 30 лл.

свое время составила бы заметную веху в истории изучения Бухары. В руки автора этих строк он попал также слишком поздно, после того как многое было выяснено путем опроса старожилов и привлечения актового материала.

Вопрос о числе кварталов Бухары конца XIX — начала XX в. в известной мере был решен при составлении в начале XX в. плана Бухары военными топографами Парфеновым и Фениным, снабдившими план подробной экспликацией. На этом плане обозначено 218 мечетей, из которых при проверке квартальными оказалась 201. Этот план затем использовался при исследованиях в советское время, уточнялся М. Саиджановым, зафиксировавшим 197 мечетей, и Л. И. Ремпелем.

В списке, составленном М. С. Андреевым к плану последнего, в разделе «Гузарские мечети» значится 204 номера, в которые ошибочно занесены несколько названий, являвшихся вторыми, а иногда и третьими названиями одного и того же квартала.

Автор настоящей работы имел также возможность ознакомиться со списком кварталов, составленным в 1925 г., когда производилось укрупнение слишком мелких кварталов в более крупные административные единицы. В этом списке мы находим 192 старых квартала.

Как мы видим, в вопросе о числе кварталов Бухары между разными источниками имеются значительные расхождения. Уточнить эти данные было одной из задач автора этих строк. Ее осуществление во время работы в конце 40-х годов представляло значительные трудности, так как в те годы город уже сильно изменился. Некоторые районы запустели, в черту города вошла территория, которая до революции находилась за городской стеной и считалась сельской, многие жители перешли в другие кварталы или выехали из Бухары.

Однако принятый метод -- обследование каждого квартала в отдельности, сопровождавшееся установлением его границ с другими кварталами и локализацией на плане,— позволил собрать сведения достаточно полные и надежные.

Таким образом, в Бухаре конца XIX — начала XX в. было выявлено 220 кварталов; в это число входят три еврейские слободы. Названий кварталов записано 250. Из них 30 названий при проверке оказались вторыми или третьими названиями уже учтенных кварталов. В трех случаях одинаковые названия носили два разных квартала. Эти данные, видимо, наиболее точны и отражают действительное число и состав кварталов Бухары конца XIX — начала XX в.

Второй задачей исследования было выяснение характера жилых кварталов. Сведения, полученные от старожилов, ох-

ватывают такие вопросы, как число домов в квартале, этническая принадлежность, а иногда и история появления его жителей в Бухаре, занятие населения квартала, наличие в нем общественных, в частности культовых, зданий, кладбищ, святынь. Были записаны также легенды и предания, объясняющие названия квартала или его частей. Такие материалы дали возможность охарактеризовать все кварталы Бухары указанного периода во всем их многообразии. Многие особенности их сложились и были им присущи и в более или менее отдаленном прошлом. Давно сформировалась основная часть населения каждого квартала, определились его занятия, нередко носившие традиционный для данной группы характер, появились на территории квартала те или иные здания, торговые ряды, святыни и кладбища. В процессе развития города (его расширения в одни периоды, уменьшения по площади и плотности населения в другие) установились или были утрачены те или иные связи города с внешним миром, что издавна определило направление и характер уличных магистралей.

Конечно, все обнаруженные исследованием особенности кварталов не представляли собой чего-то вечного и неизменного. Квартал был живым социальным организмом и переживал определенную эволюцию. При определенных обстоятельствах его характер мог измениться, при других создавались условия для длительного сохранения его черт. Но во всех случаях — при условии, что квартал по какой-либо причине длительно не запустевал,— среди его населения имелся контингент потомков его старых жителей, а вместе с тем сохранялись и сложившиеся в нем традиции.

Это свойство жилого квартала, обнаружившееся при исследовании, приводит к убеждению, что достаточно подробные характеристики всех без исключения кварталов города представляют собой в совокупности богатый и своеобразный первоисточник, который будет иметь ценность для историков всех специальностей, занимающихся изучением феодального города.

Как известно, во многих старых среднеазиатских городах сохранялось древнее деление города на две или четыре части, в каждую из которых входили определенные кварталы. Исторические источники свидетельствуют, что такое деление имелось в прошлом и в Бухаре. Однако здесь оно давно исчезло, оставив следы лишь в архаических народных обычаях соперничества, заменившись делением городского населения на четыре части, территория которых в разное время вошла в состав города [7].

---

[7] См.: О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 123.

В Бухаре, где древнее четырехчастное деление сохранялось гораздо слабее, чем в других среднеазиатских городах, хотя оно и могло быть нащупано при исследовании, обнаружилась традиция членения города на 12 «микрорайонов». К началу XX в. эта традиция была основательно забыта, и опросы населения, производившиеся уже в советское время, не дали сведений об этих «микрорайонах» (в сознании бухарцев четко выделялся лишь один «микрорайон» — Джуйбар). Однако А. А. Семенов, наблюдавший Бухару в самом начале XX в., установил, что город делился на 12 частей — джарибов. Он трактовал это деление лишь в плане административном, как способ организации в городе полицейского надзора, осуществлявшегося эмирскими властями[8]. Такая трактовка установленного им факта до недавнего времени не подвергалась сомнению. Однако поступивший недавно в научный оборот новый источник — план Бухары, выполненный в начале второй половины XIX в. рукой местного жителя и сохранившийся в архиве востоковеда П. И. Лерха, заставляет искать в этом делении более глубокие корни[9].

Неизвестный автор плана, очевидно отразивший имевшееся в то время представление о структуре города, разделил территорию Бухары на 12 частей, названных им «махалла». Видимо, в тот период, когда был выполнен план из архива Лерха, эта структурная ступень еще сохранялась в сознании бухарцев. Та же традиция была выявлена для Ходжента (ныне Ленинабад) Н. Турсуновым, обнаружившим там наряду с традиционным делением города на две части и на множество жилых кварталов объединение соседних кварталов в группы, называвшиеся роат[10]. Можно думать, что эта структурная ступень сложилась в ходе развития феодального города, как следствие появления сравнительно крупных городов, их роста и усложнения их структуры. Это явилось результатом постоянно протекавшего процесса образования новых кварталов либо путем членения старых, либо вследствие превращения в кварталы вошедших в городскую черту сельских пригородов. В каждый «микрорайон» входили

---

[8] А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени,— «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, стр. 48.

[9] Этот план был обнаружен в архиве востоковедом Р. Гафуровой и издан А. Р. Мухамеджановым, приписавшим его, как я полагаю, ошибочно, Ахмади Донишу. См.: А. Р. Мухамеджанов, Историко-топографический план Бухары Ахмада Дониша,— «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 5. Анализ этого плана выполнен также автором настоящих строк в издающейся статье «Новые данные о структуре феодального города». План этот, видимо, был вывезен Лерхом из Бухары, которую он посетил в 1858 г. и там заказал вычертить план какому-то бухарцу.

[10] Н. Турсунов, Ходжент и его население, стр. 26.

кварталы, близкие, вероятно, не только по территории, но и по происхождению.

«Микрорайоны» оказались не таким стойким и гибким элементом структуры городов, как 2—4-частное деление или деление на жилые кварталы. К началу XX в. от них оставались лишь слабые следы, и потому они ушли в прошлое неизученными, не выявленными не только в Бухаре, но и в других среднеазиатских городах [11].

Но в середине XIX в., когда был создан план из архива Лерха, эта структурная ступень, видимо, еще сохранялась в сознании бухарцев, хотя ее четкое понимание исчезло, о чем свидетельствуют многие неточности и несообразности, которые можно видеть на этом плане.

Так как теперь уже двумя разными свидетельствами удостоверено, что еще в начале XX в. бухарские кварталы объединялись в «микрорайоны» — джарибы или (в соответствии с планом) махалла, характеристику кварталов целесообразно давать по этим «микрорайонам», однако следует оговорить, что границы между ними неточны и пограничные кварталы в ряде случаев могут быть отнесены с равным основанием к тому или иному из соседних «микрорайонов». Я выделила «микрорайоны», опираясь, с одной стороны, на план середины XIX в. (хотя он во многом неточен), а с другой — на особенности разных частей города и на традиции соперничества, учитывая также факты исторической топографии Бухары.

Из двух терминов, употребленных нашими источниками для обозначения «микрорайонов»,— джариб и махалла — более удобным кажется выбрать первый, так как термин «махалла» употреблялся и употребляется в нескольких значениях [12].

На плане из архива Лерха обозначены следующие «микрорайоны»-махалла: I. Козиён (северный), II. Моркушон (северо-восточный) [13], III. Гаукушон (восточный), IV. Бозори

---

[11] Не выявлено, например, подобное членение сравнительно хорошо изученного в отношении структуры Ташкента. В Самарканде имелось объединение кварталов в группы, которые назывались «ошхур» — «угощающиеся» (на свадьбах и других празднествах друг у друга), но, видимо, это объединение было несколько иным, чем «роат» в Ходженте и «махалла» (в описанном выше смысле) в Бухаре.

[12] О термине «махалла» см.: О. А. Сухарева, О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии,— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, стр. 102—104.

[13] В Бухаре начала XX в. имелся квартал Моркуш, но он находился совсем в другом месте — на западе, прилегал к проспекту Хыёбон. Возможно, в названии махалла Моркушон, которое донес до нас план, отразилось древнее название городских ворот Мардкушон (у В. В. Бартольда — Мердкушан, по его предположению — из Мардкуша. См.: Сочи-

ходжа (к югу от Гаукушон), V. Суфиён (юго-восточный), VI. Хыёбон (южный), VII. Адрасбофон (юго-западный), VIII. Джуйбор (западный), IX. Кулолгарон (западный), X. Чашма Аюб (северо-западный), XI. Мурдашуён (северо-северо-западный), XII. Регистон (центральный).

Как расположение этих махалла на плане, так и названия, в которых мы встречаем известные нам в большинстве топонимы, настолько не соответствуют действительным районам, связанным с указанными топонимами, что принять их можно только с большими коррективами. Здесь приходится учитывать, в частности, то, что конфигурация городской территории на плане сильно искажена и это породило искажения в расположении районов города [14].

Этнографические данные и изучение топографии города позволяют наметить следующие «микрорайоны»: I. Шайх Рангрез (юго-восточный), II. Турки Джанди (южный), III. Джуйбар (юго-западный), IV. Чашма Аюб (северо-западный), V. Регистон (северный, расположенный между северной стеной и площадью Регистан), VI. Хыёбон (район к востоку от Джуйбара), VII. Мурдашуён (к югу от арка), VIII. Суфиён (к востоку от джариба Хыёбон), IX. Гаукушон (центральный район, к западу от торговых купольных пассажей Токи Заргарон и Токи Тельпак), X. Шахристон (территория древнего шахристана), XI. Искандар-хон (северный, к северу от арка, между воротами Хазрат Имом и Самаркандскими), XII. Калобод (северо-восточный) [15].

Переходим к описанию кварталов по джарибам, сохраняя для всего города их сквозную нумерацию [16].

нения, т. I, стр. 153—154). В. В. Бартольд отождествляет их с более поздними воротами Саллаххона, находившимися в юго-восточной стене, но, судя по плану, они должны были быть в северо-восточной стене. Автор этих строк имел случай показать, что не все сопоставления В. В. Бартольдом древних ворот с современными (т. е. с воротами начала XX в.) правильны (О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 35, 36). К тому же выводу пришел О. Г. Большаков, уточнивший порядок перечисления ворот Бухары и нашедший, что они перечислялись у арабских географов не по часовой стрелке, как полагал Бартольд, а в обратном направлении (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 244 и др.). Для указанных ворот он принял написание Мардакаше, не обосновав свой отказ от прочтения их названия В. В. Бартольдом (возможно, опечатка?).

[14] См.: О. А. Сухарева, Очерки по истории среднеазиатских городов,— сб. «История и культура народов Средней Азии» (в печати).

[15] Названия джарибов даны в соответствии с названиями махалла на плане из архива Лерха в тех случаях, когда это соответствовало расположению известных топонимов. Если подлинное название «микрорайона» установить нельзя, для джариба принято название первого или самого крупного из входящих в него кварталов.

[16] Порядок кварталов продиктован принятым на плане Парфенова—Фенина порядком, который можно считать целесообразным.

1. Этнографическое описание кварталов

Джариб первый. Шайх Рангрез

Микрорайон Шайх Рангрез занимал юго-восточный угол города, прилегая к городской стене между воротами Кавола (Каршинские) и Саллаххона. Эта территория вошла в черту города, видимо, после перестройки стены в XVI в. Находившиеся здесь кварталы носили характер окраинных. Их экономическое значение было сравнительно невелико. Хотя население этих кварталов в основном перешло к городским занятиям и здесь тоже жили ремесленники и торговцы, но концентрации какого-нибудь крупного ремесла не наблюдалось, не было и крупных или хотя бы средних рынков.

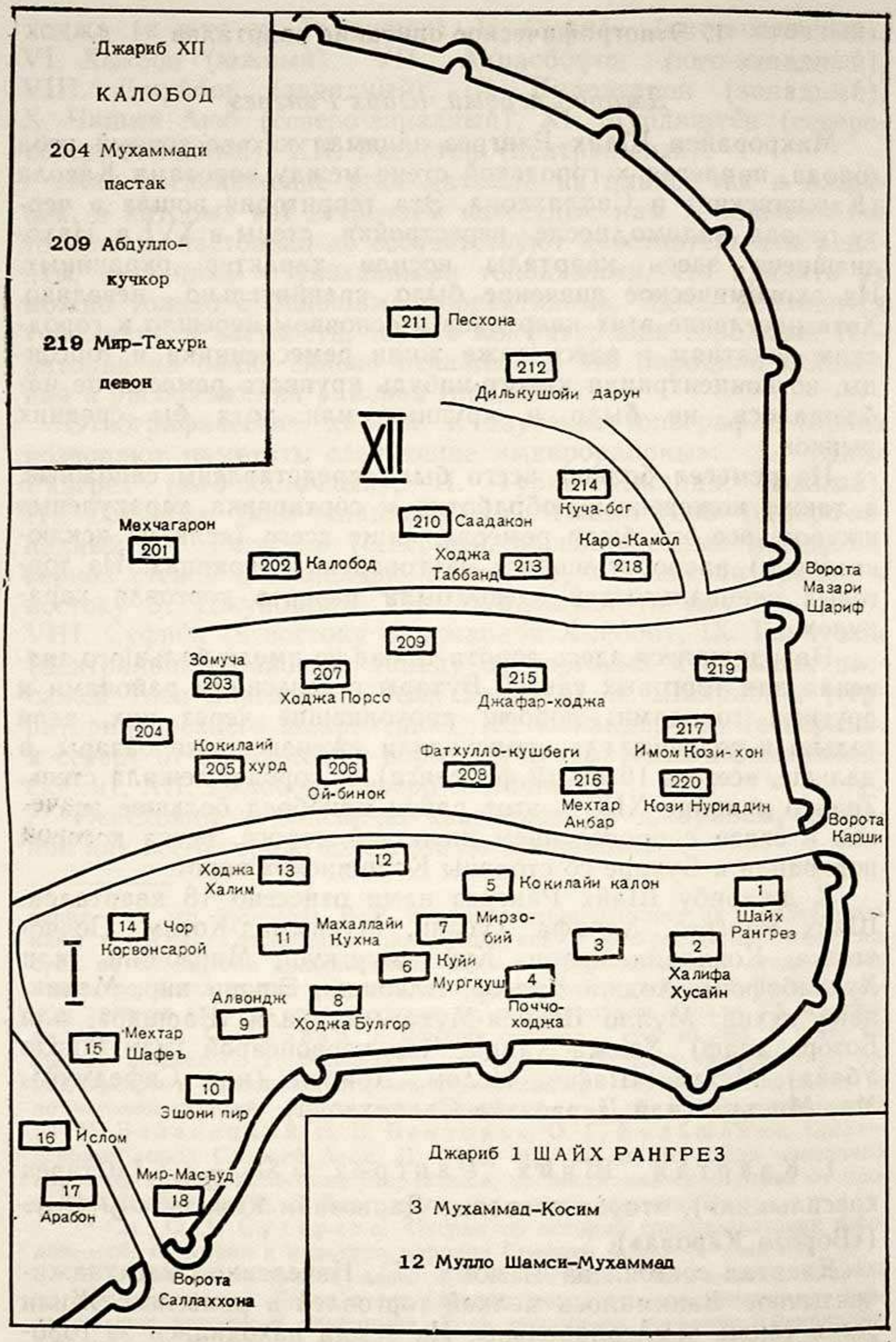
Из ремесел больше всего были представлены сапожные, а также кожевенные, обработка и сортировка каракулевых шкурок; все это были ремесла, чаще всего (если не исключительно) располагавшиеся на городских окраинах. Из торговых специальностей здесь была развита торговля каракулем.

Находившиеся здесь ворота также не имели большого значения для торговых связей Бухары с сельскими районами и другими городами: дороги, проходившие через них, вели только в селения, где происходили еженедельные базары, а дальше, всего в 16 км (2 фарсанга) от города, лежала степь. Только в конце XIX в. этот район приобрел большее значение в связи с проведением железной дороги, ветка которой подходила к Бухаре со стороны Каршинских ворот.

К джарибу Шайх Рангрез нами отнесено 18 кварталов: Шайх Рангрез, Халифа Хусайн, Мухаммад-Косим, Поччоходжа, Кокилайи калон, Куйи мургкуш, Мирзо-бий (или Хуллабофон), Ходжа Булгор, Алвондж, Эшони пир, Махаллайи кухна, Мулло Шамси-Мухаммад (или Шаршара, или Бозори алаф), Ходжа Халим, Чор корвонсарой (или Мирзо Убайд), Мехтар Шафеъ, Ислом, Арабон (или Сафедмуй), Мир-Масъуд (или Дарвозайи Саллаххона).

1. Квартал Шайх Рангрез شیخ رنگریز («Старец красильщик»), второе название Дарвозайи Кавола دروازۂ قواله («Ворота Кавола»).

Квартал состоял из 41 дома (Т). Население было таджикоязычное. Занималось мелкой торговлей и ремеслом. Жили здесь также землевладельцы. Их земли находились за городом, земледелием они не занимались и в большинстве сдавали землю в издольную аренду. Но так как они жили на доходы с земли, их называли в Бухаре «дехкон».



Джарибы I и XII (схема)

Квартальная мечеть считалась хонако, так как там совершались радения; она была в ведении суфийского духовенства. Имелась школа (мактаб) и помещение для омовений (тахоратхона). Святыней квартала считалась могила шейха Рангреза, по прозвищу которого квартал получил название. Вокруг мазара находилось небольшое кладбище, на котором хоронили только потомков «святого». Его прозвище объясняется легендой о совершенном им чуде: он окрасил в три разных цвета три мотка пряжи, окунув их в пруд с чистой водой. После этого чуда наставник «святого», которым был Шайх ул-олам, т. е. Сайфиддин Бохарзи (XII в.) [17], признал ученика достигшим святости и определил ему сферу деятельности внутри города, оставив за собой селения за его стенами. По некоторым сообщениям, подлинное прозвище «святого» было якобы Шайх Гулрез («Старец, снимающий сыпь»). Мазар с таким названием упомянут в «Книге Мулло-зода» [18] (XV в.) как находящийся за городскими стенами. Если отождествление обоих вариантов прозвища правильно, территория квартала Шайх Рангрез до перестройки стены в XVI в. находилась вне города.

Второе название квартала — Дарвозайи Кавола — объясняется его положением около одноименных ворот. Это название упомянуто в вакуфной грамоте 1818-19 г. [19].

2. Квартал Халифа Хусайн خليفه حسين (собственное имя).

Квартал состоял из 24 домов. Жители были таджикоязычны, но называли себя узбеками. Занимались главным образом торговлей, отчасти разными ремеслами. Специализации по одной профессии не наблюдалось. В квартале находился один из крупнейших суфийских центров — хонако Халифа Хусайна, где совершались по пятницам громкие радения (джахр). Хонако служило квартальной мечетью, в ней совершались и пятничные общие молитвы. Об основателе хонако имеются сведения в источнике, согласно которым он жил в конце XVIII — начале XIX в.[20]. Однако квартал Халифа Хусайн упомянут в вакуфной грамоте 1692-93 г. [21], из чего

---

[17] О Сайфиддине Бохарзи см.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965.

[18] كتاب ملا زاده литогр. изд., Новая Бухара, 1904, стр. 66 (далее — «Книга Мулло-зода»).

[19] ГА, ед. хр. 271. Сообщения жителя этого квартала Ато Мирзоева, ювелира, 82 лет.

[20] В «Тухфат аз-заирин», составленном в Бухаре около 1906 г., отмечена гробница святого Халифа Хусайна, жившего при эмире Хайдаре. Умер в 1833 г., 83 лет (литогр., изд., Каган, [б. г.], стр. 103).

[21] ГА, ед. хр. 519.

можно заключить, что время его жизни приходилось на период более ранний, следовательно, в указанном источнике речь шла о другом человеке, носившем то же имя.

В квартале имелось здание школы, но в начале XX в. обучение там не велось, мальчики ходили учиться в школы соседних кварталов[22].

3. Квартал Мухаммад-Косим محمد قاسم (собственное имя).

По сообщениям, квартал состоял из 46 домов (Т, 1928 — 45 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. В небольшом числе здесь жили форсы (ирани). Жители квартала являлись в основном мелкими торговцами, торговали, в частности, пряностями (аттори). Часть жителей жила на доходы с земли, занимаясь земледелием или сдавая землю в издольную аренду. Земля находилась за городом. Название квартала дано ему по имени строителя мечети и жертвователя вакфа. Это лицо упомянуто в вакуфных грамотах 1596-97 и 1789-90 гг.[23]. По-видимому, тогда квартал и получил свое название.

4. Квартал Поччо-ходжа پادشاه خواجه («Зять-ходжа») [24].

Квартал состоял из 51 дома. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Занималось мелкой торговлей и разными слаборазвитыми ремеслами. Здесь жили также ишаны, лечившие душевнобольных отчитыванием и изгнанием злых духов при помощи заклинаний, ударов и дуновений (эшонхóйи камчинзан, кýфу суф мекардаги). Их родоначальником предание считало ишана Саид-хона, время жизни которого установить не удалось. Он жил и умер в этом квартале, его могила почиталась как мазар, почему у надгробия стоял «туг» — шест с хвостом яка. Вокруг могилы образовалось маленькое кладбище, на котором хоронили исключительно потомков Саид-хона. У мазара находился источник и небольшое помещение, в котором жил слепой чтец Корана (кори). В квартале имелась мечеть, она упомянута в вакуфной грамоте 1781-82 г.[25].

---

[22] Сведения жителя квартала Шайх Рангрез — Ато Мирзоева, ювелира, 82 лет.

[23] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1297, и ГА, ед. хр. 129. Сведения сообщили Ато Мирзоев, житель квартала Шайх Рангрез, 82 лет, и Кодир Атоев из квартала Ходжа Булгор, 63 лет.

[24] Слово پادشاه, произносимое как «поччо», употреблялось в значении «зять» (муж тетки). В Бухаре титул «поччо-ходжа» носили зятья эмиров, мужья их старших родственниц, выданных за знатных ходжей, например джуйбарских.

[25] ГА, ед. хр. 129.

5. Квартал Кокила كوكيلا , или Кокилáйи калон كوكيلهٔ كلان («Большое Кокила») [26].

Квартал состоял из 93 домов (Т, 1929 — 108 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В квартале было много торговцев, среди которых имелись крупные купцы (саудогар), ездившие за товарами в отдаленные города или имевшие лавки в крупнейших торговых рядах Бухары (тимчи), а также мелкие торговцы (дукондор), лавочки которых находились на различных базарах Бухары. Здесь жило также несколько мулл. Из ремесленников были набойщики (румолсоз), набивавшие деревянными штампами черные узоры на бумажных платках; было также несколько семей ткачей адраса.

В квартале имелись мечеть, мактаб и медресе, построенное около 1900 г. баем Абду-Джафар-ходжой. Кроме того, была молельня (авротхона), где кори читали Коран. В квартале находился небольшой казенный дом (хавлúйи пошохи), предоставлявшийся под жилье различным эмирским чиновникам при назначении их на должность.

Квартал упомянут в вакуфных грамотах 1824-25 и 1919-20 гг.[27].

6. Квартал Куйи мургкуш كوى مرغ كش («Улица убивающих птиц [или кур]»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1928 — 55 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, некоторые семьи причисляли себя к узбекскому племени мангыт. Занятием большинства была торговля. В этом квартале жил крупный торговец, бывший одно время старшиной купцов (корвонбоши), ездивших за товарами в Россию.

Рассказывали, что этот богач при последнем эмире Алимхане построил себе большой дом, замечательный своей художественной отделкой. Прослышав об этом, однажды вечером эмир приехал с большой свитой посмотреть новую постройку. Хозяин с перепугу заболел и умер. В этом квартале жили также ремесленники, среди них ткач адраса, узбек из рода мангыт, таджикоязычный; его сын стал мастером по выделке подвесок к косам (туфбоф). В квартале жили также водоносы (машкоб).

---

[26] Значение слова «кокила» современному населению Бухары неизвестно. В персидско-арабско-русском словаре Ягелло это слово пояснено как «имя героя Ирана».

[27] Сообщения жителя этого квартала Бакирова, ок. 1910 года рожд. и жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева, 63 лет. Вакуфные грамоты из собрания Бухарского музея № 1301 и 1299. За эти сведения, как и за все ссылки на собрания актов Бухарского музея, приношу благодарность О. Д. Чехович.

Квартальная мечеть была в предреволюционные годы построена заново на месте старой. Новое здание было каркасное, с балочным перекрытием; оно резко отличалось от сохраненного при перестройке старого купольного помещения, служившего входом в старую мечеть. В квартале был мактаб, помещавшийся в небольшой каркасной постройке, и помещение для омовений, к которому примыкало помещение для хранения похоронных носилок (тобутхона). В квартале находилась баня Ходжа Порсо, постройка которой приписывалась суфию Ходжа Порсо (XIV в.). Баня почиталась как мазар — «кадамгох» («место, где проходил святой»), вследствие чего около нее стоял «туг». Вторым мазаром была могила «святого» Сабатбоф («Плетельщик корзин»), легенда считала его сподвижником Мухаммеда (аз сахобахóйи пайгамбар). В этом квартале находился большой казенный дом «элчихона» («дом послов»), в котором якобы останавливались гости и послы из России и других стран. Старожилы помнили, что этот дом принадлежал раньше богачу по имени Ахмад-бой. Он был вынужден передать этот дом эмиру в дар или продать его (называли цену — 70 тыс. тенег, т. е. 1050 руб.), что было сделано под большим нажимом. То же пришлось сделать хозяину соседнего дома. Перед революцией в этом доме жили не послы, а семья сановника по имени Аулиёкул-бек из узбеков-мангытов, тюркоязычная.

Название квартала Куйи мургкуш объяснялось преданием о том, как Ходжа Порсо, когда была окончена постройка его бани, зарезал курицу и, швырнув ее в сторону, сказал: «Пусть здесь будет квартал (или улица) убивающих кур»[28]. Наличие в составе названия квартала термина «ку» свидетельствует о том, что это название старое, появившееся не позже XVI — начала XVII в., так как позднее этот термин вышел из употребления, сохранившись лишь в нескольких топонимах. Название Куйи мургкуш впервые встречено в грамоте 1808-09 г.[29].

7. Квартал Мирзо-бий ميرزا بی (собственное имя), или Хуллабофон حله بافان («Ткачи»)[30].

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1928 — 46 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занятием большинства жителей была торговля, например мукой (аллофи). Часть жителей занималась ткачеством — производством адраса и какой-то белой ткани. Кроме ткачей здесь отмечен лощильщик (гудунггар), а также несколько юве-

[28] Сообщения старожилов этого квартала.
[29] ГА, ед. хр. 384.
[30] Хулла (араб. حلة) — «платье, одежда».

лиров (заргар) и золотошвеев (зардуз), которые поселились в квартале на памяти информаторов, купив здесь дома и переехав сюда из других кварталов.

Мечеть была с балочным перекрытием, имелась школа для мальчиков, помещавшаяся в особом здании при мечети; мактаб для девочек находился на дому у учительницы (оя-мулло). Против мечети был мазар, представлявший собой надгробие, над которым имелся навес.

Квартал Хуллабофон упомянут в вакуфных грамотах 1717-18 и 1883-84 г.[31].

8. Квартал Ходжа Булгор خواجه بلغار («Ходжа-булгарин»).

Квартал состоял из 64 домов (Т, 1923 — 83 дома). Население было таджикоязычное, хотя считало себя узбеками (термин «тоджик» прилагался его населением к ирани). Жители были в основном ремесленниками самых разнообразных специальностей: в 10—12 домах жили ткачи алачи, канауса и адраса, 3—4 семьи занимались сапожным делом — шили кожаные калоши (кафш), ичиги (махси) и сапоги на твердой подошве (муза). Были в квартале также ювелиры и строительные рабочие: каменщики (гилкор) и мастера по алебастру (гачкор). Кроме того, в квартале жило несколько семей из духовенства (муфти и мулло), в числе которых были и мударрисы крупных бухарских медресе. Среди последних имелись как местные, так и приезжие из других областей — из Самарканда и Ташкента.

В квартале была старинная купольная мечеть; мактаб также помещался в старинном купольном здании. Имелась и школа для девочек, на дому у учительницы. Святыней — мазар — была могила «святого» Ходжа Булгор. По преданию, «святой» происходил из города (страны) Булгор[32] и был сыном булгарского царя. Поссорившись с отцом, он пришел в Бухару и поселился в келье для отшельников (чиллахона) при квартальной мечети. Там он умер, и его могила сделалась местом поклонения. Один бай, на памяти информаторов, построил над могилой ком-

---

[31] ГА, ед. хр. 129 и 182. Описание составлено по сообщениям Ато Мирзоева из квартала Шайх Рангрез, ювелира, 82 лет, и Кодира Атоева из квартала Ходжа Булгор, 63 лет.

[32] Город Булгар (Болгар) на Волге был крупным средневековым городом, прославившимся, в частности, своим кожевенным производством. По словам В. В. Бартольда, «„болгарские сапоги“ были предметом внешней торговли и пользовались известностью в Туркестане» (В. В. Бартольд, Культура мусульманства,— Сочинения, т. VI, М., 1966. стр. 187). Еще в Бухаре XIX — начала XX в. кожа определенного сорта, раньше привозившаяся из России, а потом вырабатывавшаяся и на месте, была известна под названием «булгори».

натку, сложил надгробие и обновил «туг» (поставить новый шест над могилой почитаемого святого считалось богоугодным делом — савоб) [33].

Мазар Ходжа Хасана Булгори упоминается в «Книге Мулло-зода» [34], а квартал Ходжа Булгор упомянут в вакуфных грамотах, датируемых печатью эмира Шах-Мурада [35], что указывает, что квартал мог существовать в период более ранний, чем конец XVIII в.

9. Квартал Алвондж الوانج («Люлька», «Колыбель») [36].

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1929). Население было таджикоязычное. Большинство жителей занималось различными ремеслами: здесь жили мотальщики шелка (пиллакаш), красильщики (рангрез), сапожники (кафшдуз), плотники (дурезгар), каменщики (гилкор), ювелиры (заргар), мыловары (собунгар), мастера по отливке свечей (шамърез). Были здесь также торговцы, в частности продавцы чая, и крупный ишан ордена накшбанди, Эшóни мулло Кутбиддин, который был мюридом известного бухарского ишана Халифа Мухаммад-Собира, являвшегося, в свою очередь, мюридом Халифа Хусайна (см. квартал Халифа Хусайн).

Мечеть представляла собой простую каркасную постройку; мактаба не было, дети ходили учиться в соседний квартал Эшóни пир.

Квартал Алвондж упомянут в вакуфной грамоте 1916-17 г. [37].

10. Квартал Эшóни пир ایشان پیر («Ишан-наставник»).

Квартал был большой, в него входило свыше 100 домов (Т, 1929 — 107 домов). Население северной части квартала состояло почти исключительно из евреев, обращенных в мусульманство,— чала. Их основным занятием была окраска и продажа шелка-сырца. Среди них имелись также мотальщики коконов; они скупали коконы, разматывали их, окрашивали пряжу и продавали ее. Население этой части квартала жило очень замкнуто, заключая браки преимущественно в

---

[33] Сообщение жителя этого квартала Кодира Атоева, 63 лет.

[34] «Книга Мулло-зода», стр. 67.

[35] ГА, ед. хр. 129 и др.

[36] Значение этого названия неясно. По мнению некоторых информаторов, оно является искаженным именем Алвон-бий. Однако большинство понимает слово «алвондж» как «качели, люлька».

[37] ГА, ед. хр. 193. Сообщения группы стариков, в том числе Кодира Атоева, 63 лет, из квартала Ходжа Булгор и Кутбиддинова, 60 лет, из квартала Алвондж.

своей среде. Не были они связаны в своей ремесленной деятельности даже с собратьями по профессии — красильщиками-узбеками и таджиками, так же как и с красильщиками-евреями, специалистами по кубовому крашению, которое выделилось в особую профессию. В южной части квартала жили таджикоязычные бухарцы (осталось невыясненным, причисляют ли они себя к узбекам). Они были в основном кожевниками, вырабатывали белую кожу (меши). Часть населения занималась мелочной торговлей (дукондори). В квартале были небольшие торговые ряды, состоявшие из двух мелочных лавок (баккол) и двух чайхан. Одна из чайхан посещалась преимущественно учащимися медресе (муллобача); она помещалась в нижнем этаже здания мактаба, в то время как в верхнем шло обучение детей. Вторую чайхану посещали кожевники.

Мечеть представляла собой постройку из жженого кирпича с балочным перекрытием. К XX в. она так сильно обветшала, что ее пришлось капитально ремонтировать. Ее ремонт был произведен на средства казны и приписывался эмиру Алим-хану. К мечети прилегало старинное медресе, очень небольшое, состоявшее всего из 16 келий. Его постройка приписывается тому лицу, прозвище которого — Эшони пир — сделалось названием гузара; настоящее имя этого лица сейчас уже забыто, так же как и время его жизни. По преданию, ишан имел мюридов и вел в своем медресе преподавание. Лекции читались в этом медресе вплоть до революции. В последнее время мударрисом был приезжий из Ташкента узбек, тюркоязычный, по имени (видимо, прозвищу) Эшон-хон. В мечети или медресе находилась могила основателя медресе — Эшони пир, которая почиталась как мазар.

В вакуфной грамоте, датируемой печатью эмира Шах-Мурада, упоминается медресе Эшони пир, находящееся в квартале Ходжаги[38], а в нескольких поздних грамотах (1914-15 г. и др.) упоминается квартал Эшони пир[39].

11. Квартал Махаллайи кухна محلهٔ كهنه («Старая еврейская слобода»)[40].

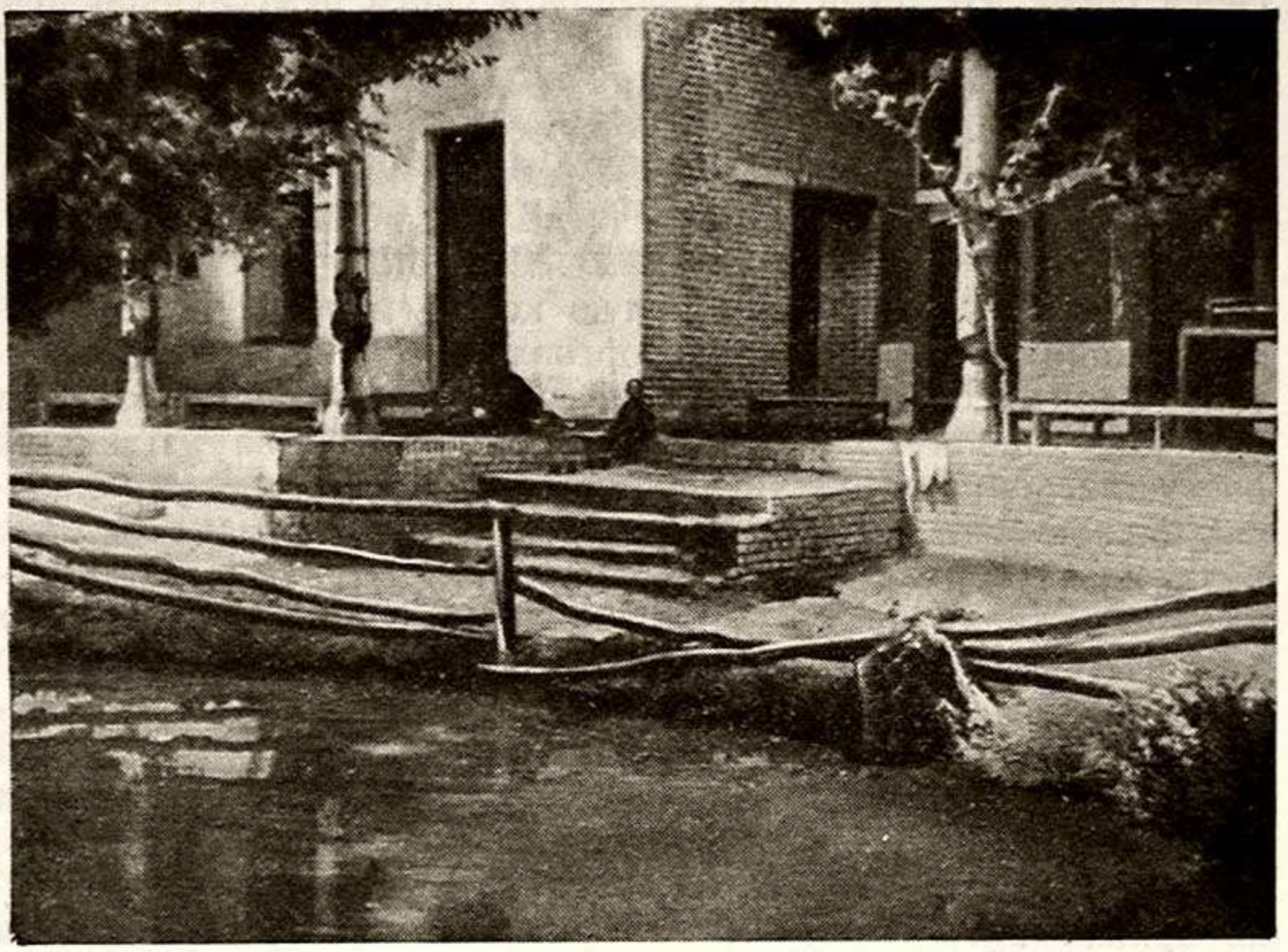
Старая еврейская слобода находилась недалеко от торгового центра города, что указывает на то, что она появилась давно, когда этот район еще не приобрел значения централь-

---

[38] ГА, ед. хр. 55.

[39] ГА, ед. хр. 346 и др. Описание составлено по сообщениям жителя этого квартала, чайханщика по прозвищу Беги-беги, 76 лет, и жительницы квартала в возрасте 60 лет.

[40] В Бухаре термин «махалла» означает обособленную часть города, отличающуюся от других кварталов составом населения.



Синагога в Еврейском квартале

ного. Предание, сообщенное старожилом этого квартала, относит поселение здесь предков современных еврейских семей к эпохе Тимура (Тимур ланг), когда в Бухару было переселено из Шираза 9 еврейских семей, которые якобы и положили начало колонии евреев в Бухаре. По другому преданию, предки евреев были приведены в Бухару из Багдада[41], причем переселились ремесленники, вырабатывавшие шелк, который якобы в Бухаре выделывать не умели[42].

По сообщениям, в Старой махалла было 250 домов (Т, 1925—48 домов). Внутреннее членение этой слободы, как и двух других, происходило по приходам молитвенных домов (канесо), которых в Старой махалла было два, в том числе и самый старый и крупный в Бухаре. Население слободы было исключительно еврейское (среднеазиатские евреи). Занимались торговлей и ремеслами. Больше всего было распространено ткацкое ремесло — выработка тонкой шелковой ткани из неотваренной грежи для полупрозрачных платков (кал-

---

[41] О появлении в Бухаре евреев и их расселении в городе см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 166.

[42] Вопрос о возникновении шелководства в Средней Азии освещался в исторической литературе. Он подробно рассмотрен мной в специальном разделе книги «Позднефеодальный город», стр. 59 и сл.

гай). Важное место занимало красильное дело — окраска холодным способом пряжи в синий цвет красителем индиго; это сделалось специфической профессией евреев по всей Средней Азии. Были также сапожники, строители — каменщики и плотники, а позже некоторое развитие получило портняжное дело — пошивка мужской верхней одежды на швейной машине, которая была завезена, по-видимому, в Бухару сначала евреями, а позже распространилась среди местного мусульманского населения [43].

12. Квартал Мулло Шамси-Мухаммад ملا شمسی محمد, или Шаршара [44] شرشره, или Бозори алаф [45] بازار علف.

Квартал состоял из 57 домов (Т,1929—49 домов). Население было таджикоязычное. Занятием большинства была торговля. Здесь жили продавцы овощей, обуви и фабричных тканей. Были в квартале и ремесленники — ювелиры и несколько ткачей адраса.

Квартал имел свою мечеть, против которой находился мактаб. При мечети было построено несколько келий (худжра), в которых жили учащиеся медресе, почему мечеть считалась также и медресе. К этому же кварталу относился, по некоторым сведениям, и комплекс построек Надир-девонбеги: мечеть, хонако и хауз.

Святыней квартала являлся мазар «святого» — одного из трех братьев, похороненных в трех соседних кварталах: в квартале Мулло Шамси-Мухаммад, под мехрабом хонако Девонбеги, по преданию, находился прах старшего брата — Ходжа Карима; могила младшего, Ходжа Салима, находилась против мечети квартала Мирзо-бий; средний брат, Ходжа Халим, был похоронен в соседнем квартале, носившем его имя [46].

13. Квартал Ходжа Халим خواجه حلیم (собственное имя).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1928 — 20 домов). Коренные жители квартала считали себя узбеками, хотя были таджикоязычны. В советское время квартал на три четверти заселили местные евреи. Большинство жителей зани-

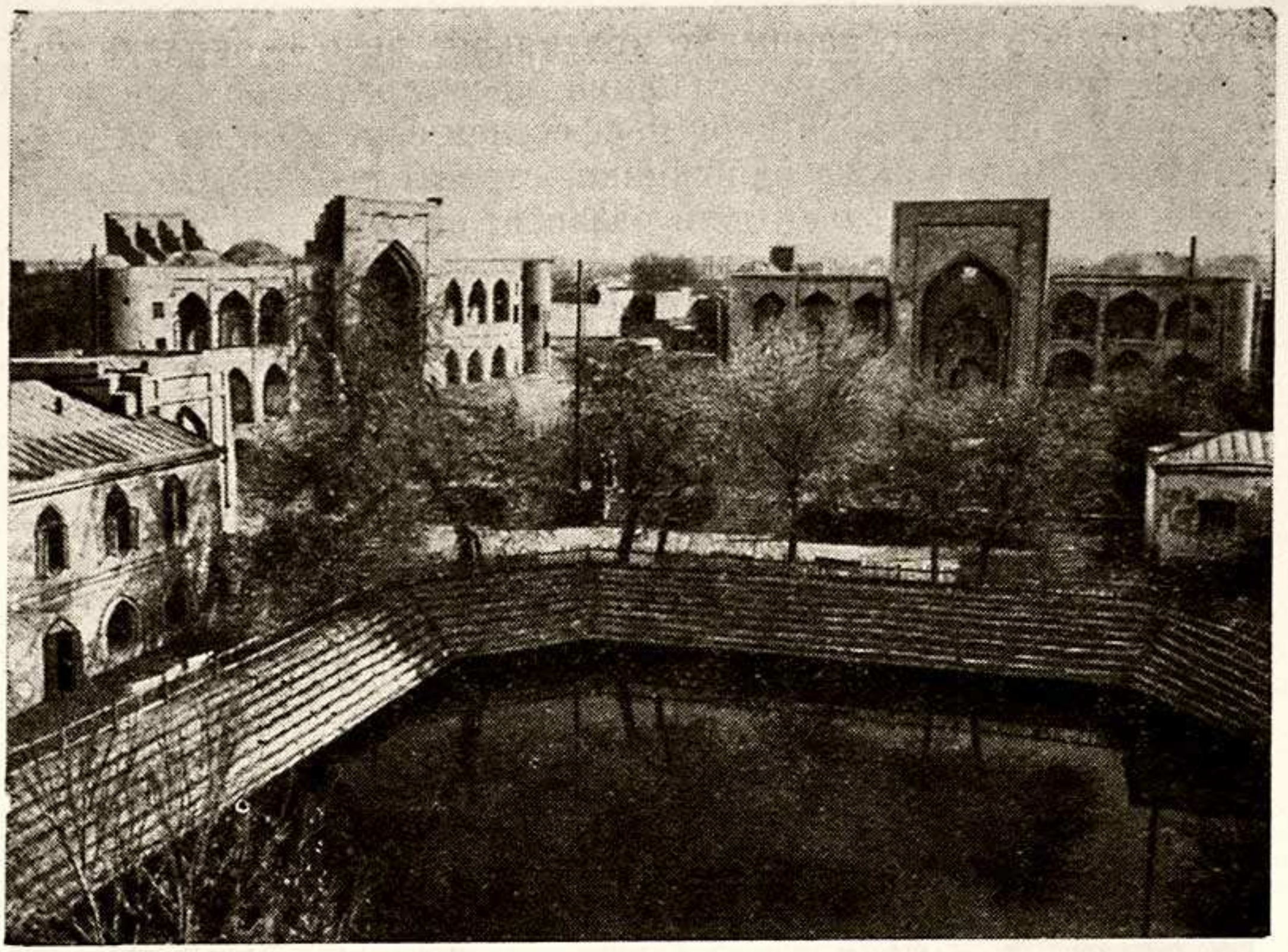
---

[43] Сообщения группы стариков евреев, в том числе жителя этого квартала, 92-летнего красильщика.

[44] Это название было дано кварталу за водопадик на арыке, подававшем воду в хауз Девонбеги.

[45] Бозори алаф — сенной базар — название, ставшее за последнее время наиболее популярным, объяснялось наличием в этом квартале площади, где продавался корм для скота.

[46] Сообщение ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, в прошлом жителя этого квартала, и жителя квартала Алвондж — Кутбиддинова, 60 лет.



Комплекс мечеть и хауз Надир-девонбеги и медресе Кукалтош в квартале Мулло Шамси-Мухаммад

малось мелкой торговлей: это были продавцы овощей (баккол), мяса (кассоб) и т. п. Раньше в квартале жили и работали мыловары и мастера по отливке свечей, но потом их производства, дававшие неприятные запахи, были вынесены за пределы города; здесь остались только жилые дома мастеров. В квартале были также сапожники (кафшдуз).

Имелась мечеть, в старину был и мактаб, но потом он перестал функционировать и дети ходили в школы соседних кварталов.

Святыней квартала считалась могила Ходжа Халима, давшая кварталу имя. Могила находилась внутри мавзолея, представлявшего собой купольную постройку, на могиле лежал большой резной камень. По преданию, в мавзолей была превращена келья (чиллахона) святого, где он жил и был похоронен.

Мазар Ходжа Халимуддина Демуни[47] упоминается в «Книге Мулло-зода», где говорится, что он умер в 416 г. х. (1025-26 г.) и что могила его находится в квартале Суфа, на-

[47] Демун — селение в Бухарской области.

против хонако Суфиён, которое раньше было домом Ходжа Халимуддина, обращенным им в вакф[48].

14. Квартал Чор корвонсарой چهار کاروانسرای («Четыре караван-сарая»), или Мирзо Убайд میرزا عبید (собственное имя).

Квартал, находившийся среди торговых рядов, был небольшой, состоял всего из 20 домов. Население было таджикоязычным, но считало себя узбеками. Здесь жило также несколько семей евреев-мусульман. В большом караван-сарае Саройи Рашид постоянно проживали, сменяя друг друга, афганские купцы, наезжавшие сюда с товарами. В других караван-сараях этого квартала останавливались купцы из Ирана, Мерва и других мест. В квартале жило также несколько персов, которые, приехав из Ирана по торговым делам, женились на местных ирани и осели в Бухаре. Население квартала занималось главным образом торговлей, преимущественно крупной — это был квартал богачей.

В квартале была небольшая мечеть, напротив которой помещалась могила Мирзо Убайда. Из грамоты 1780 г. видно, что полное имя этого лица было Мирзо Убайд бен Мирзо Неъмат, он жил в XVIII в., на его средства было отстроено медресе, находившееся, согласно документу, в квартале Чор корвонсарой[49]. Этот квартал, по-видимому, в некоторых грамотах назван Бобойи Ол[50]. В конце XIX — начале XX в. так назывался мазар, расположенный среди имевшихся здесь торговых рядов, но не относившийся к кварталу[51].

15. Квартал Мехтар Шафеъ مهتر شفیع (собственное имя).

Перед революцией этот квартал был больше известен под именем Хаузи Рашид, по названию находившихся здесь хауза и медресе, которые были выстроены афганским купцом Рашидом. Хауз являлся достопримечательностью квартала Мехтар Шафеъ. Вода текла в хауз по очень красивому мраморному желобу, на котором была высечена надпись, по-видимому являвшаяся хронограммой.

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1930 — 12 домов). Здесь жили главным образом евреи-мусульмане

---

[48] «Книга Мулло-зода», стр. 66. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева, 63 лет, и др.

[49] ГА, ед. хр. 55.

[50] ГА, ед. хр. 173, 174, 116. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева, 63 лет, и др.

[51] Сообщено жителем квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет, и группой старожилов квартала Шайх Шох.

(чала), в большинстве богачи-торговцы, например крупный торговец жемчугом и драгоценными камнями Аминджони чала, а также оптовый торговец часами Гиёси соат. Его часы были известны в Бухаре под названием «соати гиёсбои» — «гиёсбаевские часы». Кроме евреев-мусульман в квартале жили и таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Они занимали 15 домов. После революции, когда был отменен запрет евреям селиться в кварталах мусульман, квартал в значительной степени заселился евреями.

В квартале имелась мечеть, постройка которой приписывалась Мехтару Шафеъ — известному историческому лицу, сановнику Убайдулла-хана, ведавшему финансами. В 1709 г., когда при его участии была произведена неудачная денежная реформа, в Бухаре вспыхнули волнения [52].

16. Квартал Ислом اسلام («Ислам»; здесь: собственное имя).

Квартал Ислом был небольшой по территории, но очень плотно заселенный, состоял из 25 домов (Т, 1930 — 40 домов). Население было таджикоязычное; к какой народности оно себя причисляло, осталось невыясненным. Занятием жителей квартала была преимущественно торговля. Жили здесь также ремесленники.

В квартале имелась мечеть старинной постройки с купольным сводом. Наличие мактаба и квартальной святыни не зарегистрировано [53].

17. Квартал Арабон عربان («Арабы»). Старое, почти забытое название квартала — Сафедмуй سفید موی (правильно Сафедмун سفید مون), по находившемуся здесь мазару (см. дальше).

Квартал был большой, в него входило 120 домов (Т, 1929—75 домов). Население одной части квартала состояло из арабов, которые, приняв таджикский язык, сохраняли не только сознание принадлежности к арабам, но и относили себя к арабскому племени курайш [54]. Перейдя к городской жизни и порвав с традиционным занятием среднеазиатских

---

[52] «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 579—580. Видимо, в этом квартале Мехтар Шафеъ построил на свои средства мечеть, но в известных нам документах это не отражено. Строительная деятельность этой знатной семьи протекала в другом районе города (см. описания кварталов Кофилон и Ходжа Рофеъ).

[53] Сообщение жителя квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет.

[54] В. В. Бартольд (Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 196) пишет, что «курейшиты прежде жили и в городе Бухаре, но утратили свой язык и говорят по-узбекски». Утверждение Бартольда о переходе арабов Бухары на узбекский язык ошибочно, они говорят по-таджикски.

арабов — каракулеводством, они все же сохранили с ним связь — занимались скупкой, сортировкой и перепродажей каракулевых шкурок, выступали в качестве посредников (даллол) между своими соплеменниками, степняками-каракулеводами, и покупателями шкурок. Приезжая в город, степняки останавливались у жителей этого квартала, каждый у своего знакомца, через которого он вел в городе свои торговые дела. В этом квартале жил один из крупнейших бухарских купцов, торговавших каракулем,— Джура-бек, которого хорошо знали под фамилией Арабов и в торговых кругах России. В этом квартале, который стал рынком каракуля, он имел торговые склады.

Вторую, северо-западную часть квартала, примыкавшую к еврейской слободе, занимала группа евреев-мусульман, главным занятием которой была торговля фабричными тканями и шелковой пряжей (кустарной). Третья часть квартала, на восток от дороги, ведшей от ворот Саллаххона к центру города, была несколько обособлена и носила название Пушта́йи зогон پشتهٔ زاغان («Галочий холм, пустырь»). Здесь жило таджикоязычное население, считавшее себя узбеками и занимавшееся обработкой кожи; они вырабатывали белую кожу (меши) из бараньих шкур. Производство осуществлялось вне города, за воротами Саллаххона. Кроме кожевенников в квартале жили и другие ремесленники: несколько семей слесарей (челонгар) и пекарей. Среди жителей квартала было также несколько писцов (мирзо), ведших дела крупных баев. Особую группу составляли учащиеся находившегося здесь медресе, в кельях которого они жили.

Составлявшие население квартала различные этнические и социальные группы жили обособленно, хотя и составляли одну квартальную общину. Особенно замкнуто жили евреи-мусульмане. Арабы также общались больше между собой и с арабами-степняками. В обособленности кожевенников основное значение имел, видимо, социальный и профессиональный момент: известно, что обработка кожи считалась ремеслом нечистым, к тому же она была связана с неприятным запахом.

Мечеть квартала Арабон была старой архитектуры, с входным купольным помещением. На его портале была укреплена мраморная плита с надписью, сообщавшей, что «мечеть квартала Абдулло Сафедмуй построил в 1907-08 г. Исматилло-бек». Эта надпись, так же как и плита, несомненно, более поздняя, чем здание мечети. Установленная в прославление богатого жителя квартала, она преувеличивает его заслуги: нет сомнения, что в указанное время был выполнен только ремонт старого здания. Надпись свидетельствует, что и в этот поздний период старое название квартала (вероятно, в каче-

стве официального — «дафтари») еще употреблялось наряду с более популярным названием Арабон. По сообщениям, «святой» Абдулло Сафедмуй похоронен в селении Сафедмуй, в окрестностях Бухары, а в квартале находилось только его «кадамджой» («место, куда ступала нога»). Мазар Сафедмун, или Сипандмуни, упомянут в «Книге Мулло-зода», следовательно, известен с XV в., а селение Сафедмун, по которому «святой» получил свое имя, названо в документах XVI в.[55]. Непонятное слово «сафедмун» было бухарцами переосмыслено как «сафедмуй» — «седовласый».

В той части квартала, которая называлась Пушта́йи зогон, находилось кладбище, где было два мазара: Ходжа Зогон (название по месту нахождения) и Хазрати Ахи. Последний представлял собой могилу, рядом с которой стояло небольшое строение и был источник. Его вода считалась целебной, ею обливались, и ее пили. Информатор слышал, что «святой» Хазрати Ахи, который, по некоторым сообщениям, считался патроном кожевенников, жил во времена Шах-Мурада и происходил из Маргилана. Он был ученым человеком и занимался преподаванием в медресе[56]. Однако имя «святого» заставляет предполагать, что в действительности мазар был древнего происхождения[57].

18. Квартал Мир-Масъуд مير مسعود (собственное имя), или Дарвозайи Саллаххона دروازهٔ سلاخخانه («Квартал у ворот Саллаххона»).

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1928 — 35 домов). Население было таджикоязычное (в сообщении — «таджики»), а в западной части жили евреи-мусульмане, которые занимались размоткой коконов, окраской и продажей шелковой пряжи. Один из них славился как хороший певец; он был известен под прозвищем «Гули лола» («Цветок тюльпана»). Таджики были ремесленниками; здесь жили ювелиры, мастер по выделке и обжигу кирпича — хумдончи (производство его находилось вне города, за воротами Саллаххона), хлебопеки (нонвой), кожевенники (пустшуй). Некоторые жители квартала занимались мелкой торговлей. Жили здесь также писцы (мирзо), которые работали у богачей купцов. В этом квартале жил крупный купец Туракул-бой, торговав-

---

[55] «Книга Мулло-зода», стр. 31; «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 152, 153.

[56] Сообщения жителя квартала Эшони пир, чайханщика по прозвищу Беги-беги, 76 лет, и жителя квартала Шайх Шох, старого почтового работника, около 70 лет, по имени Мирзо Хаёт.

[57] О термине «ахи» см., например: В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов в Малой Азии,— Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 276 и сл.

ший каракулем. С его именем связана постройка большого двухэтажного медресе; это здание из жженого кирпича значительно отличалось по своей архитектуре от местных типов медресе, нося явные следы влияния европейской архитектуры. Оно было построено лет за 10 до революции. Население квартала еще помнит, что раньше на этом месте стояло 6—7 жилых домов, которые Туракул-бой скупил и разрушил, чтобы построить медресе.

Приходская мечеть находилась рядом с медресе Туракул-боя. Мактаба в квартале не было, дети ходили учиться в квартал Арабон. Святыни в этом квартале также не было [58].

Мечеть Мулло Масъуд-девон, находящаяся в квартале Саллаххона, упоминается в вакуфной грамоте 1683-84 г.[59]. Позже встречаются упоминания квартала Мулло Масъуд-девон (1789-90 г.) [60], а еще позже — квартала Мир-Масъуд (1812 г.) [61]. Возможно, это лицо идентично с Масъуд-беком, сыном Махмуда Ялавача, управлявшим после отставки своего отца всем Туркестаном от имени монгольского хана. В. В. Бартольд пишет, что Масъуд-бек умер в 1289 г. в Бухаре и был похоронен в построенном им медресе этого города [62]. К началу XX в. здание медресе не сохранилось.

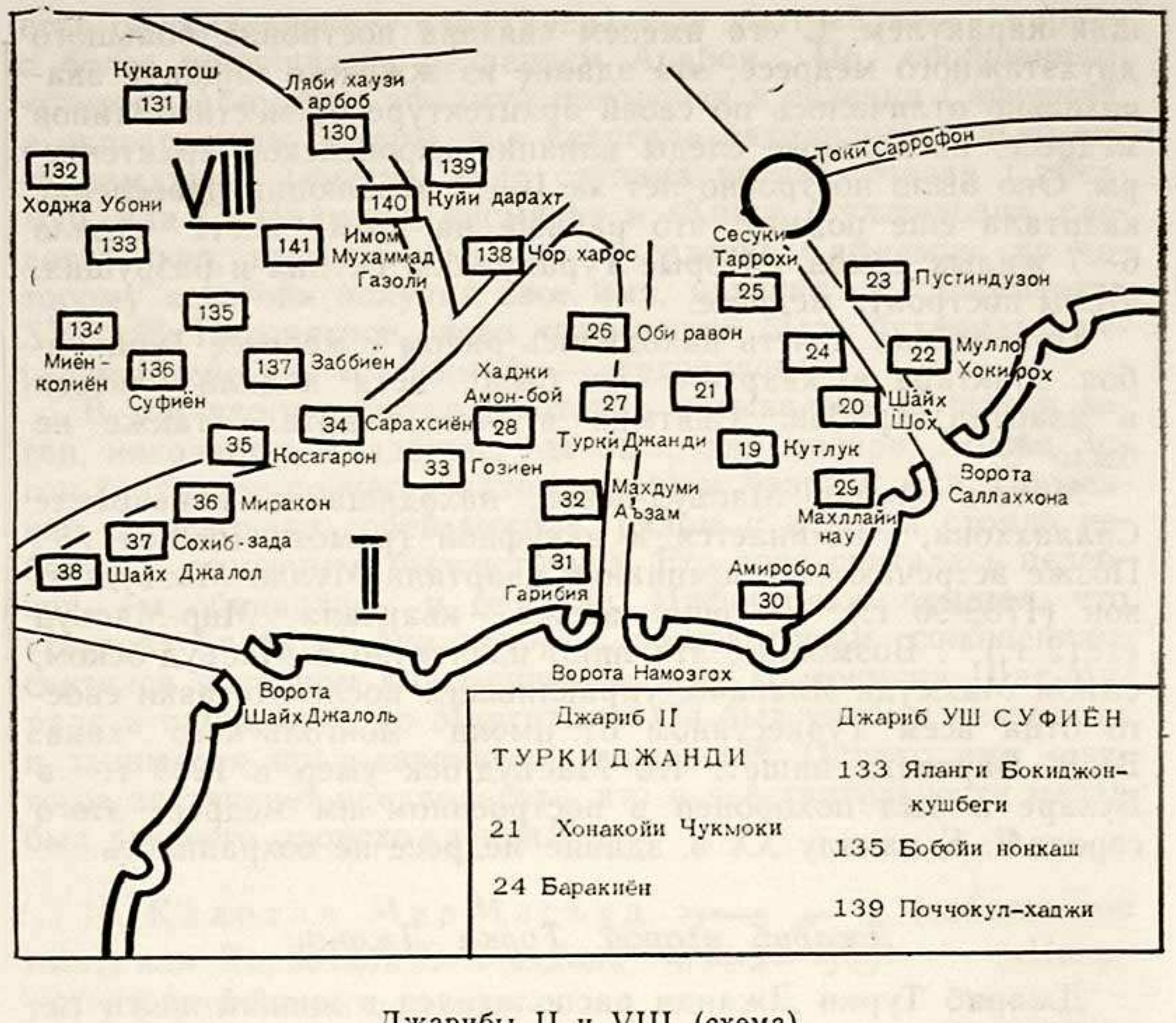
Джариб второй. Турки Джанди

Джариб Турки Джанди располагался в южной части города, между воротами Саллаххона и Шайх Джалол. В этом отрезке стены имелись еще одни ворота — Намозгох. За ними находилось место праздничных молитв, на которые выходило два раза в год все мужское население Бухары. На расстоянии полукилометра от города еще при Тимуре был выстроен комплекс культовых зданий, известных как Намазгах.

Дороги, проходившие через ворота этой части города, не имели большого экономического значения. Населенная полоса за воротами простиралась всего на 8—9 км; дальше лежала степь. Поэтому кварталы этого джариба не принадлежали к развитым, торговым кварталам. При реконструкции городской стены в XVI в. эта часть города почти не расширилась. В этот микрорайон включено 20 кварталов: Кутлук, Шайх Шох, Хонакойи Чукмоки (или Хонако), Мулло Хоки рох (или Понобихо, или Лойхуракон), Пустиндузон,

---

[58] Сообщение Мирзо Хаёта, 70 лет, жителя квартала Шайх Шох.
[59] ГА, ед. хр. 196.
[60] ГА, ед. хр. 456.
[61] ГА, ед. хр. 496.
[62] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, 1965, стр. 389.



Джарибы II и VIII (схема)

Баракиён, Сесу (или Сесуки таррохи), Оби равон, Турки Джанди, Амон-бой, Махалляйи нау, Амиробод (махалла), Гарибия, Махдуми Аъзам, Гозиён, Сарахсиён, Косагарон, Миракон, Сохиб-зада, Шайх Джалол.

19. Квартал Кутлук قتلوق («Счастливый, удачливый» — здесь: собственное имя).

Квартал был небольшой, состоял приблизительно из 20 домов (Т, 1928 — 18 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Большинство жителей принадлежало к мелким торговцам; часть занималась ремеслами, например сапожным (кафшдузи). Здесь жили также водоносы (машкоб) и банщики (хамбомчи), которые работали в находившейся в этом квартале женской бане, известной под названием Домулло Шер. Эта баня являлась вакфом медресе того же имени, находившегося неподалеку от медресе Кукалтош. Доходы с бани делились между владельцами келий этого медресе, его служителями и частично шли на

поддержание медресе в порядке и на ремонт. Время постройки бани, так же как и медресе, неизвестно.

Мечеть была простая, с балочным перекрытием. Мактаба в квартале не было, так же как и общественного помещения для омовений.

Квартал Кутлук упомянут в вакуфной грамоте 1882-83 г.[63].

20. Квартал Шайх Шох[64] شیخ شاه.

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1928 — 70 домов). Население было таджикоязычным, но причисляло себя к узбекам. Жили также 3—4 семьи ирани, которые ассимилировались с местным населением и стали суннитами. Многие жители принадлежали к военно-служилому сословию (сипо); было также немало мулл. Часть жителей квартала занималась ремеслами: здесь жили плотники, строители, три семьи лощильщиков (гудунггар), сапожники (кафшдуз и музадуз). Из последних в этом квартале жил хозяин крупной сапожной мастерской Хаджи Каххор, у которого работало 7—8 подмастерьев (халфа). Он специализировался на шитье калош из лакированной кожи (кафши амрикон). Раньше здесь жили также мыловары и мастера по приготовлению ганча. Однако в конце XIX в. мыловаренное производство было вынесено за пределы города, так как оно было крайне неприятно в условиях городской скученности: наполняло квартал вонью от мыла, изготовлявшегося из жира павших животных. Позже (по сведениям, в 1915 г.) было изгнано за городские стены и производство ганча, так как жителей беспокоил непрерывный грохот от разбивания ганча железными цепами. Ганч привозился из окрестностей Кагана, где находилось его месторождение, называемое Кыри Момо Джурготи (Холм Бабушки «Кислое молоко») [65].

Мечеть квартала была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, мактаб помещался в специально для него предназначенном старинном купольном здании. Особого помещения для тахоратхоны в этом квартале не было.

Квартал Шайх Шох упомянут в нескольких грамотах первой половины XIX в.[66]. Возможно, лицо, давшее ему название, идентично со «святым» Шайх Шох, именем которого был

---

[63] ГА, ед. хр. 323. Описано по сообщениям жителя квартала Гозиён — Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, родом из квартала Арабон.

[64] Как разъясняют бухарцы, слово «شاه» может иметь двоякое значение и разниться в написании: «шох» — «царь», «шо» — имя собственное или приставка к имени. Шайх — суфий, отшельник, человек, живущий при мазаре.

[65] Возможно, то же, что и старое название Каволáйи гач.

[66] ГА. ед. хр. 305 (1825-26 г.), 438 (1838-39 г.).

назван хауз, а по хаузу и квартал в грамоте начала XVII в. (گذر لب حوض حضرت شیخ‌شاه) [67].

21. Квартал Хонакойи Чукмоки خانقاه چوقماقی («Ханака ишанов Чукмоки»), или Хонако خانقاه («Ханака») [68].

Этот квартал выделился из квартала Шайх Шох сравнительно недавно, о чем свидетельствует нечеткость представления о самостоятельности квартала Хонакойи Чукмоки у большинства населения соседних кварталов, а также то обстоятельство, что находившийся здесь хауз носил название Хаузи Шайх Шох. Выделение квартала Хонакойи Чукмоки было вызвано, по-видимому, постройкой в начале XIX в. хонако ишанами Чукмоки, переселившимися сюда из кишлака Чукмок (Бухарский район) [69]. В вакуфной грамоте 1825-26 г. упоминается хонако Мулло Ниёз Чукмоки в квартале Шайх Шох [70]. Это свидетельствует, что выделение квартала Хонакойи Чукмоки произошло позднее.

Квартал состоял приблизительно из 20 домов, население было таджикоязычное и занималось в основном торговлей (сухими фруктами, фабричными тканями). Часть жителей считалась дехканами и жила на доходы с земель, которые находились за пределами города. Один житель был известен как охотник (мерган). Из ходжей, членов ишанского рода Чукмоки, к моменту революции насчитывалось пять семей. Вокруг могилы их предка, сделавшейся мазаром, образовалось небольшое кладбище, на котором хоронили членов этого рода. Ишаны Чукмоки имели довольно много мюридов как из горожан, так и из сельского населения и жили на приношения, поступавшие от мюридов и от паломников к могиле их предка. Они занимались отчитыванием больных и «изгнанием из них злых духов».

Хонако Чукмоки было одним из тех, где совершались так называемые ёздахум (букв. «одиннадцатое») — ночные религиозные радения, устраивавшиеся одиннадцатого числа каждого месяца, после чего присутствующие ели жертвенное угощение (худои), приготовлявшееся из тех приношений, кото-

---

[67] ГА, ед. хр. 1292 (1606-07 г.). Описание составлено по сообщению жителя этого квартала Мирзо Хаёта, 70 лет.

[68] Термин «хонако» в современном языке бухарцев имеет два значения: 1) мечеть с купольным сводом; 2) мечеть, в которой совершаются религиозные радения. О термине «хонако» см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 216—217, 227, 236.

[69] Местность Чукмок, откуда, очевидно, происходили ишаны Чукмоки, упоминается в одном из актов XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 320).

[70] ГА, ед. хр. 305.

рые поступали ишанам[71]. В жертвенной трапезе и радении участвовали и некоторые посторонние набожные люди. К хонако Чукмоки были приписаны вакуфные земли, которые находились преимущественно в кишлаке Чукмок. Оттуда привозилось также топливо (сухая колючка) для тахоратхоны, где зимой согревали воду для ритуальных омовений всего мужского населения квартала. Это лежало на обязанности специального человека, который получал плату из вакуфных денег.

На берегу квартального хауза находился второй мазар — могила «святого», известного под именем Шакшаки Балхи. Специальностью его считалось лечение головной боли. Имя святого, по-видимому, является искаженным арабским словом شقیقه («мигрень»).

Культ, совершавшийся на этом мазаре до самой революции и даже несколько позднее, заключался в жертвоприношении и магических приемах освобождения от болезни. Для излечения больной приносил к мазару веник и вареную баранью голову, которую ему полагалось нести на глиняном блюде и обязательно на голове. Веником он подметал небольшое помещение, воздвигнутое над могилой, где веник и оставался, а баранью голову с блюдом отдавал водоносам, разносившим воду из этого хауза. Получив угощение, они брызгали на голову больного водой из хауза — обычный в Средней Азии магический прием очищения от болезней. Если приношений от больных долго не поступало, водоносы трясли шест с хвостом яка, стоявший над могилой; это считалось средством вызвать новый приток приношений (а следовательно, и средством вызывать у людей головные боли)[72]. Связанный с этим мазаром культ по своей архаичности, несомненно, древнего происхождения, и ассоциация его с пришельцем (на что указывает нисба Балхи), вероятно, явилась результатом наслоения более позднего культа на древний. В последнем мы имеем пример персонификации болезни; это характерная черта ранних, анимистических культов.

22. Квартал Мулло Хоки рох ملا خاک راه (собственное имя, букв. «прах на дороге»), или Понобихо پایان آبیها («Понобцы»), или Лойхуракон لای‌خورکان («Едоки глины» — насмешливое прозвище жителей квартала, в большинстве занимавшихся строительным ремеслом).

---

[71] Судя по этому, можно предполагать, что ишаны Чукмоки принадлежали к ордену Кадирия, основатель которого Абдулкадир Гилани, согласно преданию, умер в 11-й день месяца. В этот же день, по преданию, умер и сам Мухаммед.

[72] Сообщения жителя квартала Шайх Шох — Мирзо Хаёта, 70 лет.

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1928 — 20 домов). Население было таджикским, происходило из таджикского селения Поноб (Поёни об), в 24 км от Бухары. Переселение совершилось не одновременно: в одних семьях сохранились сведения о приходе сюда их прадедов, что могло быть около середины XIX в., другие семьи пришли позднее. Связь переселенцев с Понобом не прекращалась. Некоторые жители квартала имели там землю и совмещали занятие ремеслом с земледелием. Из Поноба брали девушек и сами отдавали туда; с другими кварталами Бухары брачных связей не было. Сельчане и горожане посещали друг друга по случаю семейных торжеств или траура.

Большинство жителей квартала составляли строители-каменщики и гончары. Из этого квартала происходил известный народный мастер, лауреат Государственной премии, почетный академик АН УзССР Усто Ширин Мурадов (род. в конце XIX в.). Известными мастерами были и его отец Усто Мурод, и дядя (брат отца) Усто Хаёт, у которого Усто Ширин учился ремеслу. Его деды как с отцовской стороны (Усто Носир), так и с материнской (Усто Фузайл) также были хорошими строителями. В Бухару переселился прадед этой семьи, Усто Абул, приехавший сюда, чтобы работать на строительстве медресе Домулло Мухаммад-Шариф (в квартале Гозиён). Он также знал ремесло, но, живя в Бухаре, сохранял в Понобе свой участок земли и продолжал его обрабатывать, главные средства к существованию получая от земледелия. Для его потомков основной стала профессия строителей. Переселенцы из Поноба, в том числе и Усто Ширин, считали себя таджиками. По его словам, «гилькоры (этого квартала) были таджики, в квартале Кош-мадраса жили гилькоры-узбеки, но они также говорили по-таджикски». Кроме таджиков в квартале Хоки рох жили две семьи форсов, совершенно ассимилировавшиеся с окружающим населением и перешедшие полностью к суннизму. Их жены были из суннииток.

В квартале была старинная мечеть; Усто Ширин Мурадов помнит ее еще с детства, т. е. с конца XIX в.

Квартал Мулло Хоки рох упомянут в вакуфной грамоте 1849-50 г.[73].

23. Квартал Пустиндузон[74] پوستین‌دوزان («Тулупники»).

---

[73] ГА, ед. хр. 514. Сообщения уроженца этого квартала Усто Ширина Мурадова, жителя соседнего квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет, и др.

[74] В Бухаре было два квартала Пустиндузон (второй — в джарибе Мурдашуён).

Квартал состоял из 84 домов (Т, 1930 — 108 домов). Большинство населения было таджикоязычное и, по-видимому, считало себя таджиками; но жило в квартале и несколько семей узбекоязычных. Это были приезжие, например хороший мастер-сапожник из Ташкента по имени Мад-Умари музадуз. Одна семья была из форсов. Муж торговал сдобными лепешками (кулча), жена их пекла. Она занималась также знахарством и была известна под прозвищем Биби табиби-кулчапаз («Госпожа лекарь и пекарь»). Живя в окружении суннитского населения, эта семья постепенно ассимилировалась с ним. Отец и мать придерживались еще шиизма (отец не посещал суннитской мечети), но сын сделался суннитом и был женат на суннитке.

Главным занятием жителей квартала, послужившим причиной его наименования, было шитье нагольных тулупов. Тулупы шились преимущественно на заказ и красиво расшивались шелками. Шитьем занимались преимущественно женщины, мужчины ведали реализацией продукции. Заказчиками были купцы из Ургенча, которые привозили овчины и сдавали их мастерам для шитья тулупов. Здесь было также 3—4 семьи ткачей, вырабатывавших адрас и шелк-канаус (шохи), в меньшей степени — бархат. Один из ткачей, Мирзо Умар-адрасбоф, держал наемных мастеров (халфа) из ирани и сам работал вместе с ними. Остальные ткачи этого квартала работали без применения наемной рабочей силы. Четыре семьи занимались кузнечным делом. Все они были подковочниками (наългар). Три семьи было ювелиров, две — плотников. Из торговцев здесь жили продавцы чая (чойфруш) и продавцы лекарств и пряностей (аттор). Здесь жил также один из крупнейших бухарских богачей — Тошак-бой; он торговал хлопком и каракулем, имел в Чарджуе завод, по-видимому, хлопкоочистительный, а в Мерве — свой караван-сарай.

Мечеть имела балочное перекрытие и была очень старая. К началу XX в. она настолько обветшала, что нуждалась в капитальном ремонте, который и произвел на собственные средства сын Тошак-бая. Имелся мактаб. Святыней квартала был мазар — могилы семи святых братьев (Хафт бродарон). Около могил находился источник (чашма) [75].

Квартал Пустиндузон упомянут в вакуфной грамоте 1832-33 г. [76]. К какому из двух имевшихся в Бухаре кварталов Пустиндузон относится это упоминание, неизвестно.

---

[75] Сообщения Кори Мирзо, 69 лет, жителя этого квартала, Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён, и др.

[76] ГА, ед. хр. 485. Грамота датируется печатью казия, встречающейся на актах этого времени.

24. Квартал Баракиён برکیان («Благословенные»; возможно, родовое имя).

По сообщениям, квартал был невелик, в него входило около 40 домов или несколько меньше (Т, 1930 — 38 домов). Население было таджикоязычное. Осталось невыясненным, считало оно себя узбеками или таджиками. Три семьи были из казанских татар, приехавших и осевших здесь в конце XIX в., 2—3 семьи из афганцев. Население квартала занималось торговлей и ремеслами. Здесь жило несколько семей строителей, среди которых было два известных мастера, работавших по заказам из арка и получивших за свое искусство чин караулбеги. Кроме того, в квартале жили обслуживавшие караван-сараи вязчики грузов (борбанд). Афганцы занимались торговлей чаем, татары торговали кожей: из Бухары вывозили в Россию желтую кожу (булгори), оттуда привозили лакированную («амрикон» — «американскую»), которая в колониальный период получила широкое распространение и пользовалась большим спросом [77].

25. Квартал Сесу سه سو («Перекресток трех дорог»), или Сесуки таррохи سه سوق طراحی («Перекресток таррохов») [78].

Жилых домов в квартале было 24. Большую часть его территории до самого пассажа Токи саррофон занимали торговые ряды, где продавались фабричные ткани, находилось несколько караван-сараев (по экспликации к плану Парфенова — Фенина — караван-сараи Абдулло-джон, Убайдулло-ходжи, Кушбегии хурд и Барраи султони), а также магазин русского купца Епифанова. Население квартала было таджикоязычное. Жители занимались преимущественно торговлей, отчасти ремеслами, например несколько семей выделывали сундуки. В квартале жило также несколько семей вязчиков грузов (борбанд). Из известных людей здесь жил крупный ишан по имени Эшони Домулло Нур, который, как говорят, имел до тысячи мюридов и был не только ишаном, но и мударрисом — вел занятия в одном из медресе Бухары. Он был хивинец (урганджи), но, живя долгое время в Бухаре и, по-видимому, порвав со своей родиной, слился с бухар-

---

[77] Сообщение жителя квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет.

[78] «Су» — тадж. «сторона», «сук» — то же, с уменьшительной частицей, или سوق (араб. «рынок, базар»), как это слово написано в документах XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 14). Значение термина «таррох» не совсем понятно. Сейчас его толкуют как «вязчик ремиз и гребней для берд». В словарях термин указан в значении «зодчий» (от طرح — «план»).

ским населением и, по отзывам знавших его людей, говорил по-таджикски, как природный таджик.

Мечеть, стоявшая на перекрестке трех улиц, была из жженого кирпича, с балочным перекрытием. Рядом с ней находилось небольшое медресе, состоявшее из семи келий для учащихся. Медресе было отделено от мечети забором, но в последнем была сделана дверь, через которую жившие в медресе студенты могли попадать непосредственно во двор мечети. Около мечети находилась общественная тахоратхона.

Мечеть Сесуки таррохи упомянута в вакуфной грамоте, удостоверенной печатью эмира Шах-Мурада (1785—1800) [79], что позволяет предположить более ранний возраст мечети.

26. Квартал Оби равон آب روان («Текущая вода»).

Квартал был сравнительно небольшой, состоял из 26 домов (Т, 1928). Население было таджикоязычное, за исключением нескольких семей — тюркоязычных переселенцев из Хорезма (урганджи). Это были крупные торговцы, выезжавшие за товарами в отдаленные районы. Остальное население в большинстве занималось мелкой торговлей; жили здесь также хлебопеки.

При квартальной мечети были построены две кельи для студентов и мактаб. К этому кварталу относилось также медресе, известное под названием Думбаджушак («Кипятильник для бараньего жира»), и мавзолей, по сообщениям, построенный в начале XX в. чарджуйским беком Ма-Юнусом для себя и членов своей семьи. При мавзолее были построены 2—3 небольшие кельи для студентов, поэтому его называли «гурхонáйи худжранок» («мавзолей с худжрами»). В экспликации к плану Парфенова — Фенина он назван медресе Мухаммад-Юнус-бия.

Квартал Оби равон упомянут в грамоте 1818-19 г.[80], причем в описи вакуфных грамот указано второе название этого квартала — Мухаммад-Ризо-ходжа. При опросе населения оно выявлено не было.

27. Квартал Турки Джанди ترک جندی (название мазара). Второе название — Таи пушта تە پشتە («У пустыря» или «У кладбища»).

Домов в квартале было очень мало — всего 8—9, так как

---

[79] ГА, ед. хр. 55. Описание составлено по сообщениям Яхъё-ходжа Шарифова из квартала Гозиён, 68 лет, и Кори Мирзо из квартала Пустиндузон, 69 лет.

[80] ГА, ед. хр. 526. Сообщения жителя квартала Гозиён — Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, жителя квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет, и ювелира Ато Мирзоева, 82 лет (в прошлом жителя квартала Мулло Шамси-Мухаммад).

бóльшую часть его территории занимало кладбище. Он был настолько мал, что обычно объединялся то с кварталом Оби равон, то с Хаджи Амон-бой; с первым он перед революцией имел общего старшину. Однако в сообщениях его называли отдельным кварталом благодаря популярности мазара Турки Джанди.

Вдоль улицы квартала тянулись торговые ряды, частью крытые. Там находились овощные лавки, чайханы, цирюльни. Раньше здесь же были мастерские и лавки мыловаров и мастерские лощильщиков; последних было 12.

Мечеть-мавзолей Турки Джанди очень старая. Внутри мечети находилась святыня квартала — могила «святого». Мазар пользовался широкой известностью и почитался. Мимо него не ездили на верховых животных: приближаясь к мазару, всадники спешивались и проходили мимо, ведя животное на поводу. По поверью, этот мазар обладал силой сбрасывать с седла всякого, кто по незнанию или из-за недостатка почтения проезжал верхом. При мазаре имелись шейхи (смотрители), которые получали приношения верующих. Сначала в качестве шейха при нем состоял какой-то афганец, потом он исчез и появился шейх «из узбеков» (таджикоязычный бухарец) [81]. Мазар Ходжа Джанди упоминается в «Книге Мулло-зода» XV в., где сказано, что это могила Ходжи имама Абу Насра Ахмада бен Фазль Муса Джанди, который был из соратников (асхаб) Абу Бакра Исхака Калободи, жившего в X в.[82].

28. Квартал Амон-бой, или Хаджи Амон-бой (حاجی) امان بای (собственное имя).

Квартал состоял из 37 домов (Т, 1930). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. По-видимому, здесь жили и евреи-мусульмане, судя по тому, что в числе профессий жителей квартала указана торговля окрашенной шелковой пряжей и шелковой ватой, чем в Бухаре обычно занимались евреи.

Вокруг квартальной мечети располагалось небольшое кладбище Пуштайи Амон-бой.

В квартале имелись мечеть, мактаб и медресе, известное под названием Шарифджон.

Квартал Хаджи Амон-бой упомянут в грамотах 1713 г., 1825-26 г. и в грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара (1800—1826) [83].

---

[81] Сообщение Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён, и Кори Мирзо, 69 лет, из квартала Пустиндузон.

[82] «Книга Мулло-зода», стр. 38—39.

[83] ГА, ед. хр. 46, 10 и 40. Описание составлено по сообщению Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён.

29. Квартал Махаллайи нау محلهٔ نو («Новая слобода»).

Новая слобода состояла из 200 домов (Т, 1929 — 184 дома). Население слободы было еврейское. Слобода образовалась и получила свое название тоже давно, после того как старая слобода оказалась перенаселенной. Увеличение числа жителей за счет естественного прироста, а также в результате постоянных переселений из других городов Средней Азии и из Ирана вынудило евреев через своего старшину (калонтар) обратиться к эмиру с просьбой отвести для них новый участок [84]. На том месте, где образовалась Новая слобода, по преданию, было болото (куль) и посевные земли, почему за Новой слободой до недавнего времени сохранялось название Сабзикори («Морковное поле»).

Занятия населения были те же, что и в Старой махалла. В Новой махалла было пять молитвенных домов, ее население делилось соответственно на пять приходов.

30. Махалла Амиробод محله امیر آباد («Благоустроенная эмиром»).

Махалла Амиробод состояла из 70—80 домов. Население было исключительно еврейское. Оно составляло один приход, здесь был один молитвенный дом. Эта слобода образовалась позже двух других, когда и вторая оказалась перенаселенной. Земля была предоставлена кем-то из бухарских эмиров, на что указывает само название махалла. Судя по тому, что самые пожилые евреи, в частности 92-летний красильщик из Старой махалла, не помнили уже его имени, это могло произойти при одном из первых эмиров, т. е. во второй половине XVIII или в начале XIX в.

По своим занятиям население этой слободы не отличалось от остальных двух, но здесь жила больше беднота; условия здесь были тяжелые, так как за городской стеной, к которой примыкал квартал, находилось болото и жители особенно страдали от малярии, которая в Бухаре была очень распространена [85].

31. Квартал Гарибия غریبیه («Прибежище для бесприютных»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население

---

[84] О том, как предоставлялась эмирами земля для поселения евреев, см.: Н. Ханыков, Городское управление в Средней Азии,— «Журнал министерства внутренних дел», 1844, кн. 5, стр. 346; также: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 168.

[85] Сообщения той же группы стариков, которые давали информацию о первых двух слободах.

было таджикоязычное, но считало себя узбеками; название «тоджик» информатор отнес к ирани. По роду занятий большинство принадлежало к торговцам. Здесь жили торговцы ситцем (читфруш), дровами и строительным лесом (чубфруш), хозяева мелочных лавок (баккол) и т. д. Часть населения квартала принадлежала к духовенству (мулло, кори).

В квартале имелась мечеть, но своего мактаба не было, дети учились в соседнем квартале — Хаджи Амон-бой. К мечети примыкало медресе Гарибия, представлявшее собой лишь ряд келий, где жили студенты; на памяти современного поколения лекции там не читались [86].

32. Квартал Махдуми Аъзам مخدوم اعظم (титул-прозвище известного суфия XVI в.) [87].

Квартал состоял из 30—40 домов. Население его было таджикоязычное. Занятием большинства была торговля. Имелись здесь и ремесленники, среди них — один красильщик.

В квартале была старинная мечеть, напротив которой находилось большое двухэтажное медресе, известное под именем Чучук-оим; как показывает название, его постройка приписывалась какой-то знатной женщине (оим — термин обращения и приставка к именам женщин из знатного рода).

Святыней квартала была мнимая могила Махдуми Аъзама. Над ней был выстроен навес. Могила была оформлена в виде надгробия (суфа), над которым стоял шест с хвостом яка [88]. Мечеть Махдуми Аъзам упомянута в грамоте 1837-38 г. [89].

33. Квартал Гозиён غازيان («Борцы за веру»).

Квартал Гозиён считался одним из крупных, он состоял из 104 домов (Т, 1929 и 1930 — 50 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. По роду занятий здесь больше всего было торговцев и мулл. Жили и

---

[86] Сообщения Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён, и др.

[87] Махдуми Аъзам — суфий (ум. в 1542 г.), учитель Ходжа Ислама Джуйбари. По происхождению ферганец, он имел второе прозвище — Мавлана Ходжаги Касани. Его резиденция находилась в селении Дахбид, возле Самарканда, где еще в начале XX в. жили его потомки. Другая их ветвь, переселившись в Синьцзян, основала там династию правителей, впоследствии низложенную китайцами (см.: В. В. Бартольд, Ислам,— Сочинения, т. VI, стр. 118; также: В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 6).

[88] Сообщение Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён.

[89] ГА, ед. хр. 494.

ремесленники: часовщик (соатсоз), две семьи сапожников (музадуз), ткачи шелка (шоибоф и адрасбоф), среди которых был устокор Носир-бой, в доме которого работало несколько наемных ткачей (халфа). Жили в этом квартале также служилые люди (сипо) и знатные сановники, например Туракул-удайчи, который занимал большой казенный дом, помещавшийся рядом с медресе Гозиён; при доме был просторный двор, где содержались лошади, которых держал удайчи по своей должности [90]. В этом квартале жил в своем собственном доме мирохур по имени Садриддин. После его смерти дом был куплен неким Зикриё, находившимся в чине туксабо и служившим при дворе двух последних эмиров. Зикриё был убит Алим-ханом в арке по подозрению в принадлежности к джадидам. Его дом присвоил себе мирохур по имени Кори Мирхон. После революции Кори Мирхон был арестован и дом снова попал в руки потомков Зикриё-туксабо. В квартале проживал также один представитель чиновного духовенства — Мусо-ходжа-урок.

Квартал Гозиён был одним из центров мусульманского образования в Бухаре. Здесь находилось несколько медресе. Самым крупным, в котором вплоть до революции читались лекции, было медресе Мулло Мухаммад-Шариф, построенное, как считают старики со слов отцов и дедов, 140 лет назад (т. е. в начале XIX в.) [91]. Это большое двухэтажное здание из жженого кирпича с фасадом, отделанным майоликой. В этом медресе учился писатель Садриддин Айни. Строитель медресе, Мулло Мухаммад-Шариф, был, по преданию, мюридом известного бухарского «святого» Хазра́ти Имло, время жизни которого относят к концу XVIII в. (при Шах-Мураде) [92]. По преданию, медресе было построено на золото, найденное им в кувшинчике, закопанном в землю. Мухаммад-Шариф принес это золото своему учителю, но тот отказался от него и велел потратить на возведение какой-нибудь богоугодной постройки.

В квартале находилось также старинное медресе Гозиёни калон (Большой Гозиён), а к северу от него — медресе Гозиёни хурд (Малый Гозиён). Там лекции не читались, только жили студенты. К медресе Мулло Мухаммад-Шариф с во-

---

[90] У д а й ч и — военный чин (шестой снизу). Лицам, назначавшимся на эту должность, предоставлялась соответствующая казенная квартира с конюшней.

[91] Вероятно, именно это медресе упомянуто Н. Ханыковым под названием медресе Мулло Мухаммад-Шарифа-савдогара. Ханыков говорит, что в медресе было 92 худжры и жившие там студенты получали из вакуфных доходов по 3,5 тилло в год (Н. Х а н ы к о в, Описание Бухарского ханства, стр. 86).

[92] Подробнее об этом «святом» см. в описании квартала Эшони Имло (№ 80).

сточной стороны прилегало вплотную, стена к стене, еще одно медресе — медресе Чубин («Деревянное», так в Бухаре назывались каркасные постройки). К тому же кварталу относилось маленькое медресе, находившееся неподалеку от кладбища Турки Джанди и известное под названием Гиребон-чок («Разорванный воротник»). Судя по названию, его построил человек, находившийся в большом горе: разрывание ворота — одно из самых сильных выражений скорби. В экспликации к плану Парфенова — Фенина имя этого человека сохранилось: медресе значится под двумя названиями — Гиребон-чок или Мирзо Бадеъ.

Квартальная мечеть относилась к типу хонако — там происходили религиозные радения. В квартале было небольшое кладбище (пушта). На кладбище было несколько могил с большими мраморными плитами, покрытыми резьбой. Здесь хоронили своих покойников только ходжи из соседнего квартала Миракон, которые считались потомками основателей кладбища. В квартале была баня, рядом с которой находилась большая благоустроенная тахоратхона, в которой вода зимой согревалась. Обязанности истопника на памяти информаторов выполнял пойкор. На перекрестке располагался небольшой базарчик (сари бозори Гозиён) из 18 лавок. В числе лавок были две чайханы, пекарня, мясные и овощные лавки и цирюльня (сартарошхона).

Святыней квартала являлась находившаяся при хонако могила Имом Гози (имама — борца за веру). Безымянный Имом Гози почитался в Бухаре как один из тех «сорока четырех мучеников за веру», которые, по преданию, похоронены в различных местах Бухары, «начиная от Каршинских ворот и кончая Каракульскими». Эти «святые» носили название «сорок четыре одноглазых мученика» (чилу чор муштахиди якчашма) [93].

Квартал Гозиён упомянут в актах 1497-98 [94] и 1556-57 гг. [95].

34. Квартал Сарахсиён سرخسیان («Серахсцы») [96].

По сообщениям, это был один из самых маленьких кварталов, состоял из десятка домов, но при обследовании (Т, 1928) в нем было отмечено 48 домов. Население было таджикоязычным, но считало себя узбеками. Два дома принадлежало ирани — крупным купцам (саудогар). Большин-

---

[93] Эпитет «одноглазый» означал постоянную направленность их души к будущей загробной жизни (як ча́шмашон да ин дуньё — як ча́шмашон да ун дуньё — «один глаз у них [смотрит] в этот мир, один — в тот мир»).

[94] ГА, ед. хр. 1186.

[95] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 125. Сведения сообщил житель этого квартала Яхъё-ходжа Шарифов, 68 лет.

[96] Серахс — город в Туркмении.

ство жителей квартала занималось торговлей. Торговали кожаными калошами, чаем и др. Были здесь также муллы и одна семья служилых людей (сипо), принадлежавшая к местным таджикоязычным бухарцам, как и остальное население квартала.

В квартале была большая хорошая мечеть, представлявшая собой здание с кирпичными (сангин) стенами и балочным перекрытием. Здание мактаба было каркасное. Перед мечетью находился хауз. Святыни в квартале не было. На небольшом базарчике (бозори каллапуш) продавались тюбетейки.

Квартал Сарахсиён упоминается в документе 1558-59 г.[97].

35. Квартал Косагарон كاسه گران («Гончары, изготовляющие большие чаши»).

Квартал состоял из 90 домов (Т, 1928 — 53 дома).

Население было смешанным. Большинство составляли бухарцы, говорившие по-таджикски, но считавшие себя узбеками. Пять семей, принадлежавших к сипо, были тюркоязычные. Среди них была семья Иброхим-бек-туксабо, сына или внука известного в свое время сановника по имени Хайдаркул, которому было дано прозвище Чучка (Кабан) за его упрямство и несговорчивый характер: «он, как кабан, шел прямо, не смотря по сторонам»[98]. Его потомки также были известны как люди с очень тяжелым, вспыльчивым характером (джахолатнок). Один из переулков квартала был населен ирани, потомками рабов, отпущенных на волю после ликвидации рабства. Этот переулок, где жило 15 семей, носил название Кучайи Гуломо («Улица рабов»). Из среды бывших рабов происходил и проживавший в квартале крупный сановник и придворный эмира Ахад-хана, Мулло Озод, бывший в чине девонбеги. Он, как и остальные ирани, был шиитом. Незадолго до революции он был послан хокимом в Хатырчи и по дороге умер. Умирал в уверенности, что его отравили по приказанию эмира, подозревавшего его в джадидизме.

Население квартала занималось ремеслами и торговлей. Там жили торговцы ситцем, пряностями, хозяева мелочных лавок. Из ремесленников в квартале жили и ткачи шелка. Но гончаров в квартале не было. Однако в прошлом на этом месте, очевидно, находились гончарные мастерские: при рытье колодцев, на глубине трех газов[99], в земле находили

---

[97] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 319. Описание составлено по сообщению Яхъё-ходжа Шарифова из квартала Гозиён.

[98] Этому человеку С. Айни посвятил особую главу в своих «Воспоминаниях» (стр. 325—331).

[99] Газ — мера длины, ок. 83 см.

множество глиняных подставок, которые ставятся под чашки при загрузке ими обжигательной печи (сепояйи таги коса). Гончары, конечно, здесь и жили, но это было давно: квартал Косагарон существовал еще в XVI в. [100].С профессией гончаров была связана также святыня квартала — могила безымянного «святого», известного как Ходжа Косагар.

Мечеть была каркасная, с расписным потолком. На карнизе имелась стихотворная надпись: «В том месте, где есть чистота сердец избранных, сидите (живите) с наслаждением, так как мир преходящ. Жить без наслаждения — это могильный камень. В Бухаре есть гузар Косагарон». Возможно, эта надпись (может быть, последняя фраза) являлась хронограммой. В квартале был мактаб, помещавшийся в особом здании, и небольшая тахоратхона. Имелось также два медресе, построенных в XX в. Одно из них построил шахрисябзец Юлдош-бай, второе — аксакал этого квартала по имени Иброхим-оксакол, который был в то же время аксакалом на базаре готовой одежды (оксаккóли бозóри джома) [101].

36. Квартал Миракон ميركان (родовое имя ходжей Миракон).

Квартал состоял из 113 домов (Т, 1928—77 домов, 1929—43 дома). Население было смешанное: бóльшая часть была таджикоязычная (хотя, по-видимому, считала себя узбеками), меньшая часть — тюркоязычная. Занятием большинства как тех, так и других было сапожное ремесло (кафшдузи). Кроме того, в квартале жило несколько торговцев одеждой. Одна семья — Амон-бека-девонбеги [102] — принадлежала к крупной служилой аристократии.

Мечеть была каркасная. Рядом с ней находился хауз и небольшое кладбище (пушта), на котором на памяти информаторов никого уже не хоронили. Кроме этой мечети в квартале было еще хонако, представлявшее собой постройку из жженого кирпича с купольным сводом; при хонако имелись кельи, где жили студенты, и потому оно считалось также медресе. Во дворе хонако был небольшой хауз. В квартале имелся свой мактаб.

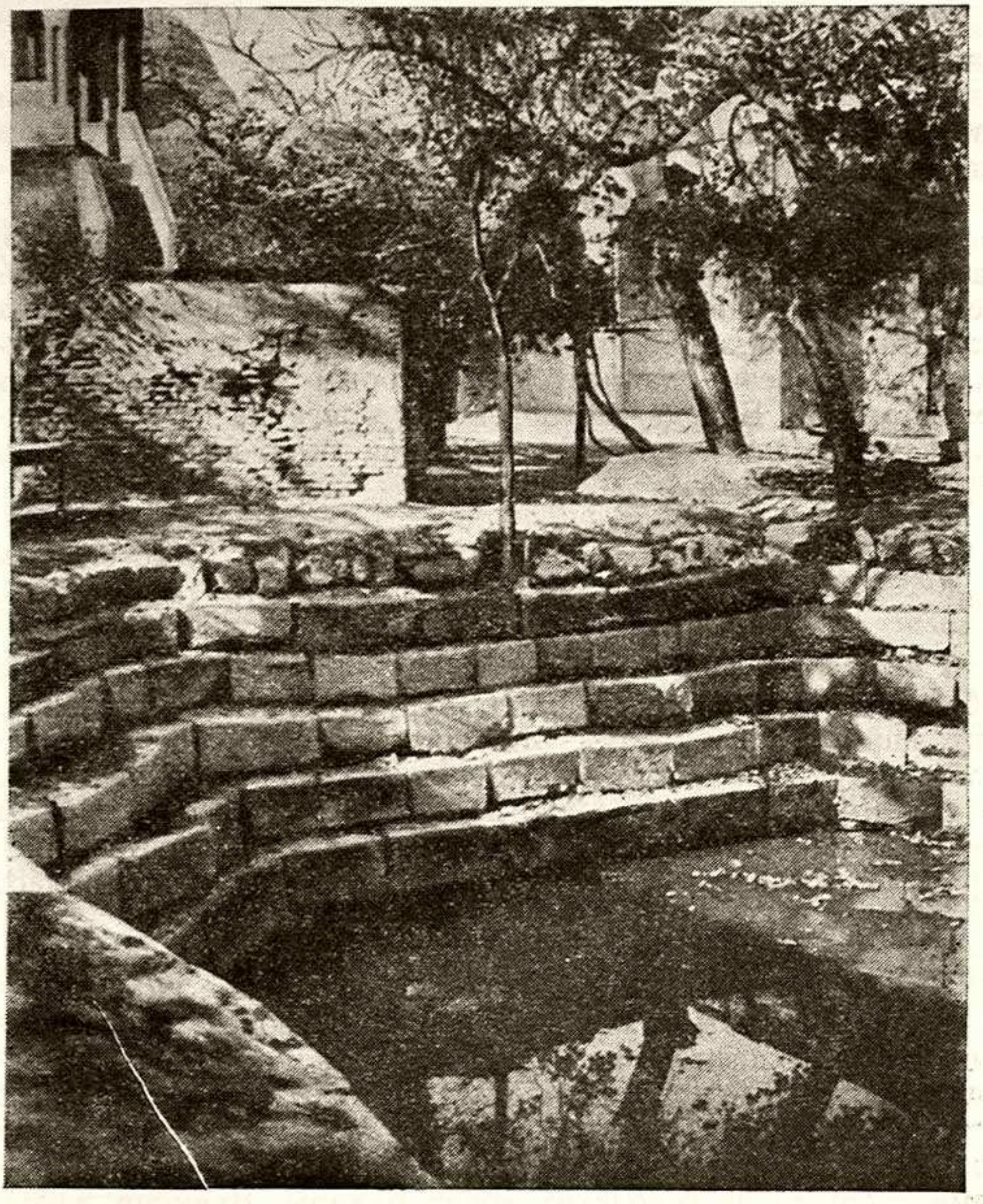
Название квартала Миракон в топонимике Бухары должно быть старым: «квартал (ку) мечети-медресе Миракон» упомянут в недатированной грамоте, которая, по мнению

---

[100] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 60.

[101] Сообщение жителя этого квартала Мукума Убайдуллоева, по прозвищу Мукум-большевик, 65 лет.

[102] Девонбеги — один из высших чинов в системе чинов бухарского эмирата. Девонбеги ведал всей отчетностью и утверждал расходы.



Хауз в квартале Миракон

О. Д. Чехович, была составлена до 1016/1607-08 г. Судя по этой грамоте, название квартала в то время было Калта Манор. Квартал Миракон упомянут также в вакуфной грамоте 1912-13 г.[103].

---

[103] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1313; собрание актов ИВ АН УзССР, № 47/40. Сообщение Барота Саидова, 70 лет, из квартала Миракон, и Мукума Убайдуллоева, 65 лет, из квартала Косагарон.

37. Квартал Сохиб-зада صاحب زده («Побитый хозяином» — прозвище суфия) [104].

Квартал был довольно большой, но число домов не выяснено. Население было таджикоязычное. Занятия остались невыясненными.

В квартале была старинная купольная мечеть из жженого кирпича, при которой имелись тахоратхона и мактаб. Хауз и находившееся невдалеке от него кладбище были известны под названием Шо-Араб. Святыней считалась могила «святого» Сохиб-зада. Это был мавзолей с надгробием (дахма, в просторечии дакма), над которым возвышался шест с хвостом яка. Вокруг мавзолея была ограда из необтесанных камней (санги кух). При мавзолее было построено пять келий для студентов [105].

38. Квартал Шайх Джалол شيخ جلال (собственное имя; здесь имеются в виду городские ворота Шайх Джалол).

В квартале было 72 дома (Т, 1928 — 54 дома). Население в большинстве принадлежало к таджикоязычным бухарцам, считавшим себя узбеками. Жившие в этом квартале представители военно-служилого сословия были тюркоязычные узбеки. Довольно много жило в квартале и форсов. Главным занятием населения было ткачество. Здесь вырабатывались адрас, шелк-канаус и бархат. Часть жителей занималась торговлей.

Мечеть помещалась в старинном купольном здании, которое относилось к XVIII в. Его называли хонако, видимо, из-за его архитектуры (наличие купольного свода); о совершении там религиозных радений сведений нет. За мечетью находился мазар — могила самого шейха Джалола, именем которого назывался не только квартал, но и имевшиеся в этом районе ворота, которые, по сообщениям, считались самыми старыми из городских ворот Бухары. Времени жизни шейха Джалоля население не знает, однако утверждают, что он был бухарцем. Среди народа мазар Шайх Джалол пользовался известностью как исцеляющий детей, больных коклюшем. Больных приводили к мазару и поили водой из синей

---

[104] По-видимому, этот суфий, имя которого было Миян Гулям-Кодир, упомянут Н. Лыкошиным в качестве наставника — пира, давшего посвящение ташкентскому ишану и мударрису Абдулмаджиду Юнусханишанову (Н. Лыкошин, Роль дервишей в мусульманской общине,— «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», VII, Ташкент, 1897, стр. 126). Возраст мударриса, которому в конце XIX в. было, по словам Н. Лыкошина, 80 лет, показывает, что время деятельности его наставника суфия Сохиб-зада может относиться примерно к середине XIX в.

[105] Сообщение жителя квартала Миракон, Барота Саидова, 70 лет.

чашки (коса́йи кабуд). У мазара росло несколько деревьев и имелся небольшой алтарь (чирогхона), где приходившие к мазару возжигали светильники. В квартале было большое медресе (не отмеченное на плане Фенина), которое находилось к востоку от мечети.

Квартал Дарвозайи Шайх Джалол упомянут в грамоте 1691-92 г. Имя шейха Джалола встречается в «Тарихи Мир Хайдар», где говорится, что шейх был пиром Абдулазиз-хана (1645—1680), который якобы построил над его могилой мавзолей [106].

Джариб третий. Джуйбар

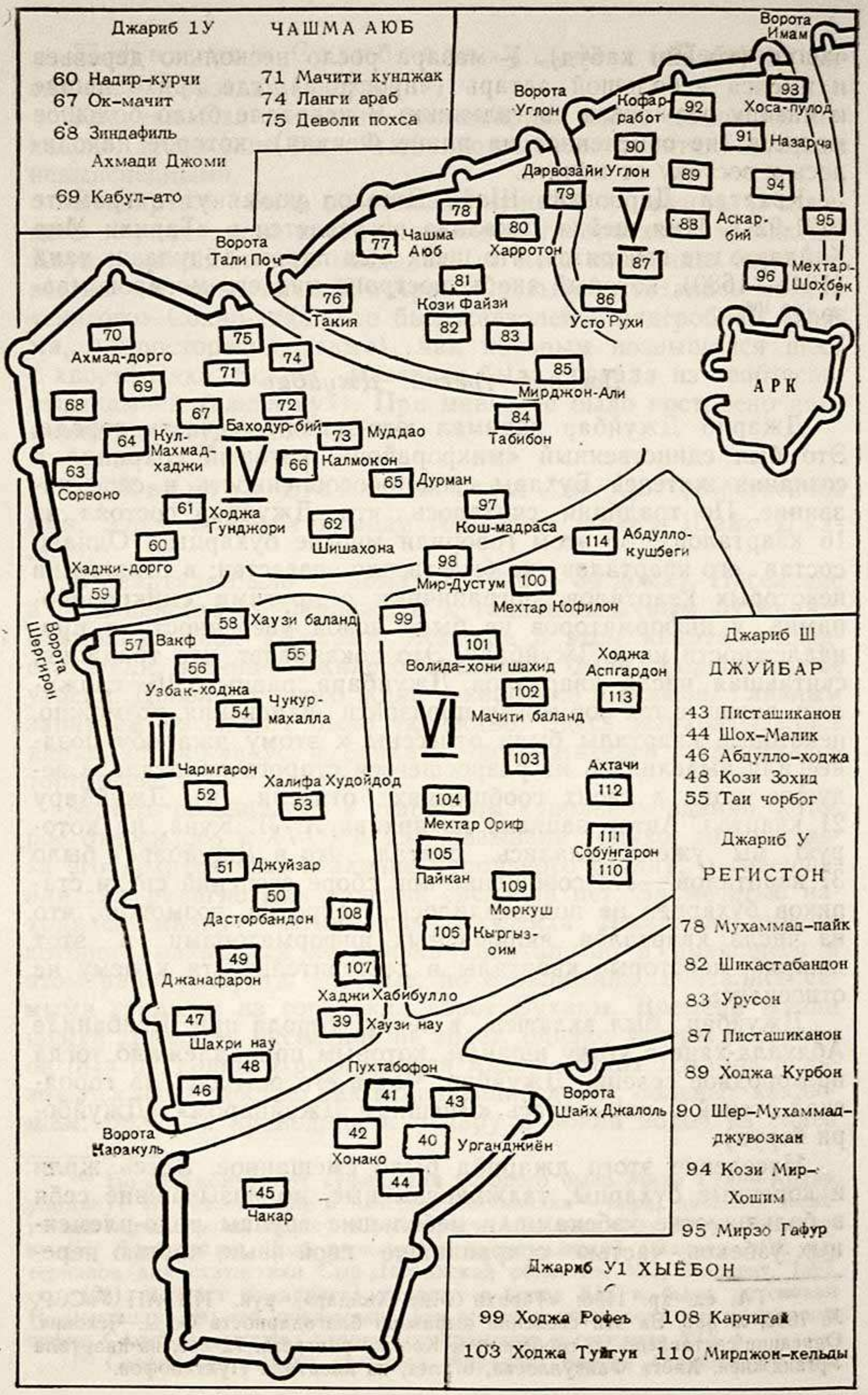
Джариб Джуйбар занимал юго-западную часть города. Это был единственный «микрорайон», который сохранил в сознании жителей Бухары свою обособленность и свое название. По традиции считалось, что Джуйбар состоял из 16 кварталов — об этом говорили многие бухарцы. Однако состав его кварталов не был твердо известен; в отношении некоторых кварталов, пограничных с другими «микрорайонами», у информаторов не было ясной уверенности в принадлежности их к Джуйбару. Это доказывает, что традиция, считавшая число кварталов Джуйбара равным 16, сложилась давно: с тех пор могли произойти изменения, возможно, некоторые кварталы были отнесены к этому джарибу позднее или выделились из разросшегося старого квартала. Сведущие люди в своих сообщениях отнесли к Джуйбару 21 квартал. Автор записки из архива А. Л. Куна, на которую мы уже ссылались, считал, что в Джуйбаре было 37 кварталов — это сообщение при сборе сведений среди стариков бухарцев не подтвердилось. Напротив, возможно, что из числа кварталов, включаемых информаторами в этот джариб, некоторые кварталы в действительности к нему не относились.

Джуйбар был включен в черту города при Шейбаниде Абдулла-хане в угоду ишанам, которым принадлежало тогда пригородное селение Джуйбар. Часть его осталась за городской стеной и называлась «Внешним Джуйбаром» (Джуйбо́ри берун).

Население этого джариба было смешанное. Здесь жили и коренные бухарцы, таджикоязычные, но называвшие себя в большинстве узбеками, и небольшие группы родо-племенных узбеков, частью сохранившие свой язык, частью пере-

---

[106] ГА, ед. хр. 1186; «Тарихи Мир Хайдар», рук. ИВ АН УзССР, № 1836, л. 3аб. За эти сведения выражаю благодарность О. Д. Чехович. Описание составлено по сообщениям Косими рангреза, 72 лет, из квартала Урганджиён, Хаёта Файзуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон.



Джарибы III, IV, V, VI (схема)

шедшие на таджикский. Среди населения Джуйбара большое место занимали форсы (ирани) — переселенцы из Мерва и других мест, попавшие сюда, видимо, в разное время: начало их переселению (насильственному) положил Абдулла-хан (XVI в.), продолжил его Шах-Мурад (конец XVIII в.). Позже здесь поселились выходцы из разных мест Ирана, пришедшие сюда по своей воле. Переселенцы сохраняли свою религию — шиизм, в этом джарибе находилась бóльшая часть их молитвенных домов (хусайнияхона).

Джуйбар был ремесленным районом. Здесь находился главный центр производства тканей, были представлены и другие ремесла. Наряду с тем здесь были расселены и военно-служилые люди (сипо).

Восточной границей Джуйбара служил проспект Хыёбон, образовавшийся, видимо, на месте старой городской стены, разрушенной в XVI в. при расширении границ города.

В этот микрорайон мы включили 20 кварталов (из которых один — не совсем уверенно): Хаузи нау, Урганджиён (или Чакари султонон), Пухтабофон, Хонако, Писташиканон (или Калта-ходжа), Шох-Малик, Чакар, Абдулло-ходжа, Шахри нау, Кози Зохид, Джанафарон, Дасторбандон, Джуйзар, Чармгарон, Халифа Худойдод, Чукур-махалла, Таи чорбог (или Гузари нау), Узбак-ходжа, Вакф, Хаузи баланд.

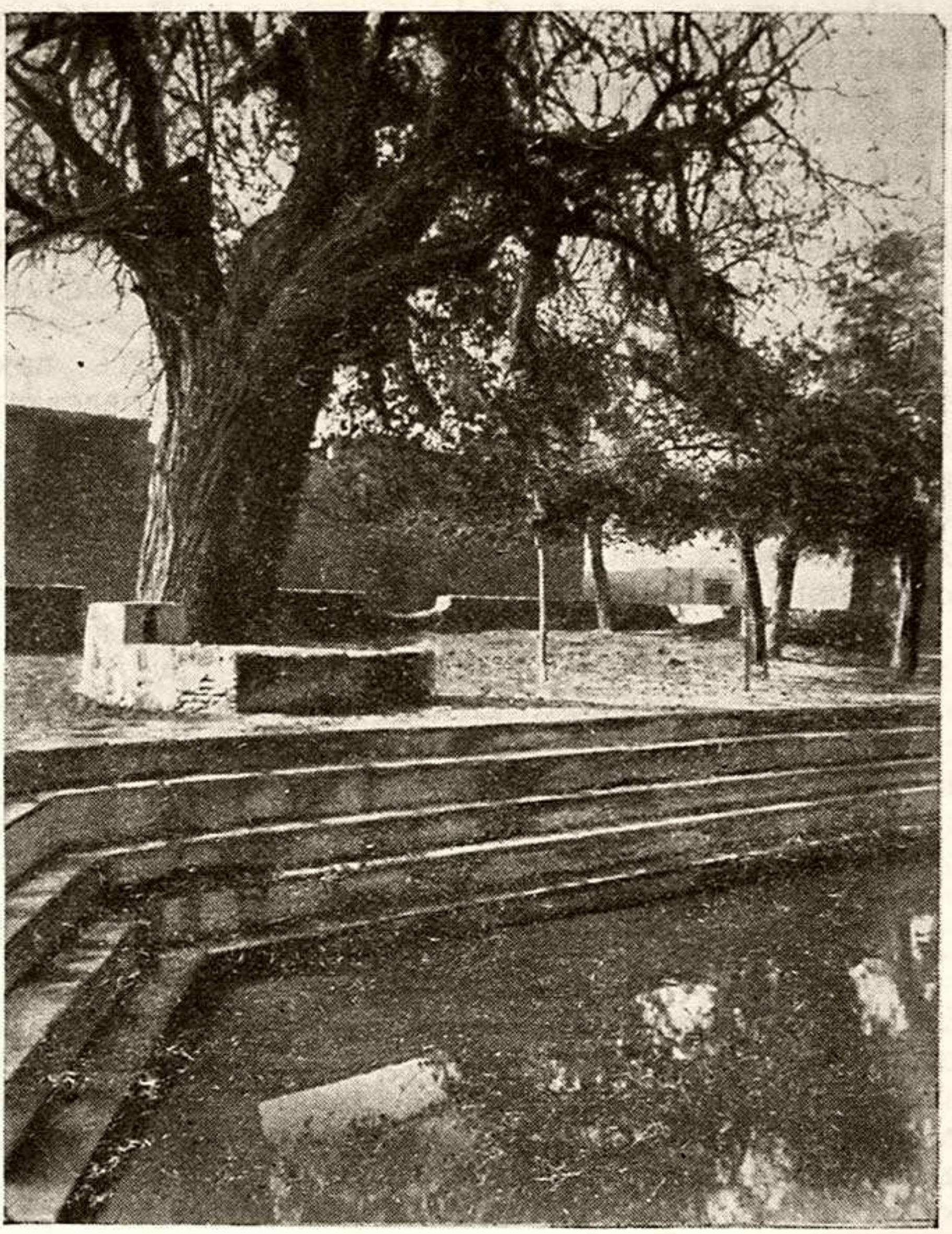
39. Квартал Хаузи нау حوض نو («Новый хауз») [107].

Квартал состоял из 25 домов (Т, 1929 — 40 домов). Население было таджикоязычное. Небольшая часть (по-видимому, семья сановника Абдулло-кушбеги, жившего в этом квартале) была тюркоязычная. Занятием большинства населения было ткачество. Вырабатывался шелк-канаус. Была также мастерская «абрбанда» (мастера по орнаментации тканей путем перевязки основы) и красильные мастерские.

Мечеть представляла собой старинное купольное здание, постройка которого приписывается матери Абдулла-хана. Мечеть имела два отделения: одно — для ежедневной пятикратной молитвы, второе — для пятничной общей. В квартале было также помещение для полных омовений (гуслхона). Напротив мечети, через улицу, находилось большое медресе, известное под названием Мадрасайи Джуйбор. По преданию, медресе было построено Ой-пошшо-биби — слепой (оджиз) дочерью джуйбарского ишана Ходжа Калона (Ходжа Саъд). Но вакуфная грамота этого медресе уточняет, что Ой-пошшо-биби была лишь жертвовательницей вакфа и что она являлась не дочерью, а внучкой Ходжа Саъда; отцом ее был

---

[107] В принадлежности этого квартала к Джуйбару полной уверенности нет.



Хауз в квартале Хаузи нау

Абдурахим-ходжа. Этот документ доносит до нас старое название квартала, так как медресе Джуйбори калон указано как находящееся в квартале Абдулазиз-хан[108]. Перед медресе находился большой хауз — Хаузи нау. Об этом хаузе ходила недобрая слава, говорили, что он «притягивает к себе людей» (бонг мезанад — «зовет»). Поэтому, когда там утонул человек, на берегу хауза был зарезан баран и приготовлено жертвенное угощение — худойи.

---

[108] ГА, ед. хр. 115. Описание составлено по сообщениям Хаёта Файзуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон, и Хакимова, 50 лет, бывшего гузаркома квартала Хонако.

40. Квартал Урганджиён اورگنجیان («Ургенчцы») [109], второе, старое, но не забытое название — Чакари султонон چقر سلطانان («Улица султанов») [110].

Квартал состоял из 64 домов (Т, 1929 — 65 домов). Его население составляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Шесть семей вело свое происхождение из Хивы (Ургандж), четыре семьи было ирани. Занятием большинства жителей было ткачество. Здесь вырабатывались различные виды шелковых и полушелковых тканей: одноцветный и пестрый шелк-канаус, адрас и бекасаб. Выработкой последнего занимались мало: во всем квартале бекасаб ткался на двух станках.

Мечеть имела балочное перекрытие; мактаб помещался в простом каркасном здании; тахоратхоны не было. Святыней квартала являлся мазар Саид Тоджиддин, в котором было три могилы.

Старое название этого квартала — Чакари султонон упоминается в очень поздней вакуфной грамоте 1913-14 г.[111], из чего видно, что это название сохранялось за кварталом как официальное.

41. Квартал Пухтабофон پخته‌بافان («Ткачи»).

Квартал состоял из 66 домов (Т, 1930 — 44 дома). Он был населен таджикоязычными бухарцами (не выяснено, считали ли они себя узбеками). Две семьи принадлежали к форсам. Одна из них была семьей Хаджи Мир-Али — религиозного главы всех бухарских форсов (калони эронихо — «старшина ирани»). Население квартала почти целиком состояло из ткачей. Изготовлялись полосатые ткани — бекасаб, алоча и так называемая «шоича» — полосатая ткань, в основе которой часть нитей одного или двух определенных цветов была шелковой, остальная часть — бумажной [112].

Мечеть квартала была из жженого кирпича, с купольным сводом, и имела два айвана, где совершался намаз в летнее время. В мечети находилось надгробие, около которого был воздвигнут шест с хвостом яка, так как могила считалась мазаром. Осталось невыясненным, кому могила принадлежала. Имелась школа.

---

[109] Ургенчцами называли всех жителей Хорезма.

[110] Термин «чакар» в словарях отсутствует, в живом таджикском языке (например, в Ленинабаде) он употребляется до сих пор в значении «улица», «переулок».

[111] ГА, ед. хр. 394. Сообщения жителя этого квартала красильщика Косими рангреза, 72 лет.

[112] По-видимому, в названии квартала содержится намек на выработку там высокосортных тканей (пухта — «зрелый, добротный»).

Квартал Пухтабофон упомянут в акте 1812 г.[113]. Возможно, к этому кварталу относится название Алочабофон, встретившееся в акте 1752-53 г.[114].

42. Квартал Хонако خانقاه («Обитель дервишей»).

Квартал принадлежал к самым многолюдным, о которых говорили, что там было 360 домов. Однако в действительности он был не столь велик: в 1927 г., когда квартал сохранял в основном свои прежние размеры, в нем числилось, по сообщению т. Хакимова, бывшего тогда гузаркомом, 105 домов (Т, 1928 — 65 населенных и 34 пустовавших дома; Т, 1929 — 80 домов).

Население квартала было смешанным. Около сорока семей принадлежало к ходжам. Среди них выделялись богатые и знатные ходжи из рода джуйбарского ишана Ходжа Ислама. Этот род имел обширную земельную собственность, кроме того, располагал доходами с громадных наследственных вакфов, все время увеличивавшихся[115]. У жителей этой части города сохранилось предание о крупном пожертвовании, которое джуйбарские ходжи получили от эмира Насруллы (в Бухаре его чаще называли Ботур-ханом). Получение этого дара предание приписывает следующему поводу. Однажды эмир спросил ходжу: «Что есть хорошего в жизни?» Тот ответил: «Одеваться, есть и испражняться (пушидан, хурдан, ридан)». Эмир удивился такому ответу и счел его глупым и недостойным. Однако вскоре он был наказан за свое сомнение в мудрости ходжи: он заболел, весь отек и был близок к смерти; по-видимому, у него сделался заворот кишок (бод на бромад). С раскаянием (тавба карда) он обратился к ходже. Тот провел своим посохом по его животу, газы отошли, и хан выздоровел[116]. В благодарность за исцеление эмир Ботур-хан дал в вакф джуйбарским ходжам большие земли в Хатырчи и других местах.

В память этого «чудесного исцеления» женщины перед родами приходили в келью (чиллахона) Ходжа Калона[117] и совершали там обряд поклонения, веря, что это им поможет

---

[113] ГА, ед. хр. 460.

[114] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 359/508. Описание квартала составлено по сообщениям Хаёта Файзуллоева, 67 лет, и других жителей этого квартала.

[115] См.: В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954.

[116] Возможно, в этом предании отразился в искаженном виде исторический факт — болезнь и смерть родоначальника мангытской династии Рахим-бека, который, по словам Филиппа Ефремова, умер скоропостижно от болезни, «от которой распухло у него сильно брюхо» (Филипп Ефремов, Девятилетнее странствование, М., 1950, стр. 35).

[117] Ходжа Калон — прозвище Ходжа Саъда, сына Ходжа Ислама.

разрешиться от бремени так же легко, как легко был исцелен Насрулла-хан.

Джуйбарские ходжи принадлежали к богатейшим феодалам Бухарского ханства, с ними считали возможным родниться сами эмиры — за ходжей выдавались девушки из эмирской семьи, их мужья получали титул «киёу-ходжа» («зять-ходжа»). Некоторые из ходжей считались служилыми (сипо) и числились на эмирской службе. По утрам, подпоясавшись широкими кушаками, они шли в арк на ежедневные приветствия эмира. В свою очередь, эмир наезжал иногда навестить своих родственников-ходжей, и эти наезды обставлялись очень торжественно. Вся дорога от арка до квартала выстилалась коврами, и эмир проезжал по ним между рядами выстроившихся вдоль дороги сарбазов. За сарбазами толпился народ, собравшийся поглазеть на эмирский выезд. Однако не все ходжи, жившие в квартале, были знатны и богаты. В то время как одни семьи принадлежали к высшим кругам феодального общества, другие не имели никаких доходов и жили своим трудом. Многие специализировались в различных ремеслах, среди ходжей были сапожники (кафшдуз), плотники и ткачи. Разница в положении ходжей этого квартала может иметь двоякое объяснение: либо ходжи происходили из разных родов (в то время как одни являлись потомками джуйбарского ишана и поэтому имели наследственное право на доходы с пожертвованных ему вакфов, другие в родстве с ним не состояли), либо среди небогатых ходжей квартала были обедневшие потомки тех сыновей джуйбарских ишанов, которые получали лишь небольшую часть наследства — его львиная доля вместе с ишанским званием доставалась старшему сыну [118].

Среди большинства населения квартала (карача — «чернь»), не принадлежавшего к ходжам, было много форсов, которые занимались главным образом обработкой шелка: шелкомотанием (пиллакаши) и выделкой дорогих сортов тканей: адраса, бекасаба, бархата и шелковых платков. Из таджикоязычных бухарцев (называвших себя узбеками) здесь жили различные ремесленники, мельники (хароспон), имевшие здесь же при доме небольшие мельницы (харос), приводимые в движение лошадью или ослом, хозяева примитивных маслодавилен (равгангари), откупщики вакуфных доходов (иджорадор) и др. Некоторые семьи из этой части жителей квартала принадлежали к служилому сословию (сипо), занимали различные мелкие должности.

Квартал Хонако был несколько обособлен от остального города, и эта обособленность отражалась в сохранении до

---

[118] Об этом см. в указанных работах В. Л. Вяткина и П. П. Иванова.

последнего времени ворот, преграждавших вход в него и закрывавшихся на ночь. Ворота эти находились на маленькой улочке, ведшей к святыне — старинному хонако, которое представляло собой кирпичное здание с купольным перекрытием, и к молельне (чиллахона). На эту улочку никто не въезжал верхом; всадники спешивались и входили в ворота, ведя верховое животное на поводу. Постройка чиллахоны приписывалась Ходжа Калону. Там до революции муллы и ишаны «отсиживали сорокадневия» (чилла мешиштан).

Второй, более старой святыней квартала, которую он делил с соседним кварталом Шох-Малик, была могила «святого» Имом Бакри Фазль (X в.) [119], над которой было выстроено небольшое здание типа мечети и поставлен шест с хвостом яка. На этом мазаре в одиннадцатый день каждого месяца совершался обряд «ёздахум» [120]. У мазара был свой шейх, который считался потомком погребенного здесь «святого» и имел право получать в свою пользу приношения верующих (назр, в просторечии — нарз). Имом Бакр считался одним из четырех «святых» Бакров (Бакр — собственное имя), имевшихся в Бухаре. Самый главный Бакр — Имом Бакри Саъд, родоначальник джуйбарских ходжей, похоронен в известном мавзолее Чарбакр, в окрестностях Бухары.

Третьей святыней квартала Хонако был мазар, известный под названием Солори хадж [121]. Мазар оказался внутри города после перестройки городской стены в конце XVI в. В какой-то период по имени этого мазара назывался и квартал; в недатированной вакуфной грамоте (не ранее XVII в.) упомянут квартал Солори хадж [122]. «Мечеть мазара Солори хадж в Джуйбаре» упоминается в поздней грамоте 1901-02 г. [123], видимо, тогда квартал уже так не назывался. Название мазара, по-видимому, следует понимать как «руководитель хаджа» (ср. сипох-солор — «военачальник»). Легенда объясняет его следующим образом. Один человек в запальчивости поспорил с женой, что он в одну ночь совершит паломничество в Мекку. Не зная, как это выполнить, он обратился к джуйбарскому ишану Ходжа Калону. Тот показал ему на оборванного, грязного человека, который поддерживал огонь в топке бани этого квартала, и сказал: «Если кто и может помочь тебе совершить хадж в Мекку в течение одной ночи,

---

[119] «Книга Мулло-зода», стр. 28. Нисба имама Бакри Фазль — бухори — говорит о том, что он был бухарцем.

[120] См. выше, стр. 86—87.

[121] «Книга Мулло-зода», стр. 34. Возможно, основываясь на том же источнике, В. Л. Вяткин говорит, что Солори хадж был «святым» эпохи Саманидов (В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари, стр. 4).

[122] ГА, ед. хр. 225.

[123] ГА, ед. хр. 487.

то только он». Этот человек был чильтаном [124]. Он не желал обнаружить свою принадлежность к чильтанам совершением явного чуда, однако не мог отказать в помощи обратившемуся к нему человеку и умер, дав тому возможность в одну ночь достигнуть Мекки и вернуться обратно, заранее сказав ему: «Пойдите к Ходжа Калону и скажите ему, чтобы он читал по мне заупокойную молитву (джаноза)». Он умер, велев похоронить себя близ бани, у дороги, чтобы его все время попирали ноги проходящих. Его могила и сделалась мазаром Солори хадж [125]. Этот мазар являлся местом совершавшегося в годовые праздники женского паломничества, которое именовалось «пеший хадж» (хаджи пиёда). По имевшемуся верованию, оно могло заменить недоступное для женщин паломничество в Мекку. В «пеший хадж» отправлялись еще затемно [126]; сначала заходили на поклонение в старинную мечеть квартала Мачити Балянд, на высокий айван которой поднимались в убеждении, что это может способствовать достижению высокого положения. Паломничество совмещалось с женскими гуляньями ритуального характера (сайль). Особенно большой сайль был в праздник курбан (курбон-байрам).

Квартал Хонако упомянут в вакуфных грамотах 1706-07 г. (как Хонако в Джуйбаре) и 1785-86 г.[127].

43. Квартал Писташиканон پستەشکنان («Раскалыватели фисташек») [128], или Калта-ходжа کلته خواجه («Ходжа-коротышка»).

Население квартала было немногочисленное, в нем насчитывалось всего 15—20 домов (Т, 1929 — 20 домов). Большинство жителей принадлежало к таджикоязычным бухарцам (в сообщении «были таджиками»), в 3—4 домах жили форсы, все ткачи шелка-канауса (шохи). Этим же занималась и часть таджиков. Остальные главным образом промышляли изготовлением для продажи соленых урюковых ко-

---

[124] О чильтанах см.: М. С. Андреев, Чильтаны چهل تن в среднеазиатских верованиях,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.

[125] Среди бухарцев распространена искаженная форма этого названия — Соли Оли хадж.

[126] Имеются также сведения о «пешем хадже» женщин в Самарканде, также совершавшемся ночью. Там местом такого паломничества был мавзолей Абду-Дарун.

[127] ГА, ед. хр. 274, 5. Описание составлено по сообщениям Хаёта Файзуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон, Хакимова, 50 лет, бывшего гузаркома квартала Хонако, семидесятилетней женщины-ходжа, уроженки квартала Хонако, и мастера-строителя Усто Маджида, ок. 90 лет, уроженца квартала Джанафарон.

[128] Одноименный квартал находился к северу от арка, в джарибе Регистон.

сточек, надкалыванием фисташек и очисткой ядер урюковых косточек, служивших для приготовления халвы и скупавшихся кондитерами. Часть жителей занималась лощением тканей (пардозгари).

По северной оконечности квартала проходила большая улица, которая вела от центра города к Каракульским воротам. На ней находились небольшие торговые и ремесленные ряды. Главное место занимали мастерские лощильщиков, их было до десяти, в каждой работало по 3—4 человека, среди них — мастер-хозяин, его подмастерья (халфа) и ученики. Наиболее крупными были мастерские Усто Абдулло, Усто Остонакула, Усто Мумина и Усто Акрами пардозгара. Здесь же находилось несколько красильных мастерских. В двух из них (рангрезхона) пряжа окрашивалась горячим способом во все цвета, кроме синего. Одна из этих мастерских принадлежала известному мастеру Усто Косиму, который впоследствии долго работал в ткацких артелях. Хозяином второй мастерской был Усто Хомид-бой. В трех-четырех мастерских (кабудгари) производилась окраска пряжи холодным способом в синий или черный цвет. Эти мастерские принадлежали местным евреям. Наиболее известными среди них были красильщики Малахим и Исохол.

Выделившись из квартала Хонако, по-видимому, сравнительно недавно и будучи малолюдным, квартал Писташикан не имел своей мечети. Его население ходило в мечеть квартала Пухтабофон (хотя мечеть квартала Хонако находилась немногим дальше, чем мечеть квартала Пухтабофон) [129].

44. Квартал Шох-Малик شاه ملیک (собственное имя).

Квартал состоял из 56 домов (Т, 1929). Население делилось на ходжей и простой народ (карача — «чернь»). И те и другие были таджикоязычными бухарцами (осталось невыясненным, причисляли ли они себя к узбекам). Было также немало форсов. Основным занятием жителей были ремесла, главным образом ткачество. Вырабатывали шелк-канаус и адрас. Две семьи занимались орнаментацией основы ткани способом перевязки (абрбанди), несколько семей являлись строителями (гилькор). Были и сапожники (музадуз). Одна семья была набойщиков (читгар), изготовлявших бумажные платки (румол), узор на которых печатался одной черной краской. Некоторые ходжи квартала принадлежали к знати, получали большие доходы с вакуфного имущества (вакфона),

---

[129] Сообщения лощильщика, Олима Зиёева, 70 лет, из этого квартала, Хаёта Файзуллоева из квартала Пухтабофон, 67 лет, Хакимова из квартала Хонако, бывшего гузаркома.

а также полное обеспечение от казны (аз пошо): хлеб в количестве двух лепешек в день на каждого члена семьи, мясо в различных количествах (2—3—10 кг), чай, сладости и даже спички. Это значит, что они состояли на эмирской службе, занимая должности, на которых полагалось получать кормление (ротифа).

Мечеть квартала помещалась в кирпичном здании с купольным сводом, был здесь и мактаб; здание его было каркасное. Святыней считался мазар Имом Бакр, который находился на стыке с кварталом Хонако [130].

45. Квартал Чакар چقر («Улица»).

Квартал был большой, в него входило приблизительно 100 домов (Т, 1929 — 110 домов). Население в большей своей части состояло из форсов, меньшинство составляли таджикоязычные бухарцы. Главным занятием было ткачество. Здесь вырабатывали шелк-канаус и в небольшом количестве адрас. Иногда, главным образом для себя, закладывали и бумажную полосатую ткань (калами), которая была наиболее распространенным материалом для верхних халатов мужского населения Бухары. В этом квартале жил видный сановник Салим-бек-инок, автор известной книги исторического содержания «Каджкули Салими». Он умер в 1930 г.

Мечеть служила для ежедневных пятикратных намазов не только населения этого квартала, но и соседнего квартала Хонако. Также в общем пользовании находилось расположенное возле мечети помещение для омовений (тахоратхона). В квартале был большой хауз, известный под названием Хаузи Чордара («хауз с четырьмя дверями»), так как он был окружен глинобитной оградой, в которой было оставлено четыре входа, обращенных к четырем переулкам, выходившим к хаузу. Его водой пользовались и жители квартала Хонако [131].

46. Квартал Абдулло-ходжа عبدالله خواجه (собственное имя).

Квартал был большой и многолюдный, в него входило свыше сотни домов (Т, 1929 — 143 дома). Большинство населения составляли форсы, меньшинство — бухарцы, говорившие по-таджикски. Между обеими группами была тесная связь, заключались смешанные браки, сообща ходили в мечеть. Главным занятием населения было ткачество. Здесь

---

[130] Сообщения Косими рангреза, 72 лет, из квартала Урганджиён, Олима Зиёева, 70 лет, из квартала Писташиканон.

[131] Сообщения ткача-форса из этого квартала и бывшего гузаркома квартала Хонако — Хакимова, 50 лет, тоже форса.

изготовлялись все виды шелковых и полушелковых тканей: бархат, адрас, шелк-канаус, шелковая алача, бекасаб и полушелковая ткань (мисри), употреблявшаяся на паранджи. Некоторые занимались размоткой коконов. Обработка шелка и шелкоткачество были преимущественно занятиями форсов. Бухарцы занимались отчасти ткачеством, отчасти другими ремеслами: в квартале жили две семьи набойщиков — читгар (астáру курпа чит пахш мекардан), несколько мастеров-строителей, цирюльник и один мастер по выбеливанию маты (шустагар, в просторечии — шуштагар). Здесь жил также крупный торговец коврами, имевший постоянную связь с Хивой, откуда приезжали к нему и останавливались у него в доме хивинские купцы.

Мечеть представляла собой каркасное здание. Напротив нее находилось маленькое кладбище, на котором была почитаемая могила Абдулло-ходжа, давшая имя кварталу. Мактаб помещался в старинном купольном здании. Имелась общественная тахоратхона.

Вдоль улицы, ведшей от Каракульских ворот к центру, располагались небольшие торговые ряды: мелочные лавочки (бакколи), чайхана, пекарня, лавка, где изготовлялись сладости (халвогари). В квартале имелась также мельница, приводимая в движение ослом или лошадью.

Квартал Абдулло-ходжа в Джуйбаре упомянут в вакуфной грамоте 1897-98 г. [132].

47. Квартал Шахри нау شهر نو («Новый город»).

Квартал состоял из 50—70 домов. Население было смешанным: большинство составляли таджикоязычные бухарцы, меньшинство — форсы. Жили они вперемешку, имели тесные связи друг с другом (кати буд дар кати). Правда, смешанные браки, как правило, не практиковались, но на семейные собрания (тои, похороны и поминки) приглашали друг друга обязательно. Если в момент призыва на молитву находились в смешанной компании, включавшей в себя шиитов и суннитов, то вместе ходили в квартальную мечеть. Большинство живших в квартале бухарцев занималось строительными ремеслами: здесь жили плотники и каменщики; один мастер занимался выделкой и обжигом кирпича (хумдончи). Некоторые жили на доходы с земли (находившейся за стенами города) и назывались «дехкон», хотя сами обработкой земли не занимались, а сдавали ее в аренду. Большинство форсов и часть бухарцев вырабатывали шелковые ткани.

---

[132] ГА, ед. хр. 276. Сообщения уроженца этого квартала, 70 лет, форса, по профессии цирюльника; уроженца квартала Хонако — Хакимова, бывшего там в 1926 и 1927 гг. гузаркомом, и др.

Некоторые форсы занимались изготовлением сладостей, преимущественно леденцов (каннот).

Из квартала Шахри нау незадолго до революции начал выделяться новый квартал — Кучайи боло («Верхняя улица»). Хотя в этой части квартала Шахри нау было всего 8—9 домов, их жители выстроили отдельную мечеть, так как территория квартала была сильно вытянута и живущим в южной части было затруднительно ходить к утренней молитве в мечеть, расположенную на северной окраине. Квартал Кучайи боло образовался очень поздно и не успел приобрести известность; о его выделении знали лишь те, кого это непосредственно коснулось.

Образование квартала Шахри нау предание относит ко временам Тимура. Последний, якобы увидев ночью из дверцы в стене арка на этом пустовавшем раньше месте огни, сказал: «Там, оказывается, образовался новый город» («Ун джо шахри нау шудас»), откуда и пошло название квартала. Некоторые информаторы, сообщая это предание, указывают, что новыми поселенцами, положившими начало кварталу Шахри нау, были 3 семьи из Хорезма (Урганч), сначала жившие в шалашах (каппа зада шиштаги).

Старая мечеть квартала была каркасная. Имелись мактаб и тахоратхона. В северной части квартала находился большой хауз. Второй хауз, маленький, был известен под названием Хаузи Рахими зур, видимо, по имени человека, явившегося инициатором его устройства [133].

48. Квартал Кози Зохид قاضی زاهد («Судья Зохид»).

Квартал состоял из 40—50 домов. Население было смешанное: там жили форсы и бухарцы, говорившие по-таджикски. Последних было больше. Основным занятием было ткачество, вырабатывался шелк-канаус и адрас. Последний ткали главным образом бухарцы. Жили здесь и строители-каменщики, и плотники, и одна семья, занимавшаяся изготовлением уксуса (сиркой), а также мелкие торговцы (дукондор).

Мечеть была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, имелся мактаб и тахоратхона.

В вакуфных грамотах начала XX в. мы находим упоминания квартала Кози Саиди Джуйбор [134], несомненно, идентичного с описываемым. В еще более ранней грамоте 1716-17 г. упоминается квартал Суфи Зохид, тоже находящийся в Джуйбаре [135].

---

[133] Сообщения уроженца квартала Чармгарон, кожевенника, 80 лет; цирюльника-форса, 70 лет, из квартала Абдулло-ходжа, и Хаджи Джамоля, 70 лет, из квартала Джанафарон, бухарца, по профессии водоноса.

[134] ГА, ед. хр. 229, 230.

[135] ГА, ед. хр. 1298. Описание составлено по сообщениям очень знающего кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон.

49. Квартал Джанафарон جنفران (видимо, родовое имя или прозвище; значение неясно).

В квартале было 52 дома (Т, 1929 — 41 дом). Население состояло из таджикоязычных бухарцев и форсов (последних значительно меньше). Те и другие находились в самых тесных взаимоотношениях, до «шиитской резни» 1910 г. не избегали смешанных браков, позже такие браки не наблюдались.

Занятием многих были строительные ремесла; здесь жили каменщики и плотники. Из этого квартала происходил, например, известный бухарский мастер-строитель, специалист по купольным конструкциям Усто Маджид Солихов (род. в 50-е годы XIX в., ум. в 1950 г.). В квартале жили также мясники (кассоб), торговцы пряностями (аттор), рисом (бринчфруш) и мастера по выделке шерстяных веревок (респонтоб).

Мечеть представляла собой простую каркасную постройку (чубкори) [136].

50. Квартал Дасторбандон دستاربندان («Повязывающие чалму» — родовое прозвище).

В квартал входило 50—60 домов (Т, 1928—56 домов). Население состояло из таджикоязычных бухарцев и форсов. Последние занимались выработкой шелка-канауса, адраса и, по некоторым сведениям, шелковых чалм. В квартале жили также два абрбанда, имевшие здесь свои мастерские. Бухарцы занимались в большинстве строительными ремеслами, здесь жили плотники и каменщики.

В квартале были и суннитская мечеть, и шиитский молитвенный дом (хусайнияхона). Здесь имелись также школа и помещение для омовений (тахоратхона), очень благоустроенное (даскох).

В вакуфной грамоте 1809-10 г. упоминается квартал Мирзо-хаджи-дасторбанд [137], и таким образом раскрывается значение названия квартала. Повязывание чалм «дастор» (больших, парадных) было особой профессией. Специалисты дасторбанды были, например, при дворе последнего бухарского эмира Алим-хана [138]. Этим делом занимался и названный в

---

[136] Сообщения Хаджи Джамоля, 70 лет, по профессии водоноса, жителя этого квартала; мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет; кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон; Хакимова, 50 лет, уроженца квартала Хонако.

[137] ГА, ед. хр. 47.

[138] Описание квартала составлено по сообщениям кожевенника из квартала Чармгарон, 80 лет, и цирюльника-форса, 70 лет, из квартала Абдулло-ходжа.

документе Мирзо-хаджи. Вероятно, профессия, как это бывало обычно, перешла к его потомкам, дала им родовое прозвище, сделавшееся и названием квартала.

51. Квартал Джуйзар جوی زر («Золотоносный канал») [139], или Хаузи Бобо-Ниёз حوض بابا نیاز («Хауз дедушки Нияза»).

В квартал входило 60 домов (Т, 1929 — 47 домов). Население состояло из форсов и таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Много было ткачей; они выбатывали преимущественно полушелковые полосатые ткани— бекасаб и алачу. Здесь были также мотальщики коконов и мастера по изготовлению берд для ткацких станков. Жили здесь и строители (плотники и каменщики). Среди жителей этого квартала выделялась группа обмывальщиков мертвых (мурдашуй), которые занимали домов 20. Этим занимались как мужчины, так и женщины, каждый обмывая мертвецов своего пола.

Обмывальщики мертвых жили обособленно, остальные жители не вступали с ними в браки и избегали их, хотя на семейные ритуальные пиршества их приглашали наравне со всеми, причем ели с ними с одной скатерти (что обычно у горожан не практикуется). Когда такие пиршества бывали у обмывальщиков, к ним также приходили из всех семей квартала.

В квартале имелась мечеть [140].

52. Квартал Чармгарон چرمگران («Кожевенники»).

Сообщения о количестве домов в квартале сильно расходятся: одни называли цифру 45—50, другие — 100. Последняя показана наиболее надежным и знающим восьмидесятилетним кожевенником, уроженцем и в прошлом постоянным жителем этого квартала (Т, 1929 — 48 домов). По словам вышеназванного старика кожевенника, большинство населения квартала состояло из таджикоязычных бухарцев, около 50 домов населяли выходцы из Ургенча (урганджихо), почти совершенно ассимилировавшиеся с таджикоязычным населе-

---

[139] Возможно, это название можно идентифицировать с древним названием канала Руди зар или Зар руд, который А. А. Семенов считал идентичным с современным каналом Руди шахр («Городская река»), протекающим значительно севернее квартала Джуйзар. Следует, однако, отметить, что в актах XVI в. упоминается пригородное селение Джуйзар («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 146) и арык Джуйзар (там же, стр. 271).

[140] Сообщения уроженцев соседних кварталов. (Информатора из запустевшего квартала Джуйзар найти не удалось.)

нием Бухары. Зная, как и большинство бухарцев мужчин, и узбекский язык, в семье они употребляли таджикский. Преданий о времени переселения их из Ургенча не сохранилось; видимо, это произошло очень давно. С другими выходцами из Ургенча (жившими в кварталах Урганджиён, Чорбакколи Дарвозайи Самарканд и Буйробофон) они никакой связи не имели. К этой группе выходцев из Ургенча принадлежал и упомянутый выше информатор-кожевенник. В квартале было также несколько семей форсов.

Занятием большинства населения было кожевенное ремесло. Вырабатывали подошвенную кожу (чарм) и белую кожу (меши), которая шла на всевозможные поделки, на отделку и подкладку кожаных сундуков — «яхдон» (в просторечии — якдон) и других предметов, на лошадиную сбрую; из нее делали также денежные мешки (саноч). Производство кожи осуществлялось за стенами города (неподалеку от ворот Шергирон), на берегу арыка. Проживавшие в квартале форсы были мясниками. В этом квартале жили и ткачи; это не были постоянные жители; здесь находилось общежитие цеха ткачей (такия), где жили ткачи, приходившие в Бухару из других мест, ища работу в качестве наемных мастеров (халфа). В большинстве своем это были узбеки из Шахрисябза, Китаба или Карши. Во главе этих пришлых мастеров, живших в «такия», стоял выборный старшина (да болошон аз хутошон як калонтáрашон буд). «Такия» представляло собой небольшой двор, окруженный худжрами, которых было около 15. Несмотря на то что обитатели «такия» были гораздо более тесно связаны с жителями ткацких кварталов Бухары, в которых они работали, они считались (по месту своего жительства) членами общины квартала Чармгарон (по выражению информатора, «уно да хисоби мо буд» — «они были за нами»). Это выражалось в их обязательном участии во всей обрядовой жизни квартала: посещении ими происходивших в квартале семейных торжеств (свадеб и обрезаний) и траурных собраний и похорон.

Квартальная мечеть представляла собой каркасную постройку, оштукатуренную внутри ганчем. Имелась тахоратхона, где зимой согревалась вода для ритуальных омовений всего мужского населения квартала. В квартале был хороший хауз, облицованный камнем. Вода в него шла из хауза квартала Мир-Дустум, проходя через сад, известный как Чорбоги Барот-бек (см. дальше). Святыней квартала, почитавшейся исстари, была могила ишана Нур-Мухаммада, находившаяся внутри небольшой постройки, перед которой был айван. При мазаре жили потомки «святого», которые присматривали за могилой и получали приношения верующих.

Квартал Чармгарон в Джуйбаре упомянут в вакуфной грамоте 1863-64 г. [141].

53. Квартал Халифа Худойдод خليفه خدايداد (имя духовного лица).

Квартал состоял из 148 домов (Т, 1929 — 52 дома). Населен был в основном таджикоязычными бухарцами, которые считали себя узбеками. Часть населения, главным образом кожевенники, была тюркоязычная. В меньшем количестве в квартале жили форсы. Главным занятием жителей было шорное дело (сарроджи) и частично кожевенное (изготовляли идущую на шорные изделия тонкую белую кожу — меши). Здесь было также довольно много ткачей, которые производили шелк — шохи и адрас, а по некоторым сведениям — также бумажные ткани (в основном для себя): одноцветный карбос, полосатую грубую ткань калями и полосатую ткань «шойча», в основу которой в небольшом количестве вводились шелковые нити. Мастерские ткачей были очень маленькие — наибольшее число станков в мастерской не превышало 3—4, причем работали на них главным образом члены семьи ткача. Наемный труд в ткацких мастерских этого квартала, как правило, не применялся.

В квартале были торговые ряды, где находились мелочные и овощные лавки (бакколи) и чайхана (самоворхона).

Мечеть была в то же время хонако — по пятницам там происходили громкие религиозные радения типа «джахр». При хонако было общежитие для слепцов — чтецов Корана.

Хонако Халифа Худойдод относится к числу исторических памятников (XVIII в.). Население приписывает постройку хонако крупному ишану Халифа Худойдоду, похороненному на соседнем кладбище Эшони Имло. По преданию, он жил 200 лет назад: отдельные пожилые бухарцы еще помнят со времен своего детства людей, которые говорили, что еще застали Халифа Худойдода в живых. Так, мастер-строитель Усто Маджид, родившийся около середины XIX в., в детстве знал столетнего старика, который считал свое долголетие результатом благословения, полученного им в детстве от этого «святого» старца. Усто Маджид слышал от стариков, что Халифа Худойдод пришел в Бухару из Ургенча. Не исключено, что Халифа Худойдод тожествен с шейхом Худойберды, жизнеописание которого под названием «Лутфи бузург» известно в рукописях. Согласно этому источнику, Худойберды происходил из Балхской области и шестилетним ребенком был привезен в Бухару, где правил тогда Мухаммед-Рахим мангыт (1753—1758). Худойберды пользовался

[141] ГА, ед. хр. 294. Сообщение уроженца этого квартала, 80-летнего кожевенника.

большим уважением бухарских правителей и умер в глубокой старости в 1841 г. Жизнеописание Худойберды составил его сын в 1842-43 г.[142]. Биографические данные во многом совпадают с приведенным выше народным преданием, а оба имени шейха являются точной калькой одно другого (Худойдод — таджикское, Худойберды — узбекское). Другое предание относит время жизни Халифа Худойдода к правлению Абдулазиз-хана (1645—1680). По этому преданию, Абдулазиз-хан был мюридом Халифа Худойдода, состоя одновременно и мюридом другого бухарского «святого» — Мавлоно Шарифа (XVII в.) [143]. Оба старца долго боролись за хана, который колебался, кому из них отдать предпочтение. Наконец он счел за лучшее отдать решение этого вопроса на волю судьбы или, вернее, своего верхового коня. Велев посадить себя на лошадь (хан был парализован и не мог ходить), он пустил ее идти, куда она захочет. Сначала лошадь пошла в сторону квартала Халифа Худойдод, однако, дойдя до моста через городской канал, известного под названием Пули ошукон («Мост влюбленных»), повернула в ту сторону, где жил Мавлоно Шариф. Пройдя полпути, лошадь опять повернула в сторону Пули ошукон, потом пошла обратно, колеблясь не меньше своего хозяина. Наконец, решившись, она направилась в сторону жилища Мавлоно Шарифа, которое находилось в центре города, где был квартал, позже носивший его имя. Когда Абдулазиз-хан подъехал к дому Мавлоно Шарифа, тот сидел и беседовал с духом (рух) самого пророка Мухаммеда. «Святому» доложили о приезде хана. Он сказал: «Пусть придет сюда». Услышав этот приказ, хан легко спрыгнул с лошади, как будто никогда и не был парализован. Войдя к «святому» и увидев сидевшего там Мухаммеда, хан сначала лишился чувств, но потом пришел в себя и принял участие в беседе. Тем временем Халифа Худойдод, узнав о том, что хан уехал к Мавлоно Шарифу, явился туда с тысячной толпой своих мюридов, намереваясь завладеть ханом хотя бы силой. Оставив своих мюридов снаружи, он вошел к своему сопернику в весьма воинственном настроении. Однако, увидев там дух пророка, он оставил свое намерение и принял участие в общей беседе. После этого Абдулазиз-хан сделался мюридом обоих ишанов, примирив их этим друг с другом [144]. Несмотря на хронологи-

[142] Н. Д. Миклухо-Маклай, Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения АН СССР,— «Ученые записки Ин-та востоковедения», XVI, М.—Л., 1958, стр. 264—265.

[143] О нем подробно см. в описании квартала Мавлоно Шариф (№ 164).

[144] Легенда сообщена Ахьёром Ахраровым, 65 лет, женатым на последней праправнучке (точно число поколений не выяснено) Мавлоно Шарифа.

ческие несоответствия и легендарный характер этого предания, оно очень интересно для характеристики взаимоотношений между главами суфийских общин. Рассказ о борьбе между «святыми старцами» не лишен правдоподобия.

Мечеть, медресе и тахоратхона Халифа Худойдод упомянуты в грамоте 1797-98 г. как находящиеся в квартале Чорбоги Боки-Мухаммад-хон [145]. Это упоминание доносит до нас старое название квартала, а также старое название имевшегося в этом районе сада, который позже оказался на территории квартала Чукур-махалла. По-видимому, это получилось в результате дробления кварталов.

54. Квартал Чукур-махалла چقور محله («Слобода в низине»). Юго-восточная часть квартала носила название Джиляухона — جلوخانه («Помещение для уздечек») [146] и во многих сообщениях выделялась как самостоятельный квартал. Однако отделение не успело завершиться, и в наиболее достоверных сообщениях Джиляухона вместе с хаузом того же имени связывается с кварталом Чукур-махалла в одно целое.

Квартал Чукур-махалла состоял из 160—180 домов, являясь, таким образом, одним из самых крупных кварталов Бухары. (В 1930 г. отмечены отдельно кварталы Чукур-махалла — 62 дома, Боки-хон — 82 дома и Джиляухона — 22 дома.) Квартал Чукур-махалла был населен почти исключительно одними форсами. Этим и объясняется то, что квартал назывался «махалла» [147]. По сообщениям, некоторые из форсов этого квартала сравнительно недавно переселились в Бухару из Ирана. Такие переселенцы выделялись из среды местных уроженцев-форсов прозвищем «машади» («мешхедец»). Нередко поздними выходцами из Ирана оказывались женщины: у богатых форсов, ездивших туда по торговым делам, было в обычае привозить себе жен. Такое происхождение имели, например, жены религиозного руководителя бухарских шиитов — шейха Мад-Косима, который сам был уроженцем Бухары. Кроме форсов в квартале жили несколько семей таджикоязычных бухарцев суннитов. Между обеими группами были близкие связи, и те и другие посещали друг друга в дни семейных торжеств и траура; были случаи смешанных браков. Сунниты ходили на ежегодные

---

[145] ГА, ед. хр. 17. Описание составлено по сообщениям кожевенника из квартала Чармгарон, 80 лет, и мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса, уроженца квартала Джанафарон.

[146] Так называлось помещение, где оставлялись лошади тех, кто приезжал для представления правителю.

[147] О термине «махалла» см. выше, стр. 75, прим. 40.

шиитские траурные собрания (ашури) в память убиения имама Хусейна.

Главным занятием форсов было шелкоткачество. Здесь вырабатывали шелк-канаус, адрас, бархат, шелковые платки, как простые, так и выполненные более сложной техникой тирма (тканье в шахматный узор). Такой же техникой ткались шарфы, предназначавшиеся для вывоза в Туркмению. Все эти виды тканей изготовлялись каждый ткачами особой специальности. Наиболее известными мастерами среди жителей квартала за последнее время перед революцией были Усто Джурабой и Усто Шараф, оба ткачи бархата. Кроме ткачей в квартале жили также шелкомотальщики (пиллакаш). Таджикоязычные бухарцы занимались торговлей, в частности пряностями, и изготовлением сладостей (хальвогари).

По сведениям, в квартале Чукур-махалла была суннитская мечеть, представлявшая собой каркасное здание[148]. В квартале было два медресе Боки-хони накиб и Хаким-оим[149]. Постройка последнего преданием приписывается жене джуйбарского ишана Ходжа Калона (Ходжа Саъд). Ей же, по преданию, принадлежал имевшийся в квартале большой сад-парк, который раньше, по воспоминаниям стариков, назывался Чорбоги Хаким-оим. Во времена Музаффар-хана этим садом владел крупный сановник, приближенный хана — Барот-бек, бывший в чине удайчи. Наиболее старые из наших информаторов его еще помнили. По их рассказам, Барот-бек происходил из простого народа и был тюркоязычным узбеком из какого-то района. Придя в Бухару, он поступил на службу в эмирскую армию, постепенно возвысился до чина удайчи, разбогател и занял положение крупного чиновника-аристократа. Однако конец его был трагический: он был брошен в тюрьму (обхона) в арке и умер от голода. Как рассказывают, причиной ханского гнева послужило следующее. Однажды, когда Музаффар-хан устроил большое гулянье в своем загородном дворце Ширбудун, Барот-бек, опьянев, вырвал бубен у музыканта и принялся сам играть на нем. Это увидел эмир и за то, что Барот-бек «уронил достоинство приближенного эмира», приказал схватить его, бросить в тюрьму, не давать ни пищи, ни воды. Барот-беку немедленно скрутили руки, взвалили его на лошадь, отвезли в арк, бросили в обхону и оставили там. Гулянье в Ширбудуне продолжалось еще 7—8 дней, и, только вернувшись в арк, эмир велел посмотреть, что сталось с Барот-беком. Несчастного вытащили из обхоны с признаками жизни, но он

---

[148] На плане Парфенова—Фенина она не обозначена.
[149] В экспликации к плану Парфенова—Фенина: Чучук-оим.

тут же умер. Как оказалось, мучимый голодом, он разодрал на себе одежду и пытался откусить кусок мяса от собственного плеча. Это происшествие сделалось широко известным в Бухаре, о нем знают многие, а сад получил имя Барот-бека. Этот сад, несомненно, соответствует упоминаемому в грамотах XVIII в. саду Чорбоги Боки-хон, или Чорбоги Боки-Мухаммад-хон (последнее было также названием квартала) [150]. Видимо, сад этот образовался очень давно и вошел в границы города при строительстве последней стены, охватившей Джуйбар. Вряд ли первой его владелицей была женщина — Хаким-оим; он скорее всего мог достаться ей при разделе наследства. Изменения в названиях сада (Чорбоги Хаким-оим — XVI—XVII вв., Чорбоги Боки-хон — XVIII в., Чорбоги Барот-бек — XIX в.) отмечали переход этого сада из рук в руки. В начале XX в. в нем помещалось российское посольство; это говорит о том, что сад находился в руках казны или самого эмира. Вероятно, он был конфискован после казни Барот-бека [151].

55. Квартал Таи чорбог تە چهار باغ («Возле сада»), или Гузари нау گذر نو («Новый квартал»).

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1930—8 домов), был населен исключительно форсами. Главным занятием их было шелкоткачество. Здесь вырабатывался шелк-канаус, адрас и платки, выполнявшиеся техникой тирма. 15—20 семей занималось торговлей пряностями и мелочной торговлей. Жил здесь также духовный глава шиитской общины — шейх Мад-Косим. При доме был построен большой молитвенный дом шиитов (хусайнияхона). На женской половине устраивались женские моления, которыми руководила жена Мад-Косима, почтительно именовавшаяся Оя-муллоджон. Ежедневные пятикратные намазы в хусайнияхона не происходили, так как совершать их сообща в особом месте для шиитов считается необязательным. Хусайнияхона предназначалась главным образом для траурных обрядов — таазия (шахсей-вахсей) по поводу смерти Хусейна, сопровождавшихся самоистязаниями участников. Эти обряды совершались ежегодно в течение первых десяти дней месяца мухаррам (ашури). В другое время особо набожные шииты собирались в хусайнияхона вечером под пятницу и проводили время за чтением религиозных книг.

Суннитской мечети в этом квартале, населенном исключительно шиитами, не было. Здесь также находился эмирский сад, известный под названием Чорбоги хоса («Личный

---

[150] ГА, ед. хр. 55, 20, 17.

[151] Сообщения Едгора Юсупова, ткача-форса, 58 лет, из этого квартала и жителей соседних кварталов (Пайкан, Хаджи Хабибулло и др.).

сад») [152] или Чорбоги гул («Сад цветов»). Некоторые старики знали его также под названием Боги Насрулло-хон («Сад Насрулла-хана»), что может указывать на время его возникновения (Насрулла-хан правил с 1827 по 1860 г.). При последних эмирах этот сад считался собственностью эмирского гарема (ами́ра урде́ш-ба ниго мекард) и служил местом летнего выезда матери и жен эмира. Чтобы при проезде в сад на женщин не мог упасть взгляд постороннего, их везли туда ночью, закутанными в платки и паранджи, на арбах, крытых паласами (гилемпуш карда). При этом провожающие царский поезд звонили в колокольчик (диринг-диринг мекардан), чтобы, заслышав звон, все заблаговременно могли уйти с пути следования кортежа. Таким же образом / и ' также ночью ехали обратно в арк. Рядом с садом находились казармы конных сарбазов (капкоз — «кавказцы»), которые назывались так за свою форму, заимствованную у терских казаков. Это были бухарцы, которые вне службы носили обычную бухарскую одежду, жили с семьями в разных кварталах, в свободное от службы время занимаясь различными профессиями.

Этот квартал в вакуфной грамоте 1848-49 г. назван кварталом Чорбоги оли [153].

56. Квартал Узбак-ходжа اوزبک خواجه (здесь «Узбак», вероятно, имя собственное).

Квартал был определен как небольшой, но при обследованиях (Т, 1928 и 1929) в нем было отмечено 59 домов. Население было смешанное. Большинство составляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Имелась мечеть и, по некоторым сведениям, святыня — могила, известная под именем Узбак-ходжа. Узбак-ходжа жил в конце XVII в., это имя упомянуто в указе Убайдулла-хана на владение землей [154].

Мечеть была простая, каркасная, имела немного прихожан, так как форсы в суннитские мечети, как правило, не ходили. Она помещалась в крайней западной части квартала. Ее посещали также торговцы из расположенных неподалеку торговых рядов. В квартале также имелась школа и тахорат-хона.

---

[152] Полное его название — Чорбоги хосаи дарун («Внутренний личный сад») в отличие от «внешнего» (Чорбоги хосаи берун), который находился вне городской стены, за воротами.

[153] ГА, ед. хр. 38. Сообщения Ёдгора Юсупова, 58 лет, из квартала Чукур-махалла, мастера-строителя Усто Маджида Солихова из квартала Джанафарон и др.

[154] О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. XVIII.

57. Квартал Вакф وقف («Вакф», в просторечии «Вахм»).

Квартал состоял из 80 домов и был населен преимущественно форсами, почему его иногда называли Гузари эронихо («Квартал ирани»). Гораздо меньше было здесь таджикоязычных бухарцев, которые считали себя узбеками. Занятием большинства жителей было шелкоткачество, вырабатывали канаус и адрас. Некоторые форсы были мастерами по изготовлению леденцов. Таджикоязычные бухарцы занимались шитьем сапог и другими ремеслами.

58. Квартал Хаузи баланд حوض بلند («Высокий хауз»). В квартал входило около 100 домов (Т, 1928 и 1929 — 95 домов). Население состояло преимущественно из форсов; только одна улица была заселена таджикоязычными узбеками и потому именовалась Кучайи узбако («Улица узбеков»). Жители занимались шелкоткачеством, вырабатывая главным образом канаус. Были здесь также торговцы пряностями, мясники, мелкие лавочники и хлебопеки. Среди последних был хозяин большой хлебопекарни, поставщик лепешек в арк.

Мечеть была из жженого кирпича с балочным перекрытием. Форсы имели в этом квартале молитвенный дом (хусайнияхона), который находился при доме их шейха Абдулхолика. В месяц мухаррам моления и оплакивание имама Хусейна производились там то женщинами, то мужчинами по очереди.

Квартал Хаузи баланд упомянут в вакуфной грамоте 1710-11 г.[155].

Джариб четвертый. Чашма Аюб

«Микрорайон» Чашма Аюб, название которого (махалла Чашма Аюб) имеется на плане из архива Лерха, занимал северо-западную часть города, располагаясь вдоль стены, между воротами Шергирон и Углон. На этот отрезок городской стены приходились также ворота Талипоч.

Джариб Чашма Аюб представлял собой территорию, включенную в черту города, вероятно, тогда же, когда и район Джуйбар, т. е. во второй половине XVI в. Эта часть города сохраняла окраинный характер, здесь протекала «Городская река» и находилось несколько больших садов, которых было мало в Бухаре. Население, в значительной части

---

[155] ГА, ед. хр. 284. Описание составлено по сообщениям нескольких форсов, жителей квартала Чукур-махалла, мастера-строителя Усто Маджида Солихова из квартала Джанафарон и др.

пришлое, сложилось из оседавших в столице родо-племенных узбеков, попавших сюда в порядке набора в феодальное войско наукеров, и таджикоязычных бухарцев.

Главной достопримечательностью этого джариба был широко известный мазар Чашма Аюб («Источник Иова»), где имелся колодец, вода которого считалась целебной, особенно при кожных болезнях. Вокруг мазара располагалось обширное кладбище, которое, видимо, образовалось очень давно и попало в черту города при его расширении и включении в городскую черту пригородного сельского района.

В джариб Чашма Аюб входило 19 кварталов: Хаджи-дорго, Надир-курчи, Ходжа Гунджори (или Пардозгарон), Шишахона, Сорвоно, Кул-Махмад-хаджи, Дурман, Калмокон, Ок-мачит, Зиндафиль Ахмади Джоми, Кабул-ато, Ахмад-дорго, Мачити кунджак, Баходур-бий, Муддао, Лянги араб, Деволи похса, Такия, Чашма-Аюб.

59. Квартал Хаджи-дорго حاجی داروغه (чиновник, совершивший паломничество в Мекку).

Квартал Хаджи-дорго состоял из 60 домов. Население в большинстве составляли таджикоязычные бухарцы. Один из информаторов, по семейному преданию, происходил из туркмен. В квартале жили также переселенцы из Хорезма (урганджи), которые еще сохраняли узбекский язык, хорошо владея в то же время и таджикским. Одна семья была из форсов. Многие жители квартала занимались ремеслами (строительным делом, выпечкой лепешек; выходцы из Хорезма выделывали сапоги (муза), форсы — медные предметы). Часть жителей занималась мелочной торговлей, жил здесь также ковровый маклер (даллол).

Мечеть представляла собой простое каркасное здание и считалась одновременно медресе, так как вокруг нее было построено 15 келий для студентов. По преданию, эту мечеть лет 100 назад построил какой-то богатый туркмен (вероятно, предок информатора). В квартале была школа, помещавшаяся также в каркасном здании, и хорошее, из жженого кирпича помещение для полных и неполных омовений — гуслхона и тахоратхона. Вдоль улицы, которая вела от Шергиронских ворот к центру города, располагались торговые ряды, в которых находились мелочные лавки и до 15 хлебопекарен.

Квартал Хаджи-доруга упомянут в вакуфных грамотах 1795-96 г.[156].

---

[156] ГА, ед. хр. 213, 212, 210. Сообщения жителей этого квартала: бывшего гузаркома, 78 лет, ведшего свое происхождение от переселившихся в Бухару туркмен, и мастера-строителя, 65 лет.

60. Квартал Надир-курчи ندر قورچی («Надир-гвардеец») [157].

Квартал состоял приблизительно из 60 домов. Население было таджикоязычное, занималось преимущественно ремеслами. Больше всего было сапожников (ка́фшу махсидуз); были мясник, строители, резчики по алебастру, плотники, пекари и др. Жили здесь также откупщики (иджорадор), бравшие на откуп вакуфные земли. Некоторые жители занимались мелочной торговлей.

В квартале имелись мечеть, школа и тахоратхона. Вдоль большой улицы тянулись крытые торговые ряды (собот), в которых продавали всякую мелочь [158].

61. Квартал Ходжа Гунджори خواجه غنجاری (название святыни), или Пардозгарон پردازگران («Лощильщики»).

В квартале было 60 домов (Т, 1929 — 60 домов). Население состояло из таджикоязычных бухарцев. Жители занимались ремеслами. Здесь было несколько домов лощильщиков, которые лощили полушелковые ткани, отбивая их тяжелым деревянным молотком. Часть жителей занималась изготовлением сладостей. В квартале жили также ходжи из рода Убони, большая группа которых жила в квартале Ходжа Убонихо. И те, и другие переселились в Бухару из кишлака Убон [159], причем ходжи, которые жили в квартале Ходжа Гунджори, пришли, видимо, позже — это видно из того, что они не успели сблизиться с окружающим их населением и держались особняком. Все ходжи этого рода занимались отчитыванием больных психическими болезнями.

В квартале Ходжа Гунджори своей мечети не было, но зато здесь находилась святыня — могила «святого» Ходжа Гунджори, давшая кварталу его название [160] и пользовавшаяся широкой известностью. Мазар был окружен кладбищем, занимавшим довольно большую часть территории квартала. Ходжа Гунджори был историческим лицом: он упоминается в «Книге Мулло-зода», где говорится, что его полное имя было Абу Абдулло Мухаммад бен Сулаймон бен Комил Бухори. Нисба свидетельствует, что он был природным бухарцем. «Гунджори» было его прозвищем (от араб. غنجار «румяна»), которое он получил за свое румяное лицо. Это был ученый,

---

[157] Курчи — личная гвардия бухарских эмиров XVII в. из иноземных рабов («История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 81).

[158] Сообщение жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет.

[159] Этот кишлак находился в 40 км от Бухары. Он и его ходжи описаны С. Айни («Воспоминания», стр. 340 и далее).

[160] Сообщения жительницы этого квартала, 82 лет, и жительницы квартала Мир-Дустум, вдовы крупного торговца посудой, 70 лет.

знаток хадисов и историк, написавший книгу «История Бухары» (до нас не дошла). Он умер в 936-37 г.[161].

Подлинная биография «святого» забыта. По легенде, Ходжа Гунджори был зятем (домод) Исмаила Саманида. Прозвище «Гунджори» легенда толкует как искаженное «Гунджони» («вмещающий») и объясняет чудом, совершенным якобы этим святым: пригласив к себе в гости тестя, Исмаила Саманида, вместе со всем его войском, «святой» вместил (гунджонд) всех их в свою келью и хорошо угостил, хотя «котел не кипел — кушанья появлялись чудесным образом». В этой легенде можно узнать сказочный мотив о чудесных скатертях-самобранках [162].

62. Квартал Шишахона شیشه‌خانه («Дом из стекла» или «Мастерская по изготовлению стекла») [163].

Квартал насчитывал приблизительно 100 домов (Т, 1928 — 78 домов). Население было смешанное, оно состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, из тюркоязычных узбеков-мангытов, принадлежавших к служилой аристократии (беккхо), и форсов. Занятием таджикоязычных бухарцев было шитье верхней одежды и продажа готового платья, здесь жили также торговцы кисеей (докафруш) и матой (карбосфруш). Один из торговцев готовым платьем, Мирзо Усмон, был старшиной продавцов готового платья. Форсов в квартале было около 40 семейств, они занимались изготовлением леденцов и тканьем шелка-канауса. Среди форсов имелись также торговцы пряностями. Форсы-шииты составляли обособленную группу. Однако они поддерживали связи с суннитским населением квартала; и те, и другие ходили друг к другу на свадьбы, похороны, поминки, все одинаково участвовали в жизни квартальной общины, но смешанных браков между ними не было.

В квартале имелась мечеть. Наличие других учреждений, связанных с культом, не выяснено. Из общественных заведений в квартале была баня, отстроенная заново в конце XIX в. на средства кушбеги Остонакула на месте старой бани, пришедшей к тому времени в негодность. Из этого видно, что баня была вакуфным владением какого-то культового заведения. При перестройке старое здание было снесено, место расчищено и на нем построено новое здание. На постройке работало до 30 мастеров, среди которых был известный бухарский зодчий Усто Маджид Солихов. Это

---

[161] «Книга Мулло-зода», стр. 28.

[162] Имеется таджикский вариант этого сюжета — сказка о Дедушке Аисте (Бо-Лайлак); она была записана автором в Самарканде.

[163] Как известно, в Средней Азии производство стекла было развито в средние века, а потом прекратилось.

было в годы его молодости. От стариков он слышал, что раньше на месте бани была мастерская, в которой делали зеркала (шиша сир мекардан). Усто Маджид помнил, что еще во времена Ахад-хана, т. е. в конце XIX в., в Бухаре был один мастер из рода ремесленников, изготовлявших зеркала. Он имел лавку-мастерскую в пассаже Токи Тельпак, где и торговал своими изделиями.

Квартал Шишахона упомянут в грамоте 1780-81 г.[164].

63. Квартал Сорвоно ساروانان («Погонщики верблюдов»).

Квартал состоял из 50—60 домов. Население было смешанным. Значительную часть его составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались преимущественно различными ремеслами. Особенно много было починщиков старой обуви (кухнадуз). Кроме того, были строители и плотники. Другая половина жителей была тюркоязычная. Это были представители военно-служилого сословия, которые ведали эмирскими верблюдами, и их подручные, ухаживавшие за животными. Верблюдов здесь было около трехсот; они содержались в загоне, днем их выгоняли пастись в степь, иногда верблюды бродили и по улицам квартала. Верблюды служили для перевозки имущества эмира, когда он выезжал из Бухары в туманы, а также, по-видимому, для караванной торговли с Каршинским туманом, откуда, по сообщениям, постоянно возили грузы.

В квартале имелась мечеть, при которой было 7—8 худжр для учащихся медресе, и школа. Здесь было несколько мазаров, которые считались «кадамгох» (местом, которое посетил какой-нибудь «святой»); названия этих мазаров установить не удалось. В квартале был свой хауз[165].

64. Квартал Кул-Махмад-хаджи قل محمد حاجی (имя собственное), или Хауз Чубин حوض چوبین («Деревянный хауз»)[166].

Квартал состоял из 54 домов (Т, 1928). Население было смешанное: часть его, принадлежавшая к низшим слоям военно-служилого сословия (сипо), была тюркоязычная. Некоторые из сипо жили в казенных квартирах, представлявших собой небольшие строения обычного типа. Таджикоязыч-

---

[164] ГА, ед. хр. 341. Об этом и соседних кварталах сообщил Маджид Солихов.

[165] Сообщение жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет. На плане Парфенова—Фенина мечеть не указана.

[166] Это название квартал получил за свой хауз, отличавшийся от обычного в Бухаре: он был укреплен деревянными балками.

ное население квартала занималось ремеслами, преимущественно сапожным (кафшдузи). Здесь были также пекари и другие ремесленники.

Мечеть была кирпичная, мактаб помещался в каркасном строении. Имелась и тахоратхона. Святыни в квартале не было. По-видимому, часть территории квартала занимали какие-то пахотные земли (вероятно, огороды, посевы кормовых трав). Это видно из вакуфной грамоты 1906-07 г., которая оформляет пожертвование в пользу квартальной мечети одного танапа земли, находящейся в том же квартале[167].

Название мечети Кул-Махмад-хаджи встречается в грамоте 1662-63 г., где говорится, что она находится в квартале Бобо-Ахмадиён[168]. «Старые вакуфные земли», которые называются «землями Бобо-Ахмадиён», упоминаются в еще более раннем документе 1564-65 г.[169].

65. Квартал Дурман دورسن (название узбекского племени дурмен).

В квартале было 54 дома (Т, 1928). Большинство его населения составляли тюркоязычные узбеки (зарегистрированы узбеки племени кенегес), которые принадлежали к сипо и служили в войсках эмира. В квартале жили и таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Часть территории занимали сады-парки богачей, наиболее крупные были три сада: Чорбоги Шарифи Пахта (сад крупного торговца хлопком), Чорбоги Хаджи Лятта (сад крупного торговца парчой и готовым платьем), Чорбоги бойбачахо (сад, принадлежавший сыновьям крупного торговца сладостями). Здесь же находились сады меньших размеров — кушбеги Остонакула и крупного богача маклера на лошадином базаре Джуракули аспджаллоб. В квартале находился один казенный эмирский дом. Имелась своя мечеть, о прочих общественных зданиях сведения отсутствуют. Квартал Дурман назван в вакуфной грамоте 1910 г.[170].

66. Квартал Калмокон, или Калмок قلماقان («Калмаки»)[171].

---

[167] ГА, ед. хр. 470.

[168] ГА, ед. хр. 306.

[169] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 135. Описание квартала составлено по сообщениям бывшего гузаркома квартала Хаджи-дорго, 78 лет, и музыканта-сурнайчи, форса, хорошо знавшего город, так как профессия требовала посещения семей, живущих в разных кварталах.

[170] ИВ АН УзССР, ф. 47, ед. хр. 242. Сообщения 82-летней жительницы квартала Мир-Дустум и жителей кварталов Чашма Аюб и Кош-мадраса.

[171] Калмаки (калмыки или ойроты) являются народом монгольского происхождения. В Средней Азии под названием «калмак» была известна

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1929—14 домов). Население было смешанное. Около половины его состояло из таджикоязычных узбеков, относивших себя к племени калмак. Все они принадлежали к сословию сипо. В изучаемый период в этом квартале жили служилые люди чином не выше туксабо и мирохур. Остальное население квартала было из местных бухарцев. Эти семьи занимались торговлей и различными мелкими ремеслами.

В прошлом квартал Калмокон имел территорию значительно бóльшую. Во второй половине XVIII в. в нем было построено еще две мечети — Ок-мачит и Баходур-бий, вокруг которых образовались самостоятельные приходы. Возможность выделения появилась в связи со строительной деятельностью знатного жителя этого квартала Баходур-бия-калмока, что хорошо прослеживается по нескольким вакуфным грамотам второй половины XVIII в., в которых встречено название этого квартала (1764-65, 1787-88, 1795-96 гг.[172]).

67. Квартал Ок-мачит آق مسجد («Белая мечеть»).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1927 — 54 дома). Большинство жителей принадлежало к военно-служилому сословию, занимая не слишком высокие, но все же начальственные должности. Это были родо-племенные узбеки, предки которых пришли в Бухару два-три поколения назад, по набору на службу к эмирам. Здесь жили, например, кенегесы, родиной которых была долина Кашкадарьи. Кроме кенегесов здесь были калмаки, а раньше и мангыты, но последних на памяти стариков уже там не оставалось. Многие семьи сипо жили в казенных домах, представлявших обычные для Бухары каркасные постройки. Помимо родо-племенных узбеков в квартале было также и таджикоязычное население из исконных бухарцев, но к какому народу они себя относили, выяснить не удалось. Эта часть жителей квартала занималась ремеслами, в частности здесь было много пекарей, которые специализировались по выпечке разного сорта хлебов: некоторые выпекали обычные лепешки, другие — сдобные.

Мечеть квартала представляла собой каркасную постройку, такой же было и здание школы. В квартале имелся хауз того же названия, а также небольшой базарчик (бакколи) [173].

этнографическая группа в составе узбекской народности, которую большинство исследователей считает одним из узбекских племен. Подробнее см.: О. А. Сухарева, Бухара...., стр. 134—137.

[172] ГА, ед. хр. 306, 1787, 1291.

[173] Сообщения бывшего гузаркома из квартала Хаджи-дорго, 78 лет, и мастера-вышивальщика из квартала Усто Рухи, 76 лет, имевшего родственников в соседнем квартале Дурман и потому знавшего кварталы этой части города.

Квартал Ок-мачит выделился из квартала Калмокон во второй половине XVIII в., после того как знатный калмак Баходур-бий построил в квартале Калмокон вторую мечеть. Это видно из вакуфных грамот в пользу мечети Ок-мачит, составленных в 1795-96 и 1805-06 гг.[174]. В последней сказано, что строителем этой мечети является Баходур-бий-калмок.

Квартал Ок-мачит был самым крупным из семи кварталов, объединявшихся под этим названием в группу кварталов, имевших в составе своего населения много родо-племенных узбеков-сипо. В нее входили кроме Ок-мачит кварталы Мачити кунджак, Лянги араб, Баходур-бий, Ахмад-дорго, Калмокон и Кул-Махмад-хаджи.

68. Квартал Зиндафиль Ахмади Джоми زنده فیل احمد جامی (имя собственное и прозвище, Зиндафиль — букв. «Живой слон»).

Квартал прилегал к городской стене. Имелось предание, что именно здесь находились двенадцатые ворота города; это не имело под собой реальной почвы — установлено, что ворот в Бухаре было одиннадцать[175].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929 — 38 домов). Население было смешанное: таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, и тюркоязычные узбеки, принадлежавшие к военному сословию. Крупных военачальников среди них не было, все сипо относились к низшим представителям этого сословия. Некоторые из них жили в казенных домах. Остальные жители занимались торговлей и различными ремеслами (строительным, плотничным и др.).

В квартале были мечеть, школа, хауз и небольшое кладбище, где находилась святыня — мазар Зиндафиль Ахмади Джоми, который считался могилой одноименного «святого». Ахмади Джоми, по прозвищу Зиндафиль («Живой слон»),— известный суфий и поэт (1049—1141), араб, по происхождению из Хорасана[176].

Странное, теперь непонятное бухарцам прозвище «святого» породило легенду, записанную в двух вариантах. У одного царя (в варианте — у его дочери) был слон. Когда он издох, царь призвал всех своих мулл и, грозя казнью, приказал им оживить слона своими молитвами и заклинаниями. Никто не мог исполнить приказа царя. За это взялся Ахмади

---

[174] ГА, ед. хр. 1291 и 307.

[175] Это число ворот засвидетельствовано для X в., когда они были поименованы арабскими географами. Столько же ворот было в стене, возведенной в XVI в. Число и положение ворот определялось направлением дорог, по которым осуществлялась связь города с другими районами.

[176] «Персидские и таджикские рукописи Ин-та народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог», ч. II, М., 1964, стр. 10.

Джоми. Собрав всех мулл города в том помещении, где лежал мертвый слон, он сказал, обращаясь к трупу: «Встань, [заклинаю] именем бога, встань» (Хез, ба ӣзми худо хез). Однако слон продолжал лежать неподвижно. Тогда святой сказал: «Встань, [заклинаю] своим именем, встань» (Хез, ба ӣзми худам хез), и слон тут же вскочил на ноги (давида хест). Муллы, возмущенные тем, что святой посмел оживить слона своим именем, взяв на себя функцию бога, убили святого (в рассказе «Живого слона»). По второму варианту легенды, сам бог велел святому, жившему где-то в далекой стране, идти и оживить слона своим собственным именем. Святой отправился в путь, по дороге оживляя павших животных. Но когда он подошел к царскому слону, то, не решившись оживить слона своим именем, сказал: «Встань во имя бога» (сообщивший легенду неграмотный сурнайчи-форс из пригородного кишлака пытался сказать эту фразу и по-арабски: «Кум, ба ӣзми худо кум»). Но слон не ожил. Невидимый для других, к святому приблизился дух пророка Мухаммеда и прошептал ему на ухо: «Ты запнулся (телба шуди), испугавшись смерти?». Святой устыдился и сказал так, как ему было указано: «Встань, заклинаю тебя своим именем, встань». Слон тут же вскочил на ноги, а святого за богохульство побили камнями (сангсор кардаги), которые погребли его под собой и образовали могилу, внутри которой, по преданию, он остался стоять, засыпанный камнями [177].

69. Квартал Кабул-ато قبول اتا (имя собственное; здесь: имя «святого»).

В квартале был 51 дом. Его население, в основном тюркоязычное, занималось в своем большинстве профессиональным нищенством. Жили здесь и ремесленники, например строители.

В квартале была мечеть, представлявшая собой простое каркасное здание. Своей школы квартал не имел, дети учились в соседнем квартале Ок-мачит [178].

70. Квартал Ахмад-дорго احمد داروغه (имя собственное и должность этого лица) [179].

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 34 дома). Население составляли таджикоязычные бухарцы и тюркоязычные узбеки, в большинстве принадлежавшие к со-

---

[177] Сообщения жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет, и музыканта-сурнайчи, форса, 70 лет.

[178] Сообщение музыканта-сурнайчи из пригородного кишлака, 70 лет.

[179] Доруга (дорго) — чиновник, участвовавший во взимании натурального налога с земледельцев. Был подчинен амлякдору.

словию сипо. Таджикоязычное население занималось мелкой торговлей и ремеслами.

В квартале имелась мечеть и школа. Святыни не было. Против мечети находились хауз и базарчик, состоявший из нескольких мелочных и овощных лавок. Было также один или два казенных дома.

Квартал Ахмад-дорго упомянут в вакуфной грамоте 1917-18 г.[180].

71. Квартал Мачити кунджак مسجد کنجک («Угловая мечеть»).

Квартал считался средним по размерам — в нем было около 50 домов (Т, 1930 — 36 домов, на плане Т указан дом № 51). Одна часть населения квартала была тюркоязычная и принадлежала к сипо, вторая часть состояла из таджикоязычных бухарцев и занималась ремеслами и торговлей. В частности, среди жителей квартала было несколько продавцов тюбетеек и меховых шапок (каллапуш ва телпакфруш).

В квартале имелась своя мечеть[181].

72. Квартал Баходур-бий بهادر بی (имя знатного лица).

Квартал состоял из 60—70 домов. Население было смешанное: таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, и тюркоязычные узбеки. Последние в большинстве принадлежали к сословию сипо. Таджикоязычное население занималось главным образом ремеслами.

В квартале была мечеть, выстроенная в начале второй половины XVIII в.[182], и школа. Святыней квартала считалась могила Исмаила Саманида, которая находилась на его территории. Над могилой, внутри мавзолея, стоял шест с хвостом яка (туг), на который верующие навязывали тряпочки. Имелись хранители мазара — шейхи, получавшие доброхотные даяния паломников. Среди бухарцев Исмаил Саманид был известен под именем Поччо Исмоил Сомони (царь Исмаил Саманид) и Хазрати султон (святой султан). Культ его поддерживался легендой о том, что Исмаил Саманид правит страной и после своей смерти. Поэтому бухарцы подавали ему прошения (ариза), опуская их в щель, имевшуюся в изножии могилы; на другой день якобы у изголовья ее появлялось в письменном же виде решение. По другой легенде, Ис-

---

[180] ГА, ед. хр. 432. Описание составлено по сообщению жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет.

[181] Описание этого давно уже не существующего квартала составлено на основании скудных сведений, полученных от различных малоосведомленных информаторов — жителей других кварталов Бухары.

[182] ГА, ед. хр. 306.

маил Саманид отказался от правления (пошогия тарк кардаги) после того, как его пытались обмануть два слепца: один из них подал мертвому царю иск на другого, обвиняя его в том, что тот взял у него деньги; обвиняемый, спрятав украденные деньги в углубление, которое он выдолбил в своем посохе, положил посох на землю и поклялся, что у него в руках денег нет. Этот обман так рассердил Исмаила Саманида, что он отказался в дальнейшем от выполнения обязанностей верховного судьи над своими подданными. Однако до последнего времени сохранялось поверье, что, если написать прошение и положить его к изножию могилы, просимое исполнится и ответ на прошение, если оно подано человеком благочестивым и с искренней верой, может быть получен в письменном виде. Рассказывают о случаях, когда такой ответ действительно был получен: несомненно, его писали шейхи мазара, желая укрепить население в этой вере, приносившей им немалые доходы [183].

73. Квартал Муддао مدعا («Желаемое»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 29 домов). Население было в своем большинстве таджикоязычное, занималось ремеслами (здесь жил, например, один золотошвей) и торговлей. Несколько семей принадлежало к сипо, среди них был один в чине бия, другой — в чине чурогоси. Они были тюркоязычные, хотя прекрасно владели и таджикским языком.

В квартале имелась мечеть и школа. Был также хауз.

Квартал Муддао упомянут в вакуфных грамотах 1801-02 и 1870-71 гг.[184].

74. Квартал Лянги араб لنگ عرب («Хромой араб»).

По сообщениям, квартал был небольшой, в него входило немногим более 30 домов (Т, 1930 — 25 домов). Большинство населения состояло из тюркоязычных родо-племенных узбеков, принадлежавших к привилегированному сословию сипо. Таджикоязычные семьи (в сообщении — таджики) занимались преимущественно ремеслами.

В квартале имелась мечеть и мактаб. Святыни не было.

Квартал Лянги араб упоминается в вакуфных грамотах 1801-02, 1870-71 гг.[185].

---

[183] Сообщения жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет, Усто Маджида Солихова, мастера-строителя из квартала Кошмадраса, и др.

[184] ГА, ед. хр. 368 и 367. Описание составлено по сообщениям жителей квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, и его жены.

[185] ГА, ед. хр. 368 и 367. Описание квартала сделано по сообщениям жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет, и др.

75. Квартал Девóли похса ديوار پخسه («Глинобитная стена»; вероятно, имелась в виду городская стена, около которой находился этот квартал).

В квартале было 30—35 домов (Т, 1929 — 35). Население состояло в большинстве из таджикоязычных бухарцев, которые занимались главным образом ремеслами: здесь были сапожники (кафшдуз), пекари, строители, а также, по некоторым сведениям, гончары (косагар). Кроме того, здесь жили сипо, тюркоязычные.

В квартале имелась мечеть. Святыни не было.

Квартал Деволи похса упомянут в вакуфной грамоте 1892-93 г.[186].

76. Квартал Такия تکیه («Убежище», «Общежитие») [187].

Квартал состоял из 40 домов (Т, 1929 — 61 дом). Население было таджикоязычное, но в сообщении жители квартала названы узбеками. Они занимались ремеслами и торговлей, главным образом приготовлением и продажей лакомств — жареного гороха (бирьёнгари) и халвы (халвопази). Несколько семей принадлежало к низшим представителям сипо; они были тюркоязычные.

Мечеть была простая, каркасная; имелась и своя школа.

Квартал Такия упоминается в вакуфной грамоте 1735-36 г.[188].

77. Квартал Чашма Аюб چشمه ایوب («Источник Иова»).

Квартал состоял приблизительно из 80—90 домов (Т, 1928 — 85 домов). Большинство населения составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались мелкой торговлей и ремеслами. Здесь жило несколько торговцев солью, пряностями, несколько семей токарей (харрот), переселившихся сюда из соседнего квартала Харротон, один ювелир, несколько строителей. Меньшинство населения — десять семей сипо — принадлежало к узбекам племени бахрин. Они были таджикоязычны, хорошо владея в то же время и узбекским языком. К именам мужчин из этих семей прибавлялась приставка «бек» в знак их знатного происхождения. Наиболее

---

[186] ГА, ед. хр. 502. Описание составлено по сообщениям жителей различных кварталов, в том числе мастера-вышивальщика из квартала Усто Рухи, 76 лет, жителя квартала Хаджи-дорго, 78 лет, и др.

[187] В изучаемый период — общежитие ткачей, в прошлом — общежитие дервишей (см.: А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии в 1863 году, СПб., 1865, стр. 88).

[188] ГА, ед. хр. 129. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, и др.

знатным среди них был Исмоил-бек, занимавший одно время придворную должность девонбеги.

Бóльшая часть территории квартала была отведена под кладбище (пушта), где находилась святыня — мазар Чашма Аюб. К мазару вела улица, начáло которой было оформлено в виде арки; вход преграждало бревно, вмазанное в арку на высоте около одного метра, чтобы туда не мог зайти скот. К востоку от арки находился большой кирпичный дом Исмоила-девонбеги, на запад — большое кирпичное помещение тахоратхоны, над которым во втором этаже помещалась школа (мактаб). По другую сторону улицы стояло двухэтажное кирпичное медресе, имевшее 12 худжр. Поодаль были расположены казармы сарбазов, носивших кавказскую форму (капкозо).

Квартальная мечеть была простой каркасной постройки. Главной святыней квартала являлась «могила» (мнимая) и колодец Хазрат Аюб (святого Иова). Над ними было возведено сложное архитектурное сооружение, относящееся к XIV в. Оно состояло из купольных помещений, вытянутых по одной линии с востока на запад и соединенных между собой. Купол второго помещения имеет необычную для Средней Азии конусообразную форму (купол в виде опрокинутого кубка — джоми сарнагун) [189]. В третьем помещении находилась могила, приписываемая библейскому Иову [190], а во втором — колодец, водой которого он якобы исцелился. Несомненно, что мазар, связавшийся под влиянием мусульманства с именем Иова, является местом какого-то древнего культа. К этому мазару приходили больные кожными болезнями и проказой (чаще женщины), согревали в принесенных с собой сосудах воду и обмывались ею поблизости от мазара.

Мечеть Хазрат Аюб и одноименный квартал упоминаются во многих вакуфных грамотах XVIII—XIX и начала XX в.[191], оформляющих пожертвования в пользу мечети и мазара. Обращает на себя внимание то, что большинство пожертвований сделано от имени женщин; вероятно, это были те, кто обращался к мазару в поисках исцеления. Упоминание этого мазара в источнике XV в.— «Книге Мулло-зода», а также возведение над ним здания в XIV в. свидетельствуют о том, что он был известен гораздо раньше.

Второй святыней квартала, несомненно более поздней, была могила «святого» Охунди Хованд, известного под прoз-

---

[189] Здание мазара Хазрат Аюб является историческим памятником, взято под охрану государства. Описание его см.: В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, 1936, Ташкент, стр. 50.

[190] Мазар упоминается в «Книге Мулло-зода», где говорится, что могила мнимая, но сообщается легенда о приходе Иова в Бухару.

[191] ГА, ед. хр. 396, 420 и др.

вищем «Тоджи шариат, миллят ва дин» («Венец шариата, народа и веры»). Время жизни этого святого и его биография населению неизвестны [192].

Джариб пятый. Регистон

Джариб Регистон мы поместили к северу от площади Регистана, в северо-северо-западном углу города. Он прилегал к городской стене между воротами Углон и Хазрат-Имом. Часть этой территории входила в ранний рабад — это кварталы, расположенные ближе к Регистану; другая часть— северная, прилегавшая к городской стене, вошла в город при перестройке стены в XVI в. В соответствии с этим характер кварталов, входивших в этот джариб, был различен. Южные принадлежали к старым кварталам, расположенным на территории раннего рабада, они находились в районе одного из торговых центров города — площади Регистан. Северные кварталы — окраинные, менее населенные и неторговые.

Название «микрорайона» — Махалла Регистан имеется на плане из архива Лерха. Однако локализация его на плане неправильна: там махалла Регистан помещено в центре города, к югу от арка, где должно было располагаться другое махалла, названное на этом же плане,— Мурдашуён. Это одно из многих искажений, которые мы обнаруживаем на плане из архива Лерха.

В джариб Регистон включено 19 кварталов: Мухаммад-пайк, Дарвоза́йи Углон, Харротон, Кози Файзи, Шикастабандон, Урусон (или Муллоён), Табибон, Мирджон-Али, Усто Рухи, Писташиканон, Аскар-бий, Ходжа Курбон, Шер-Мухаммад-джувозкан, Назарча, Кофар-работ, Хоса-пулод, Кози Мир-Хошим (или Согутарошон), Мирзо Гафур, Мехтар Шохбек.

78. Квартал Мухаммад-пайк محمد پیک (в просторечии Мухаммад-пай — «Мухаммад-посол»).

По сообщениям, квартал был маленький, состоял из 20 домов (Т, 1928 — 49 домов). Большинство населения было таджикоязычное, но называло себя, как и большинство бухарцев, узбеками. Меньшая часть, принадлежавшая к служилому сословию (сипо), была тюркоязычная. Большинство жителей квартала занималось различными ремеслами и торговлей. Здесь жили, например, мастера по изготовлению халвы (халвопаз) и жареного гороха (бирьёнгар).

---

[192] Сообщения жителей этого квартала Мулло Умода, 70 лет, его жены и др.

Квартал Мухаммад-пайк упоминается в вакуфных грамотах 1815-16 и 1900-01 гг.[193].

79. Квартал Дарвозáйи Углон دروازۀ اوغلان («У ворот Углон»), или Чорбакколи Дарвозайи Углон چهار بقالی دروازۀ اوغلان («Базарчик у ворот Углон») [194].

Квартал делился на две части; название Дарвозайи Углон относилось, собственно, к северной части, состоявшей из 22 домов. Южная, насчитывавшая 50 домов, называлась Кучаи нагорачихо («Улица барабанщиков») или просто Нагорачихо («Барабанщики») [195], это название нередко употреблялось и как название всего квартала. Население квартала было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Население северной части квартала занималось токарным и плотничным ремеслами. Там жил также один «яхдончи» — владелец хранилища льда, которое находилось за городской стеной. Лед собирали зимой на городских хаузах, а летом продавали для охлаждения напитков и приготовления местного мороженого (рохати джон). Здесь жили также торговцы, которые занимались скупкой и продажей муки, приготовлением и продажей жареного гороха и пр. Жители той части, которая называлась Нагорачихо, были преимущественно (40 домов) музыкантами: барабанщиками (нагорачи) и флейтистами (сурнайчи). Они обслуживали население, день за днем обходя город в поисках домов, где родился ребенок или произошло какое-нибудь иное радостное семейное событие, по обычаю отмечаемое музыкой, чаще всего игрой на сурнае и бубне. Некоторые музыканты состояли на службе в арке. При каких-нибудь событиях или в праздники они играли в помещении над воротами арка, называемом «нагорахона». Оркестр, игравший там, состоял из 8 барабанщиков и 8 флейтистов. Во время месячного поста (руза) они играли несколько раз в течение ночи (от полночи до рассвета). Население Бухары по характеру музыки определяло, близок ли рассвет. Не проспать этот момент было очень важно, чтобы успеть подкрепиться, так как с наступлением рассвета вступал в силу запрет на еду и питье.

Несмотря на четкое членение квартала на две части, разделения их не произошло, они составляли один квартал, приход одной мечети. Мечеть, известная под именем Мачити

---

[193] ГА, ед. хр. 351, 350. Описание составлено по сообщениям жителей квартала Кош-мадраса.

[194] Углон — узб. «юноша», также «царевич».

[195] Нагора — барабан, сделанный из глиняного или металлического сосуда, обтянутого кожей. В зависимости от размера сосуда барабаны давали звуки различной высоты.

Дарвозайи Углон, прилегала одной стеной к небольшому медресе того же названия. Святыней была могила Углон-ато, находившаяся в воротах.

Квартал Дарвозайи Углон упомянут в вакуфной грамоте 1887-88 г., где он назван «Дарвозайи Углон ха́тми пи́ри дастгир» («Ворота Углон — молитва старца-помощника») [196], из чего видно, что название ворот Углон (букв. «царевич») было связано с мазаром, а не с царевичем [197].

80. Квартал Харротон خراطان («Токари»), или Эшони Имло ایشان املا (имя бухарского «святого»).

В квартале было 49 домов (Т, 1928), его считали кварталом средней величины. Население было таджикоязычное. Жители занимались преимущественно токарным делом (харроти), что и послужило причиной наименования квартала. Токарные мастерские, являвшиеся в то же время и лавками, в которых продавались изделия токарей, находились при их жилых домах, открываясь в сторону улицы.

В квартале имелась мечеть. Святыней считались дом и келья (чиллахона) ишана Имло, которого в Бухаре называют «святым последнего времени» — авлиёйи охир ул-замон; после него «святых» не было и не будет (так же как после последнего пророка, Мухаммеда,— пайгамба́ри охир ул-замон — не было и не будет пророков). По преданию, ишан Имло жил в квартале Харротон, получившем его имя; его могила находилась на кладбище, также носившем имя этого святого. По сообщениям, «святой» жил двести лет назад [198], т. е. в XVIII в. В сочинении «Маджму ат-таварих», находящемся у частного лица, встретилось упоминание «святого» Халифа Имло, умершего в 1266/1849-50 г. Эта дата ошибочна. В «Тухфат аз-заирин» сообщается, что он умер в 1162/1748-49 г., а в документах 1760-61 и 1812 гг. упоминается уже квартал Эшони Имло [199].

81. Квартал Кози Файзи قاضی فیضی («Судья Файзи»).

Квартал состоял приблизительно из сотни домов (Т, 1929 — 43 дома). Население было таджикоязычное. Занятия жителей были различны, ни одно из них не было преобладающим. Здесь жило много ремесленников: золотошвеи,

---

[196] ГА, ед. хр. 358. В грамоте это выражение, очевидно, означает чтение Корана (хатм) в честь «святого» Углон-ато.

[197] Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, и др.

[198] Сообщения жителя квартала Усто Рухи вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, и др.

[199] «Тухфат аз-заирин», стр. 90; ГА, ед. хр. 503 и 205.

ювелиры, токари, мыловары, мастера по отливке свечей. Также много было торговцев разных специальностей, среди них — торговцы мукой (аллоф). Были здесь и менялы (сарроф). Один из жителей квартала занимался помолом зерна на мельнице (харос), находившейся при его доме.

Мечеть представляла собой кирпичное купольное здание, имелись также школа и тахоратхона.

Мечеть Кози Файзи упомянута в нескольких вакуфных грамотах: 1754—55 г., где строителем мечети назван Гулом-Али-тупчибоши; и 1755-56 г.; одна грамота — недатированная, заверена печатью Шах-Мурада [200]. Время жизни Кози Файзи, давшего имя кварталу, выясняется из грамоты 1664-65 г.[201], на которой стоит печать Кози Файзи. Это доказывает, что в то время он был бухарским казикаляном. Вероятно, он жил в этом квартале и отстроил за свой счет мечеть.

82. Квартал Шикастабандон شکسته‌بندان («Костоправы»).

Квартал состоял приблизительно из 60—70 домов (Т, 1928 — 92 дома). Население было таджикоязычное. Около десятка семей имели наследственную профессию костоправов (шикастабанд), что и дало кварталу его название. Лечением занимались и мужчины, и женщины, почему эти семьи старались родниться при браках между собой; девушек со стороны брали только в случае отсутствия невест в своей среде. Кроме костоправов среди населения квартала были ремесленники. Здесь жил, в частности, знаменитый в Бухаре кондитер Усто Аъло, который изготовлял халву для поставки в арк, а также мастер архитектурной росписи (наккош) Усто Абдуфаттох, который одновременно занимался торговлей пряностями. В квартале жили также служилые люди (сипо), вероятно тюркоязычные [202].

В квартале была мечеть. Она указана в экспликации к плану Парфенова — Фенина как мечеть Шикастабандон, или Кози Мирзо Пайк (в экспликации ошибочно бек). Благодаря этому название Мирзо Пайк удается идентифицировать с названием Шикастабандон. Название квартала Кози Мирзо Пайк упомянуто в нескольких грамотах, одна из которых относится к 1747 г., другая, недатированная, заверена печатью Шах-Мурада, остальные более поздние [203]. Грамоты сохраняют старое название Кози Мирзо Пайк, вероятно, в качестве

---

[200] ГА, ед. хр. 332, 359 и 306.

[201] ГА, ед. хр. 310. Описание составлено по сообщению уроженца квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет.

[202] Сообщение мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса.

[203] ГА, ед. хр. 307, 306, 351 (1815-16 г.), 350 (1900-01 г.) и др.

официального, «дафтарного», тогда как более популярное среди бухарцев Шикастабандон являлось неофициальным, народным.

83. Квартал Урусон[204] اوروسان (урус — название узбекского племени), или Муллоён ملایان («Муллы», «Грамотные люди»). Второе название, по-видимому, более старое.

Квартал состоял из 30—40 домов (Т, 1928 — в квартале Муллоён указано 40 домов; Т, 1930 — в квартале Урусон указано 34 дома). Население было смешанное: большинство составляли таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Последние занимались преимущественно изготовлением и продажей сладостей. В квартале имелась мечеть. Она упоминается в вакуфной грамоте 1716 г.[205].

84. Квартал Табибон طبیبان («Табибы», «Врачи»), или Ходжахо خواجه‌ها («Ходжи»).

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1928—36). Население было таджикоязычное. Жители занимались торговлей и ремеслами. Сведений о наличии там ходжей (о чем говорит второе название квартала) не имеется. Некоторые семьи квартала занимались обмыванием мертвых. В квартале имелась своя мечеть. Она упоминается в вакуфной грамоте 1801-02 г.[206].

85. Квартал Мирджон-Али میرجان علی (имя собственное).

Квартал состоял из 30—40 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками; здесь жили также форсы. Занимались торговлей (торговали мукой, чаем) и ремеслами: плотничным, строительным, токарным, ювелирным. В двух домах жили ткачи (видимо, форсы), они вырабатывали бархат, в одном — золотошвеи. Здесь жили также откупщики (иджорадор), бравшие на откуп вакуфные земли.

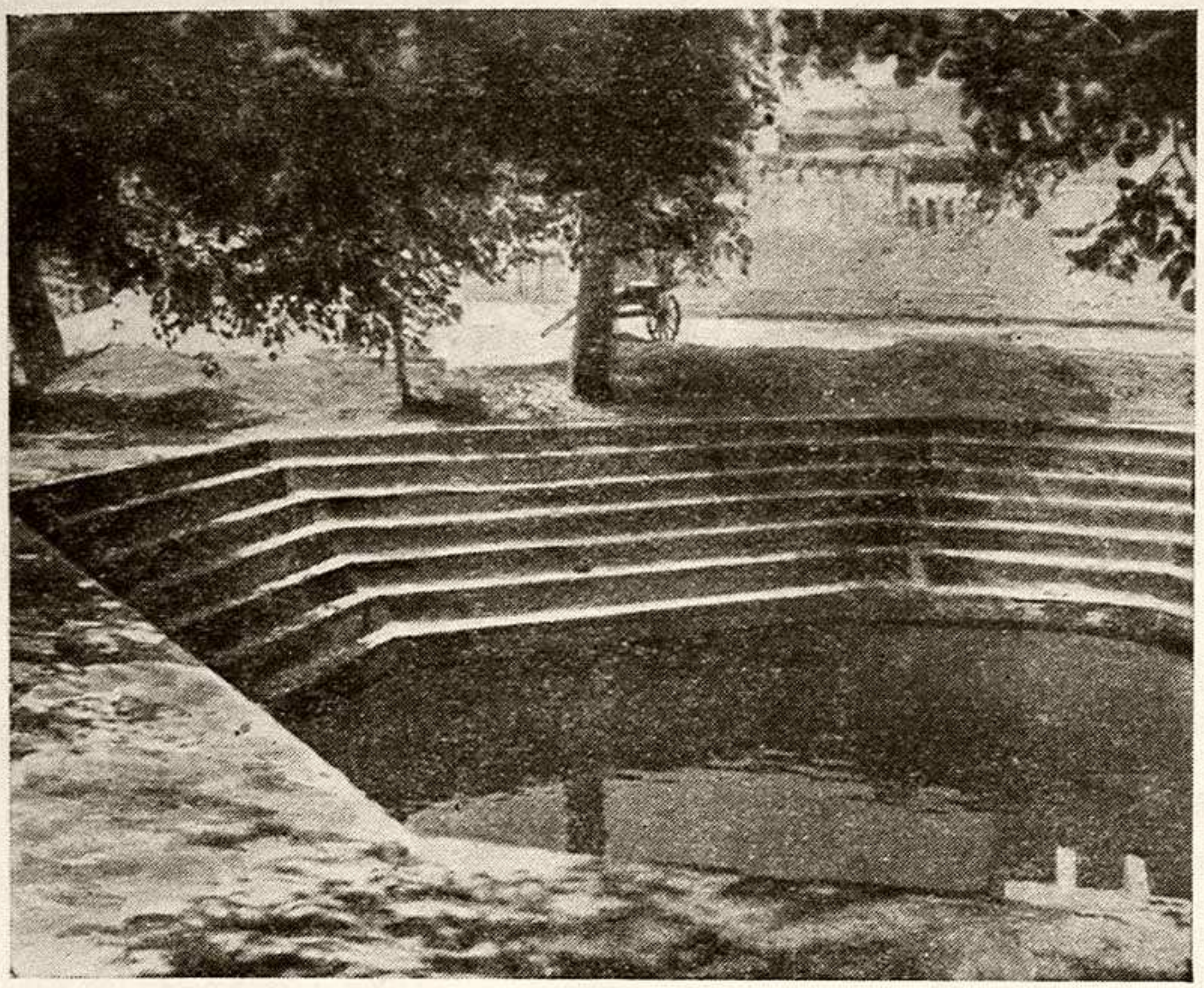
В квартале имелась мечеть. Сведения о других общественных зданиях отсутствуют.

---

[204] По сообщению бухарцев, это название было дано потому, что в старину здесь поселяли послов (элчи) из России. Это название следует поставить в связь с наличием в окрестностях Бухары кишлака Урусон, упоминаемого в документах XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 140). Более вероятно, что квартал получил свое название в связи с этим селением или с названием узбекского племени урусон.

[205] ГА, ед. хр. 306. Составлено по сообщению ювелира Мухтора Мухсинова, 70 лет, из квартала Кош-мадраса.

[206] ГА, ед. хр. 505. Описание составлено по сообщению жителя квартала Кош-мадраса мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет.



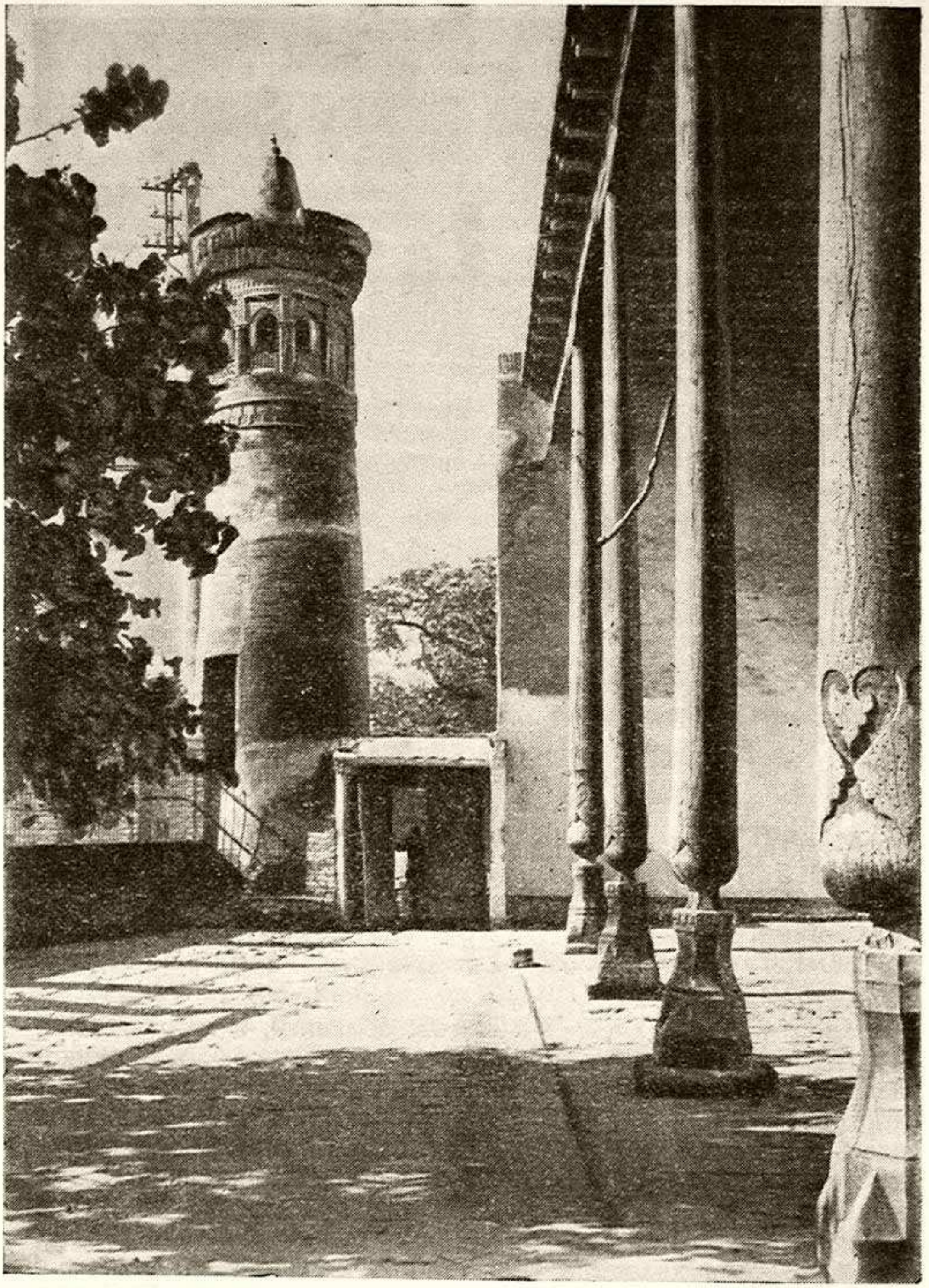
Хауз в квартале Табибон

Мечеть Мирджон-Али упомянута в вакуфных грамотах 1790-91 и 1826-27 гг.[207], когда в вакф этой мечети было сделано пожертвование эмиром Насрулла-ханом.

86. Квартал Усто Рухи اوستا روحی (имя ремесленника, усто — «мастер»).

Квартал принадлежал к самым большим, в него входило 210 домов (Т, 1929 — 55 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками; занималось ремеслами и торговлей (торговали рисом, мукой, чаем). Из ремесленников здесь жили токари, которые специализировались на выделке детских колыбелей, плотники, ювелиры, вышивальщики на вышивальной машине (патдуз), которая появилась в Бухаре в начале XX в. и на которой шили до революции только мужчины. Были в квартале также люди, жившие на доходы с земель, находившихся за пределами города (дехкон). Около 20 семей принадлежало к сипо. Эти семьи жили обособлен-

[207] ГА, ед. хр. 306 и 48. Описание составлено по сообщениям ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, и 80-летнего жителя квартала Мавлоно Асири.



Мечеть квартала Мирджон-Али

но, в частности они не вступали в брак с остальными жителями квартала.

Мечетей на территории квартала было две: одна — мечеть Усто Рухи — была «панджвакти», т. е. предназначалась для ежедневной пятикратной молитвы; вторая, известная под названием мечеть Болохауз («Мечеть над хаузом»), была мечетью эмирской; туда иногда приходил на намазы эмир со своей свитой. Обычными посетителями ее были многочисленные торговцы, лавки которых располагались неподалеку, на Регистане. Перед этой мечетью находился большой, обложенный мрамором хауз, который и дал мечети ее имя.

Святыней квартала Усто Рухи была давшая ему название могила-мазар «святого» Усто Рухи, находившаяся внутри мечети. Вероятно, это было лицо историческое. В. Л. Вяткин упоминает «мистика Шамсуддина Рухи, ученик которого, шейх Джамиль, был духовным наставником Абдулазиз-хана, сына Убейдулла-хана»[208]. Это позволяет отнести время жизни «святого» к первой половине XVI в. Прозвище шейха, вероятно имевшее значение «духовный» (от араб. روح «рух» — «дух»), понималось как производное от روی (в произношении «рух») — «цинк», в связи с чем имя «святого» стало пониматься бухарцами как имя ремесленника-металлиста. Это вызвало появление соответствующих легенд и поверий, вероятно породивших эпитет «усто» («мастер»). По одной легенде, распространенной среди населения близлежащих кварталов, «святой» был мастером по обработке цинка; его мастерская находилась под полом мечети, и человек богобоязненный и чистый, приложив ухо к полу, мог якобы услышать стук молотков работающего «святого». Вторая легенда, записанная со слов жителя квартала Гозиён — Яхъё Шарифова, 68 лет, была рассказана ему в годы его молодости стариком, считавшим, что он является единственным хранителем истинной истории мазара Усто Рухи. Согласно этой легенде, Усто Рухи был учеником «святого» Бобои Порадуз, патрона сапожников[209]. Бобои Порадуз приказывал своему ученику собирать обрезки кожи и сор, остававшиеся у него при починке обуви, и сносить все в чулан (мадон) своего дома. Однажды ученик усомнился, в здравом ли уме его учитель. Учитель сразу понял это и велел ученику пойти и набрать

---

[208] В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари, стр. 7.

[209] Бобои Порадуз — прозвище шейха Абу Бакра Мухаммада бен Ахмада ал-Искафи, современника Шах-Мурада (1785—1800) (А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления..., стр. 26, прим. 3). Его мазар (по А. А. Семенову — ханака Хазрати Бобо) находился недалеко от города, за воротами Саллаххона. Этот мазар упоминается в «Книге Мулло-зода», где приводится и полное имя «святого» (стр. 39—40).

в полу халата несколько пригоршней имевшегося в комнате сора. Когда ученик открыл дверь, то увидел, что весь сор превратился в золото. Он раскаялся в своих сомнениях и просил у учителя прощения. Тот велел ему построить на это золото мечеть. Это и была мечеть Усто Рухи, названная так по имени ее строителя, который, отказавшись от всего земного, предался совершенствованию своего духа, вследствие чего и получил прозвище Усто Рухи.

К кварталу Усто Рухи относилось очень крупное медресе, известное в народе под названием Мадрасаи Гуспанд, вольное сокращение от полного названия — Мадрасаи Фатхулло-гуспанд-джаллоб («Медресе Фатхулло, торговца баранами»), или, по другим сообщениям, Мадрасаи бозори гуспанд («Медресе на бараньем базаре»). В медресе имелись аудитории для чтения лекций, и это было одно из немногих бухарских медресе, где чтение лекций продолжалось и в предреволюционные годы. В квартале были также своя школа и тахоратхона. Известностью пользовалась находившаяся в этом квартале баня — Хамбоми Биби-халфа («Баня учительницы»), выстроенная, как показывает название, на средства какой-то женщины, имевшей конфессиональную школу для девочек и являвшейся чтицей молитв при совершении семейных обрядов [210].

Название Рухи упоминается как название соборной мечети (جامع) в грамоте 1615 г. Квартал Усто Рухи упомянут в вакуфной грамоте 1788-89 г. [211].

87. Квартал Писташиканон پسته شکنان («Разбиватели фисташек») [212].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1930—20 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Профессией многих жителей было надкалывание и продажа фисташек и урюковых косточек, которые употреблялись как лакомство и в большом количестве скупались кондитерами (халвогар), приготовлявшими различные виды халвы. Эти же «надкалыватели фисташек» приготовляли соленые урюковые косточки (дона-шурак), которые кипятились в соленой воде и употреблялись как лакомство. Некоторые жители занимались плотничным делом. В северной части

---

[210] Описание составлено по сведениям жителя этого квартала вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон и его сотоварища сурнайчи (флейтиста), 72 лет.

[211] ГА, ед. хр. 7, 1294.

[212] Квартал с таким же названием имелся и в Джуйбаре. Базар Писташиканон, находившийся на территории шахристана, упомянут Наршахи (Мухаммад Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 71). Это показывает, что профессия надкалывателей фисташек в Бухаре была древней.

квартала, на границе с кварталом Харротон, жили семьи токарей. Были в этом квартале и торговцы.

Сделавшись самостоятельным, квартал Писташиканон не имел своей мечети: его жители ходили либо в мечеть соседнего квартала Усто Рухи, пользуясь и имевшимся при ней помещением для омовений, либо в большую парадную мечеть, стоявшую напротив ворот арка и известную под названием Болохауз («Мечеть над хаузом»). Дети учились преимущественно в мактабе квартала Кози Файзи[213].

88. Квартал Аскар-бий عسکر بی (в просторечии Аскар-би; имя знатного человека).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занимались мелкой торговлей и ремеслами (кузнечным, ювелирным). Мечеть квартала считалась в то же время и медресе, так как при ней было несколько келий для учащихся[214].

Квартал Аскар-бий упомянут в вакуфной грамоте 1870-71 г.[215]. В более ранних грамотах 1785 и 1818-19 гг. упоминается медресе Аскар-бий в квартале Камбар-бий (Канбар-атолик)[216]. Из этого видно, что в течение столетия квартал утратил свое прежнее название и стал называться по имевшемуся там медресе.

89. Квартал Ходжа Курбон خواجه قربان (имя собственное).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1929 — 53 дома). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Занималось мелкой торговлей и ремеслами (ювелирным и др.). В квартале имелась мечеть, школы не было[217]. Квартал Ходжа Курбон в прошлом назывался Ходжа Аёз. Наиболее раннее упоминание мечети Ходжа Курбон в квартале Ходжа Аёз мы встречаем в грамоте 1715 г.[218], составленной, возможно, еще при жизни этого лица. Другая грамота — недатированная, заверенная печатью Шах-Мурада, оформляет пожертвование в пользу этой мечети 800 танапов земли[219].

---

[213] Сообщения жителей квартала Усто Рухи: вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, и ювелира Ато Мирзоева, 82 лет.

[214] Сообщение жителя квартала Усто Рухи вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет.

[215] ГА, ед. хр. 367.

[216] ГА, ед. хр. 494 и 26.

[217] Описание составлено по сообщениям жителя квартала Усто Рухи вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, жителя пригородного кишлака музыканта-сурнайчи, 72 лет, и жителя квартала Искандар-хон — Шоева, 50 лет.

[218] ГА, ед. хр. 303.

[219] ГА, ед. хр. 494.

Наиболее позднее пожертвование было сделано в 1919-20 г.[220], т. е. накануне народной революции. Количество и размеры пожертвований говорят о том, что Ходжа Курбон и, вероятно, его потомки были людьми богатыми. По некоторым сообщениям, могила Ходжа Курбона считалась мазаром, она находилась в этом квартале. Если это верно, мы имеем здесь пример причисления к святым исторического лица, жившего в начале XVIII в.

90. Квартал Шер-Мухаммад-джувозкан شير محمد جوازكن (имя собственное и эпитет — «мастер, выделывающий ступы для маслобоек»).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1929—92 дома). Население было таджикоязычное. Большинство занималось торговлей. Жили здесь также служилые люди низшей прослойки сипо, из таджикоязычных бухарцев, например один мулозим [221].

Мечеть являлась в то же время и медресе: при ней были построены кельи для учащихся. Имелся свой мактаб. Святыней квартала был мазар Шер-Мухаммад-джувозкан — могила, находившаяся в небольшом здании на кладбище, расположенном на небольшой возвышенности (тал). Этому мазару приписывалось свойство излечивать коклюш [222].

Мечеть Шер-Мухаммад-джувозкан упоминается в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада [223].

91. Квартал Назарча نظرچه (имя собственное в уменьшительной форме), или Ляндахур لندهور («имя государя в Индии») [224].

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1928—45 домов). Население было таджикоязычное, занималось главным образом торговлей. Здесь были торговцы мукой, мясники, торговцы рисом. Из ремесленников отмечены чистильщики хлопка (наддоф).

---

[220] ГА, ед. хр. 304.

[221] Мулозим — служитель в канцелярии казия.

[222] Мазары с такой «специальностью» имелись во всех среднеазиатских городах и некоторых селениях. В Бухаре «излечивающими коклюш» считались также мазар Шайх Джалол и небольшой мазар в квартале Песхона.

[223] ГА, ед. хр. 255. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, жителя квартала Усто Рухи — Садилло Мирзоева, 76 лет, и др.

[224] И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, стр. 1351. В экспликации к плану Парфенова—Фенина название «Ляндахур» дано как второе, т. е. менее употребимое, устаревшее.

В квартале была большая мечеть и против нее хауз Назарча, из которого брало воду население четырех кварталов: Назарча, Аскар-бий, Дарвоза́йи Углон и Кофар-работ. Можно предположить, что его постройка была причиной вытеснения старого названия квартала. Так как название хауза было в постоянном употреблении, оно вытеснило постепенно название того квартала, где хауз находился. Такой процесс удалось отметить в нескольких случаях. Назарча, по преданию, было именем человека, построившего хауз на свои средства, выкопавшего или облицевавшего его камнем [225].

По сообщению информатора ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, название Ляндахур было дано ему по имени легендарного героя, жившего якобы 800 лет назад. Квартал Ляндахур упомянут в вакуфной грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара [226].

92. Квартал Кофар-работ كافر رباط («Караван-сарай торговцев камфарой»?) [227].

Квартал состоял приблизительно из 90 домов. Население было в большинстве таджикоязычное, некоторые семьи были тюркоязычны. Здесь жили водоносы (машкоб) и жители, занимавшиеся мелкими ремеслами, например пекари, в частности, выпекавшие маленькие сдобные лепешки (кулча). Здесь находились казармы сарбазов (капкозо), носивших форму кубанских казаков. Некоторые из них в этом квартале и жили [228].

Достопримечательностью квартала была небольшая постройка, в которой находилась клетка с эмирским тигром (шерхона). Для ухода за тигром был приставлен один из жителей квартала. По сообщениям, тигр был прислан эмиру гиссарским беком.

Мечеть Шер-Мухаммад-джувозкан, «известная как Кофар-работ», упомянута в недатированных грамотах, заверенных печатью Шах-Мурада, и в грамоте 1871-72 г. [229]. Это показывает, что раньше кварталы Кофар-работ и Шер-Мухаммад-джувозкан составляли одно целое.

---

[225] Сообщения жителей квартала Усто Рухи — Садилло Мирзоева, 76 лет, и его жены, около 65 лет.

[226] ГА, ед. хр. 305.

[227] Перевод слова «кофар» неясен. Некоторые бухарцы пытались объяснить название квартала как «Рабат неверных» (Кофир-работ), но старики произносили название квартала «Кофар-работ».

[228] О быте сарбазов в Бухаре см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 284—287.

[229] ГА, ед. хр. 255. Описание составлено по сообщениям Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи, бубниста Кенджа, 72 лет, из квартала Таи зиндон и флейтиста (сурнайчи), 72 лет, из пригородного кишлака.

93. Квартал Хоса-пулод خاصه پولاد («Особая сталь») [230].

Квартал состоял из 30—35 домов (Т, 1929 — 31 дом). Население было таджикоязычное. Тут жили ремесленники-деревообделочники, изготовлявшие различные деревянные орудия (например, вилы) и предметы домашнего обихода. Эти ремесленники назывались «согутарош» (согу — деревянный, иногда берестяной сосуд; тарош — корень от глагола тароши-дан — вытачивать). Жили здесь также гончары. Их обжигательные печи находились за стенами города. Были здесь также ювелиры. Жившие в квартале торговцы специализировались на торговле рисом и чалмами.

Мечеть была купольная. Имелся свой мактаб. У городских ворот Хазрат-Имом располагалось несколько лавок и чайхан. За воротами находился очень почитаемый мазар имама Хафси Кабира [231]. По преданию, под шестом, поставленным на этом мазаре, лежат сорок тысяч святых (муджтахид). Среди бухарцев была распространена вера, что «святой» Имом Хафси Кабир хорошо помогает обращающимся к нему в нужде, почему он назывался также Эшони ходжатбарор («Ишан, помогающий в нужде»). Свидетельством особого уважения к этому мазару, а также и к самой Бухаре было поверье, что в день воскресения мертвых «двери рая откроются от Бухары, из-под Имама, помогающего в нужде» (дари бихишт аз Бухоро яла мешавад, аз та́ги Имо́ми ходжатбарор). Еженедельно, в вечер под субботу, на мазаре бывало гулянье (сайль) и ночное моление, заканчивавшееся уже на рассвете громким радением. Как говорят, на эти моления выходила «вся Бухара». Паломники проходили по улице квартала Хоса-пулод [232].

94. Квартал Кози Мир-Хошим قاضی میر هاشم («Судья Мир-Хашим»), или Согутарошон ساغوتراشان («Мастера, выделывающие деревянные предметы»).

Население квартала составляло приблизительно 40 домов и было таджикоязычное. Занятием многих была выделка деревянных предметов: посуды, вил и т. п. Торговля этими изделиями производилась в находящихся здесь же лавках,

---

[230] Хоса — «особый», обычно «царский». Возможно, здесь находились казенные мастерские, изготовлявшие сталь или стальные предметы (оружие?). Однако на памяти современного населения таких мастерских здесь уже не было.

[231] Имам Хафси Кабир упомянут в «Книге Мулло-зода» как лицо, жившее в X в. (стр. 24).

[232] Сообщения бубниста Кенджа, 72 лет, из квартала Таи зиндон и флейтиста, 72 лет, из пригородного кишлака.

образующих торговые ряды вдоль улицы. В квартале жили также различные мелкие торговцы (дукондор) и более крупные (тимчи), торговавшие в тимах [233] Бухары.

В квартале имелась мечеть. Сведений о прочих общественных зданиях нет.

Мечеть Кози Мир-Хошим, «находящаяся в квартале Порсбонон», упоминается в вакуфной грамоте 1664-65 г.[234]. Таким образом, выясняется старое название этого квартала, а также определяется значительная давность сменившего его названия Кози Мир-Хошим.

95. Квартал Мирзо Гафур میرزا غفور (имя собственное), или Таи арк ته ارک («Возле арка» — квартал с юга примыкал к арку).

Квартал состоял приблизительно из 60—65 домов (Т, 1928 — 66 домов). Население в большинстве было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Оно занималось преимущественно торговлей. Были здесь крупные торговцы ичигами и кожаными калошами, а также сапожники, которые их шили. Часть населения занималась выделкой деревянных предметов (согутароши). Из служилых людей здесь жил служащий канцелярии казикаляна (мулозим), коренной бухарец, таджикоязычный.

Мечеть имела купольный свод, вокруг нее располагались кельи для учащихся, также купольные. Во дворе мечети находилась тахоратхона, а напротив нее — хауз, который считался «новым», почему квартал иногда называли Хаузи нау [235].

Старое название квартала было Хофиз-Чанги. Это устанавливается по вакуфной грамоте 1692-93 г. и по недатированной грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара (1800—1826) [236]. Возможно, что название Хофиз-Чанги было и названием находившегося в этом квартале хауза. Мирзо Гафур упоминается в последней грамоте как строитель мечети, медресе и хауза в квартале Хофиз-Чанги. Полное его имя в этом документе — Мирзо Абдулгафур Мушарраф бен Усто Амин. Вероятно, это был Ходжа Гафур, зять эмира Данияра (Даниёр-бека), который купил привезенного в Бухару Филиппа Ефремова [237]. Предполагать, что Мирзо Гафур был чело-

---

[233] Тим — купольный пассаж, где помещались торговые ряды.

[234] ГА, ед. хр. 310. Описание составлено по сообщениям Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи и музыканта-бубниста Кенджа, 72 лет, из квартала Таи зиндон.

[235] Сообщения Шоева, 50 лет, из квартала Искандар-хон, Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи, и др.

[236] ГА ед. хр. 494 и 305.

[237] Ф. Ефремов, Девятилетнее странствование, стр. 16.

век знатный (несмотря на то что его отец назван усто — «мастер, ремесленник»), позволяет его эпитет «мушарраф» («благородный, почтенный»).

96. Квартал Мехтар Шохбек مهتر شاه بیک (имя сановника).

По числу домов квартал был небольшим. Имелась квартальная мечеть. Видимо, к этому кварталу относился мазар Чиль духтарон, находившийся у подножия арка. Более подробных сведений об этом квартале не имеется. Его название упоминается в вакуфных грамотах 1815-16 и 1870-71 гг.[238], но, конечно, оно более раннее, так как чин мехтар в XIX в. уже не существовал.

Джариб шестой. Хыёбон

Джариб Хыёбон состоял из кварталов, расположенных вокруг проспекта Хыёбон, который тянулся с севера на юг, по восточной границе Джуйбара. Это была единственная улица Бухары, носившая свое название на всем ее протяжении — обычно улицы делились на отрезки, которые входили в разные кварталы и назывались по этим кварталам. Проспект Хыёбон, по-видимому, образовался на месте той городской стены, которая была снесена после возведения новой в XVI в. До этого времени западные кварталы этого джариба являлись частью прилегавшего к городу сельского района, а восточные — окраинными кварталами города первой половины XVI в. К началу XX в. проспект Хыёбон сделался одним из торговых центров города, вдоль него тянулись торговые лавки. Однако и торговые ряды, и кварталы этого «микрорайона» не совсем утратили свой окраинный характер, хотя городская застройка была здесь достаточно плотной.

В джариб Хыёбон включено 18 кварталов, тяготевших к проспекту Хыёбон. Следует, однако, оговориться, что если западная граница джариба не вызывает сомнений, то восточную его границу, как и границы многих «микрорайонов» центральной части города, со всех сторон окруженных другими джарибами, установить с полной уверенностью не удается, она остается в большей или меньшей степени условной, так как кварталы смежных джарибов сплетались в одно целое.

К джарибу Хыёбон относятся следующие 18 кварталов: Кош-мадраса, Мир-Дустум, Ходжа Рофеъ, Мехтар Кофилон, Волида-хóни шахид, Мачúти баланд, Ходжа Туйгун, Мехтар Ориф, Пайкан, Кыргыз-оим (или Чубутон), Хаджи Хабибул-

---

[238] ГА, ед. хр. 305 и 367

ло (или Хыёбон), Карчигай, Моркуш, Мирджон-кельды (или Хамбоми каппа), Собунгарон, Ахтачи, Ходжа Аспгардон, Абдулло-кушбеги.

97. Квартал Кош-мадраса قوش مدرسه («Двойные, или парные, медресе»).

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1929 — 48 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, называя таджиками форсов. Последние также считали остальных жителей квартала узбеками, говоря, что «сами они узбеки, а язык у них таджикский» (худашон узбак-у, забóнашон тоджики). Население состояло преимущественно из ремесленников. Здесь жили строители, ювелиры, сапожники (махсидуз), починщики старой обуви (сиёкор) и др. Некоторые жители занимались торговлей. Здесь жили, например, торговцы мукой (аллоф), занимавшиеся покупкой пшеницы и продажей смолотой из нее муки.

Особой мечети не было — и ежедневные пятикратные, и пятничные намазы совершались в мечети при медресе Абдулла-хана [239].

Свое название квартал получил по двум крупным медресе XVI в., стоящим друг против друга по обе стороны улицы [240]. Одно из них известно как медресе «Абдулло-хон», второе — как медресе «Модари хон» («матери хана») [241]. Однако из сохранившейся вакуфной грамоты 1570-71 г. в пользу медресе, известного как «Модари хон», видно, что постройку этого медресе приписало матери хана более позднее народное предание: медресе построено и вакф завещан самим Абдулла-ханом [242]. Когда появилось название квартала Кош-мадраса, неизвестно, но, надо думать, вскоре после постройки там двух парных медресе. В вакуфной грамоте 1703-04 г. квартал Кош-мадраса уже упоминается [243]. Как видно из более ранней грамоты 1593-94 г., составленной в пользу «медресе Абдулла-хана» и, возможно, по окончании его строительства, квартал назывался в то время

---

[239] Сообщение мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из этого квартала.

[240] См. характеристику этих медресе в «Истории Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 452; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель, Бухара, М., 1949, стр. 41—43.

[241] В. А. Шишкин пишет, что из двух медресе «восточное построено от имени матери Абдулла-хана (Модари хон)... в 974 (1566-67) г., второе, западное, именуемое медресе Абдулла-хана, окончено в 998 (1589-90) г.» («Архитектурные памятники Бухары», стр. 62).

[242] Е. А. Давидович, К вопросу о курсе обращения серебряных монет в государстве Шейбани-хана (XV в.),— «Труды САГУ», вып. 11, 1950, стр. 138 и 167, прим. 4.

[243] ГА, ед. хр. 17.

Хыёбон (کوی خیابان), но в документах архива джуйбарских шейхов перед названием Хыёбон отсутствует слово «ку» («квартал») [244]. Это показывает, что название Хыёбон, и в конце XIX — начале XX в., и раньше обозначавшее улицу, тянувшуюся по восточной границе Джуйбара, в один из периодов было названием квартала, которое затем сменилось названием Кош-мадраса.

98. Квартал Мир-Дустум میر دوستوم (имя собственное).

Квартал был одним из четырех крупнейших в Бухаре. Среди бухарцев было распространено мнение, что он состоял из 360 домов; однако точный подсчет, произведенный в 1924 г., когда состав населения кварталов Бухары еще не успел претерпеть значительных изменений, показал, что в квартале имелось 159 домовладений [245]. На плане, составленном при обследовании кварталов Тропином, в квартале Мир-Дустум указан дом № 159, однако в материалах обследования Т, 1929 — 95 домов. Квартал Мир-Дустум отличался не только большим количеством населения, но и очень большой территорией. Он состоял из 6 улиц и переулков. Население было смешанное. Большинство составляли таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками. Среди них были семьи, которые причисляли себя к узбекским родам мангыт и найман.

Некоторые семьи вели свое происхождение от туркмен (возможно, от нуратинских узбеков-туркман). Все они полностью перешли на таджикский язык. В квартале жили также и форсы (которых, по сообщению информаторов, остальное население квартала называло таджиками).

Жители занимались главным образом ремеслами. Больше всего здесь было золотошвеев (зич зардуз буд — «сплошь были золотошвеи»), почему квартал нередко называли кварталом золотошвеев — Гузари зардузо. Среди золотошвеев было два очень крупных мастера — Хаёт-оксакол и Садилло-оксакол; в их мастерских трудилось по 15—20 наемных мастеров-халфа и многие мастера-надомники, работавшие у себя на дому с участием членов семьи. Кроме золотошвеев в квартале было 2 семьи ткачей: в одной, семье форса, ткали шелк-канаус, в другой, семье таджикоязычного бухарца,— адрас. На берегу канала Шахр-руд, проходившего по северной оконечности квартала, находилась мастерская абрбанда — одна из восьми имевшихся в Бухаре. В квартале жили также

---

[244] ГА, ед. хр. 2; «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 127.

[245] Сообщение жителя этого квартала Алиева, бывшего в то время гузаркомом.

плотники (2 семьи) и строители (5 семей). Много было также торговцев, как мелких (дукондор), так и крупных (савдогар); из последних здесь жил крупный оптовый торговец фарфором Садилло-Чинни. Его обороты были настолько значительны, что он заказывал русским фарфоровым фабрикам специальную посуду, причем иногда на изделиях заказывалась надпись «Туджóри Бухоро» («Бухарские купцы»). В квартале жили также представители высшей аристократии — «миро» (мн. ч. от «мир» — «князь, правитель») и военно-служилого сословия (сипо). Здесь находился, например, дом последнего бухарского кушбеги Усмон-бия, назначенного на эту должность в 1919 г. и остававшегося на ней до самой победы народной революции. Он был коренным таджикоязычным бухарцем. Здесь же был дом и канцелярия казикаляна Бако-хона (в годы обследования квартала в нем помещался облсобес и обллит). Имелся в квартале один казенный дом — обыкновенный, небольшой, в котором жили мелкие чиновники.

Среди жителей этого квартала были также представители чиновного официального духовенства — «урок» и «эшони судур». Все они состояли на жалованье и снабжались продуктами от казны, для чего им выдавались четырехгранные выструганные палочки (хатчуб), на которых отмечались полученные ими продукты. Мясо, хлеб, чай и др. выдавалось им в определенных лавках, которые, имея договоренность с канцелярией девонбеги, получали там расчет по предъявлении палочек [246].

Квартальная мечеть была известна среди населения как хонако — так называли ее за ее купольное перекрытие (радения в этой мечети не происходили). В документе 1695-96 г. мечеть названа Хонакóйи ля́би ха́узи Мир-Дустум [247]. Среди населения сохранилось предание о строительстве этого здания, как и находившегося в квартале хауза Мир-Дустум. Оно в какой-то мере подтверждается документами. Предание считает строителем мечети Мир-Дустум современника Абдуллахана, его наукера по имени Мир-Дустум, постепенно повышавшегося в должности и в чине. Говорят, что он построил в Бухаре 7 мечетей: одну около Мазарских ворот и шесть квартальных мечетей — Ходжа Зайниддин, Мехтар Ориф, Мачити Балянд, Мир-Дустум, Дуст-чурогоси и еще одну, местонахождение которой информатор запамятовал. При этом мечеть Дуст-чурогоси была построена им в начале его продвижения по иерархической лестнице, еще в то время, когда

---

[246] О применении палочек для записей расчетов см.: О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, стр. 101—102.

[247] ГА, ед. хр. 129.

он носил низший чин — чухра-огоси [248]. Информаторы сообщили и родословную этого человека: Мир-Дустум был сыном Дустум-бия, сына Хаким-бия, сына Джоним-бия [249]. Время жизни Мир-Дустума еще недавно могло быть точно установлено, так как на мечети (хонако) Мир-Дустум была указана дата постройки. По преданию, этим же человеком был также выстроен большой хауз этого квартала. В настоящее время и то и другое уже разрушилось.

Что касается мечетей Ходжа Зайниддин и Балянд, то, как известно, их постройка действительно относится к XVI в.[250]. Квартал Дуст-чурогоси, согласно этому преданию получивший имя лица, по которому назван и квартал Мир-Дустум, упоминается в недатированной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада [251], а это значит, что он мог существовать уже в более раннее время.

В квартале был большой, облицованный камнем хауз Мир-Дустум. Так как не всем жителям квартала было удобно брать воду из этого хауза, в западном конце квартала был устроен второй хауз, который назывался Хаузи Бодом. Старики помнят еще историю постройки этого хауза. Как говорят, он был построен на средства самого населения, причем строительством распоряжался человек, имевший прозвище Бодом (миндаль). Оно и закрепилось за хаузом. Постройка второго хауза способствовала отчленению части квартала Мир-Дустум, однако, по-видимому, выделение не успело оформиться и квартал Мир-Дустум оставался единым, по крайней мере административно. Вокруг хауза Мир-Дустум и вдоль главной улицы шли торговые ряды. Здесь было до 20 мелочных и овощных лавок, три пекарни и рынок, где продавался каймак, причем для него каким-то баем было построено специальное крытое помещение [252].

99. Квартал Ходжа Рофеъ خواجه رافع (имя собственное).

---

[248] Сообщено жителем квартала Ходжа Зайниддин, ок. 1875 года рожд.

[249] Сообщено жителем квартала Мирджон-кельды, гилькором (ок. 1870 года рожд.). Надо отметить, что имена сыновей рифмуются или согласуются здесь с именами отцов, как это практикуется и в настоящее время.

[250] См.: В. А. Шишкин, Архитектурные памятникки Бухары, стр. 67. Е. А. Давидович уточняет датировку мечети Ходжа Зайниддин, относя ее к началу XVI в. (Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре,— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1950, стр. 27—28).

[251] ГА, ед. хр. 76.

[252] Описание составлено по сообщениям многих жителей этого квартала, главным образом Алиева, бывшего здесь в 1924 г. гузаркомом. Некоторые сведения сообщены стариками из соседних или близлежащих кварталов.

Квартал был небольшой, в нем было около 30 домов (Т, 1930 — 22 дома). Население состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Было также несколько семей форсов. Жители квартала занимались главным образом торговлей. Здесь жил также чиновник, который был в должности тупчи-боши (начальника артиллерии) [253].

Квартал Ходжа Рофеъ упомянут в вакуфной грамоте 1861-62 г. [254]. Лицо, по которому квартал получил свое название, могло быть сыном известного сановника Убайдулла-хана, Мехтара Шафеъ; это видно из вакуфной грамоты 1710-11 г. в пользу мечети квартала Хаузи баланд (в Джуйбаре), строителем и завещателем вакфа которой указан Ходжа Мухаммад Рофеъ бен Мухаммад Шафеъ [255]. Эта идентификация кажется весьма вероятной как вследствие хронологической близости, так и потому, что Мехтар Шафеъ кроме мечети его имени, давшей название кварталу около ворот Саллаххона (см. № 15), построил также, согласно вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, мечеть квартала Кофилон (Мехтар Кофилон), который находился неподалеку от квартала Хаузи баланд [256]. Возможно, эта семья была связана с указанным районом местом жительства или происхождением.

100. Квартал Мехтар Кофилон مهتر قافلان («Старшина караванов») [257]. В просторечии употреблялась сокращенная форма — Кофилон.

Теперь полное название помнят только люди очень преклонного возраста. В понимании части современных бухарцев «Мехтар Кофилон» или «Кофилон» является лишь именем «святого», мазар которого находился в этом квартале.

Квартал состоял приблизительно из 60 домов (Т, 1928 — 36). Населен был таджикоязычными бухарцами, считавшими себя узбеками. Жители занимались ремеслами (здесь были, например, ювелиры), мелкой торговлей (торговали пряностями и пр.). Жили здесь также представители духовенства и

---

[253] Описание составлено по сообщениям жителей квартала Мир-Дустум: вдовы крупного торговца фарфором Садилло-Чинни, 70 лет, форса Алиева, бывшего гузаркома квартала, и др.

[254] ГА, ед. хр. 471.

[255] ГА, ед. хр. 284.

[256] ГА, ед. хр. 55.

[257] О значении термина «мехтар» см. выше, в описании квартала Мехтар Шафеъ (№ 15). Термин «мехтар кофилон», возможно, имел то же значение, что и заменивший его позже термин «корвонбоши», являющийся узбекско-таджикской калькой первого. Помимо своего прямого значения он употреблялся в Бухаре в значении «старшина купеческой гильдии» (см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 257—258).

служилые люди, вероятно из военных. В этом квартале находились две самые большие в Бухаре казармы пеших сарбазов, в которых якобы размещалось 2000 солдат (цифра сомнительная). Сарбазы носили казачью форму, почему и назывались «кавказцами» (капкозо), а их казармы — капкозхона. Казармы состояли из множества небольших помещений (худжра). Сарбазы, которые были в большинстве своем местными бухарцами, не жили там постоянно: они являлись в казармы по очереди (нубат кати) и надевали форму, лишь находясь на дежурстве. На их обязанности лежало нести службу три дня в неделю (субботу, воскресенье и понедельник), а в остальное время они жили со своими семьями, занимаясь каждый своим делом, одеваясь в обычную одежду бухарцев.

В квартале была мечеть и школа. Перед мечетью находился большой, очень благоустроенный хауз, из которого брали воду жители нескольких окрестных кварталов.

Название квартала связано с именем известного исторического лица — Мехтар Шафеъ, что видно из вакуфной грамоты 1707-08 г. в пользу медресе Мехтар Кофилон, составленной от имени Мехтар Шафеъ бен мехтар Латиф[258], возможно, еще при жизни жертвователя. Название квартала Мехтар Кофилон встречается и в нескольких более поздних грамотах: 1857-58 и 1911 гг.[259].

101. Квартал Волида-хóни шахид والدۀ خان شهيد («Мечеть матери убиенного хана»)[260].

В квартале было домов 60 (Т, 1928 — 68 домов). Большинство населения составляли форсы, меньшинство — таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками. Среди последних было 6 домов ходжей.

Жители в основном были ремесленники. Форсы занимались тканьем адраса и шои (шохи), изготовлением сладостей (кандалот, канд мерехтан) и торговлей пряностями. Здесь жило также несколько семей чиновников, в том числе одного амлокдора.

Имелась большая мечеть, к которой примыкало медресе, состоящее из келий, в которых жили студенты.

Название квартала в настоящее время объясняется преданием (по-видимому, сравнительно недавнего происхождения)

---

[258] ГА, ед. хр. 55. Описание составлено по сообщениям Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса и жителя квартала Мир-Дустум, 82 лет.

[259] ГА, ед. хр. 434, 435.

[260] Ш а х и д — человек, погибший в битве (первоначально — за веру), убитый, умерший не своей смертью.

о женщине по имени Волида-хон, которая, отстраивая на свои средства мечеть, пожелала осмотреть постройку, упала с крыши и разбилась насмерть. Могила Волида-хони шахид находилась в квартале.

По другим сведениям, это было название очень старого и почитаемого мазара. Уточнить характер культа этого мазара не удалось.

Квартал Волида-хон упоминается в вакуфной грамоте 1815-16 г.[261].

102. Квартал Мачити баланд مسجد بلند («Высокая мечеть»).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1928 — 96 домов). Население было таджикоязычным. Вопрос о том, к какому народу — таджикам или узбекам — оно себя относило, не выяснен вследствие отсутствия информаторов из этого теперь уже не существующего квартала. Жители занимались главным образом мелкой торговлей (торговали кожаными калошами, ичигами и др.) и ремеслами. Две семьи принадлежали к служилым людям (сипо).

В квартале находилась старинная мечеть (XVI в.) с очень высоким фундаментом; входить в нее приходилось по каменной лестнице в несколько ступеней. Отличал эту мечеть и высокий потолок как в самой мечети, так и на окружавшем ее айване[262]. Эта мечеть служила для пятничной молитвы, на которую сходились молящиеся из нескольких кварталов. Жители квартала Мачити баланд ходили на ежедневную пятикратную молитву в соседние кварталы, главным образом в квартал Собунгарон. Около мечети находилось маленькое медресе из 8 келий для студентов, построенное в XX в. одним баем[263].

103. Квартал Ходжа Туйгун خواجه تویغون (имя собственное).

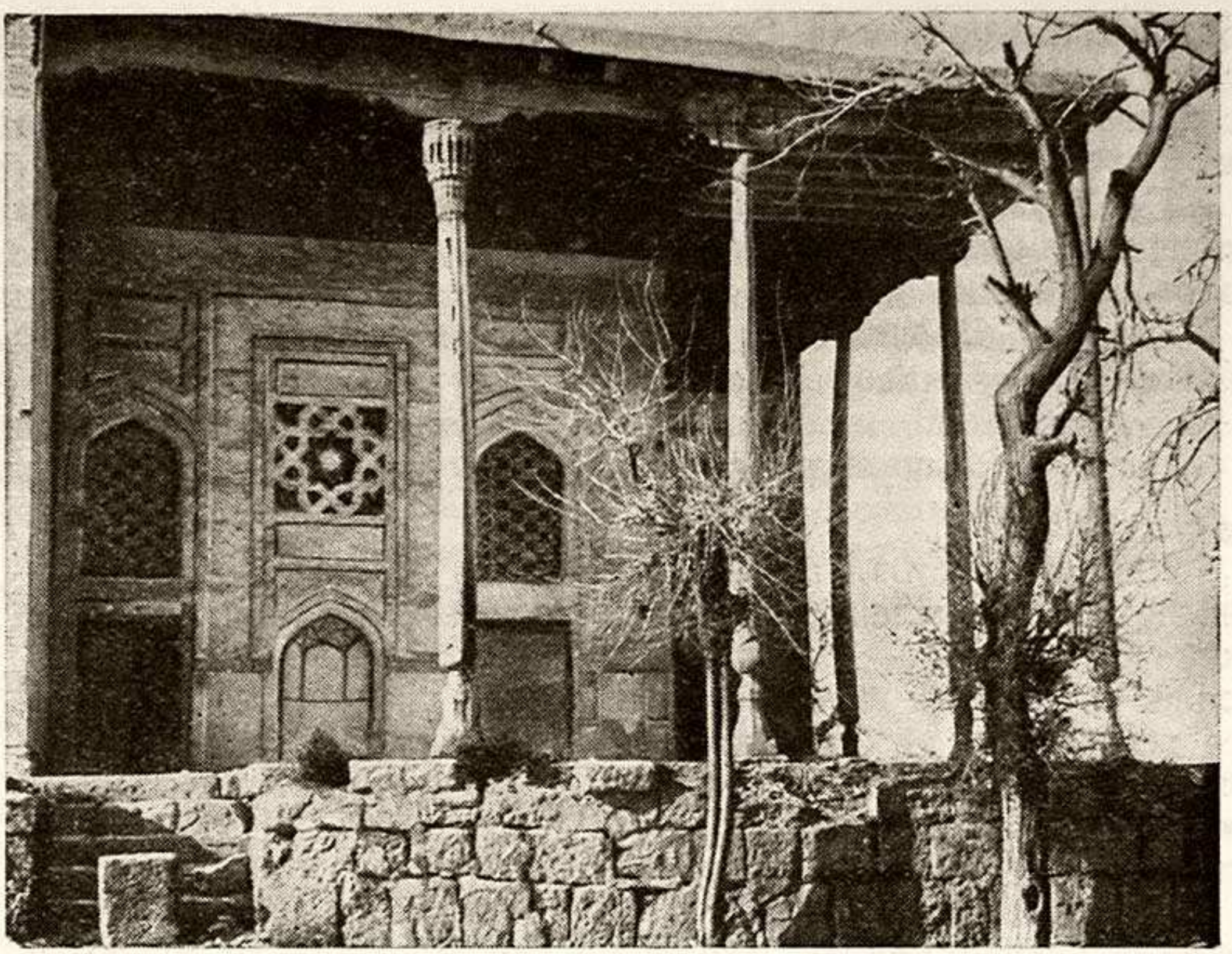
Квартал насчитывал 70 домов (Т, 1929 — 25 домов). Население в большинстве состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Меньшинство составляли фор-

---

[261] ГА, ед. хр. 223. Описание составлено по сообщениям Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, и его родственницы из квартала Кош-мадраса, а также бывшего гузаркома этой группы кварталов Исмоила Олимова, 26 лет, жителя квартала Пайкан.

[262] Об этой мечети см.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 453; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 66; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель, Бухара, стр. 36.

[263] Сообщение Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса.



Мечеть квартала Мачити баланд

сы. Первые занимались преимущественно строительными ремеслами; здесь было, по словам информатора, до 40 домов строителей и плотников. Среди них было несколько хороших резчиков по ганчу; известностью пользовались усто Курбон-Бадаль и Хаджи Малик.

В квартале были мечеть (каркасная), школа и помещение для полных омовений (гуслхона). Возле мечети находился хауз.

Квартал Ходжа Туйгун упомянут в вакуфной грамоте 1896-97 г.[264].

104. Квартал Мехтар Ориф مهتر عارف (Ориф — имя собственное, мехтар — придворный чин).

Квартал состоял из 60—70 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, занималось преимущественно ремеслами. Здесь были сапожники (кафшдуз), два ткача шелка (адрасбоф и шохибоф). По некоторым сообщениям, сапожники были узбеками, тогда как ткачи — таджи-

[264] ГА, ед. хр. 201. Описание составлено по сообщениям мастера-гильокора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кольды

ками. Жили здесь также плотники, специализировавшиеся на выделке оконных рам, и один наккош. Было также немало мулл и чтецов Корана (кори), а также мелких торговцев (баккол). Некоторые жители занимались разбиванием ганча (гачкуби), в квартале была мастерская, где изготовлялся ганч.

Мечеть была простая, каркасная. Имелась школа и гусл-хона. Святыни не было.

По некоторым сведениям, квартал Мехтар Ориф раньше не был самостоятельным, он составлял часть («одну стену»— як девол) квартала Хаджи Хабибулло. О времени выделения его современное население не помнит [265].

105. Квартал Пайкан پیکن (Пайкенд) [266].

Количество домов в квартале точно не установлено: по одним сведениям, он состоял из 60—70 домов, по другим — из 35—40 домов. Последняя цифра, если принять во внимание занимаемую ранее кварталом территорию, кажется более близкой к действительности, тем более что, по сообщениям, квартал не имел своей мечети и его жители были прихожанами мечети соседнего квартала Мехтар Ориф. Население квартала Пайкан было таджикоязычное, но считало себя узбеками.

Некоторые семьи относили себя к племени мангыт. Жили здесь также форсы. Значительная часть жителей занималась плотничным ремеслом. Здесь были также ткачи (вероятно, из числа форсов), мастера по выделке зеркал, а также представители обслуживающих профессий (например, несколько цирюльников). Пять домов принадлежало ходжам из рода Саид-атои. Родословная этих ходжей не выяснена. По мнению представителя этого рода, это были самые почитаемые из ходжей (по-видимому, они вели свой род от Хасана и Хусейна) [267].

---

[265] Сообщения Исмоила Олимова, 26 лет, бывшего гузаркома, жителя квартала Пайкан, мастера-гилькора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды и жительницы этого квартала, 60 лет.

[266] В названии квартала, возможно, сохранилось название селения Пайкенд, известного с X в. О селении (городе) Пайкенд см.: Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 27—28; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 85, 106, 109 и др. Бухарцы, однако, понимают название квартала как «преследователь» (пай — «след», канд от глагола кандан — «рвать») и объясняют его преданием о том, как жители этого квартала однажды решили исход сражения, прогнав и преследуя напавших на Бухару туркмен-иомудов (здесь мы имеем позднее переосмысление названия).

[267] Сообщения Исмоила Олимова, 26 лет, из этого квартала, бывшего в последние годы гузаркомом; Бахрома Джураева, мастера-гилькора, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды, и др.

106. Квартал Қыргыз-оим قرغز آيم («Госпожа киргизка»), или Чубутон چيوتان (чуюты — узбекское племя) [268].

Квартал был большой, состоял из 80—100 домов (Т, 1929 — 85 домов). Этот квартал был известен как «квартал служилых людей» (гузáри сипохо), так как там жило очень много военных, принадлежавших в большинстве к родо-племенным узбекам. Здесь были мангыты и кырк-юзы, а раньше и чуюты. Кырк-юзы вели свое происхождение из Ура-Тюбе. По сообщению 76-летнего вышивальщика (патдуз) Садилло Мирзоева, который сам был из этой группы, переселение кырк-юзов из Ура-Тюбе в Бухару произошло во времена Музаффар-хана и было связано с «самаркандской войной» (джанги Самарканд), после которой все те, кто не хотел или не мог оставаться в пределах русского Туркестана, потянулись в Бухару. Так оказались в Бухаре и уратюбинские кырк-юзы, их профессией стала служба в эмирских войсках. Они получили места для поселения в окраинных кварталах Бухары, где имелись казенные дома или свободные участки и где плотность населения не была так значительна, как в центральных районах города. Принадлежа к привилегированному военно-служилому сословию, сипо из квартала Қыргыз-оим не занимали высоких должностей: здесь жили так называемые «етим-сипо» — «слуги-сипо» и низшие чины — ясоул, чур-огоси и один удайчи. Тем не менее к именам мужчин из этих семей прибавлялась приставка «бек» (Бек-Али-бек, Саид-Али-бек, Ходжикул-бек-удайчи и т. д.), которая указывала на принадлежность к знатным узбекским родам. Часть сипо была тюркоязычна; для других родным языком являлся таджикский, по-видимому вследствие того, что они переселились в Бухару раньше и успели значительно ассимилироваться с местным населением, переняв у него язык. Сохранение племенного самосознания стимулировалось привилегированным положением, которое занимали в Бухаре родовитые узбеки вообще и узбеки племени мангыт в частности. К сипо принадлежали и некоторые форсы этого квартала. Здесь жили и простые сарбазы. Прочее население, состоявшее из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, и форсов, занималось ремеслами (изготовлением сладостей и др.), а также торговлей. Здесь жил, например, Ходжи Солéхи Синдиль. Его прозвище Синдиль было дано ему, так

---

[268] Название квартала Чугутон, или Чубутон, по-видимому, представляет собой название племенной группы чувит, или чуют. Кварталы Чуйтон (несомненно, этимология та же) имелись также в Шахрисябзе (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 132). Бухарцы, однако, объясняют это название тем, что в квартале жили переселенцы из города Чубут, или Чугут, находившегося якобы в Иране или Египте.

как он служил уполномоченным в фирме Цинделя в Бухаре. Он был форс, сына женил на таджичке.

Мечеть квартала была простая, каркасная. Имелась и школа [269].

107. Квартал Хаджи Хабибулло حاجی حبیب الله (имя собственное), или Хыёбон خیابان (улица, протянувшаяся по восточной границе Джуйбара).

Этот квартал считался одним из крупнейших в Бухаре. Число входивших в него домов точно выяснить не удалось. Информаторы называли цифру 360, которая употреблялась в тех случаях, когда хотели подчеркнуть множество чего-либо (Т, 1928 — 104 дома; Т, 1929 — 110 домов). Население было смешанное, состояло из форсов и таджикоязычных бухарцев. По некоторым сведениям, здесь жили также и тюркоязычные узбеки. Занятием большинства были ремесла. Форсы занимались преимущественно шелкоткачеством. Здесь были плотники, строители, пекари, мясники и другие ремесленники.

В квартале находилась большая мечеть для пятничной молитвы. К ней примыкало двухэтажное здание медресе, выходившее на улицу Хыёбон. Большую часть территории квартала занимало кладбище Эшони Имло. Оно было настолько значительно, что во многих сообщениях его название выступает как второе название всего квартала или северной его части, которую некоторые информаторы считали самостоятельным кварталом [270]. Как говорят, на кладбище находились могилы самого ишана Имло и Халифа Худойдода (имя которого носит близлежащий квартал). Обе они почитались как мазары; над ними были воздвигнуты шесты с хвостами яков. На этом же кладбище была усыпальница эмирской семьи (гурхонáйи пошохо), имевшая вид мавзолея. По сообщениям, место, где хоронили членов эмирской семьи, было огорожено и у привратного помещения (дарвозахона) всегда стояли на страже сарбазы. Посреди кладбища находилась старинная сардоба, откуда жители окрестных кварталов брали воду для питья. Об этой сардобе шла дурная слава: считалось, что она притягивает к себе людей («зовет» — бонг мезанад).

Время жизни ишана Имло и Хаджи Хабибулло в некото-

---

[269] Сообщения Бахрома Джураева, 76 лет, мастера-строителя из квартала Мирджон-кельды; мастера-вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи, связанного родством с семьями сипо из квартала Кыргыз-оим.

[270] Квартал, называемый Эшони Имло, находился к северо-западу от арка, его другое название — Харротон (см. № 80). Там же см. об ишане Имло.

рых сообщениях было отнесено к царствованию «эмира Джаннат-макони», т. е. эмира Шах-Мурада (1785—1800), причем указывалось, что один был учителем другого (по-видимому, ишан Имло был учителем Хаджи Хабибулло) [271].

108. Квартал Карчигай قرچیغی («Ястреб»).

Этот квартал был одним из самых маленьких в Бухаре. Возможно, он выделился из крупного квартала Хаджи Хабибулло — их территории соприкасались. По данным обследований, производившихся врачами в 1926, 1929 и 1930 гг., в него входило 17—18 домов, из них к 1930 г. 10 домов запустели и разрушились, так как к тому времени прежнее население стало покидать этот район, что в дальнейшем привело к почти полной смене его населения, к перепланировке и новой застройке, осуществившейся уже в послевоенные годы.

Квартал Карчигай был населен местными таджикоязычными бухарцами. При посемейном обследовании этого квартала в 1926 г. большинство его жителей назвало себя узбеками (из десяти обследованных семей — восемь). Две семьи отнесли себя к таджикам, в одной из «узбекских» семей таджичкой назвала себя невестка. Занятия населения не выявлены. Описание составлено по данным архива Тропина за 1926, 1929 и 1930 гг.

109. Квартал Моркуш مارکش («Убивающий змей»), или Урдайи маврихо اوردهٔ مرویها («Ставка, резиденция мервцев») [272].

Квартал Моркуш считался средних размеров (Т, 1929 — 56 домов). Население было смешанное; большинство составляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Форсы и бухарцы, жившие в квартале, поддерживали между собой добрососедские отношения, посещали друг друга в дни семейных торжеств и траура, но смешанных браков не было. Среди форсов было несколько семей сипо, остальные форсы занимались изготовлением и продажей сладостей, продажей пряностей и ткачеством (вырабатывали адрас). Среди ткачей был владелец довольно крупной ткацкой мастерской — Усто Очиль. Жители квартала — бухарцы занимались в большинстве изготовлением и продажей халатов (джомадузи ва джомафруши). Шитье ха-

---

[271] Сообщения жителя этого квартала, мастера-строителя, 65—70 лет; Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, уроженца квартала Джанафарон, и кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон.

[272] О переселении в Бухару жителей Мерва см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 154—156.

латов было делом женщин. Скупкой и продажей халатов занимались торговцы, нередко раздававшие женщинам заказы и обеспечивавшие их материалами.

Квартальный аксакал (за период, к которому относятся сведения информаторов) был из бухарцев.

В квартале имелась и суннитская мечеть, и шиитский молитвенный дом (хусайнияхона), самый крупный в Бухаре, построенный, видимо, в начале XX в. Была здесь школа и небольшое медресе, известное под названием Миён-Исхок. Могила его строителя, Миён-Исхока, считалась мазаром, над ней возвышался шест с хвостом яка [273].

110. Квартал Мирджон-кельды ميرجان كيلدى (имя собственное) [274], или Хамбоми каппа حمام كپه («Баня-хижина»).

Количество домов в квартале не выяснено. Его население было смешанное. Здесь жили таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками и составлявшие большинство, и форсы, которых здесь называли таджиками; как было сказано информатором: «В квартале есть и таджики, пришедшие из Ирана» (тоджик-ам дорад, а Эрон омадаги). Среди таджикоязычных жителей квартала, называвших себя узбеками, были семьи, сохранявшие родо-племенные названия — мангыты, найманы и уч-уруг. Жители занимались преимущественно ремеслами. Здесь было 12 семей мастеров-строителей, несколько плотников, седельщиков (зинсоз), один ювелир, а также два мельника, имевших при доме мельницы (харос), и один маслобойщик (джувозрон). Из числа живших в квартале форсов три семьи занимались тканьем шелка и бархата. Среди форсов было также несколько семей чиновников, в том числе семья сына кушбеги Остонакула, по имени Джон-мирзо, имевшего чин туксабо. В квартале жили и торговцы, в частности торговцы пряностями (аттор).

В квартале имелась мечеть и святыня, давшая кварталу одно из его названий — мазар Хамбоми каппа. Мазар представлял небольшое, как бы игрушечное здание с куполом,

---

[273] Сообщения Барота Саидова, 70 лет, из квартала Миракон и Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды.

[274] По некоторым сведениям, Мирджон-кельды был братом Мирджон-Али, имя которого носил другой квартал (см. № 85). Это сообщение кажется сомнительным: в вакуфной грамоте 1710-11 г. (ГА, ед. хр. 284) упоминается местность Мирджон-кельды (ميرجان كيلدى), находящаяся где-то недалеко от Бухары. Совпадение названий вряд ли случайно. Возможно, оно указывает на происхождение из этой местности жителей одноименного квартала. Что переселение произошло давно, показывает возраст вакуфной грамоты, по которой завещано имущество, находившееся в этой местности, в пользу бухарской мечети Мачити баланд.

напоминающим купола местных бань. Этот мазар считался могилой «святого» Ахати Баховаддина, а вместе с тем игрушечной баней. По легенде, святой в раннем детстве, играя на дороге, сделал из пыли «баню». В это время мимо проезжал царь. Шутя обратился он к мальчику и предложил продать ему баню. Ребенок запросил с царя 400 танга. Царь заявил, что это слишком дорого, отказался от покупки и уехал. В ту же ночь он увидел во сне, что это не баня, а светлый прекрасный дворец. Проснувшись, он снова поехал на то же место и опять увидел мальчика, мастерившего из пыли баню. Царь сказал, что он согласен купить баню за 400 танга. Ребенок запросил с царя новую, очень высокую цену. Царь спросил: «Почему ты вчера просил только 400 танга, а сегодня за эту цену не отдаешь?» Тот сказал: «Вчера ты покупал товар за глаза (мóли надида), а теперь ты видел своими глазами то, что хочешь купить». Царь понял, что мальчик будет «святым», и поклонился ему. Лицо, скрывающееся под именем Ахати Баховаддина, в народных представлениях соединилось со знаменитым мистиком XIV в.— Баховаддином Накшбандом, хотя, по-видимому, совпадение случайное. После революции мазар этот разрушил пинком ноги один из местных жителей, желая доказать своим согражданам, что за этим мазаром не кроется ничего таинственного и священного.

Часть квартала Мирджон-кельды, прилегавшая к мазару, вместе с находившимся здесь медресе, при котором имелось специальное помещение для совершения пятикратной молитвы, начала выделяться в самостоятельный квартал Хамбоми каппа, и в качестве такового он выступает во многих сообщениях. Однако выделение это не успело завершиться, и административно обе части квартала представляли собой до самого конца их существования один квартал[275], который в некоторые периоды носил название Хамбоми каппа.

Квартал Хамбоми каппа упомянут в грамотах 1669-70 и 1804-05 гг.[276].

111. Квартал Собунгарон صابونگران («Мыловары»).

Квартал состоял из 70 домов (Т, 1929 — 130 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Было также несколько семей форсов. По роду занятий часть жителей принадлежала к ремесленникам. Мыловаров на памяти современного поколения не было. По сообщениям, мыловарение было запрещено в густонаселенных кварталах

---

[275] Сообщение 76-летнего жителя и уроженца этого квартала мастера-гилькора Бахрома Джураева.

[276] ГА, ед. хр. 305, 396.

эмирскими властями. Возможно, мыловары исчезли из квартала в связи с этим запрещением. В квартале жили семьи, профессией которых было обшивание халатов тесьмой (зехдузи). Эта работа выполнялась по заказу женщинами. Жили здесь хлебопеки и владельцы маслобоен и мельниц (харос), моловшие муку здесь же, в своих домах. Среди живших в этом квартале представителей духовенства были ишаны, выступавшие в роли заклинателей (дуохон), отчитывавших больных. В этом же квартале жил казий, известный под прозвищем Кози-биринчи (узб. «Первый казий»).

Имелась своя мечеть.

Квартал и мечеть Собунгарон упоминаются в вакуфных грамотах. Наиболее ранняя датируется печатью Шах-Мурада [277], что может указывать на более раннее происхождение этого названия.

112. Квартал Ахтачи اختەچی («Конюх») [278].

В квартал входило 30—35 домов (Т, 1928 — 66 домов). Население было смешанное, большинство состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, меньшинство — из форсов. Последние были по профессии кондитеры (каннот), изготовляли преимущественно леденцы. Занятием остального населения было главным образом слесарное дело: изготовление замков, всевозможных инструментов, гвоздей. Ремесленники занимались и продажей своих изделий (хурда-фруши). Среди жителей были торговцы.

В квартале имелась мечеть, при которой было две кельи для студентов, и школа. Против мечети находился хауз Ахтачи.

Квартал Ахтачи упомянут в вакуфной грамоте 1915-16 г. [279].

---

[277] ГА, ед. хр. 161. Описано по сообщениям жителя квартала Мирджон-кельды — Бахрома Джураева, 76 лет, и др.

[278] Значение названия квартала неясно. В живом языке слово «ахтачи» означает специалиста по кастрированию животных (от глагола «ахтан» — «холостить», неупотребимого в живом современном языке, где он заменился сложным глаголом «ахта кардан»). В словаре Будагова слово «ахтачи» переведено как «конюх». Так же переведено слово «ахтачи» и в Бабур-наме (Захириддин Бабур, Бабур-намэ, [Ташкент], 1948, стр. 23; Бобир-нома, Тошкент, 1948, стр. 31). Жители Бухары объясняли, однако, название квартала тем, что его жители происходили из города Ахса — «аз шахари Ахсо» (Ахсикент?), откуда они, согласно преданию, были переселены сюда во времена Тимура принудительно (окуйлук карда омадаги). Поселившись здесь и выстроив мечеть, они постепенно превратились в семь родов (йетти уруг шуда рафтаги). Однако такое толкование названия квартала весьма сомнительно.

[279] Собрание грамот ИВ АН УзССР, ед. хр. 339. Сообщения мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса и жительницы квартала Мир-Дустум, 82 лет.

113. Квартал Ходжа Аспгардон خواجه اسب گردان («Святой, вокруг которого обводят лошадей» — здесь: название мазара Ходжа Аспгардон).

Домов в квартале было немного (Т, 1928 — 28 домов). Жители принадлежали к таджикоязычным бухарцам. Об их занятиях сведений не имеется. В квартале была мечеть. Бóльшую часть территории квартала занимало кладбище, известное под названием Ходжа Чоршанби («Святой Среда»). Оно упоминается в источнике XV в.— «Книге Мулло-зода»[280]. Название кладбища иногда переносилось и на квартал — в грамоте 1882-83 г. упоминается квартал Ходжа Чоршанби[281]. Возможно, этот же квартал носил название Мехтар Идрок: мечеть Мехтар Идрок на плане Парфенова — Фенина помещена у южного конца кладбища Ходжа Чоршанби, а квартал Мехтар Идрок упомянут в грамоте 1909 г.[282].

В квартале был мазар Аспгардон, он считался излечивающим лошадей, которые страдают задержанием мочи. Для излечения лошадей обводили (мегардондан) вокруг мазара. На мазар приносили при этом в качестве жертвы масляные светильники и кушанья, которые отдавали жившим при мазаре шейхам[283].

114. Квартал Абдулло-кушбеги عبدالله قوشبیگی (имя сановника, занимавшего главный административный пост в Бухарском эмирате).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1930 — 64 дома). Население было таджикоязычное; часть считала себя узбеками, и некоторые из них относили себя к племени мангыт. Жившие в квартале семьи служилых людей (сипо) были таджиками. Они происходили из Восточной Бухары (современного Таджикистана), из Куляба или Бальджуана. Бухарцы звали их «шо», «шо-бача» или «миро» в противоположность знатным узбекским семьям, которых называли «беко» (бекхо). Одна семья «миров» жила в большом казенном доме (хаулийи пошоги).

Часть населения квартала занималась ремеслами; здесь были плотники и седельщики (зинсоз); последние изготовляли и расписные пеналы (каламдон).

В квартале была мечеть, представлявшая собой каркасную постройку, тахоратхона и школа, помещавшаяся на вто-

---

280 «Книга Мулло-зода», стр. 34.
281 ГА, ед. хр. 122.
282 ГА, ед. хр. 473.
283 Сообщения жителя квартала Куйи хонако — Мулло Умода, 70 лет, переселившегося из квартала Чашма Аюб, и жителя квартала Мирджонкельды — Бахрома Джураева, 76 лет.

ром этаже здания, нижний этаж которого был отведен для хранения всякого инвентаря, связанного с похоронами.

Квартал Абдулло-кушбеги упомянут в вакуфной грамоте 1891-92 г.[284].

Джариб седьмой. Мурдашуён

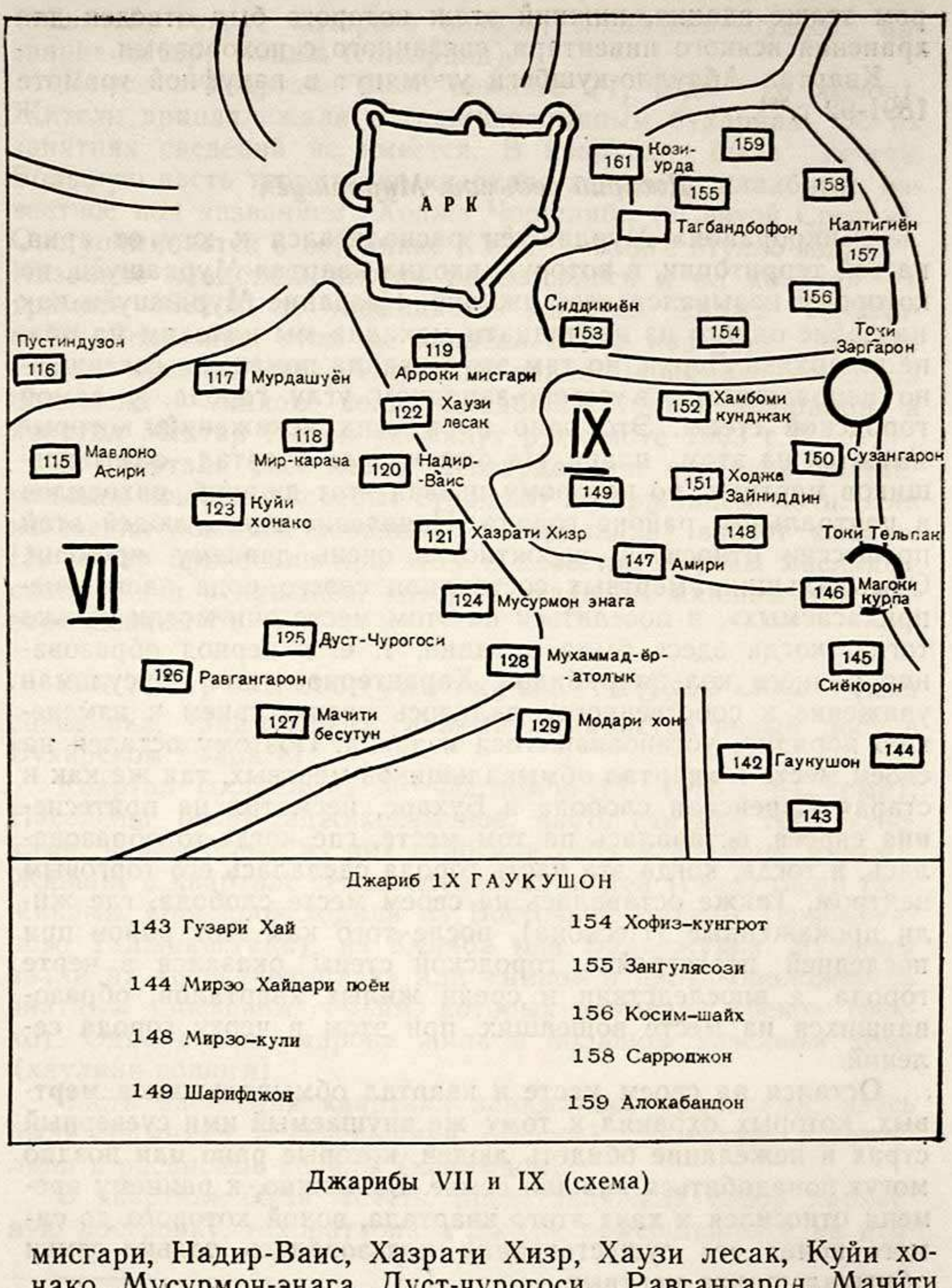
«Микрорайон» Мурдашуён располагался к югу от арка, на той территории, в которую входил квартал Мурдашуён, по которому назывался весь джариб. Название Мурдашуён как название одного из двенадцати махалла мы находим на плане из архива Лерха, но там это махалла помещено совершенно неправильно — в северо-западном углу города, у самой городской стены. Это одно из многих искажений, которые имеются на этом плане. На самом деле квартал обмывальщиков мертвых, по которому назван этот джариб, находился в центральном районе города. Появление здесь людей этой профессии относится, вероятно, к очень давнему времени. Обмывальщики мертвых составляли своего рода касту «неприкасаемых», и поселиться на этом месте они могли только тогда, когда здесь была окраина, т. е. в период образования раннего кольца рабадов. Характерное для мусульман уважение к собственности являлось препятствием к изменению порядка, установившегося издавна. Поэтому остался на своем месте и квартал обмывальщиков мертвых, так же как и старая Еврейская слобода в Бухаре, несмотря на притеснения евреев, оставалась на том месте, где когда-то образовалась, и тогда, когда эта часть города сделалась его торговым центром. Также оставалась на своем месте слобода, где жили прокаженные (Песхона), после того как этот район при последней перестройке городской стены оказался в черте города, а впоследствии и среди жилых кварталов, образовавшихся на месте вошедших при этом в черту города селений.

Остался на своем месте и квартал обмывальщиков мертвых, которых охранял к тому же внушаемый ими суеверный страх и нежелание обидеть людей, которые рано или поздно могут понадобиться каждой семье. Возможно, к раннему времени относился и хауз этого квартала, водой которого до самого конца его существования пользовались только семьи обмывальщиков мертвых.

В джариб Мурдашуён мы включили 15 кварталов: Мавлоно Асири, Пустиндузон, Мурдашуён, Мир-карача, Арроки

---

[284] ГА, ед. хр. 50. Сообщения мастера-гилькора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды и жителя пригородного кишлака, сапожника (кухнадуз), лет 60, который часто бывал в этом квартале.



Джариб 1X ГАУКУШОН

143 Гузари Хай

144 Мирзо Хайдари поён

148 Мирзо-кули

149 Шарифджон

154 Хофиз-кунгрот

155 Зангулясози

156 Косим-шайх

158 Сарроджон

159 Алокабандон

Джарибы VII и IX (схема)

мисгари, Надир-Ваис, Хазрати Хизр, Хаузи лесак, Куйи хонако, Мусурмон-энага, Дуст-чурогоси, Равгангарон, Мачи́ти бесутун, Мухаммад-ёр-атолык, Мода́ри хон.

115. Квартал Мавлоно Асири مولانا اسیری (имя духовного лица).

Квартал состоял из 70 домов (Т, 1930 — 68 домов). Население было таджикоязычное, в большинстве занималось

ремеслами. Здесь жили мыловары, мастера по отливке свечей, шитью овчинных шуб и меховых шапок. Кроме того, здесь были представители строительных ремесел, главным образом каменщики.

Мечеть считалась в то же время и медресе, так как вокруг дворика было выстроено 11 келий для учащихся. Здание было из жженого кирпича, с плоским балочным перекрытием, а кельи — купольные. Считалось, что под мечетью находится могила «святого» Мавлоно Асири, который якобы был поэтом при дворе Исмаила Саманида (аз шоирóни Поччо Сомони). Однако никаких внешних признаков могилы не было: в мечети не было ни надгробия, ни шеста (туг), которым обычно обозначалось место погребения «святого». Недалеко от мечети находилась тахоратхона, которая представляла собой простую каркасную постройку. Школа помещалась в старинном купольном здании, которое было разрушено уже после революции, при проведении через территорию квартала широкой мощеной улицы. Второе медресе было небольшое, известно как медресе Мулло Ахмадджон. По северной оконечности квартала проходил канал Шахр-руд, через него был перекинут старинный мост из жженого кирпича, с арочными пролетами, которых в настоящее время три. В старину же, до произведенной на памяти информатора (Усто Маджида Солихова) переделки, было два пролета. Этот мост известен под названием Пýли ошукон — «Мост влюбленных» [285]. Некоторые бухарцы приписывали строительство моста Ходжа Ахрору (XV в.). По другому преданию, под одним из пролетов моста находилась могила «святого», почему до недавнего времени верующие ставили там светильники (нукча). Это делалось обычно в тех случаях, когда чье-нибудь заболевание приписывалось тому, что, пройдя мимо «святого» места в нечистом, с точки зрения ритуала, состоянии, человек навлек на себя гнев «святого» и был наказан болезнью.

Медресе Мулло Асири упомянуто в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Мухаммад Рахим-бия-атолыка (1753—1758) [286].

116. Квартал Пустиндузон پوستین دوزان («Тулупники») [287].

Число домов, составлявших квартал, осталось невыясненным; так как он считался небольшим, можно думать, что их

---

[285] По объяснению информатора, слово «ошукон» понималось в суфийском значении: в смысле любви между мюридами и их духовным руководителем — пиром или ишаном.

[286] ГА, ед. хр. 36. Сообщение 80-летнего жителя этого квартала.

[287] В Бухаре имелось два квартала Пустиндузон (см. № 23).

было два-три десятка. Население было таджикоязычное, занималось ремеслами и торговлей. Несколько семей до самой революции продолжали заниматься пошивкой овчинных шуб (пустиндузи) — ремеслом, давшим имя кварталу. Одному из таких ремесленников приписывается постройка квартальной мечети; в экспликации к плану Парфенова — Фенина она названа Ахмадджон-Пустиндуз. Постройка этой мечети относится, по сообщениям, к середине XIX в.: один из информаторов, ювелир Усто Мухтор Мухсинов, 70 лет, из квартала Кош-мадраса, слышал от своего отца, что мечеть строилась в годы молодости последнего, еще до рождения Усто Мухсинова [288].

117. Квартал Мурдашуён مرده‌شویان («Обмывальщики мертвых»), или Джиляухона جلوخانه («Помещение для уздечек») [289].

Название Джиляухона информаторы нередко относили лишь к северной, выходящей к Регистану, части квартала. Одна из улиц квартала, на которой находились ряды мастеров по изготовлению ослиных и верблюжьих седел (тукум), носила название Тукумдузи и нередко также выступала в сообщениях как самостоятельная часть квартала.

Квартал считался довольно большим, он состоял из 60—70 домов (Т, 1928 — указан квартал Джиляухона, состоявший из 51 дома). Население было в подавляющем большинстве таджикоязычное, лишь 7 семей сипо говорили по-узбекски. Все три части квартала, хотя и объединялись общей мечетью, были настолько обособлены, что для каждой из них число домов указывалось отдельно. Особенно обособлена была основная часть квартала, насчитывавшая 40—45 домов, где жили обмывальщики мертвых. Они представляли собой замкнутую эндогамную общину. Ее членов, наследственных обмывальщиков мертвых, отделял от остального населения города суеверный страх и брезгливое к ним отношение. С ними не только не вступали в брак, но не ели с одной скатерти, не пили из одной чашки. Однако по законам общинных отношений, связывавших жителей квартала, их, как и остальных членов соседской общины, приглашали на свои пиры (туй) и сами посещали их пиры; но при этом для гостей-обмывальщиков постилалась отдельная скатерть, с которой не ели ни хозяева, ни другие гости. Так же поступали и обмывальщики, приглашая к себе в гости посто-

---

[288] Сообщение Усто Мухтора Мухсинова.

[289] О значении термина «джиляухона» см.: А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях,— «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948, стр. 150, прим. 77.

ронних. Жившие в квартале представители сословия сипо, а также крупные баи в силу своего привилегированного положения могли позволить себе некоторые вольности — они не звали обмывальщиков на свои пиры и сами не ходили к ним. Часть квартала, носившая название Джиляухона, состояла из 10—12 домов, другая его часть, Тукумдузи,— из 5—6 домов; их жители занимались изготовлением верблюжьих и ослиных седел, работали в обращенных на улицу лавках-мастерских, за которыми находились обращенные в противоположную сторону их жилые дома. Здесь же были мастерские кузнецов, выделывавших кетмени (таш). Неподалеку от лавок седельщиков находилась баня — Хамбоми Тукумдузи. Один из переулков с тупичками был населен семьями «пиявщиков» (шуллукчи) и также носил особое название — Кучаи шуллукчихо («Улица пиявщиков»). В квартале имелось два хауза: один возле мечети — хауз Джиляухона, второй севернее — хауз Мурдашуён. Причиной существования в квартале двух хаузов являлось то же суеверное отношение к обмывальщикам мертвых, нежелание пользоваться хаузом, из которого они черпают воду.

В квартале была мечеть, школа и двухэтажное медресе Ходжа Нихоль. По некоторым данным, был и мазар, который в одних сообщениях был назван Шайх Хилвати («Старец отшельник»), в других — Имом Хафси Сагир (Имам Хафс младший) [290]. В этом квартале находилась также мертвецкая (гарибкашхона), куда приносили трупы казненных, у которых не было родственников, чтобы забрать и похоронить их. Сделать это должны были низшие служащие эмирских учреждений, жители близлежащих кварталов, торговцы, имевшие здесь лавки, и все те, кто хотел таким образом снискать благословение Аллаха и прощение грехов, так как это считалось «богоугодным делом» (савоб) [291].

Квартал Мурдашуён («Ляби хаузи мурдахо» — «У хауза мертвецов») упомянут в двух грамотах — 1794-95 и 1799-1800 гг., где указано, что мечеть квартала носила имя Тарматой-бия [292]. Квартал Джиляухона упоминается в вакуфной грамоте 1911 г.[293], а название базара Тукумдузон встречается во многих документах архива джуйбарских ходжей, что датирует это название XVI в.[294].

---

[290] Мазар имама Хафси Кабира («старшего»), как известно, был за Имамскими воротами и представлял собой одну из наиболее популярных святынь Бухары.

[291] Сообщения Вафоджона Бакоева, 67 лет, из квартала Куйи хонако, жителя квартала Мавлоно Асири, 80 лет, и др.

[292] ГА, ед. хр. 186 и 203.

[293] Собрание грамот ИВ АН УзССР, ед. хр. 306.

[294] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 28, 64, 316.

118. Квартал Мир-карача میر قره‌چه (имя собственное).

Квартал прилегал к площади Регистан и состоял из двух-трех десятков домов. Население было таджикоязычное, информатор назвал его таджикским. Большая часть жителей занималась торговлей, некоторые принадлежали к духовенству.

Мечеть была каркасная. Своей школы не было, дети учились в соседнем квартале Арроки мисгари. При мечети была тахоратхона. Одна из улочек этого квартала носила название «Кучайи сангин» («Каменная улица»); такое название ей было дано потому, что для удобства пешеходов посреди улицы лежало штук двести крупных необтесанных камней, по которым можно было перейти на другую сторону в дождливый сезон, когда глубокая грязь покрывала улицы Бухары.

Мечеть Мир-карача упоминается в нескольких вакуфных грамотах. Наиболее ранняя заверена печатью Шах-Мурада (что позволяет предполагать, что названия мечети и квартала имеют более раннее происхождение), их названия встречаются и в грамотах 1812 и 1912-13 гг.[295].

119. Квартал Арроки мисгари اراک میسگری («Аррок медников») [296].

Значительная часть квартала была занята мастерскими и торговыми рядами медников (мисгар). Жилая часть была небольшая, состояла из 10—12 домов. Население было таджикоязычное, и информатор отнес его к таджикам. Часть жителей занималась изготовлением медной посуды, другая принадлежала к духовенству.

Мечеть была простая, каркасная. Несмотря на малые размеры квартала, там имелась и школа [297].

120. Квартал Надир-Ваис ندرویس (имя собственное), или Киёу-ходжа کیاو خواجه («Зять-ходжа») [298].

Квартал состоял из 40 домов. Население было таджикоязычное и при опросе отнесло себя к таджикам. По роду занятий оно принадлежало к мелким торговцам и духовенству (мулло).

В квартале имелась своя мечеть, здание которой было простое, каркасное, с балочным перекрытием. Школы не бы-

---

[295] ГА, ед. хр. 305, 451. Описание составлено по сообщению жителя квартала Надир-Ваис, 78 лет.

[296] Значение слова «аррок» неясно (может быть, производное от «арк» по образцу арабского множественного числа).

[297] Сообщение жителя квартала Надир-Ваис, 78 лет.

[298] Узб. «киёу» является синонимом тадж. «поччо». Объяснение этого названия см. в описании квартала Поччо-ходжа (№ 4).

ло, дети ходили учиться в соседние кварталы. Святыни квартал также не имел.

Квартал Надир-Ваис упоминается в вакуфной грамоте 1791-92 г.[299].

121. Квартал Хазрати Хизр حضرت خضر («Святой Хизр») [300].

Населения в квартале было очень мало — он состоял всего из 7—8 домов. Жители были таджикоязычные, в большинстве занимались торговлей. Здесь были торговцы фабричными тканями (баззоз) и мелкие лавочники. Кроме того, здесь жили ремесленники — жестянщик (тунукасоз) и плотники.

Мечеть была большая, каркасная; при ней имелось 8 келий для студентов, почему она считалась одновременно и медресе. Школы не было. В примыкающих к кварталу крытых торговых рядах продавали готовое платье[301].

122. Квартал Хаузи лесак حوض لیسک («Хауз, где лижут»).

По сообщениям, квартал был маленький, состоял из десятка домов. Однако при обследовании в нем было отмечено один раз 37 домов (Т, 1929), другой раз — 65 (Т, 1930). Население было таджикоязычное, занималось разными ремеслами (в частности, ткачеством) и торговлей. Жили в этом квартале и служилые люди (сипо). В квартале была мечеть, перед ней находился хауз и рынок, на котором торговали птицей. Название квартала объясняется характером имевшейся здесь святыни. Она представляла собой большой камень, якобы вытащенный из хауза. По легенде, в хауз «упало имя пророка Мухаммеда (но́ми хазрат галтидаги)», которое и передало этому камню волшебную силу. Считалось, что он «развязывает язык» и исцеляет от косноязычия. Поэтому сюда приводили детей, отдаваемых в школу, и заставляли их лизать камень или слизывать с него специально налитое

---

[299] ГА, ед. хр. 306. Описание составлено по сообщению жителя этого квартала, 78 лет.

[300] Хизр — один из наиболее популярных на Востоке «святых», о котором Бартольд говорит, что «в образе Хизра сплелись в одно целое легенды различных племен и народов, от вавилонского Гильгамеша до ветхозаветных Еноха и Ильи» (В. В. Бартольд, Ислам,— Сочинения, т. VI, стр. 116). По легенде, святой Хизр — вечный странник, который бродит по миру, делая чудеса и помогая людям. В Узбекистане имелось немало мазаров, которые считались местом, где ступала нога этого святого. Очевидно, такая святыня была и на месте мечети квартала Хазрати Хизр в Бухаре.

[301] Сообщение Мулло Ашура, из квартала Ходжа Зайниддин, ок. 70 лет.

на него кислое молоко. Это делалось преимущественно в месяц рамазан, когда у мечети этого квартала бывали ритуальные гулянья (сайль), во время которых и совершался обряд лизания камня. С той же целью его совершали и взрослые люди, например перед тем, как держать ответ в суде.

Квартал Хаузи лесак упомянут в грамоте 1795-96 г. [302], вероятно, это название относится к значительно более раннему времени, об этом свидетельствует архаический характер культа, локализованного в этом квартале.

123. Квартал Куйи хонако كوی خانقاه («Квартал Хонако»).

Квартал состоял из 84 домов (Т, 1928—120 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занималось в большинстве торговлей. Некоторые были «дехканами» (дехкон): они имели за городом земли и жили на доход с них. Мечеть была старинная, купольная, в ней происходили религиозные радения. К мечети примыкала школа и имелись кельи для студентов. За мечетью помещалась святыня — мазар Садри Бадри Майдони («Садр [303] по имени Бадр из Майдона»), или Шайх Бадри Майдони («Старец Бадр из Майдона»). Мазар представлял собой мавзолей, в котором находилось несколько надгробий. Там был похоронен, по преданию, «святой» Садри Бадри Майдони вместе со своими братьями и родственниками (ака-укохошон-кати). Этот «святой», согласно преданию (в качестве источника которого была указана книга «Таварихи тавозиъ»), жил в то время, «когда на месте осушенного болота было построено медресе Мири Араб» [304]. Приехавший из Балха Садри Бадри Майдони начал якобы читать в медресе лекции (дарс яля кардаги), и у него появились мюриды. Он жил и был похоронен в квартале Куйи хонако. При мазаре имелись кельи, предназначавшиеся для тех, кто дал обет провести в одиночестве и молитве 40 или 10 дней (чилля ё даха мешиштан). Квартал Куйи хонако упомянут в вакуфных грамотах 1855-56 г. и более ранней, недатированной, но заверенной печатью Шах-Мурада. Вероятно, это была копия более старой грамоты [305].

---

[302] ГА, ед. хр. 129. Описание составлено по сообщению жителя квартала Надир-Ваис, 78 лет.

[303] Садр — духовный чин или должность.

[304] Медресе Мири Араб (XVI в.) находится на территории шахристана, где подпочвенные воды стоят очень низко. Однако надо сказать, что и на этой территории были выходы подпочвенных вод на поверхность, где образовывались болота.

[305] ГА, ед. хр. 199 и 494. Сообщения жителей этого квартала Мулло Умода, 70 лет, Бакоева, 45—50 лет, и жителя квартала Мавлоно Асири, 80 лет.

Улица у Городской реки. Мост Пули Ошукон в квартале Мавлоно Асири

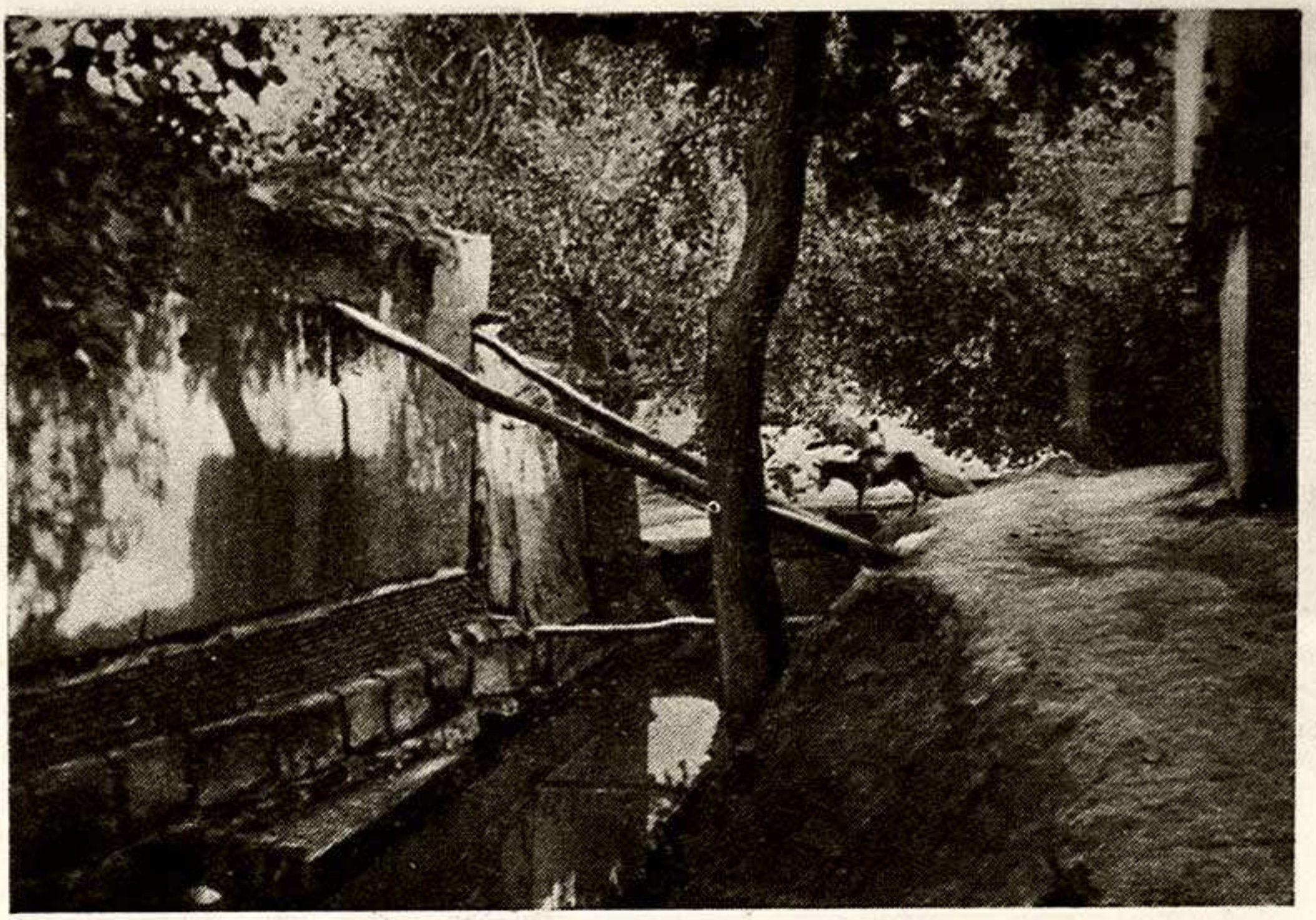
124. Квартал Мусурмон-энага مسلمان اینگه (Мусурмон — мусульманин, здесь имя собственное; энага — придворный чин).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население было в большинстве таджикоязычное, исключение представляла семья крупного сановника-узбека, Ёвкочты-бека, бывшего при дворе в должности дастархондора [306]. Отец и дед Ёвкочты-бека также были сановниками. Сам Ёвкочты-бек родился при Музаффар-хане, в ночь, когда были разбиты и бежали подступившие к Бухаре враги— в память этого события ему и было дано его имя [307]. Этот сановник жил в находившемся в квартале большом казенном доме, который полагался ему по должности. Жители квартала занимались преимущественно торговлей. Были здесь также и ремесленники, больше всего шапочники, выделывавшие очень принятые в Бухаре меховые шапки (телпак).

---

[306] Дастархондор — человек, ведавший столом эмира.

[307] Ёвкочты — узб. «враг убежал». Это имя было, по-видимому, употребительно среди узбекской знати. О сановнике с этим именем, жившем в конце XVIII в., упоминается в «Гульшен ал-мулук» (см. рук. ИВ АН УзССР, № 1507, л. 161б).



Улочка в квартале Куйи хонако

В квартале были мечеть и большое двухэтажное медресе, известное как медресе Уткур-кушбеги, вакф в пользу которого был пожертвован в 1860 г. эмиром Насрулла-ханом [308]. Своей школы квартал не имел, дети ходили в соседний квартал Равгангарон. Святыней считалась могила «святого», над которой был выстроен небольшой мавзолей (гурхона), отмеченный шестом с хвостом яка. Название мазара установить не удалось [309].

125. Квартал Дуст-чурогоси دوست چهره اغاسی (Дуст — имя, чурогоси — придворный чин) [310].

Квартал был очень большой, состоял из 120 домов. Население было таджикоязычное, часть его (28 домов) составляли форсы, ассимилировавшиеся с местным населением и ставшие суннитами. Все они вели свой род от Усто Иброхим-пиллакаша, который приходился прадедом старшему поколению этих семей. Усто Иброхим, по приблизительному подсчету родившийся в последней четверти XVIII в., пришел в

---

[308] ГА, ед. хр. 37.

[309] Сообщение жителя квартала Дуст-чурогоси — суфи Нарзикула.

[310] По А. А. Семенову, второй чин снизу, этимологически — «„начальник придворных пажей“... в действительности же он являлся „цензором нравов“ (раисом) стремянных... в XIX—XX столетиях лица в этом чине уже не имели определенной должности» («Очерк устройства...», стр. 60).

Бухару из Ирана еще юношей, здесь он обосновался, женился и остался навсегда. Некоторые его потомки занимались наследственной профессией — размоткой коконов. Коренные жители квартала были преимущественно торговцами, торговали меховыми шапками (телпак), несколько человек вели мелочную торговлю овощами.

Мечеть была из жженого кирпича и раньше имела купольный свод, потом купол обвалился и было сделано балочное перекрытие. В мактабе сохранился купольный свод. Была здесь также школа для девочек, на дому у учительницы. Святыней квартала считалось жилище «святого» ишана Имло[311]. Оно давно разрушилось, там был построен жилой дом; считалось, что на месте его передней (дахлез) когда-то была келья (чиллахона) «святого».

Квартал Дуст-чурогоси упоминается в вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада[312]. Возможно, строителем мечети был тот Дуст-Мухаммад-чухраогоси, который приложил руку в качестве свидетеля к купчей 1710-11 г.[313]. Народное предание считает Дуста-чурогоси тем самым лицом, которому приписывается строительство мечетей в кварталах Мир-Дустум и Ходжа Зайниддин[314].

126. Квартал Равгангарон روغنگران («Маслоделы»).

Квартал состоял из 40—45 домов (Т, 1928 и 1930 — 42 дома). Население было таджикоязычное. Часть жителей занималась ремеслами, связанными главным образом с изготовлением одежды: здесь жили «зехдузы», занимавшиеся обшиванием халатов тесьмой (зех), узор которой выплетался на пальцах. Они работали в основном по заказам из арка, причем в работе принимали участие как мужчины, так и женщины. Другие же занимались изготовлением тюбетеек (калапуш) из бархата и других ценных тканей или шили на продажу халаты. Несколько ремесленников делали ножны для ножей и сабель (гилофдуз). В квартале жили также мыловары и 5 домов было вязальщиков веников (джоруббанд). Что касается маслоделов, на наличие которых указывает название квартала, то на памяти информаторов их там не было. Часть жителей квартала занималась

---

311 Об ишане Имло см. описание квартала Эшони Имло (№ 80), где, по преданию, также находилось жилище этого лица.

312 ГА, ед. хр. 76.

313 «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», вып. 1, Ташкент, 1954, стр. 115.

314 Сообщения жителя квартала Дуст-чурогоси, суфи квартальной мечети, Нарзикула, около 1890 года рожд., одного из потомков Усто Иброхима.

торговлей, как мелкой, так и крупной. Среди богатых купцов были торговцы каракулем (5—6 семей), один ростовщик по имени Наими бонк (от русского «банк»), который получил свое прозвище вследствие того, что постоянно имел дело с банком и через него осуществлялась связь между банком и канцелярией кушбеги. В том же квартале жил дядя (со стороны матери) эмира Алим-хана — Сиддик-хон-тюра [315]. При последнем эмире он был в опале и находился под домашним арестом (ха́бси аз остона дарун). Он был человек ученый, астроном, писал книги и имел большую библиотеку. Освобожденный из-под ареста после революции, он работал в Государственной библиотеке, куда перевез и сдал несколько тысяч своих книг. Затем он получил разрешение на выезд в хадж, по слухам, из Аравии проехал в Афганистан, потом на Памир и там умер. Мечеть квартала имела балочное перекрытие, такой же был мактаб, при котором имелась так называемая сакохона — помещение, где стояла корчага с водой, которая обновлялась ежедневно. Около корчаги лежал черпак (тумча), сделанный из тыквы, на длинной ручке. Вода была к услугам тех, кто испытывал жажду. В квартале были также два медресе — медресе Хусайн-бой и медресе Ходжа Зохид, они стояли рядом. По некоторым данным, к этому кварталу относилось также медресе Уткур-кушбеги, которое, по другим сведениям, находилось в квартале Мусурмон-энага. По народному преданию, оно было выстроено при мангыте Рахим-бие, т. е. в середине XVIII в. Имелся в квартале хауз, известный как Хауз дастархончи. Как указывает его название, постройка хауза приписывалась какому-то сановнику в чине дастархончи (распорядителя ханского стола). Этот хауз, как говорили, был вырыт при эмире Музаффар-хане, т. е. во второй половине XIX в. По хаузу стала называться и часть квартала, примыкавшая к нему.

Квартал Равгангарон встречается в грамоте 1642-43 г., он также упомянут под своим полным названием — Сари пули равгангарон («У моста маслоделов») в грамоте 1735-36 г. [316].

127. Квартал Мачити бесутун مسجد بيستون («Мечеть без столбов»).

Квартал состоял из 32 домов (Т, 1929 — 14 домов). Население было таджикоязычное, информатором отнесено к тад-

---

[315] В экспликации к плану Парфенова—Фенина его дом назван «казенной квартирой Мансур-хана, брата эмира». Возможно, Мансур-хан жил при предшественнике Алим-хана, Ахад-хане, и приходился ему братом.

[316] ГА, ед. хр. 115, 478. Сообщения Мулло Умода, 70 лет, из квартала Куйи хонако, Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи и Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды.

жикам. Сам он происходил из семьи узбеков, перешедших на таджикский язык, их предки переехали из селения Пирмаст в конце XIX в. Большинство жителей занималось различными ремеслами: здесь жили каменщики, мастера по изготовлению свечей, золотошвеи, тюбетеечники (каллапушдуз), пекари. Выходцы из Пирмаста были гончарами, изготовлявшими из необожженной глины печи для выпечки лепешек. Их было четыре семьи, все между собой родственники. В квартале жили также муллы и торговцы.

Мечеть отличалась своеобразной архитектурой: ее потолок типа тахта-мурабба состоял из отдельных дощечек и в отличие от обычной конструкции таких зданий не поддерживался столбами или столбом, стоящим в центре. Эта необычность конструкции породила легенду о том, что потолок мечети был перенесен чудесным образом, в одну ночь, и утром оказался на месте. Причиной участия в постройке мечети сверхъестественных сил считалось наличие под мечетью могилы Кутейбы (имом Кутайба) [317], которая, однако, не имела никаких внешних признаков — была скрыта в земле. По мнению других информаторов, здесь была не его могила, а «кадамгох» — место, где ступала его нога. Эта легенда делала мечеть квартала и его святыней. Второй святыней была могила (вероятно, также мнимая) «святой» Биби Мохрух («Луноликой госпожи»). Этот мазар, отмеченный шестом с хвостом яка, находился у самой стены бани, известной под названием «Обу оташ» («Вода и огонь»). «Луноликая госпожа» считалась покровительницей рожениц, почему перед родами женщины совершали паломничество к мазару, жертвуя при этом большой кусок ваты: его клали на водосточный желоб (нова), женщина пролезала под желобом, в который в это время кто-нибудь лил воду, «чтобы роды прошли так же легко и быстро, как стекает по желобу вода».

Мечеть квартала Мачити бесутун упомянута в вакуфной грамоте 1695-96 г.[318].

128. Квартал Мухаммад-ёр-атолык محمد يار اتاليق (имя знатного лица, бывшего в чине атолыка) [319].

В квартале было 29 домов (Т, 1929). Жители квартала были таджикоязычные (кем они себя считали, осталось неизвестным). Среди них было много ремесленников: камен-

---

[317] Кутайба — арабский полководец, захвативший в начале VIII в. Бухару и насаждавший здесь ислам.

[318] ГА, ед. хр. 494. Сообщения жителя этого квартала, ок. 1880 года рожд., и жителя квартала Дуст-чурогоси — суфи Нарзикула.

[319] Титул «атолык» носил первый чиновник ханства до мангытской династии, потом он был отменен.

щиков, сапожников (махсидуз), ювелиров, портных (мошиначи). Некоторые семьи шили и продавали легкие тюбетейки (аракчин). Жили тут и ткачи шелка, работавшие в ткацких мастерских Джуйбара. Одна семья занималась набивкой узоров черного цвета на платки из бумажной ткани обычной среднеазиатской техникой, только без нанесения красного цвета, вследствие чего не было нужды варить орнаментируемую ткань. Нанеся на нее узор штампами для черного цвета, ее сдавали заказчикам неотмытой,— это производилось ими дома. Обычную набойку в черный и красный узор этот мастер не делал.

Мечеть была очень большая и называлась хонако по типу своей архитектуры — наличию купольного свода. Радений там не происходило, по крайней мере на памяти информаторов. Мечеть использовалась и для ежедневных пятикратных намазов, и для пятничных, общих; на них, видимо, приходили и из других кварталов. Школы в квартале не было, дети ходили учиться в квартал Амири. Достопримечательностью было большое двухэтажное медресе Турсунджон, которое по своему значению стояло в Бухаре на четвертом месте, там проводили занятия старшие муфтии (муфтихойи калон) [320].

Соборная мечеть Мухаммад-ёр-бий-атолык упоминается в грамоте 1668-69 г.[321], причем указано, что она находится в квартале Бозóри нау. В грамоте 1750-51 г. упоминается мечеть Мухаммад-ёр-бий в квартале Ходжа Абульхафиз-аълам, а в грамоте 1824-25 г. говорится уже о квартале Мухаммад-ёр-атолык [322]. Предположить, что речь идет об одном и том же квартале и что Мухаммад-ёр-атолык и Мухаммад-ёр-бий одно лицо, трудно, так как между первым и третьим документом слишком большой хронологический разрыв (почти в сто лет), причем низший титул мы находим в более поздней грамоте. Видимо, имя Мухаммад-ёр носили два человека.

129. Квартал Модáри хон مادر خان («Мать хана» — имеется в виду, что мечеть построена на средства матери хана).

Более полное название квартала — Модáри хóни лябй руд («Мечеть матери хана, построенная на берегу реки»).

Квартал состоял из 45—50 домовладений. Население было таджикоязычное, занималось ремеслами (ювелиры, медники) и торговлей. Здесь жили и мелкие лавочники (дукондор), и крупные (саудогар, бой). Среди населения имелись и муллы.

---

[320] Сообщения жителя этого квартала, очень преклонного возраста, и жителя близлежащего квартала Амири, слесаря, ок. 1880 года рожд.

[321] ГА, ед. хр. 8.

[322] ГА, ед. хр. 10, 306

Мечеть квартала была старинная, с купольным сводом, при ней имелось 9 келий для учащихся в медресе, почему она называлась одновременно и медресе. Во дворе мечети была тахоратхона и колодец. В квартале имелась школа и святыня. К этому кварталу относился большой караван-сарай старой постройки, он назывался Саройи Урганджи, в нем останавливались купцы из Хорезма, привозившие оттуда, в частности, яблоки, которые хранились и продавались в этом караван-сарае.

Квартал Модари хон упомянут в недатированной грамоте, оформляющей пожертвование в пользу «мечети и медресе» этого квартала, сделанное эмиром Насрулла-ханом [323]. Это могло бы служить намеком на то, что мечеть была построена его матерью. Однако последнее исключено, так как правители мангытской династии титула хана не носили. Это заставляет предполагать, что название мечети относится к более раннему времени.

Джариб восьмой. Суфиён

Джариб Суфиён помещался между джарибами Хыёбон и Гаукушон. Это был один из старых городских районов, сложившийся на территории второго кольца рабадов. Через этот джариб пролегала одна из важных городских магистралей — улица, ведшая на юго-запад, к Каракульским воротам. Название махалла Суфиён мы находим на плане из архива Лерха, но локализация его там неверна. Это название связано с одним из старых кварталов, который помещался не на юго-востоке, где показано махалла Суфиён на этом плане, а значительно западнее. Там мы и поместили джариб Суфиён. В него входило 12 кварталов: Ля́би ха́узи арбоб, Кукалтош, Ходжа Убони, Яланги Бокиджон-кушбеги, Миёнколиён, Бобо́йи нонкаш, Суфиён, Заббиён, Чор харос, Поччокул-хаджи, Ку́йи дарахт, Имом Мухаммад Газоли.

130. Квартал Ля́би ха́узи арбоб لب حوض ارباب («Набережная хауза старшины»).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1928 — 102 дома). Население было таджикоязычное, занималось различными ремеслами: здесь жили плотники, пекари и др. Были и торговцы. Мечеть помещалась на берегу большого хауза, который и дал кварталу имя. Там же находилась святыня квартала — мазар Ходжа Рушнои («Святой Свет»), представлявший собой небольшой мавзолей (гурхона), внут-

---

[323] ГА, ед. хр. 54. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Дуст-чурогоси — суфи Нарзикула и др.

ри которого имелось 7—8 сводчатых (видимо, из жженого кирпича) надгробий. Этот мазар считался помогающим при родах, и потому женщины приходили сюда на поклонение перед родами [324]. На мазаре они зажигали светильники и рассыпали в качестве жертвы просо, что являлось весьма распространенным приемом вызывания плодородия. Связанный с мазаром культ, так же как и само название, указывает на наличие каких-то старых представлений и старого культа, которые не исчезли, несмотря на мусульманизацию культа. Присоединение к слову «рушнои» («свет») титула «ходжа» говорит лишь о персонификации старого культа, закономерной при локализации его на месте кладбища. В южной части квартала, на границе его с кварталом Гозиён, находился второй хауз, известный под названием Кимсон (переводу не поддается). Его водой пользовались жители окружавших его домов [325]. Напротив хауза находилось большое двухэтажное медресе (в экспликации к плану Парфенова — Фенина медресе Мирзо Турды-элликбоши). Мечеть Ля́би ха́узи арбоб упомянута в вакуфной грамоте 1751-52 г. [326].

131. Квартал Кукалтош كوكلتاش (кукалтош — букв. «молочный брат», в Бухаре стало названием одного из высших чинов или, вернее, означало высокое положение при дворе).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1928 — 60 домов). Его население составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались ремеслами и торговлей. Из ремесленников здесь больше всего было строителей и плотников. Четыре семьи были ткачи адраса. Здесь жил также старшина корпорации купцов-оптовиков — корвонбоши [327]. Восточная часть квартала была известна как Чодирдузон, так как здесь жили семьи, наследственной профессией которых было шитье садовых палаток (чодир). В особый квартал она не выделилась, не было и отдельной мечети. Но в сознании жителей эта часть квартала отчетливо отделялась от остальной его территории и была широко известна в Бухаре, что свидетельствует о значительной давности ее выделения. Изготов-

---

[324] Связь названия мазара Ходжа Рушнои с родами, может быть, объясняется какими-то не вскрытыми еще представлениями, которые отразились в широко распространенном выражении «чашмаш равшан шуд» («ее глаза просветлели»), т. е. «родила».

[325] Описание составлено по сообщениям жителей кварталов Куйи хонако и Кукалтош.

[326] ГА, ед. хр. 494.

[327] О значении термина «корвонбоши» см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 258.

лением палаток (чодир, хайма) здесь занималось большинство семей, и ремесло это следует отнести к очень старым, в их изделиях обнаруживаются старые традиции.

Мечеть Кукалтош была кирпичная (сангин), с купольным сводом, а напротив нее стояло медресе Мирзо Хамдам. Время его постройки, по сообщению информатора, старожила этого квартала, относится к середине XIX в.— об этом он слышал от своего отца. Мечеть была более старая — отец информатора относил ее к XVIII в. («двести лет назад»). Но документы позволяют установить, что ее построил тот самый Кулбобо-кукалтош, который был строителем самого крупного в Бухаре медресе — медресе Кукалтош — и современником Шейбанида Абдулла-хана [328]. В вакуфной грамоте 1585-86 г. говорится о мечети Кулбобо-кукалтош, «строителем и завещателем вакфа которой был названный Кукалтош» [329]. Мечеть эта была построена раньше, чем большое медресе: его вакуфная грамота датирована 1593-94 г., в ней упомянуто и имя отца строителя — это был Амир Ёр-Мухаммад [330]. Под полным именем — Кулбобо-кукалтош — упомянута квартальная мечеть и в грамоте 1841-42 г., из чего видно, что сокращенное название Кукалтош в официальных документах стало употребляться позже. Что речь идет именно о мечети описываемого квартала, свидетельствует упоминание в последней грамоте расположенного поблизости хауза Мир-Дустум [331].

132. Квартал Ходжа Убони, или Убонихо خواجه اوبانی (اوبانی‌ها) («Ходжи из рода Убони»), или Ходжа гарибон خواجه غریبان («Святые бесприютные»).

Квартал считался небольшим, он состоял из 30 домов. Население было таджикоязычное. Имелось также 2—3 семьи тюркоязычных узбеков, недавно переселившихся в Бухару откуда-то из кишлака. Население в большинстве занималось ремеслами. Больше всего было сапожников, они шили почти все виды местной обуви (муза, кафш, махси). Из махсидузов один держал наемных мастеров (халфа), остальные работали без применения наемного труда. В квартале было несколько плотников, две семьи пекарей, портные (мошиначи). Здесь жил также мельник (хароспон), который молол зерно на мельнице, приводимой в движение животным, мельница находилась тут же, при его доме. Было также в квартале несколько торговцев скобяными изделиями (замками, гвоздя-

---

328 См.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 64.
329 ГА, ед. хр. 494.
330 ГА, ед. хр. 1.
331 ГА, ед. хр. 392.

ми) (булякфруш или хурдафруш). Здесь же жил довольно крупный купец, известный под прозвищем Хероти-бой — «Гератский бай» (причины, которые породили это прозвище, остались неизвестными).

Жившие в квартале ходжи, переселившись в Бухару, не успели еще ассимилироваться с окружавшим их населением: они сохраняли узбекский язык и, по-видимому, держались несколько особняком[332]. Некоторые из них отчитывали душевнобольных и назывались поэтому «дующие и плюющие ишаны»[333] («эшонóи куфу суф мекардаги»). Особенно был известен ишан Камариддин. Его пациенты нередко содержались у него в доме, где они были посажены на цепь. По нескольку раз в день их приводили к ишану, который их отчитывал.

Квартал имел мечеть из жженого кирпича с балочным перекрытием и тахоратхону. Школы не было, дети учились в соседних кварталах. Имелось старое кладбище и мазар Ходжа гарибон, давшие кварталу второе название. На кладбище в последнее время уже не хоронили[334].

133. Квартал Яланги Бокиджон-кушбеги يلنگی باقی جان قوشبیگی («Пустырь кушбеги Бокиджона»).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов. Население было смешанное: часть была таджикоязычная, но считала себя узбеками, другая, меньшая, принадлежала к форсам. Занимались торговлей и ремеслами: здесь жили сундучники (сандуксоз), каменщики, плотники.

Мечеть была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, так же как и школа. К мечети примыкало небольшое медресе, тоже носившее имя кушбеги Бокиджона. Мечеть Яланги Бокиджон-кушбеги упоминается в грамотах 1734, 1752-53, 1784 и 1800 гг.[335], причем в грамоте 1752-53 г. указывается второе название квартала — Алочабофон. Можно думать, что наиболее ранние из этих грамот оформляли завещание вакфа, пожертвованного при строительстве мечети, вероятно, самим строителем, т. е. Бокиджоном-кушбеги, а более поздние, составленные спустя 50 и 66 лет после первых, оформлены его сыновьями, возможно в связи с его смертью или в его память.

---

[332] О происхождении этих ходжей см. стр. 125.

[333] При отчитывании, дуя на больного, произносили слова «ку-ф-ф» и «суф-ф-ф», так же называли и ходжей из этого рода, проживавших в квартале Ходжа Гунджори.

[334] Сообщения двух жителей этого квартала, ок. 60 и 40 лет, и жителя квартала Мирджон-кельды — Бахрома Джураева, мастера-строителя, 76 лет.

[335] ГА, ед. хр. 359.

134. Квартал Миёнколиён میانکالیان («Миянкальцы», «Переселенцы из Миянкаля») [336].

Квартал состоял из 43 домов (Т, 1929 — 22 дома). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. О переселении из Миянкаля (на что указывает название квартала) преданий не сохранилось, видимо, это произошло давно и население квартала успело смениться. Сведений о занятиях нет.

Мечеть была большая, каркасная. Таково же было и здание школы. Около него находилось помещение (тобутхона), где хранились носилки для гроба и другой похоронный инвентарь. Святыней был мазар Ходжа Шофбоз («Святой Рубака саблей»). Этот мазар считали своим также жители соседних кварталов.

Квартал Миёнколиён упомянут в двух вакуфных грамотах, одна из которых заверена печатью Шах-Мурада, другая датирована 1877 г.[337].

135. Квартал Бобóйи нонкаш بابای نانکش («Дед — разносчик хлеба»).

Квартал состоял приблизительно из 60 домов (Т, 1928 — 53 дома). Население было таджикоязычное. Большинство занималось торговлей чаем, фабричными бумажными тканями и др. Было в этом квартале также несколько служилых людей (сипо).

В квартале имелась мечеть. О наличии прочих общественных зданий сведений нет.

Мечеть Бобойи нонкаш упомянута в двух вакуфных грамотах: одна, без даты, имеет печать эмира Шах-Мурада (следовательно, может быть копией более раннего документа), вторая — 1868-69 г. [338].

136. Квартал Суфиён صوفیان («Суфии»).

Квартал состоял приблизительно из 80 домов (Т, 1928 — 75 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Большинство составляли торговцы (среди них — несколько продавцов книг) и ремесленники, в особенности слесари, которые частично поставляли свою продукцию жившим в этом же квартале торговцам скобяными товарами.

---

[336] Миянкаль — район в Самаркандской области, расположенный между Акдарьей и Карадарьей.

[337] ГА, ед. хр. 494 и 490. Сообщение уроженца этого квартала, сапожника, лет 45.

[338] ГА, ед. хр. 494 и 43. Описание составлено по сообщению уроженца этого квартала, 45 лет.

Имелась мечеть, которая представляла собой старинное купольное здание, и школа. Было также большое медресе Авез-бой. Перед этими зданиями находился хауз. Святыни в квартале не было [339].

Квартал Суфиён упоминается в акте 1562-63 г. и в более поздней вакуфной грамоте 1781-82 г.[340].

137. Квартал Заббиён ضبیان (значение неясно, по форме может быть родовым именем; возможно, от араб. ضب — «ящерица» или ضب — «держать, хватать»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 48 домов). Население считало себя узбеками, но было таджикоязычное, за исключением трех тюркоязычных семей служилых людей (сипо). Сипо этого квартала занимали не очень высокие должности: удайчи, саркарда. Был также один писец (мирзо) из правительственной канцелярии. Жители в большинстве являлись торговцами, торговали готовым платьем, каракулем. Среди последних были довольно крупные баи. Из ремесленников здесь жили мастера по приготовлению жареного гороха (бирьёнгар).

Мечеть считалась в то же время и медресе, так как при ней было выстроено несколько келий для учащихся. Была и школа, помещавшаяся в специально выстроенном старинном купольном здании из жженого кирпича.

Квартал Заббиён упоминается в грамоте 1755-56 г. и в грамотах, заверенных печатью Шах-Мурада, могущих быть копиями более ранних документов [341].

138. Квартал Чор харос چهار خراس («Четыре мельницы») [342].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929 — 39 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Среди жителей было много торговцев (дукондор).

Имелась мечеть и школа, а под ней помещение для похоронных носилок (тобутхона). В квартале было также большое старинное медресе Олимджон.

Квартал Чор харос упоминается в грамотах 1727-28, 1862-63 и 1886-87 гг.[343].

---

[339] Сообщения жителя квартала Гозиён — Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет.

[340] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 95; ГА, ед. хр. 202.

[341] ГА, ед. хр. 248, 494, 247. Описание составлено по сообщениям Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён и Вафоджона Бакоева, 67 лет, из квартала Куйи хонако.

[342] Харос — мельница, вращаемая животным (этимологически — ослом, в действительности же чаще лошадью).

[343] ГА, ед. хр. 494, 253, 252. Сообщения жителя квартала Гозиён — Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет.

139. Квартал Поччокул-хаджи[344] پادشاه قل حاجی (имя собственное).

Число домов осталось невыясненным. Бухарцы считали, что это был квартал средних размеров. Население состояло из таджикоязычных бухарцев, несколько семей принадлежало к ирани. Эти семьи занимались тканьем шелка. Были здесь также ювелиры, слесари, часть жителей занималась торговлей ситцем (читфруши). Жили в квартале также муллы.

Имелась мечеть и школа; обе представляли собой здания с балочным перекрытием. Здесь находилось также медресе Гахбанд, старое, по сообщениям, построенное более ста лет назад. Название его показывает, что его построил человек, специальностью которого была очистка серебра и золота от примесей (гахбанди). В квартале находилась почитаемая могила, на которой был воздвигнут шест с хвостом яка. Названия мазара установить не удалось[345].

Квартал Подшохкули-бий-хаджи упоминается в вакуфной грамоте 1699-1700 г.[346], которая оформляет крупный дар — 1000 танапов земли,— завещанный мечети квартала знатным лицом Подшох (Поччо) кули-бием-хаджи. В грамоте указано, что строителем (бони) этой мечети был красильщик — Ходжа Али-рангрез. В другой грамоте — 1797-98 г. упомянута мечеть Ходжа Али, «известная как мечеть квартала Подшох кули-хаджи»[347]. Сопоставление этих грамот показывает, что за мечетью закрепилось не имя строителя мечети (как это бывало обычно), а имя того, кто пожертвовал в ее пользу крупный вакф. Как видно из его титула — бий, это был один из высших военных чинов.

140. Квартал Куйи дарахт كوی درخت («Квартал, обсаженный деревьями»).

Квартал тянулся узкой полосой с юга на север. На его единственной улице протекал небольшой арык и росло несколько деревьев, которые делали эту улицу тенистой, что резко отличало ее от большинства бухарских улиц и послужило причиной наименования квартала.

Квартал состоял, по сообщениям, приблизительно из 20 домов (Т, 1929—32 дома). Население было таджикоязычным. Здесь жили ремесленники: шапочники, несколько ювелиров и среди них знаменитый заргар Исхоккул, который ра-

---

[344] О значении слова «поччо» см. стр. 70, прим. 24.

[345] Сообщение ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, уроженца этого квартала.

[346] ГА, ед. хр. 494.

[347] ГА, ед. хр. 285.

ботал в дворцовой мастерской при эмире Ахад-хане и за свое мастерство получил чин мирохура. Часть населения занималась торговлей. Здесь жил крупный торговец каракулевыми шкурками, который имел при доме мастерскую (ёмхона), в которой шкурки заквашивались и обрабатывались наемными работниками. Этот торговец был наследственным баем — он получил капитал и профессию от своего отца. Было несколько мулл, среди них — известный мударрис по имени Домулло Рахмон-Али Туркистони, читавший лекции в медресе Джафар-ходжа. Он готовился уже к тому, чтобы получить духовный чин муфтия (что было связано с назначением мударрисом в следующее по значению медресе — Ходжа Нихоль), но, не достигнув этой должности, умер. В этом квартале жили мухаррир[348] и два писца, помощники муфтиев в правительственной канцелярии, один из них был математиком, а также один писец из канцелярии казикаляна. Два последних считались принадлежавшими к сипо — военно-служилому сословию, так же как и живший в этом квартале чиновник амлякдор.

Имелась приходская мечеть, с плоским балочным перекрытием. Школы не было — дети учились в квартале Забиён.

Квартал Куйи дарахт упоминается в актах второй половины XVI в.[349].

141. Квартал Имом Мухаммад Газоли امام محمد غزالی (имя собственное), или Мирзоджони кассоб میرزا جان قصاب (имя мясника), или Бозори нау بازار نو («Новый рынок»).

В квартал входило около 30 домов (Т, 1929 — 32 дома). Население было таджикоязычное. Большинство принадлежало к торговцам, среди них были и крупные купцы (савдогар), ездившие за товарами в Хорезм и в Москву. Один из жителей занимался изготовлением кунжутного масла, у него в доме была маслодавильня (джувóзи равган).

Мечеть представляла собой кирпичную постройку с купольным сводом. Такую же архитектуру имела и школа. При мечети было выстроено несколько келий для студентов, почему она считалась в то же время и медресе. Святыней являлась могила, которая считалась могилой Имама Мухаммада Газоли, известного теоретика суфизма (ум. в 1111 г.) [350].

---

[348] Мухаррир — законовед более низкой категории, подготовлявший для муфтия риваяты (решения на основе мусульманского закона).

[349] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 22 и др. Сообщение жителя этого квартала Исамова, 50 лет.

[350] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 430.

Мазар пользовался известностью целителя больных, страдающих головными болями. Ищущие исцеления ложились головой к подножию стоявшего у могилы шеста с хвостом яка и приносили в жертву (нарз) одну дыню, которая тут же разрезалась на части и раздавалась жившим при мечети студентам медресе (муллобача). В квартале имелся еще один мазар — Ходжа Абдуллойи гульрез. Как показывает название, «специальностью» мазара считалось исцеление всяких язв и кожных болезней [351].

Третье название квартала, наиболее популярное, было и самым старым. Квартал Куйи Бозори нау упоминается уже в документе XV в.[352]. В одном из актов XVI в. упоминается не «Новый рынок», а «Рынок при новых воротах» — «Бозори дарби нау» [353]. Некоторые информаторы считали, что название Бозори нау шире, что оно охватывает и четыре соседних квартала: Модари хон, Мачити бесутун, Мухаммад-ёр-атолык и Ляби хаузи арбоб.

Джариб девятый. Гаукушон

«Микрорайон» Гаукушон занимал территорию, на которой находился важный торговый центр, образовавшийся, по-видимому, в раннем периоде истории феодальной Бухары. Здесь был перекресток улиц, которые вели к южным, восточным и западным городским воротам. Вдоль улиц тянулись торговые ряды, а сами перекрестки были отмечены возведенными в XVI в., при Абдулла-хане, купольными пассажами Токи Тельпак и Токи Саррофон, внутри которых тоже располагались торговые лавки. На территории этого джариба находилась одна из торговых площадей Бухары — площадь Гаукушон. В XVI в. на ней были построены большое медресе и соборная мечеть с высоким и широким в поперечнике минаретом, который уступал по своей величине только бухарскому минарету XII в. Постройки на площади Гаукушон были сделаны на средства второго джуйбарского шейха — Ходжа Саъда, известного под прозвищем Ходжа Калон.

Название Гаукушон носит одно из двенадцати махалла на плане из архива Лерха, откуда мы его и заимствовали, уточнив его локализацию по одноименному кварталу Гаукушон.

Так как значительную часть территории этого джариба занимают торговые ряды и культовые здания, для жилой застройки места оставалось мало. Расположенные здесь кварталы невелики по размеру, их насчитывалось 20: Гаукушон,

---

[351] Сообщения уроженки этого квартала, 45 лет; Исамова, из квартала Куйи дарахт, 50 лет, и гончара, 70 лет, из квартала Мачити бесутун.
[352] ГА, ед. хр. 1186.
[353] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 26.

Гузари Хай, Мирзо Хайдари поён, Сиёкорон, Магоки курпа, Амири, Мирзо-кули, Шарифджон, Сузангарон, Ходжа Зайниддин, Хамбоми кунджак, Сиддикиён, Хофиз-кунгрот, Зангулясози, Косим-шайх, Калтигиён, Сарроджон, Алокабандон, Тагбандбофон, Кози-урда.

142. Квартал Гаукушон گاو کشان («Убивающие крупный рогатый скот»).

В квартале было 29 жилых домов (Т, 1928). Значительную часть его территории занимала площадь, вокруг которой размещались крупные общественные здания: два медресе — Ходжа калон и Абдурахмон Аълам, соборная мечеть с большим минаретом. Ее постройку, как и медресе Ходжа калон, предание, в соответствии с действительностью, приписывает джуйбарскому шейху Ходжа Саъду, сыну Ходжа Ислама (XVI в.). Между этими постройками посреди площади был большой хауз, заключенный в каменную ограду. Перед ним размещался рынок («Бозóри Ходжа калон»), где находились торговые ряды продавцов жареного гороха, который готовился тут же, в лавках, мастерские токарей (харроти) и шапочников (тельпакдуз). В квартале имелась мужская баня (хамбоми Гаукушон), а на границе с кварталом Оби равон помещался большой эмирский дом. Квартал Гаукушон упоминается в грамотах XVI в.[354].

143. Квартал Гузáри Хай گذر هی (название квартала толкуется как междометие одобрения — хай-хай!).

По преданию, этот квартал выделился из квартала Гаукушон. Когда всемогущий джуйбарский ишан строил там большую соборную мечеть, он захватил под нее и территорию, принадлежавшую жителям квартала. Не смея открыто протестовать, они сказали ему: «Браво, браво, но и нам дайте место для мечети!» («Хай-хай, мохон-ба-ям я́кта мачи́та джóяша тед!»). Тогда ходжа построил рядом со своей соборной мечетью еще одну очень маленькую мечеть, рассчитанную на малочисленное население квартала. Она имела две кельи (худжра), размещенные вторым этажом [355].

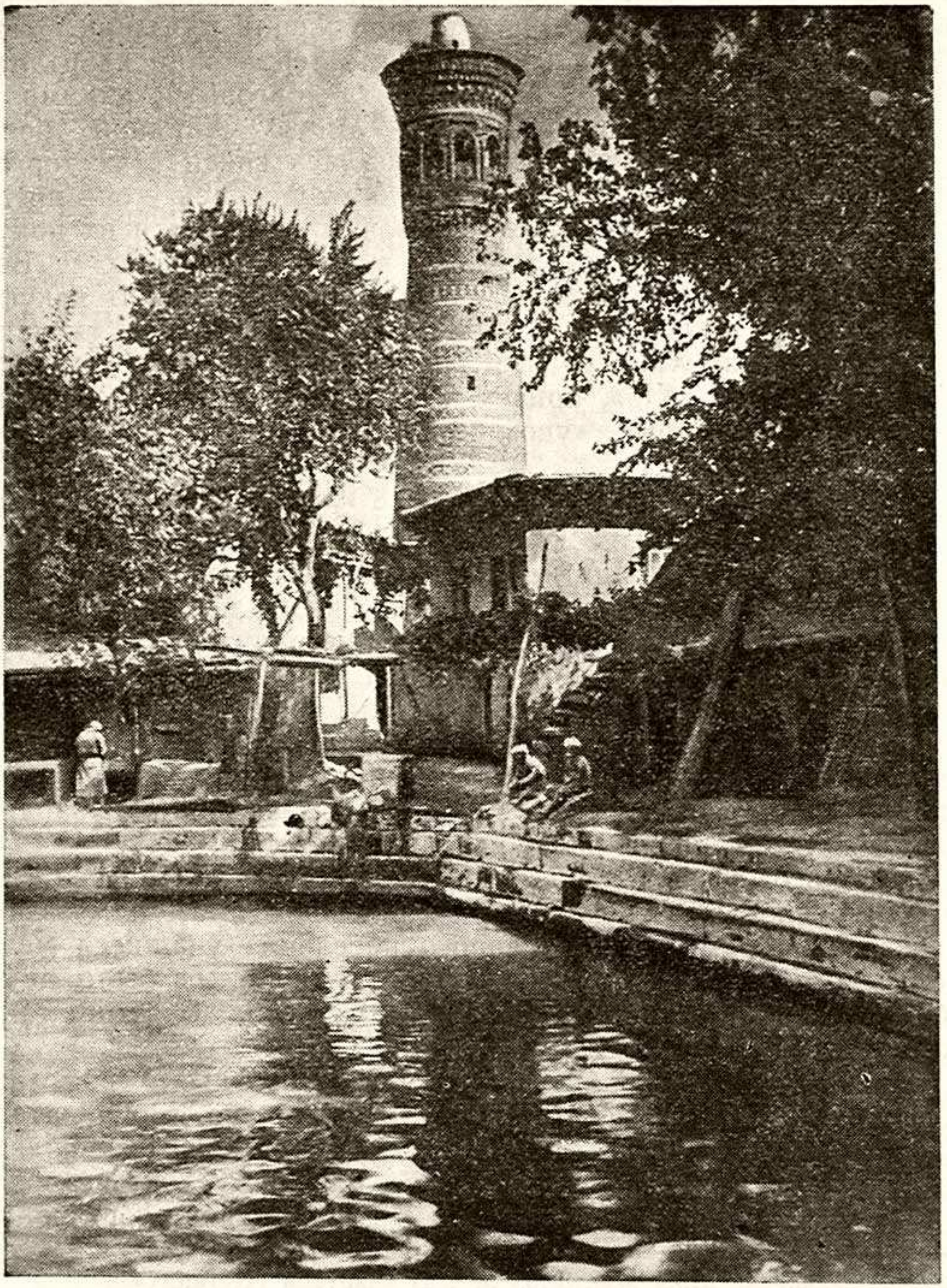
144. Квартал Мирзо Хайдари поён میرزا حیدر پایان («Нижняя, т. е. южная, мечеть Хайдара») [356].

---

[354] Там же, стр. 55 и др. Сообщения Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён и Кори Мирзо, 69 лет, из квартала Пустиндузон.

[355] Сообщение Кори Мирзо из квартала Пустиндузон.

[356] В Бухаре направление на юг считалось «нижним», а на север — «верхним».



Хауз на площади квартала Гаукушон

В квартал входило около 40 домов. Население было таджикоязычным, занималось торговлей и ремеслами: выделкой сундуков, ткачеством (изготовлялись полосатая полушелковая ткань бекасаб, алоча и др.). Было несколько семей водоносов. Мечеть была небольшая. При ней имелось две кельи, одна из которых находилась в распоряжении муэззина квартальной мечети. Была и школа. Часть территории квартала, прилегавшая к пассажу, была занята торговыми рядами и караван-сараями. Вторая мечеть — Мирзо Хайдари боло («верхняя», или «северная») помещалась среди этих торговых рядов и ни к какому кварталу не относилась — она предназначалась для совершения намазов торговцами и их покупателями, оказавшимися здесь к моменту молитвы[357]. Вероятно, обе мечети были построены одним лицом. В вакуфных грамотах 1797-98 и 1808-09 гг. говорится о «мечети квартала Мирзо Хайдар», а в грамоте 1859-60 г.— «о мечети Мирзо Хайдари боло», причем указывается, что строитель и жертвователь вакфа — «упомянутый Мирзо Хайдар»[358].

145. Квартал Сиёкорон سیاه کاران («Чернильщики»).

Квартал состоял из 26 домов. Население было таджикоязычным. Главным занятием была починка, чернение и продажа поношенной обуви («сиёкори»), что и послужило причиной наименования квартала. Чернение производилось краской, добывавшейся из цветов черной мальвы. По-видимому, занятие это было традиционным для жителей этой части города, а может быть, и этого квартала. В акте 1588-89 г. упоминается лавка на соседнем базаре Амири, которая граничила с домом Насима-музапардоза[359]. Термин «музапардоз», видимо, синоним более позднего сиёкор.

Мечеть была небольшая, каркасная (чубин). При ней было построено три кельи, которые занимали имам и муэззин мечети,— на памяти современного населения учащиеся медресе в них не жили. Своей школы в квартале не было, дети обучались в соседнем квартале Магоки курпа. Святыни также не было.

Квартал Сиёкорон упомянут в вакуфных грамотах XVIII—XIX вв.[360]. В некоторых из них сказано, что квартал Сиёкорон — это то же, что квартал Камонгарон. Как видно из описания квартала Магóки курпа, название «Камонгарон» в XVII в. прилагалось и к нему [361]. Это свидетельствует о

---

[357] Сообщение Кори Мирзо, 69 лет, из квартала Пустиндузон.
[358] ГА, ед. хр. 188, 564, 524.
[359] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 116.
[360] ГА, ед. хр. 378 (1709-10 г.), 379 (1828-29 г.). Описано по сообщению жителя квартала Магоки курпа, ок. 50 лет.
[361] ГА, ед. хр. 131 (1656-57 г.).

том, что кварталы Сиёкорон и Магóки курпа в то время составляли один квартал; разделение их произошло после XVII в. в ходе закономерного процесса дробления кварталов.

146. Квартал Магоки курпа سغاک کورپه («Впадина у [базара] одеял»).

Жилых домов в квартале было всего 20 (Т, 1929; Т, 1928 — 67 домов; Т, 1930 — 28 домов). Значительную часть территории квартала занимали торговые ряды. Здесь продавались готовые одеяла, размещались ряды лавок-мастерских слесарей и кузнецов (которые в Бухаре объединяются термином «челонгар»). Жители были таджикоязычны и занимались преимущественно кузнечным и слесарным делом.

Мечеть была купольная, в два этажа: верхний служил летней мечетью, нижний — зимней. Рядом находилось помещение для омовения. Эта мечеть была построена тем же джуйбарским шейхом Ходжа Калон, который построил большую соборную мечеть и медресе Гаукушон. Предание говорит, что мечеть Магоки курпа была построена сначала в качестве соборной, но оказалась мала, вследствие чего Ходжа Калон предпринял строительство другой мечети, а эта была использована как приходская мечеть для ежедневных пятикратных намазов. В противоречии с этим преданием находится второе — о том, что строитель мечети похоронен под ее михрабом [362]. Это предание существовало, несмотря на то что никаких внешних следов могилы или отмечавшего ее шеста в мечети не было.

Святыней квартала считалась могила «святого» Ходжа Мухаммáди паррон («Ходжа Мухаммад сшибающий»). Его эпитет объяснялся поверьем, что он сбрасывает с лошади всякого, кто не спешится, проезжая мимо святыни. «Святому» приписывалась также способность наказывать параличом рук или ног того, кто пройдет мимо, не будучи ритуально чистым, или сделает поблизости от святыни что-нибудь неподобающее. По некоторым сообщениям, «святой» Ходжа Мухаммáди паррон являлся мифическим «миршабом Бухары» [363], охраняющим город от всего, что может осквернить его святыни или нарушить законы шариата. Приписываемая этому «святому» могила находилась внутри одного из сводчатых помещений пассажа Токи Тельпак; рядом с ней располагались мастерские-лавки шапочников [364].

В прошлом название мазара служило и названием квар-

---

[362] Строитель соборной мечети Ходжа Калон, как известно, похоронен в фамильной усыпальнице джуйбарских шейхов — Чорбакр.

[363] Мирша б — чиновник, ведавший охраной города ночью, некоторые авторы называли его поэтому «полицмейстером».

[364] Сообщения двух жителей этого квартала, 70 и 50 лет.

тала: в документе 1840-41 г. упомянут квартал Ходжа Мухамма́ди паррон [365]. Название мечети Магоки нау или Магоки курпа (в отличие от более старой мечети Магоки аттори) упомянуто в грамоте 1656-57 г., однако в ней говорится, что эта мечеть помещается «в квартале Камонгарон» [366]. По-видимому, названия Камонгарон, Ходжа Мухамма́ди паррон и Магоки курпа последовательно сменяли друг друга, временами употребляясь одновременно. В некоторых грамотах этот квартал назван Магоки лятта (лятта — тряпка, товары из тканей) [367].

147. Квартал Амири امیری («Эмирский»), или Кафши олак کفش آلک («Кожаные калоши»).

Квартал состоял из 40 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, относя термин «таджик» к форсам. Большая часть населения (25 семей) занималась слесарным ремеслом (челонгари). Изготовляли замки, бритвы, всякого рода плотничьи и иные инструменты, занимались правкой и натачиванием ножей. Мастерские помещались здесь же на улице, вдоль которой до пассажа Токи Тельпак тянулись торговые ряды, где сбывалась продукция. Несколько семей занималось изготовлением сладостей, одна — выпечкой лепешек. Из нетрудового населения здесь жило несколько менял. В этом квартале находились также склады и ряды, где продавалась простая рабочая обувь, что дало кварталу его второе название. Существование здесь этих рядов в начале XIX в. отмечает вакуфная грамота 1837-38 г., в которой упоминается «квартал Амири, известный как Бозори кафш» [368]. Ряды лавок, где продавалась эта обувь, шли по обеим сторонам улицы. В старину улица была крытая, однако в конце 80-х годов прошлого века перекрытия пришли в ветхость и были разобраны. С обеих концов рядов имелись ворота, которые на ночь запирались, так что движение по этой улице прекращалось. Ряды охранялись специальным сторожем, товары оставались на ночь в лавках.

Мечеть представляла собой старинное кирпичное купольное здание. Рядом находилась школа, тоже из жженого кирпича, но с балочным перекрытием. В квартале была баня, которая являлась вакфом медресе Ходжа Нихоль. Имелся мазар — могила Сиёхпуши вали («Святой, одетый в черное»); могила (дакма) помещалась в довольно просторном склепе. Над склепом, в верхнем помещении, стояло надгробие (сагона) прямоугольной формы. Склеп служил помещением

---

365 ГА, ед. хр. 147.
366 ГА, ед. хр. 131. См. квартал Сиёкорон.
367 Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47 (грамота 1893-94 г.).
368 ГА, ед. хр. 277.

для радений: там совершался обряд «ёздахум»[369], радения происходили вокруг могилы.

Название квартала Амири в народном представлении связалось с эмиром (амир) Абдулла-ханом. В результате сложилась легенда, объясняющая название квартала тем, что якобы Абдулла-хан при строительстве квартальной мечети собственноручно положил первый кирпич или, по другому варианту, передал его мастеру[370]. Это предание недостоверно. Название квартала Амири известно с XVI в., причем в документах этого времени мы встречаем полное название квартала — Мулло Амири или Мавлоно Амири, из чего можно заключить, что это было имя духовного лица, вероятно построившего квартальную мечеть[371].

148. Квартал Мирзо-кули میرزا قلی (имя собственное).

Квартал принадлежал к малолюдным и небольшим по территории и потому был малоизвестен[372]. Его достопримечательностью была находившаяся там канцелярия казия (козихона). Население квартала было таджикоязычное. Часть жителей обслуживала канцелярию казия (в квартале жили служители казия — мулозим), другие занимались ремеслами и торговлей.

Мечети и прочих общественных зданий в квартале не было[373].

149. Квартал Шарифджон شریف جان (имя собственное), или Ангиштиё انگشتیها («Угольщики»).

Квартал был небольшой, состоял приблизительно из 35 домов (Т, 1929 — 63 дома). Население было таджикоязычное. Большинство составляли муллы: здесь жили муфтии, козикалян и другие. Из ремесленников в квартале было несколько кузнецов-подковочников (наългар) и ювелиров. Торговцев было немного, из их числа — торговцы обувью (кафш-фруш).

Мечеть имела плоское балочное перекрытие, недалеко от нее находилось здание школы. Святыни не было.

Квартал Шарифджон упомянут в грамоте 1893-94 г.[374].

---

[369] Религиозное радение в 11-й день каждого месяца.

[370] Сообщения жителей этого квартала, кондитера (халвогар) Усто Шукурулло, ок. 70 лет, и слесаря, несколько старше.

[371] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 30, 31 и др.

[372] Возможно, что он составлял одно целое с широко известным кварталом Шарифджон, где находился дом козикаляна.

[373] Сообщения жителя квартала Амири, Усто Шукурулло, ок. 70 лет.

[374] ГА, ед. хр. 516. Сообщения Усто Шукурулло, кондитера, ок. 70 лет, из квартала Амири и Каримова, 70 лет, из квартала Хамбоми кунджак.

150. Квартал Сузангарон سوزنگران («Иголочники»).

Квартал был небольшой, состоял из 15—20 домов. Часть его территории была занята базарными рядами, в которых продавались специи, клей, воск, различные металлические предметы, в том числе ножи и иглы. Производства игл (на что указывает название квартала) на памяти современного населения уже не было, иглы в Бухаре употреблялись фабричные, привозные.

Население квартала было таджикоязычное, информаторы назвали его жителей таджиками. Здесь жили медники, жестянщики, сапожники (музадуз).

В квартале были своя мечеть и школа, помещавшиеся в простых каркасных зданиях, и мазар Ходжа Нуриддини Хилвати («Ходжа Нуриддин-отшельник»). Это была могила с надгробием (макбара); «святой», по преданию, жил «во времена Кызыл-Арслан-хана». По другим сведениям, могила Ходжа Нуриддини Хилвати находилась в одной из ниш купольного пассажа Токи Тельпак, обращенной в сторону квартала Сузангарон[375]. Мазар Нуриддини Хилвати упомянут в «Книге Мулло-зода» как помещающийся «внутри хисара» (подразумевается, конечно, так называемый старый хисар, стена которого проходила как раз в этом месте, у Ворот Кузнецов — Дарвоза́йи охангарон)[376].

По грамоте 1824-25 г., в квартале находилась «танигоххона», в которой было сосредоточено 26 станков (дукон) и сновальное колесо (чархи абришимтани)[377]. По аналогии с этнографическими данными можно думать, что это была мастерская, принадлежавшая цеху, а хозяевами отдельных станков были разные мастера[378].

Квартал Сузангарон упомянут также в вакуфной грамоте 1881-82 г.[379].

151. Квартал Ходжа Зайниддин خواجه زين الدين (имя собственное).

Квартал состоял из 70—80 домов (Т, 1930 — 60 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Из ремесленников здесь были сапожники (кафшдуз). Большинство жителей являлось торговцами и муллами. Среди последних был один казий.

---

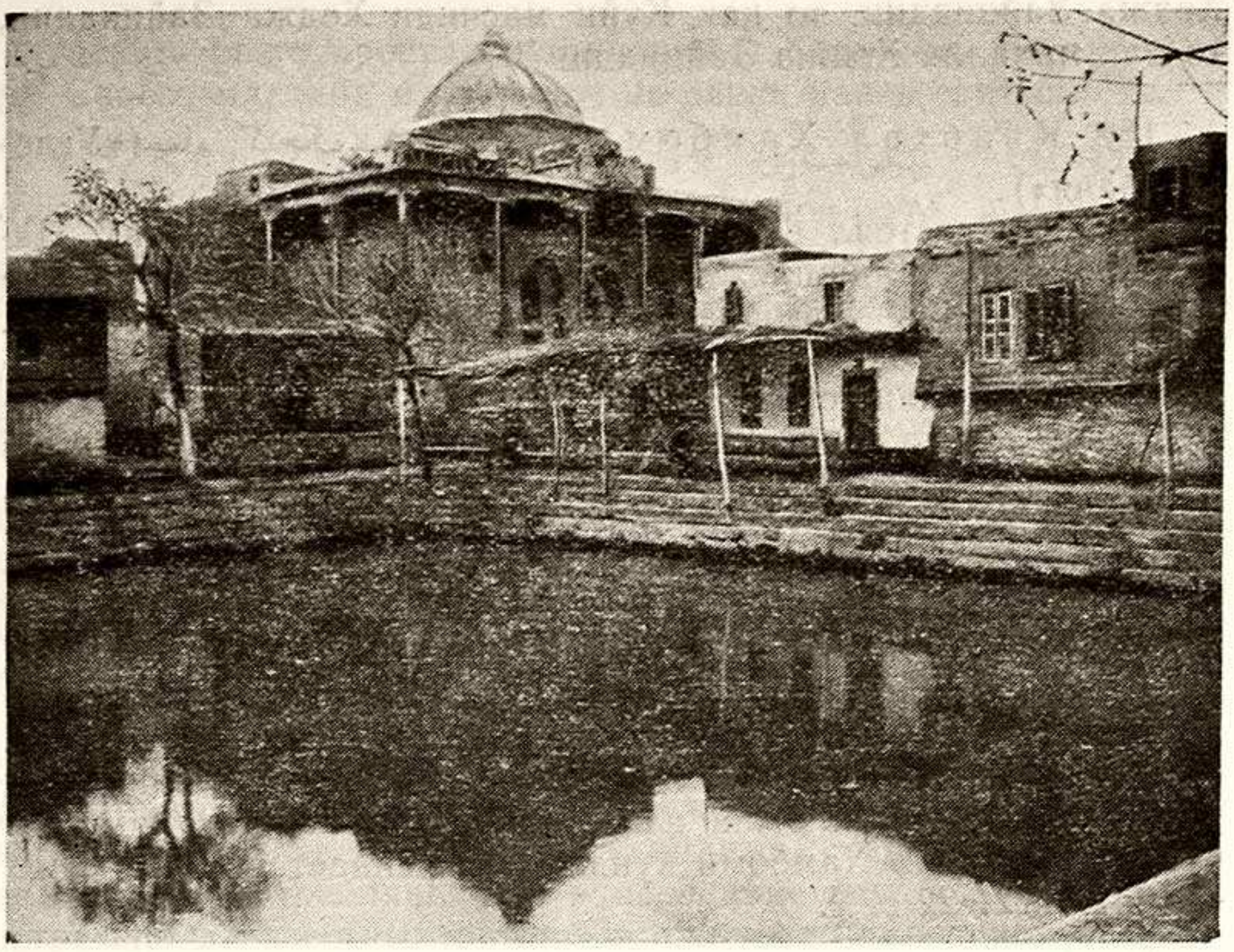
[375] Сообщения двух жителей квартала Ма́гоки курпа, оба преклонного возраста.

[376] «Книга Мулло-зода», стр. 70. О «старом хисаре» Бухары см.: Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре, стр. 28—30; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 60—62.

[377] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1301.

[378] О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 71.

[379] ГА, ед. хр. 264.



Хауз и мечеть квартала Ходжа Зайниддин

Достопримечательностью квартала была большая старинная мечеть XVI в.[380] с купольным сводом. О постройке этой мечети имеется предание, что строилась она каким-то царем (пошшо), распорядителем строительных работ был царский слуга Зайниддин. Царь остался настолько доволен его службой, что приказал назвать мечеть его именем. По другому преданию, мечеть построена наукером Абдулла-хана Мир-Дустумом[381]. Напротив мечети имелся большой хауз. Помещение для омовений (тахоратхона) представляло собой каркасную постройку. Здание школы, так же как и мечети, было старинное купольное.

Святыней считалась почитаемая могила, известная под именем Ходжа Турк, которая находилась в одной из наружных ниш мечети и имела вид надгробия, над которым возвышались два шеста (туг).

Квартал Ходжа Зайниддин упоминается много раз в документах джуйбарских ходжей (XVI в.), то как Кӯйи хáузи

---

[380] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 67.

[381] Возможно, это то же лицо, которому приписывается постройка мечети в квартале Мир-Дустум (см. описание № 98).

Ходжа Зайниддин, то как Кӯйи масчиди Ходжа Зайниддин, то как махалла Ходжа Зайниддин [382].

152. Квартал Хамбоми кунджак حمام كنجک («Угловая баня»).

Квартал состоял из 32 домов (Т, 1930 — 20 домов). Население было таджикоязычное. По занятиям большинство принадлежало к торговцам (савдогар, дукондор, баккол). Много было также мулл. Из трудового населения здесь жили водоносы (машкоб).

Мечеть была с балочным перекрытием. Один из домов квартала являлся ее вакфом — доход с него (вероятно, арендная плата) шел на ремонт и убранство мечети. На пятничный намаз жители ходили в находившуюся невдалеке большую мечеть Мачити Калон. В квартале имелась школа, а также медресе Хамбоми кунджак, состоявшее из 10—12 келий для учащихся. В квартале была также чайная (самоворхона), где жители покупали кипяток для заваривания чая.

Название квартал получил по старинной бане, принадлежавшей казне. Она была известна под названием Хамбоми кунджак. Мечеть Хамбоми кунджак упоминается в вакуфной грамоте 1721-22 г.[383].

153. Квартал Сиддикиён صديقيان («Искренние»; возможно, родовое имя — «потомки Сиддика»).

Сведений о населении квартала не имеется (Т, 1930 — 32 дома). Его название упомянуто в вакуфной грамоте 1805-06 г.[384].

154. Квартал Хофиз-кунгрот حافظ قنغرات («Певец из племени кунграт») [385].

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1930 — 11 домов). Население было таджикоязычное. По роду занятий жители были частью ремесленниками (ювелиры), частью — торговцами обувью (кафшфруш). Жили здесь также муллы.

---

[382] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 90, 99, 97, 110, 129, 121. Описание составлено по сообщениям жителей этого квартала Мулло Ашура и Кори Усмона, ок. 70 лет.

[383] ГА, ед. хр. 375. Сообщения жителя этого квартала, Каримова, 70 лет, работавшего сторожем в Бухарском музее.

[384] ГА, ед. хр. 360.

[385] Первоначальное значение названия квартала большинством бухарцев было забыто, и многие произносили его «Хофиз-Кунгурок» (кунгурок — колокольчик, бубенчик), понимая слово «кунгурок» как прозвище человека по имени Хафиз, занимавшегося якобы выделкой и продажей колокольчиков и бубенчиков (что было профессией жителей соседнего квартала Зангулясози).

Мечеть была простая, каркасная, с балочным перекрытием. Своего мактаба в квартале не было, как и святыни [386].

155. Квартал Зангулясози زنگوله‌سازی («Выделка колокольчиков»), или Сесуки охунди калон سه سوق آخوند کلان («Перекресток старшего ахунда», имеется в виду пересечение трех улиц).

Этот квартал был очень маленький, состоял всего из 15 домов. Население было таджикоязычное. По роду занятий большинство принадлежало к духовенству (муллы, муфтии).

Первое название квартала определилось наличием здесь торговых рядов и мастерских, где изготовлялись и продавались колокольчики, главным образом верблюжьи, которые находили себе сбыт вследствие развития караванной торговли [387]. Второе название, видимо, было дано в честь знатного лица, отстроившего квартальную мечеть или ряды.

В квартале была старая мечеть. Время ее постройки и строитель неизвестны. На плане Парфенова — Фенина на территории квартала значится также медресе Сесуки охунди калон. Хотя название квартала, видимо, старое, на что указывает не употреблявшийся в последние века титул, оно не встречено в известных автору источниках. В поздней вакуфной грамоте 1916-17 г. упоминается квартал Сесу́ки Оху́нди Суфи [388], который может быть идентичен с описываемым.

156. Квартал Косим-шайх قاسم شیخ (имя духовного лица).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929—76 домов). Население было таджикоязычное. Большинство занималось ремеслами; очень много было ювелиров.

При мечети имелось помещение для совершения полных омовений (гуслхона). Святыней квартала был мазар Косим-шайх, который считался местом пребывания (кадамгох) этого «святого», по преданию, жившего во времена Абдулла-хана и похороненного в Кермине. Народное предание подтверждается наличием в Кермине относимой к XVI в. мечети Косим-шайх [389]. Около мазара находился колодец, появление которого приписывалось «святому», почему вода его считалась целебной.

Квартал упомянут в вакуфной грамоте 1810 г. [390].

---

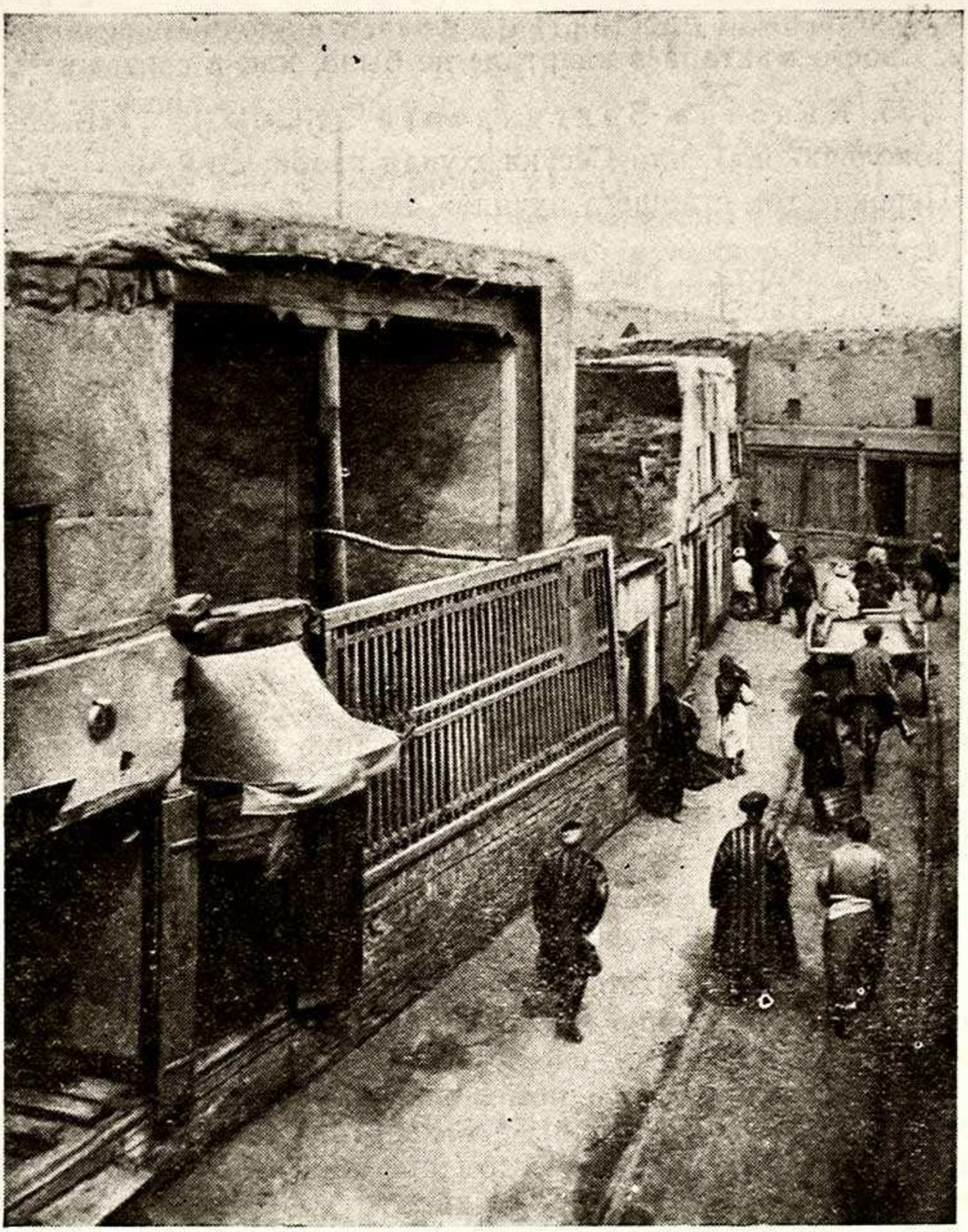
386 Сообщения жителей квартала Ходжа Зайниддин.

387 Сообщения жителя квартала Хамбоми кунджак — Каримова, 70 лет.

388 ГА, ед. хр. 445. Сообщения старожила этого квартала, ювелира, ок. 60 лет.

389 «История народов Узбекистана», т. II, стр. 64.

390 Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, КП 402, инв. 9619/12.



Улица в центре города и квартальная мечеть
(квартал Косим-шайх?)

157. Квартал Калтигиён قلتيگيان («Калтийцы», «Переселенцы из Калти»).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1929 — 31 дом). Население было таджикоязычное. Судя по названию, здесь жили переселенцы из кишлака Калти, но время переселения их теперь уже забыто. Как показывают источники, квартал носил это название уже в XVII в.; следовательно, поселение здесь калтийцев произошло еще раньше. Население занима-

лось в большинстве торговлей. Жили здесь также менялы (сарроф) и муллы (последних было 8 домов). Кроме того, 3 дома занимали служилые люди (сипо).

В квартале имелась мечеть, школа и медресе Мир-Камоли сарроф, построенное в конце XIX в. на средства богатого жителя квартала Саид-Ахмада. Приготовив все необходимые для постройки материалы, но не успев начать постройку, он умер, завещав своему дяде Мир-Камолю осуществить его намерение. За медресе закрепилось имя того, кто произвел постройку, а не имя жертвователя. В квартале имелась чайная (самоворхона), которая была наполовину частной собственностью некоего Кори Ахмада (исполнявшего там обязанности чайханщика), наполовину — вакфом, завещанным отцом Кори Ахмада, Мир-Мухаммадом. По завещанию, половина доходов с чайханы шла ее владельцу, вторую половину он был обязан тратить на благотворительность; раз в месяц там устраивалось даровое угощение (худои) для бедняков (кашшоко), которые после еды читали молитву за того, кому они были обязаны возможностью пообедать. В старину в квартале была баня Хамбоми кухак («Баня-горка»). Лет 60 тому назад она пришла в ветхость и на ее месте построили караван-сарай, где складывалась и продавалась морковь. Эта баня упоминается в акте 1561-62 г. как находящаяся в квартале Хофиз-Тафтон [391].

Название квартала Калтигиён также встречается в ранних вакуфных грамотах (1694-95 г.). Есть упоминания и более поздние (1854-55 г.) [392].

158. Квартал Сарроджон سراجان («Шорники»), или Ходжахо خواجه‌ها («Ходжи»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1929 — 49 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В квартале жили ходжи (семей двадцать), родовитых ходжей здесь не было. Основным занятием населения была торговля, из ремесленников здесь жил литейщик бронзы (рехтагар). Шорников в квартале не было, из чего явствует, что свое название квартал получил давно. Мечеть помещалась в старинном здании. Своей школы не было, дети учились в соседнем квартале Калтигиён.

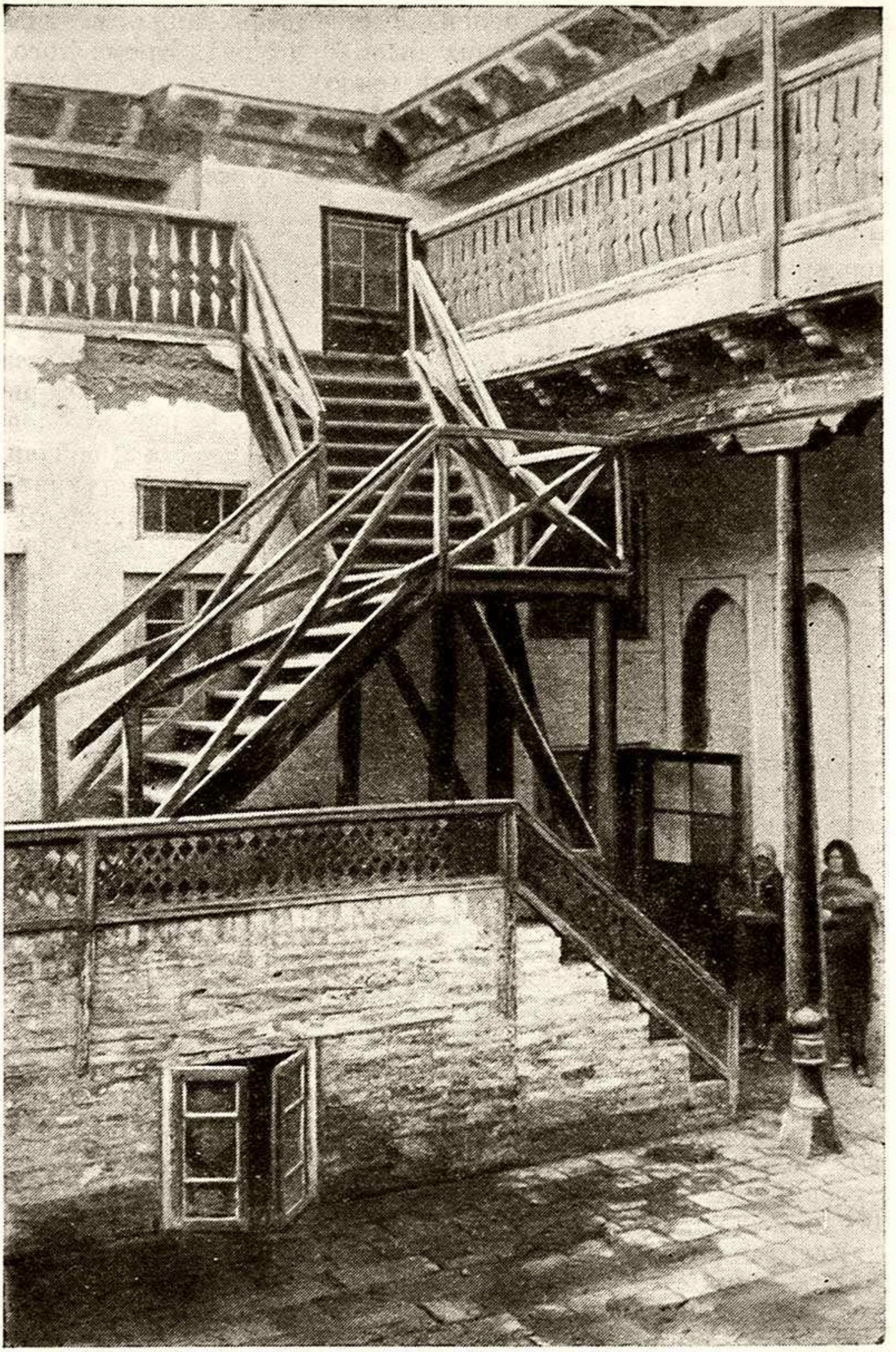
Квартал Сарроджон упоминается в вакуфной грамоте 1844 г. [393].

---

[391] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 18.

[392] ГА, ед. хр. 494, 135, 134 и др. Описание составлено по сообщению жителя этого квартала — сапожника (кухнадуз), лет 70.

[393] ГА, ед. хр. 482. Сообщение старожила этого квартала, ок. 60 лет.



Жилой дом в центральных кварталах города

159. Квартал Алокабандон علاقه‌بندان («Позументщики» — мастера по изготовлению тесьмы) [394].

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1928 — 50 домов). Население было таджикоязычное. Большинство являлось ремесленниками, здесь жили сапожники (кафшдуз, махсидуз), ювелиры, золотошвеи, плотники, каменщики; пять домов принадлежало муллам, некоторые из них были мударрисами бухарских медресе.

Мечеть представляла собой старинную постройку из жженого кирпича, с плоским балочным перекрытием; вход (дарвозахона) имел купольный свод. Имелась школа и маленькое медресе, состоявшее из 11 келий, в которых жили учащиеся крупных бухарских медресе. В квартале находился также караван-сарай, где был склад и велась торговля кошмами. Склад этот был казенный, очевидно, принадлежал эмиру [395]. Раньше в квартале Алокабандон был базар циновок: в вакуфной грамоте 1816-17 г. говорится, что этот базар был пожертвован эмиром Хайдаром в вакф соборной мечети арка [396].

160. Квартал Тагбандбофон تگبندبافان («Ткачи поясов») [397].

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 58 домов). Население было таджикоязычное, занималось преимущественно ремеслами. Жители в подавляющем большинстве (домов 25—30) ткали пояса (тагбанд и камар), другие изготовляли завязки к халатам, заканчивающиеся кисточками (туф) [398]. Этим занимались мужчины, женщины изготовляли черные кисти (также называвшиеся «туф») для подвесок к женским косам. Торговые ряды, где продавались изделия мастеров квартала, находились в пассаже Токи Тельпак. Как пояса, так и кисти для халатов нередко изготовлялись по заказу из арка, сразу в большом количестве. Из остальных профессий в квартале были представлены ювелиры.

В квартале была своя мечеть О других общественных зданиях сведений нет [399].

---

[394] Это значение названия квартала забыто, оно понимается в современном значении — как «завязывающие отношения».

[395] Сообщения жителя этого квартала, 50 лет, и жителя квартала Тагбандбофон — Восеева, ювелира, 59 лет.

[396] ГА, ед. хр. 484.

[397] Тагбанд — тканый пояс с пряжкой, надеваемый неслужилыми людьми под верхний халат, служилые люди носили его поверх халата. Об этом промысле см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 115 и далее.

[398] Там же, стр. 115.

[399] Сообщение жителя этого квартала Восеева, 59 лет, ювелира.

161. Квартал Козн-урда قاضی اورده («Судья ставки») [400], или Охунди Мулло Усмон آخوند ملا عثمان (имя высшего духовного лица) [401].

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Все население было таджикоязычное, в том числе жившие здесь семьи одного муфтия и одного служилого человека (сипо), который был старшим служителем у кушбеги (пешкадамаш). В этом квартале находился также дом казия, который был судьей в одном из бухарских туманов. Среди населения было много ремесленников, в их числе 4 медника (мисгар), мастерские которых помещались тут же, в квартале. Они работали на хозяев, имевших лавки в торговых рядах квартала Арроки мисгари. Мисгары из квартала Козн-урда делали всевозможную медную посуду: чашки (коса), кувшины с носиком и с ручкой (офтобахóйи урганджиги), подносы (лаъли/лайли) и т. п. Посуда изготовлялась и простая, и чеканная. Из чеканщиков в квартале жил хороший мастер Облоёр-бек (приставка «бек» говорит, что он происходил из знатного узбекского рода).

В квартале была мечеть и два медресе: Ходжа Давлят и Аёз-бий. Святыней считалась могила Мулло Усмон-охунда, который был, по преданию, очень ученым человеком. В квартале была самоворхона, в которой продавался кипяток [402].

Территория квартала известна у населения Бухары как «Арки баста» («Закрытый арк»). Раньше так назывался и сам квартал — это видно из вакуфной грамоты 1702-03 г. [403]. Информаторы сообщают, что это название было дано вследствие того, что ворота арка, выходившие раньше на эту сторону, позже были заложены и оставлены лишь западные ворота, функционирующие и сейчас. Это было сделано якобы для удобства посещения эмиром большой мечети Болохауз, которая расположена против современных ворот арка. Закладка ворот, по некоторым сообщениям, произошла «четыре царя тому назад» (чор пошшо пеш шудаги), т. е. при эмире Насрулла-хане (1827—1860) [404].

---

[400] Один из высших чинов эмирата. В исследованиях А. А. Семенова по этому вопросу такой чин или должность не указаны. По Мейендорфу, козн-урда (cazi-ordou) — то же, что и козн-аскар (G. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, стр. 260).

[401] Охунд — духовный чин, даваемый мударрису главного бухарского медресе Кукалтош.

[402] Сообщения жителя квартала Тагбандбофон — Восеева, 59 лет, и музыканта-сурнайчи из пригородного кишлака.

[403] ГА, ед. хр. 23.

[404] Хронология неверна, закладка ворот произошла еще до начала XVIII в. См.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 58—59.

Джариб десятый. Шахристон

В джариб Шахристон выделена та часть территории Бухары, которая известна как шахристан и считается территорией дофеодального города. Во времена арабского завоевания, как пишет Наршахи (X—XII вв.), «город занимал только пространство теперешнего шахристана»[405]. Граница шахристана прослеживается почти на всем протяжении. Вопрос о шахристане затрагивался во многих исследованиях[406].

В VIII в. шахристан делился, по-видимому, на четыре квартала: описывая один из кварталов, Наршахи прямо говорит, что он составлял четвертую часть города. В процессе дальнейшего развития городской жизни эти кварталы членились, и к началу XX в. на той же территории помещалось 24—36 кварталов (может быть, территория некоторых кварталов, например Магоки аттори, не входила в джариб Шахристон).

На плане из архива Лерха эта часть города в особое махалла не выделена. Однако в сознании бухарцев шахристан составлял особую часть города и при традиционных состязаниях одна из соперничавших групп называлась «шахристанцами». Поэтому мы приняли это не исчезнувшее из быта и сознания жителей Бухары название для микрорайона, занимавшего древнейшую часть города.

В джарибе Шахристон расположены самые старые кварталы, проделавшие наиболее длинный путь развития, в ходе которого они не раз членились; поэтому все они были небольшие по размерам и очень плотно заселенные. К джарибу Шахристон отнесены следующие 20 кварталов: Азизон, Дегрези, Мавлоно Шариф, Бозо́ри гуль, Забуда, Му́йи тобон, Мулло Шох, Мако́ки аттори, Кемухтгарон, По́йи остона, Мир-Иброхим, Ходжа-калон, Мулло Пайрави, Мавляви Мирзоджон, Авлие́йи гариб, Чо́хи занджир, Тупхона, Раъд-зада, Ходжа Низомиддини поён, Ходжа Низомиддини боло.

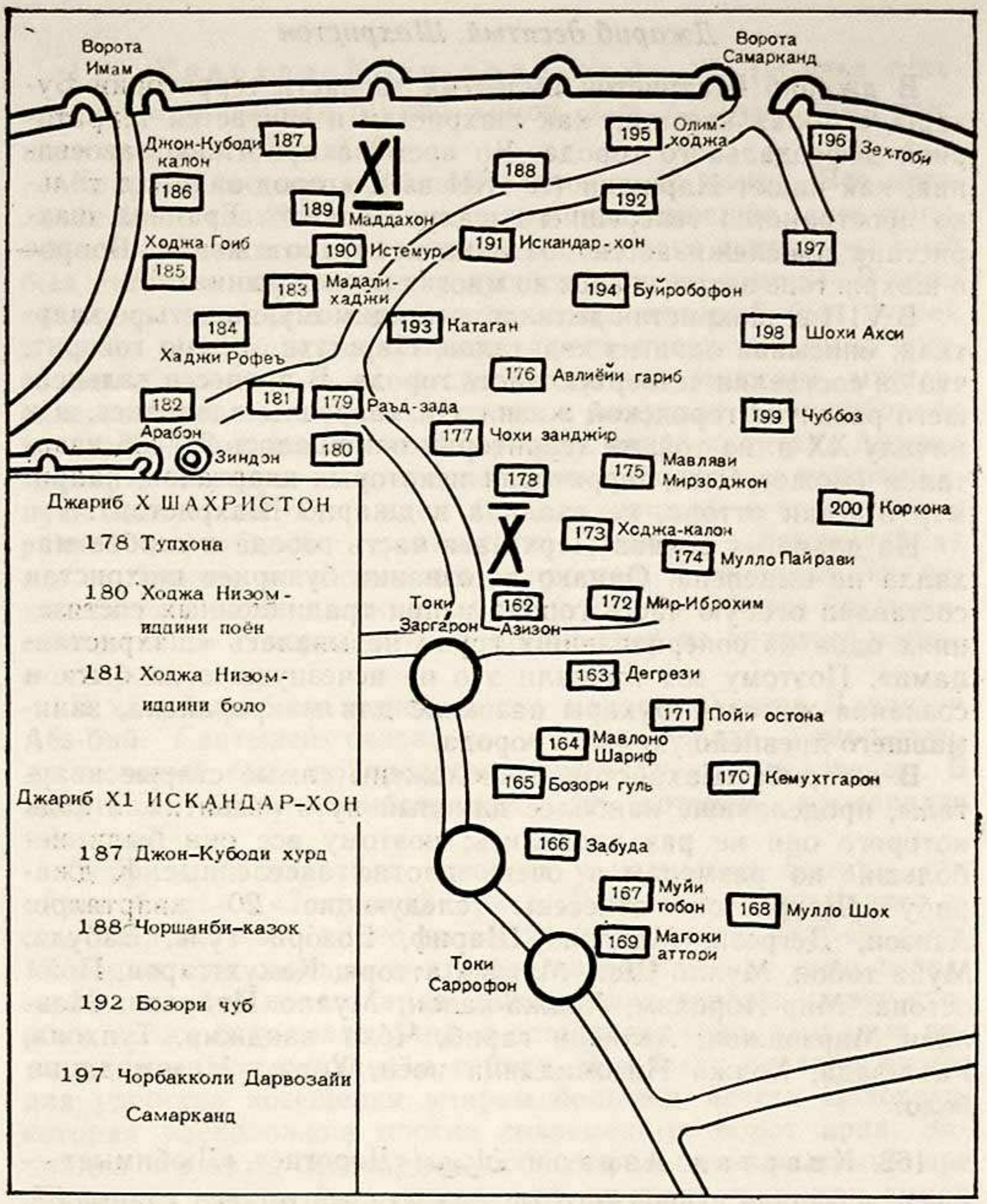
162. Квартал Азизон عزيزان («Дорогие», «Любимые» — здесь: название суфийского ордена или эпитет его главы)[407].

---

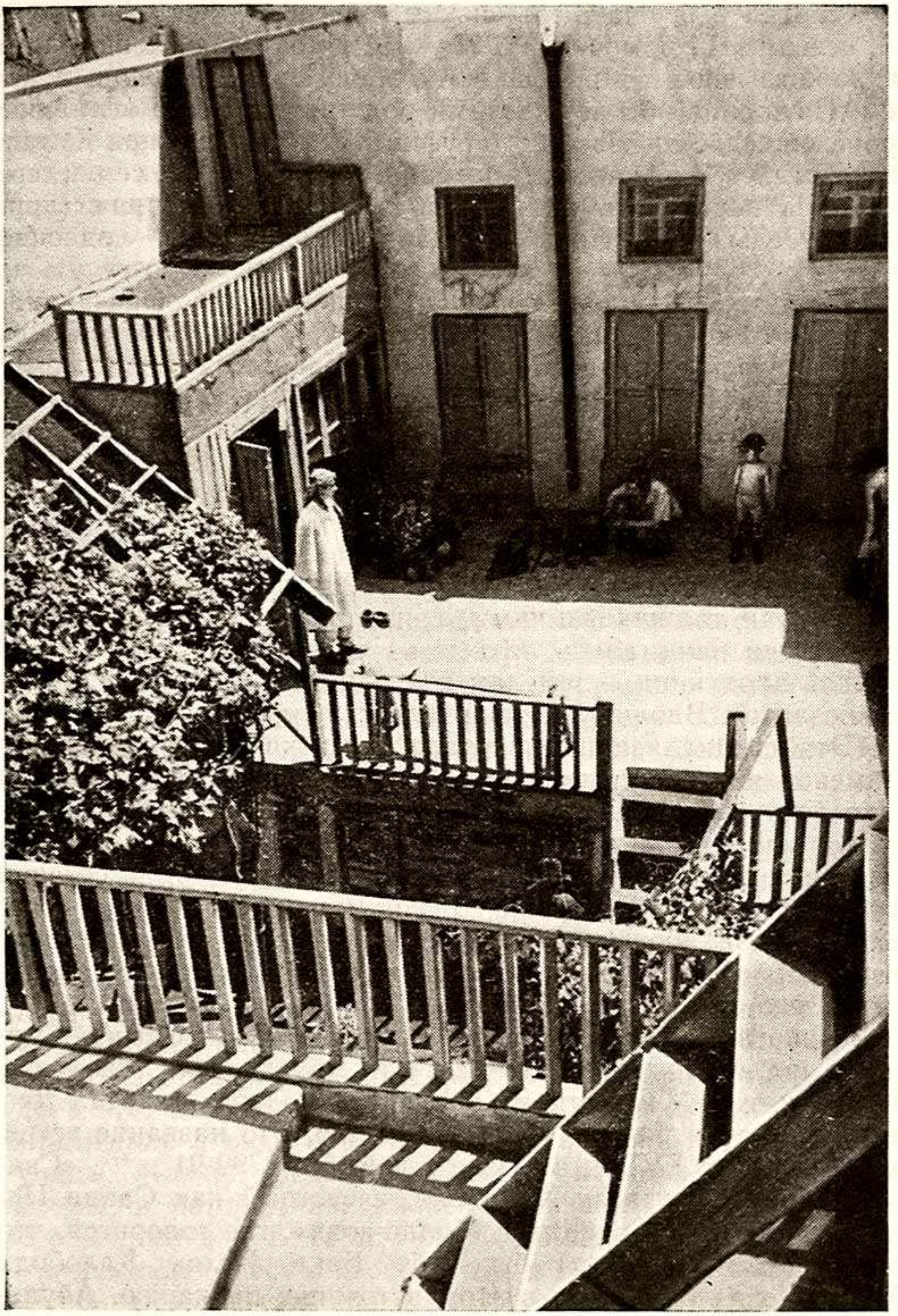
[405] Мухаммад Наршахи, История Бухары, пер. Н. Лыкошина, стр. 42.

[406] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 382; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 11; Л. И. Рempель, Из истории градостроительства на Востоке, стр. 217; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 15 и далее; ее же, Традиционное соперничество..., стр. 124; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 233.

[407] По-видимому, «азизон» было термином, обозначавшим какую-то категорию суфийских шейхов. В «Истории народов Узбекистана» (т. II, стр. 76) говорится о «кермининских азизонах», мюридом одного из них, Хашими Азизона, был Субханкули-хан.



Джарибы X и XI (схема)



Жилой дом в центральных кварталах города

Квартал был очень маленьким, он состоял, по сообщениям, всего из 14 домов (Т, 1928 — 16 домов). Население было таджикоязычное и в большинстве занималось ювелирным делом. Пять семей были близкими родственниками и вели свое происхождение от известного суфия XIV в. Саид Мири Кулол. Он считался мифическим патроном гончаров, а семьи его потомков почитались гончарами как «потомки пира» (пирзода). Сельские гончары иногда привозили им подношения [408].

Мечеть представляла собой старинное здание. Она упомянута как хонако Азизон в вакуфной грамоте 1680 г. и как мечеть Азизон — в грамоте 1679-80 г. Квартал Азизон упоминается в вакуфной грамоте 1685-86 г. [409]. К этому кварталу относились торговые ряды ювелиров и большое медресе Абдулазиз-хана.

163. Квартал Дегрези دیگریزی («Литье котлов»).

В квартале было 40 домов (Т, 1929 — 11 домов). Население, будучи таджикоязычным, считало себя узбеками. Многие жители занимались литьем из чугуна (дегрези); по их главной продукции — лемехам для плугов — их называли часто «позагар». Вдоль улиц квартала тянулись их торговые ряды. Эта специализация квартала послужила причиной его наименования. Так как литье чугуна давало много дыма и было очень неудобно в условиях городской скученности, литейные мастерские, представлявшие собой довольно крупные кустарные предприятия, находились за городом, в селении Мугуло́ни-кари. Мастера же со своими семьями жили в квартале Дегрези. Форма его названия (букв. «литье котлов») позволяет предположить, что раньше в этом квартале находились и мастерские литейщиков.

В квартале Дегрези имелась своя мечеть и святыня — могила Саид Абульхасани Побанд, или Абульхасани Хамадони. По этому очень известному в Бухаре мазару квартал Дегрези назывался раньше Саид Бандкушо. Это название встречается в актах XVI в., а также в грамоте 1790-91 г. [410]. «Святой» Саид Абульхасан Хамадони, известный как Сайди Побанд, упоминается в «Книге Мулло-зода», где говорится, что его учеником (шогирд) был Абу Бакр Исхок Калободи (X в.). По изложенному в этом источнике преданию, Абульхасан Хамадони происходил в девятом поколении от внука

---

[408] Сообщение жителя этого квартала Косимджона Миракова, ювелира, 60 лет.

[409] ГА, ед. хр. 129, 494.

[410] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 24 и др.; ГА, ед. хр. 441.

пророка Мухаммеда — Хасана, сына Алия, сына Абу Талиба, что позволяет относить время его жизни примерно к X в. Его прозвище — Побанд объясняется легендой, согласно которой «святой» был брошен в темницу и там умер, завещав похоронить себя в цепях, которыми были скованы его ноги [411]. Народная легенда приукрасила биографию «святого» чудесами и дала ей счастливый конец. По этой легенде, каждый раз, когда приходило время намаза, цепи сами спадали с ног «святого» и он мог без помехи совершать молитву, после окончания которой снова оказывался в оковах. Однажды царь все это увидел во сне и приказал тюремщику узнать, что за благочестивый человек находится в темнице. «Святого» обнаружили и немедленно же освободили. Характер легенды определил собой «специальность» «святого»: считалось, что он помогает людям, попавшим в затруднительное положение или в заточение, почему он был известен в Бухаре под прозвищем Саид Бандкушо — «Саид, снимающий оковы». Вторая функция мазара заключалась в «исцелении» от бесплодия, которое нередко объясняли магическим «связыванием». В этом отношении чудодейственной считалась мраморная доска, вделанная в землю у изголовья могилы. По легенде, на этой доске разрешилась от бремени мать Мухаммеда — Амина, выразившая затем желание, чтобы эта доска была положена на могилу «святого» Саид Бандкушо. Это поверье отражено в «Книге Мулло-зода», где говорится, что «тот камень, который находится на могиле Саид Хасана, привезен с горы Харо, с того места, где родился пророк, и Саид Хасан завещал положить его на его могилу, чтобы нужды людей, которые к нему приближаются, исполнялись бы» [412]. Характер культа позволяет не сомневаться, что мазар широко использовался для собирания щедрых подаяний от паломников. В квартале Дегрези жил престарелый потомок — мнимый или действительный — «святого». Могила находилась в отдельном внутреннем дворике при его доме, откуда в этот дворик вела маленькая дверца. Большая дверь, оформленная в виде арки и позже закрытая, вела к мазару с улицы. Мазар представлял собой небольшое каркасное строение, в котором находилось обмазанное глиной надгробие обычного для Бухары типа (сагона). У изголовья могилы возвышался шест с хвостом яка и находилась упомянутая мраморная доска (хорошо отшлифованная, желтоватого цвета). Ритуал, который выполняли обращавшиеся к мазару,

---

[411] «Книга Мулло-зода», стр. 66. О мазаре Саид Бандкушо в Бухаре и его перенесении «на другое место» (вероятно, в квартал Дегрези) см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 50—51.

[412] «Книга Мулло-зода», стр. 68—69.

заключался, помимо подношений, в возжжении светильников и питье воды, которая сливалась со «священного» камня. По-видимому, для стока этой воды под ним был сделан небольшой желоб, выведенный из помещения наружу. На дворике, перед строением, находились еще два надгробия (сагона). Под ними лежали отец и дед последнего по мужской линии потомка «святого», и сам он выражал желание быть похороненным здесь же[413].

Квартал Дегрези упомянут в позднем документе 1881-82 г.[414].

164. Квартал Мавлоно Шариф مولانا شریف (имя духовного лица).

Квартал состоял из 25 домов (Т, 1929 — 17 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Часть жителей занималась ремеслами: здесь жили литейщики (позагар), составлявшие большинство населения соседнего квартала Дегрези, сапожники (махсидуз) и др. Некоторые жители квартала были наследственными костоправами. Остальные принадлежали к духовенству и крупному чиновничеству: здесь были дома казия, раиса, муфтия. Здесь жили также хранители мазара Мавлоно Шариф, находившегося в этом квартале. Достопримечательностью квартала была большая мечеть-хонако, постройка которой приписывается Мавлоно Шарифу. По преданию, на том месте, где стоит хонако, раньше была баня, являвшаяся вакфом медресе Кукалтош, по завещанию учредителя вакфа в ней должны были бесплатно мыться учащиеся этого медресе. Так как баня пришла в упадок, Мавлоно Шариф купил земли в кишлаке Дунгиён специально с целью передачи их в вакф медресе Кукалтош. Получив за них баню в свою собственность, он ее разрушил и построил на этом месте хонако. Здание мечети, сохранившееся в полуразрушенном виде до сих пор, сложено из плоского квадратного старинного жженого кирпича и имеет плоское балочное перекрытие. По сообщениям, мечеть была капитально отремонтирована в конце XIX в., при эмире Ахад-хане. Она служила и для ежедневных пятикратных намазов (мачи́ти панчвакти), и для намазов пятничных, общих (мачи́ти джумахони). Одновременно она являлась и хонако, т. е. местом радений: здесь после пятничного намаза совершались громкие радения (типа джахр). Это свидетельствует о том, что и Мавлоно Шариф принадлежал к суфийскому ордену,

---

[413] Сообщение жителя этого квартала Ахьёра Ахророва, считавшегося потомком Абульхасана Хамадони.

[414] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47.

практикующему громкий джахр. Здесь же в последние 10 дней месяца рамазана шейхи и муллы предавались десятидневному уединению и молитве (даха мешиштан). Так как хонако было очень популярно, они таким образом оказывались на виду у населения и у власть имущих; поэтому желающих «сидеть десятидневие» в этом хонако всегда было очень много. На это время и мечеть, и находившийся перед ней айван перегораживались занавесками (парда), образующими множество отдельных кабин, в каждой из них сидело по 2—3 человека. Их обслуживало множество желавших приобщиться к «богоугодному делу»: все время кипели самовары, в многочисленных чайниках заваривался чай, который должен был поддерживать силы утомленных долгими молитвами. Каждый вечер для них готовился плов. Все необходимое щедро присылалось от эмира [415] и, вероятно, пополнялось доброхотными даяниями богатых прихожан.

В квартале имелось также медресе, которое, судя по тому, как глубоко его стены уходили в землю, принадлежало к очень старым зданиям Бухары. В него приходилось спускаться по нескольким ступенькам, почему оно называлось Мадрасайи Чукур («глубокое медресе») [416]. Информатор сообщил, что на месте этого медресе раньше находилась топка (гулах) бани, приобретенной и разрушенной Мавлоно Шарифом. У входа в медресе помещался еще один мазар; он представлял собой кладбище, состоявшее из нескольких могил с надгробиями (сагона) и с возвышавшимся над ними шестом с хвостом яка. Имя тех, кто был здесь похоронен, теперь забыто.

В этом квартале имелось еще несколько медресе: Абдушукур-бек (у Фенина — Абдушукур-бай), Кори-ходжа и маленькое медресе, известное под названием «Мадрасайи Кампир» («Медресе старухи»). Имя его строительницы забыто. Лекции в них не читались, они являлись только общежитиями.

Расположенное на северной границе этого квартала большое медресе Абдулазиз-хана относилось к кварталу Азизон, а на территории квартала Мавлоно Шариф была большая яма, находившаяся позади медресе, в которую жители этого и других близлежащих кварталов сбрасывали мусор. Она была засыпана только после революции.

Могила Мавлоно Шарифа — главная святыня квартала — находилась внутри мавзолея, выстроенного рядом с мечетью-

---

[415] Не были ли бухарские эмиры мюридами ишанов из рода Мавлоно Шарифа? Вспомним легенду о хане, колебавшемся в выборе себе духовника между Мавлоно Шарифом и Халифа Худойдодом (см. выше, № 53).

[416] В экспликации к плану Парфенова—Фенина: медресе Катта-ходжа, или Чукур.

хонако. Мавзолей сохранился. Снаружи, у южной стены этого мавзолея, была вторая могила, считавшаяся могилой сына Мавлоно Шарифа. В истории Бухары упоминались два человека, носивших имя Мавлоно Шариф, и возможно, что речь шла об одном лице. В описании рукописей Института востоковедения АН УзССР упомянут «Мавлана Шариф ал-Алави ал-Бухари... известный теоретик дервишизма и автор трудов о громком зикре», умерший в 1679 г.[417]. В. Л. Вяткин говорил о «бухарском законоведе Мавлоно Шарифе, профессоре из мадрасы Кукалдош», «человеке влиятельном и ученом», помогавшем своими советами бухарскому правителю «при вторжении хивинского хана Ануши в 1097 (1686) г. в пределы Бухарского ханства»[418]. Народное предание о Мавлоно Шарифе подтверждает его принадлежность к высшему духовенству, оно рисует его охундом медресе Кукалтош[419], как и вакуфная грамота 1779-80 г., оформляющая вакуфное пожертвование в пользу «хонако охунда Мулло Мухаммад-Шарифа». В ней указывается, что оно находится «позади медресе Заргарон»[420].

Эта локализация не оставляет сомнений, что речь идет именно о мечети квартала Мавлоно Шариф, а дата оформления вакфа, совпадающая с годом смерти «теоретика дервишизма», может быть принята как свидетельство того, что все эти документы и сведения относятся к одному человеку. Его облик до известной степени рисует приписывавшаяся ему одежда, которая хранилась как реликвия на мазаре «святого» и отличалась большой скромностью, скорее подобавшей простому суфию, чем крупному духовному аристократу, каким был мударрис медресе Кукалтош — самого большого в Бухаре[421]. Впрочем, показное смирение было в обычае, костюм мог и не соответствовать положению.

В квартале Мавлоно Шариф находился еще один мазар, по-видимому более старый,— «Алам-на-расон». По легенде, Ходжа Алам-на-расон (Святой «Не обижай») был сыном Алия от одной из его жен (не Фатимы). Как и Ходжа Убон, он был усыновлен халифом Омаром, который остался бездетным, тогда как Алий имел многочисленное потомство. Стран-

---

[417] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 353.

[418] В. Л. Вяткин, Ферганский мистик Дивонайи-Машраб,— «Сб. туркестанского Восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 30—32.

[419] Сообщение очень осведомленного лица по имени Мулло Хотам, 70 лет, из квартала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[420] ГА, ед. хр. 474.

[421] Об этой одежде см.: О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.,— сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970.

ное имя святого Алам-на-расон бухарцы объясняли тем, что он имел озорной нрав и из озорства нередко доставлял людям неприятности: одного при помощи свойственной ему магической силы валил с лошади, другого толкал или сбивал с ног. Алий, порицая его за это, говорил: «Балам, алам на расон» («Дитя мое, не обижай [никого]»). Эта фраза и сделалась именем «святого»[422]. По этому мазару в некоторые периоды назывался и квартал: по сообщению одного из жителей соседнего квартала, в имевшемся у него документе 1888-89 г. квартал Мавлоно Шариф был назван «гузари Ходжа Алам-на-расон»; в вакуфной грамоте 1815-16 г. также упоминается квартал Алам-на-расон[423]. Это название не было забыто и позже: в экспликации к плану Парфенова — Фенина квартальная мечеть названа «мечеть Мавлоно Шариф, или Ходжа Алам-на-расон».

165. Квартал Бозо́ри гуль بازار گل («Рынок цветов»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 37 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Десять семей происходило от переселившихся сравнительно недавно шахрисябзцев, которые, однако, успели настолько ассимилироваться с остальным населением, что их родным языком сделался таджикский. Эти семьи принадлежали к богатым торговцам, ездившим за товарами, как говорят, в Казалинск. Они привозили оттуда фабричные ткани, обувь, мясо и топленое баранье сало в коровьих желудках. Много торговцев было и среди остальных жителей. В основном это были торговцы обувью (кожаными калошами и ичигами), их склады (сарой) находились в помещениях пассажа Токи Тельпак, где в маленьких лавочках и происходила торговля. Пять семей квартала занималось торговлей красками, лекарствами и пряностями. В квартале жили также муллы и один из служителей раиса (аз халфахои раис), его «дуррадаст»[424].

В квартале была мечеть, сведений о других общественных зданиях не имеется.

Название квартала связано с нахождением в нем базара, где продавались саженцы деревьев, цветочная рассада и цве-

---

[422] Сообщения жителя этого квартала, костоправа, 55—60 лет, жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, в семье которого хранилась приписывавшаяся Мавлоно Шарифу одежда, и Мулло Хотама, 70 лет, из квартала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[423] ГА, ед. хр. 101.

[424] Человек, носивший за раисом плеть (дурра//дарра) и наказывавший ею по приказанию раиса каждого, кто нарушил предписания мусульманской религии.

ты в букетах, которые в Бухаре очень любили, покупали и приносили домой; хозяева лавок украшали букетиком свое торговое заведение. В определенный сезон там продавались на вес сорванные со стеблей розы особого сорта (гули мураббои), лепестки которых употреблялись для варки варенья, что обязательно делали в каждой семье, которой это оказывалось по средствам. Некоторые информаторы объясняли название квартала иначе, считая, что первоначально оно звучало как Бозóри чашмáйи гуль, причем слово «гуль» в данном случае понималось в значении «сыпь». По их сведениям, в квартале был древний источник (чашма), водой которого лечились при заболевании проказой, песью и всякими кожными болезнями. Квартал Бозóри гуль упомянут в вакуфной грамоте 1908 г.[425].

166. Квартал Забуда زبوده (значение неясно)[426].

Этот квартал был одним из четырех кварталов (Забуда, Мулло Шох, Муйи тобон и Кемухтгарон), во главе которых раньше стоял один общий аксакал. Вероятно, это свидетельствует о том, что в старину это был один квартал, впоследствии разделившийся на четыре, что было оформлено постройкой отдельных мечетей. Это разделение произошло, однако, давно, и воспоминаний о нем не сохранилось.

Квартал состоял из 25 домов. Его население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Часть жителей занималась сапожным ремеслом (музадуз), другие были кожевенниками (кемухтгар), третьи — банщиками (халтадор — банщик, оттирающий тела моющихся надетым на руку мешочком из грубой ткани). Банщики работали в бане, находившейся в этом квартале. Один из жителей принадлежал к служилым людям (сипо), он был мулозимом в канцелярии казикаляна. Происходил он из этого же квартала.

Имелась своя мечеть. Баня этого квартала, по преданию, была выстроена на месте чиллахоны Ходжа Баховаддина, почему около нее стоял шест с хвостом яка, она считалась своеобразным мазаром[427].

167. Квартал Муйи тобон سوی تابان («Вьющиеся волосы». В современном произношении Мохи тобон — ماه تابان «Блестящая луна»).

---

[425] ГА, ед. хр. 316. Сообщения жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва и др.

[426] В толковом словаре «Фарханги забони тоҷикӣ», т. I, М., 1969, слово «забуда» дано в значении «растение из породы лука» и «сухие измельченные листья душистых трав, которые кладут для запаха в кушанья» (стр. 428).

[427] Сообщение Ахьёра Ахророва, 60 лет, из квартала Дегрези.

Квартал Муйи тобон был одним из четырех кварталов, объединяемых традицией (Муйи тобон, Мулло Шох, Кемухтгарон, Забуда). Он состоял из 30 домов. Население было таджикоязычное. Жители занимались преимущественно торговлей (торговали кожаными калошами, древесным углем, который они скупали у казахов, живщих в окрестных степях). Один из жителей квартала был мулозимом у казикаляна и принадлежал к служилому сословию (сипо). В квартале находились ряды, где продавались гранаты и жили торговцы гранатами, вследствие чего одна из улочек была известна под названием Кучáи анорихо («Улица продавцов гранатов»). Это название иногда переносилось и на весь квартал, что объяснялось известностью этой части квартала. Гранаты у бухарцев широко употреблялись в свадебном обряде, символизируя плодородие.

Та часть квартала, где находились торговые ряды, носила также название Таи шур («У солончака»). Судя по тому, что солончаков в этом хорошо освоенном районе города давно уже нет, надо думать, что название это очень старое. Оно встретилось в грамоте 1818-19 г. (в форме «Тахти шур») [428].

Квартальная мечеть была маленькая, каркасная. Около нее помещался караван-сарай, где торговали овчинными шубами. В квартале имелся мазар Муйи тобон; считалось, что это — могила женщины [429].

168. Квартал Мулло Шох ملا شاه (имя собственное).

Квартал состоял приблизительно из 25 домов (Т, 1929 — 24 дома). Население было таджикоязычное и занималось в большинстве торговлей (торговали обувью, пряностями). Жили здесь также кожевенники, скупавшие и обрабатывавшие воловьи шкуры (они назывались «хом-джаллоб»), гребенщики (шонатарош), изготовлявшие деревянные гребни для расчесывания волос. Четыре семьи принадлежали к духовенству, их главы были муфтиями. Мечеть была, по некоторым сообщениям, построена богатым муфтием, имя которого, вероятно, и сохранилось в названии квартала. Время жизни этого лица показывает грамота 1721-22 г., в которой оно названо жертвователем вакфа мечети квартала Хамбоми кунджак [430]. Квартал Мулло Шох упомянут в грамотах 1816-17 и 1842-43 гг., а также в недатированной грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара (1880—1826). В других грамотах того же периода говорится о «мечети Мулло Шох в квартале Муйи

[428] ГА, ед. хр. 26.

[429] Сообщения Ахьёра Ахторова, 60 лет, из квартала Дегрези, и старика кожевенника (кемухтгар) из квартала Кемухтгарон.

[430] ГА, ед. хр. 375.

тобон»[431], из чего видно, что в тот период отделение этих кварталов еще не завершилось.

169. Квартал Магоки аттори مغاک عطاری («Впадина москательщиков»).

Жилых домов в этом квартале насчитывалось 10—15. Население было таджикоязычное, информаторами названо таджикским. По роду занятий большинство являлось торговцами: москательщиками (аттор), продавцами кисеи (докафруш) и т. п.

Название квартала связано с находящейся на его территории очень старой известной мечетью Магоки аттори, которая вследствие естественного повышения почвы, происходившего в течение многих веков ее существования, углубилась в землю[432]. Однако она до последнего времени продолжала функционировать, служа мечетью для совершения ежедневных пятикратных намазов жителями этого квартала и торговцами из находившихся здесь торговых рядов москательщиков. Молящихся, как говорят, собиралось очень много, так как мечеть пользовалась популярностью. Ряды москательщиков появились на этом месте очень давно. Еще в XII в., по «Истории Бухары» Наршахи, располагавшиеся здесь городские ворота носили название Дари Атторон («Ворота москательщиков»)[433].

Мечеть Магóки аттори упоминается в нескольких вакуфных грамотах. В. А. Шишкин цитирует грамоту 1685 г. из собрания Бухарского музея[434], эта мечеть упомянута также в грамотах 1692-93 и 1792-93 гг. В последней говорится о «мечетях двух сторон Магоки аттори» (масчидхои дутарафи Магоки аттори)[435].

170. Квартал Кемухтгарон کیموختگران («Кожевенники, вырабатывающие шагрень»).

---

[431] ГА, ед. хр. 305, 112, 370, 374. Описание составлено по сообщениям старика кожевенника из квартала Кемухтгарон и жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, 60 лет.

[432] О мечети Магоки аттори имеется обширная литература. См. работы В. А. Шишкина: Архитектурные памятники Бухары, стр. 42; Мечеть Магоки Аттори в Бухаре,— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. I, Ташкент, 1948; Археологические работы в мечети Магоки Аттори в Бухаре,— там же, вып. VII, 1955. О значении этого места в исторической топографии Бухары см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 18—20.

[433] Мухаммад Наршахи, История Бухары, пер. Н. Лыкошина, стр. 69. О том, что название Ворот Атторон появилось не в X, а в XII в., см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 18.

[434] В. А. Шишкин, Мечеть Магоки Аттори в Бухаре, стр. 3.

[435] ГА, ед. хр. 519, 307, 352. Сообщения двух пожилых жителей квартала Магоки курпа.

Этот квартал входил в группу из четырех кварталов (Кемухтгарон, Мулло Шох, Муйи тобон и Забуда), он был самым крупным из них, состоял из 65 домов (Т, 1929 — 43 дома). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. В квартале жило несколько эмирских чиновников, из самых мелких, которые причислялись к сословию сипо — это были мулозимы бухарского казикаляна. Большинство жителей были ремесленниками, в своих мастерских, находившихся при жилых домах, они вырабатывали шагрень (кемухт). Кожа изготовлялась и на продажу и для казны — ее сдавали в канцелярию девонбеги и от него получали установленную плату. На территории квартала находилось болото (кул), вода которого использовалась при обработке кож, вокруг него располагались мастерские кожевенников и их торговые ряды. Большинство кожевенников работали сами, при участии членов своей семьи, но были здесь и крупные предприниматели (устокор), например Сафар-Мурод и Гулом-Хамро. Всего в квартале было 20—25 мастерских кожевенников. Это производство относилось, несомненно, к очень древним, чем объясняется поселение шагренщиков, производство которых связано с дурными запахами, в самой густонаселенной части города, на территории шахристана. О древности ремесла свидетельствует суеверный страх перед ним: мастерские кемухтгаров считались «опасными», мифический патрон ремесла пользовался славой чрезвычайно сильного и мстительного. По поверью, человек, осквернивший то место, где шла обработка кож, лежали остатки отработанной кожи или орудия труда кожевенников, наказывался проказой. До сих пор рассказывают о каком-то арбакеше, который, похвастався, что он не верит в это, на другой же день был поражен болезнью. Страх перед патроном кожевенников был настолько силен, что, когда однажды лошадь эмира, проезжавшего по улице мимо болота, споткнулась, эмир сейчас же прислал старшине шагренщиков продукты для устройства жертвенного угощения.

Название квартала Кемухтгарон было, по-видимому, неофициальным: в актах как середины XIX, так и начала XX в. квартал назван Кулолон («Гончары»), название Кемухтгарон дано как второе, «известное» (Кулолон машхур ба Кемухтгарон) [436].

Мечеть была построена, по мнению стариков, две-три сотни лет назад. В квартале находилось большое медресе конца первого десятилетия XX в., известное под названием Мадрасайи Туркман («Медресе туркмена»). Оно было построено богачом туркменом из Чарджоу, торговавшим в Бухаре ка-

---

[436] ГА, ед. хр. 146.

ракулевыми шкурками. Святыней считалась могила «святого» Хазрати Насви, или Таббат ул-Насви. Эта могила, находившаяся около болота, представляла собой раньше надгробие обычного бухарского типа (сагона), позже оно было заменено прямоугольным камнем, или насыпью (суфа), остатки которой сохранялись до 50-х годов XX в. Легенда об этом «святом» рисует его развратником, который потом раскаялся и достиг святости. По легенде, «святой», переодевшись в женское платье, исполнял роль банщицы (халтадор) в женской бане, пользуясь этим для нескромных забав. Однажды в баню пришла мыться сама царская дочь. Во время купания у нее пропал драгоценный перстень. Подозрение пало на банщиц, и их стали обыскивать. Хазрати Насви стоял в ряду обыскиваемых ни жив ни мертв от страха перед тем наказанием, которое его ждет, когда обнаружится, что он мужчина. Обратившись к богу с горячей молитвой, он раскаялся в своем поведении и прочел арабский стих: «Ё аллахуль-лязина омману ауби иллохи таубатан насве». Как только он прочел эту молитву, перстень нашелся и обыск прекратился. После этого он раскаялся и достиг святости [437].

171. Квартал Пойи остона پای آستانه («Святой порог»).

Квартал состоял из 65—70 домов. Население было таджикоязычное. Занятием большинства жителей была торговля. Здесь жило также много мулл, среди которых имелись и мударрисы — преподаватели медресе. Квартал Пойи остона был одним из торговых центров Бухары. На крытом базаре (собот) торговали красками, размещались и мастерские красильщиков, местных евреев, окрашивавших шелковую и бумажную пряжу в синий цвет, бойня (кушхона) и лавки мясников. Торговля красителями велась и в караван-сарае этого квартала, там же находились склады таких товаров. Один караван-сарай служил складом и рынком бузгунча [438]. Здесь же шла торговля кошенилью и анилиновыми красками, привозившимися в Бухару из Европы через Афганистан и Индию. Красками торговали афганские купцы, которые, приезжая, останавливались в караван-сараях этого квартала. Здесь же находились склады белой кожи (меши). Всего в квартале было четыре караван-сарая, в одном из них раньше производилась торговля рабами [439].

---

[437] Сообщения жителя этого квартала, старика кожевенника, и жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, 60 лет.

[438] Бузгунч — галл фисташкового дерева, употребляющийся как дубитель и краситель в черный цвет.

[439] Он описан в романе С. Айни «Рабы» (Сталинабад, 1952, стр. 40—41).

Мечеть квартала была очень старая, как и школа. К этому кварталу относилась баня, известная под названием Хамбоми Пои остона.

Название кварталу дала находившаяся здесь святыня — келья Ходжа Баховаддина Накшбанда, в которой, по поверью, он жил и умер. Еще лет 30 назад эта келья сохранялась и служила местом поклонения.

Квартал этот упомянут в вакуфной грамоте 1860-61 г.[440].

172. Квартал Мир-Иброхим ابراهيم مير (имя собственное), или Сари бозори Кали Фарход سر بازار كل فرهاد («У базара плешивого Фархада»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1929 — 19). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В этом квартале жили торговцы (например, атторы), муллы, ремесленники (ювелиры, гончары и др.). В центре квартала, на перекрестке, находились крытые ряды (собот), где размещались овощные лавки, чайная (самоворхона), пекарня. Тут же был караван-сарай — Саройи таш, где торговали кетменями[441]. По преданию, на этом перекрестке во времена Тимура произошла битва. В квартале была своя мечеть и школа.

Квартал Мир-Иброхим упоминается в акте 1911 г.[442].

173. Квартал Ходжа-калон خواجه كلان («Великий Ходжа» — прозвище джуйбарского ишана Ходжа Саъда, XVI в.)[443].

Ходжа-калон был одним из самых маленьких кварталов Бухары, он состоял из 15 домов (Т, 1930 — квартал Ходжа-калон зарегистрирован дважды: один раз в нем указано 11 и во второй — 24 дома). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Значительная часть жителей принадлежала к ходжам рода мир-хайдари. Как показывает название рода ходжей, они вели свое происхождение от Алия (Хайдар — араб. «лев», — прозвище Алия), по-видимому, че-

---

[440] ГА, ед. хр. 110. Описание составлено по сообщению жительницы этого квартала, 78 лет, являвшейся одно время членом гузаркома.

[441] Таш — в бухарском говоре «кетмень, мотыга».

[442] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 25. Сообщение жителя этого квартала, 59 лет, и др.

[443] Ходжа-калон в XVIII в. было названием чина и должности, на ходжа-калоне «лежит окарауливание государева гарема и доставление в царский гарем пищи и платья...» (А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 148). А. А. Семенов переводит термин «ходжа-калон» как «великий дворцовый евнух». Этот перевод неудачен, так как в Средней Азии не было обычая использовать для обслуживания гарема кастратов. Ходжа-калон было почетным титулом, «вторым после шейх-ул-ислама» (Д. В. Вороновский, Гульшен-ул-Мулюк Мухаммеда Я'куба Бухари, комментарии, (диссертация), Ташкент, 1947, стр. 285).

рез одну из его жен, не Фатиму[444]. В изучаемый период ходжи этого квартала не отличались знатностью, хотя и были людьми состоятельными. Квартал Ходжа-калон вообще считался кварталом богачей, однако особенно крупных баев там не было. Большинство его жителей занималось торговлей (обувью, чаем, мелочной торговлей). Некоторые семьи жили на доходы с земли, почему именовались дехканами (земли находились вне города и обрабатывались издольщиками).

В квартале имелась мечеть, было и медресе, известное под названием медресе Сарóйи таш («Медресе у склада кетменей»). Вдоль улицы квартала помещалось несколько мелочных и овощных лавок, пекарня и чайная (самоворхона). Этот базарчик относился и к соседнему кварталу Мир-Иброхим. В квартале имелся большой хауз, известный как хауз Ходжа-калон, он и дал кварталу название[445].

Как видно из вакуфной грамоты, датирующейся печатью Абдулфейз-хана (1711—1747), хауз этот построен ходжой Ульфат-ходжа ходжа-калоном, сыном Абдулло-ходжи, причем указано, что хауз находится в квартале Каппони мавиз[446]. Таким образом мы узнаем старое название квартала Ходжа-калон.

174. Квартал Мулло Пайрави ملا پیروی (имя собственное).

Квартал состоял из 50 домов (Т, 1928 — 48 домов). Население было таджикоязычное, несколько семей было форсов. Большинство жителей принадлежало к духовенству: тут жили мударрисы, читавшие лекции в бухарских медресе, муллы, занимавшиеся чтением молитв, имамы мечетей. Немало было также в квартале торговцев. Часть жителей занималась ремеслами: сапожным (музадузи), ювелирным и др. В этом же квартале жил один представитель служилых людей в чине караулбеги. Он был из форсов.

В квартале имелась мечеть. Достопримечательностью и святыней была келья (чиллахона) Ходжа Порсо[447] или его школа (мактаб), или библиотека (китобхона). Правильность последнего подтверждается вакуфной грамотой 1407-08 г., где упоминается библиотека Ходжа Порсо, находящаяся на улице Дехканов[448]. Таким образом, выясняется старое название квартала Мулло Пайрави. Остатки здания до недавних

---

[444] Предания о происхождении разных родов ходжей от других жен Алия (не Фатимы) в Бухаре очень распространены.

[445] Сообщения старика халвогара (мастера по изготовлению сладостей) из квартала Корхона и водоноса, лет 50, из квартала Мир-Иброхим

[446] ГА, ед. хр. 315.

[447] О Ходжа Порсо см. в описании квартала Ходжа Порсо (№ 207).

[448] ГА, ед. хр. 55. Об улице Дехканов см. ниже, стр. 295.

пор сохранялись. Вследствие поднятия почвы в течение многих веков и небольшой высоты строения оно было в 1947 г. почти совершенно скрыто в земле. Вход завален. До революции здание, считавшееся мазаром, содержалось в порядке, над ним возвышался шест с хвостом яка.

В квартале имелась мечеть. Упоминания квартала или мечети Мулло Пайрави в актах не встречено и потому неизвестно, к какому времени относится это название. По преданию, Мулло Пайрави был современником Ходжа Баховаддина Накшбанда и Саид Мири Кулоля [449].

175. Квартал Мавляви Мирзоджон مولوی میرزا جان (имя духовного лица).

Квартал состоял приблизительно из 60 домов. Население было таджикоязычное, в большинстве состояло из торговцев.

В квартале имелась своя мечеть, помещавшаяся в простом каркасном здании, а также помещение для омовений (тахоратхона). Своей святыни в квартале не было [450].

176. Квартал Авлиёйи гариб اولیای غریب («Святой чужеземец», здесь: имя собственное, ставшее названием мазара).

Квартал состоял из 60—70 домов (Т, 1929 — 20 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занималось ремеслами и торговлей. Жили здесь и муллы.

К мечети квартала примыкало медресе Домулло Рузи, построенное в самом начале XX в. Среди жителей оно было больше известно под названием медресе Авлиёйи гариб. В квартале имелось два мазара, могилы двух «святых»: Авлиёйи гариб (именем которого назывался квартал) и Авлиёйи кабир. Вокруг обоих мазаров были небольшие кладбища, причем существовало поверье, что второй «святой» «не принимает мертвецов» (мурда́я кабул намекунад): похороненный на этом кладбище труп в ту же ночь оказывался выброшенным из земли, а похоронившие его наказывались болезнью или смертью. Поверье считает этих «святых» братьями (ака-ука) [451]. По «Книге Мулло-зода» Авлиёйи гариб был сыном Авлиёйи калона, который являлся халифой шейха Абдухолика Гиждувони [452], что датирует время его жиз-

---

[449] Сообщения жителя этого квартала, 60 лет, и др.

[450] Сообщения жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, 60 лет, и его жены, уроженки квартала Авлиёйи гариб.

[451] Сообщения уроженки этого квартала Ахроровой, 45 лет, и ее мужа Ахьёра Ахророва, 60 лет, уроженца и жителя квартала Дегрези.

[452] «Книга Мулло-зода», стр. 66—67.

ни XIV в. Квартал Авлиёйи гариб упомянут в вакуфной грамоте 1840-41 г. и в нескольких более поздних [453].

177. Квартал Чохи занджир چاه زنجیر («Колодец с цепью»).

Квартал был большой, по сообщению, по-видимому преувеличенному, состоял из 160 домов (Т, 1929 — 52 дома). Население было таджикоязычное. Несколько семей принадлежало к форсам (которые составляли большинство населения соседнего квартала Тупхона). Некоторые жители занимались ремеслами (около 5 домов принадлежало ювелирам). Много было здесь мулл, из них несколько мударрисов, наиболее известные — Домулло Араб и Махсуми Аджаль. Жил в квартале также и откупщик по имени Абдунаби-иджорадор [454].

В квартале имелась мечеть. Об остальных общественных учреждениях сведений нет. Достопримечательностью квартала, определившей его название, был имевшийся там колодец, который бухарцы считали самым старым колодцем города (Чóхаш бисьёр кухна, аз ин кухнатар чох нест да Бухоро). Название квартала известно с конца XVII в.— он упомянут в вакуфных грамотах 1685-86 и 1782-83 гг. [455].

178. Квартал Тупхона توپخانه («Помещение для пушек», «арсенал»).

Квартал состоял из 90 домов (Т, 1929 — 95 домов). Значительную часть его населения составляли форсы, остальные были бухарцами, говорившими по-таджикски, но считавшими себя узбеками. Форсы, проживающие в этом квартале, считают, что их предки пришли в Бухару очень давно, значительно раньше, чем форсы Джуйбара. Это мнение, по-видимому, соответствует действительности, о чем свидетельствует, во-первых, значительно бóльшая ассимиляция этой группы форсов с окружающим населением [456], а во-вторых, их поселение в старой, центральной, всегда наиболее густо населенной части города, в то время как форсы Джуйбара жили в са-

---

[453] ГА, ед. хр. 238 и др.

[454] Иджорадор — человек, берущий на откуп получение доходов с вакуфного или казенного имущества. Иджорадоры принадлежали к крупнейшим богачам.

[455] ГА, ед. хр. 494 и 397. Сообщения Косимджона Миракова, ювелира, 60 лет, из квартала Азизон; мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса и его родственницы, 60 лет, жительницы квартала Чóхи занджир.

[456] Это, впрочем, может объясняться условиями жизни небольшой сравнительно группы ирани среди массы местного таджикоязычного населения.

мом молодом районе города. По своим занятиям форсы квартала Тупхона являлись в большинстве мотальщиками шелка (пиллакаш) и ткачами шелка (шохибоф, бахмалбоф). Среди них были также строители: плотники и каменщики. Бухарцы, жившие в этом квартале, занимались другими ремеслами (например, изготовлением сладостей — халвогари) и торговлей. Здесь жили и богатые купцы: торговец коврами и крупный торговец кустарным бархатом Бако-бой, лавка которого находилась в тиме Абдулла-хана. Это свидетельство о том, что Бако-бой принадлежал к купеческой верхушке — мелкие торговцы в этом тиме места не получали. Этот бай незадолго до революции построил в квартале Тупхона небольшое медресе.

В квартале находились два казенных эмирских дома, в которых жили различные должностные лица (сипо), в последнее время здесь жили кулябец Мансур-бий и один чиновник-бухарец.

Здание мечети было из жженого кирпича, с балочным перекрытием. Имелся и мактаб. При доме форса — духовного руководителя шиитской религиозной общины квартала был шиитский молитвенный дом (хусайнияхона). Там проводились траурные обряды ашури, посвященные смерти Хусейна. В квартале был большой мазар, по сообщениям, очень старый, известный под названием Ходжа Суфиёни Саври. Там было несколько могил, возле которых был поднят очень высокий шест (туг). Этот мазар упомянут в «Книге Мулло-зода», причем говорится, что он находится «недалеко от ворот Камаргарон»[457]. Временами по мазару назывался и квартал, что видно из вакуфных грамот 1680, 1695-96 и 1828-29 гг.[458]. Второй святыней был небольшой мазар, который считался могилой патрона мясников, «святого» Джон-Марди кассоб, или, по некоторым сообщениям, Аббос-Джон-Марди кассоб. Эта могила была вделана в наружную стену дома, находившегося на углу одного из переулочков, попав туда, видимо, при постройке этого дома, занявшего и территорию мазара. В Узбекистане имелось несколько мазаров Джон-Марди кассоб, несомненно, это один из древних народных культов[459].

[457] «Книга Мулло-зода», стр. 69.

[458] ГА, ед, хр. 129, 494 и 305. Следует отметить, что имя «святого» Суфиён всегда пишется через «син» в отличие от названия второго бухарского квартала Суфиён (Суфии), который пишется через «сад». Саври, безусловно, связано с названием солнечного месяца саур, происходящим от названия созвездия Тельца.

[459] В статье Ю. В. Кнорозова «Мазар Шамуннаби» сообщается о наличии такого мазара (под именем Джумарт-кассоб) в Хорезме и высказывается предположение, что «Джумарт Кассоб может быть сопоставлен с Гайомардом зороастрийских источников» («Советская этнография», 1949, № 2, стр. 93).

Название Тупхона встречено в поздней грамоте 1915-16 г.[460].

179. Квартал Раъд-зада رعد زده («Убитый молнией») [461].

Квартал состоял из 25—30 домов (Т, 1929 — 30 домов). Населен был таджикоязычными бухарцами (осталось невыясненным, к таджикам или узбекам они себя причисляли). Несколько семей принадлежало к узбекам племени батош. Они были родом из Карши, переселились оттуда давно и, ассимилировавшись с таджиками, переняли таджикский язык. Однако связь с прежней родиной сохранилась, о чем свидетельствует специализация представителей этих семей на торговле коврами и паласами — последние изготовлялись, как известно, в районе Карши. Остальное население квартала также занималось преимущественно торговлей: здесь жили торговцы рисом, кожей — как привозимой из России лакированной (амрикон — «американской»), так и местной кожей сорта булгори («булгарская») [462].

Имелась своя мечеть. Сведений об остальных общественных зданиях нет.

В вакуфной грамоте 1692-93 г. упоминается мечеть Ходжа Мухаммади в квартале Раъд-зада [463].

180. Квартал Ходжа Низомиддини поён خواجه نظام الدين پايان («Ходжа Низомиддин (имя собственное) нижний», также «южный»), или Халолхурон حلالخوران («Едящие ритуально чистое» или «честно заработанное») [464].

Квартал состоял из 30 домов (Т, 1930 — 46 домов). Население было таджикоязычное, занималось главным образом торговлей. Здесь жили торговцы овощами, мелкие лавочники — торговцы фабричными тканями (баззоз).

---

[460] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 288. Описание составлено по сообщениям группы старожилов этого квартала.

[461] Арабское слово «раъд», по объяснению А. М. Беленицкого, употребляется для обозначения оружия (камони раъд — «каменные ядра»). «Раъд» был употреблен при осаде Хорезма в 1379 г. По предположению А. М. Беленицкого, употребление слова «раъд» («гром») указывает, что это было оружие огнестрельное (А. М. Беленицкий, О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках,— «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15, Сталинабад, 1949).

[462] Сообщение жителя соседнего квартала, сапожника.

[463] ГА, ед. хр. 494.

[464] Это название объясняют тем, что якобы, когда в Бухаре началось изготовление лепешек на продажу, эмир, желая обеспечить ритуальную чистоту хлеба, приказал брать закваску для теста у живших в этом квартале ходжей, потомков Ходжа Низомиддина.

Имелась своя мечеть, мактаба не было, дети обучались в соседних кварталах.

Раньше этот квартал составлял одно целое с кварталом Низомиддини боло. Отделение произошло, по-видимому, лет сто назад, в середине XIX в.: старожил этого квартала, 70 лет, слышал об этом со слов современника события. Поводом к разделу якобы послужила ссора двух братьев. Младший, поссорившись со старшим, не захотел ходить в одну с ним мечеть и, будучи человеком состоятельным, построил вторую мечеть. Вокруг нее образовался новый приход, что и оформило выделение нового квартала [465].

181. Квартал Ходжа Низомиддини боло خواجه نظام الدين بالا («Ходжа Низомиддин верхний», также «северный»).

Квартал состоял из 22 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, таджиками там называли форсов. Занятием большинства жителей была мелочная торговля. Жили там и ремесленники, например один ткач (адрасбоф), работавший наемным мастером (халфа) у какого-то крупного устокора на Хыёбоне. Из трудящихся здесь жило также несколько водоносов, разносивших воду из хауза Мирзо Гафур. В одной из улочек находились дома ходжей, потомков «святого», давшего кварталу имя.

По преданию, носящему черты исторической правдоподобности, смешанной с вымыслом, этот «святой» поселился здесь во времена Насрулла-хана (1827—1860). Он приехал из Герата и привез с собой халат (хирка), шапку (кулох) и коврик для молитвы (джойнамоз), которые он выдавал за вещи, принадлежавшие пророку Мухаммеду, и, конечно, использовал для получения приношений от верующих. Согласно преданию, «святой» пользовался большим авторитетом у эмира, который при всяких затруднениях обращался к нему за советом. В случае нападения на Бухару врагов — что было не редкостью в ту эпоху, наполненную междоусобными войнами,— эмир приезжал спросить совета у Ходжа Низомиддина. Последний осведомлялся, дошли ли враги до Регистана. Только узнав, что враги уже в самом центре города, на Регистане, «святой» читал молитву (фотиха) и затем говорил эмиру: «Поезжайте теперь, посмотрите, что сталось с вашими врагами». И враги якобы неизменно оказывались отброшенными. На территории квартала находилась тюрьма (зиндон).

---

[465] Сообщения жителя квартала Ходжа Низомиддини боло, по происхождению араба, 70 лет, и жителя квартала Тагбандбофон — Восеева, ювелира, 59 лет.

Имелись мечеть, школа и мазар Кучкор-ато («Отец Кучкар») [466]. Мазар этот, в котором, по-видимому, дошли до нашего времени отголоски какого-то очень древнего культа, находился на территории зиндона. Он пользовался почитанием и считался «сильным» (зур), вследствие чего никто не осмеливался въезжать верхом на холм, где помещался зиндон: всадники обязательно спешивались и вели верховое животное на поводу. Особенностью культа было то, что если на мазаре приносили жертву, то это должны были быть бараны-производители (кучкор), почему на этом мазаре было особенно много больших бараньих рогов.

Квартал Ходжа Низомиддин упомянут в вакуфных грамотах 1872-73 и 1900-1901 гг. [467].

Джариб одиннадцатый. Искандар-хон

«Микрорайон» Искандар-хон располагался в северной части города, прилегая к городской стене между воротами Хазрат Имом и Самаркандскими, на юге доходя до Регистана. Эта территория до постройки стены в XVI в. не входила в черту города, хотя, возможно, в домонгольский период часть ее и была охвачена стеной. Восстановление стены, разрушенной при взятии Бухары войсками Чингиз-хана, вероятно, произошло спустя довольно значительное время, так как целые полвека продолжались смутные времена, происходили частые нападения монгольских отрядов (в 1263, 1273 и 1276 гг.). Бухара сильно пострадала от таких нападений, все больше сокращалось население этого города и нарушалось нормальное течение городской жизни. Ибн Баттута в 1333 г. застал бóльшую часть рынков, мечетей и медресе лежащими в развалинах [468]. Возможно, восстановление стен было связано уже с эпохой Тимура и Тимуридов. По крайней мере известно, что укреплением стен Бухары занимался Улуг-бек [469]. В. А. Шишкин, ведший археологические наблюдения при

---

[466] К у ч к о р — букв. «баран-самец». Слово это употреблялось также в качестве мужского имени, которое давалось мальчику, если в семье не выживали сыновья.

[467] ГА, ед. хр. 508—509. Сообщение старожила этого квартала, араба по происхождению, 70 лет, в прошлом водоноса.

[468] О Бухаре послемонгольского периода см.: В. В. Б а р т о л ь д, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 151; «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 314, 315 и 325, прим. 1; см. также: Е. А. Д а в и д о в и ч, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии XIII в. после монгольского нашествия,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 6.

[469] روضة الصفا, литогр. изд., Бомбей, кн. VI, 1271/1854-55, стр. 150. За указание на этот источник автор приносит благодарность А. М. Беленицкому.

строительных работах в Бухаре в довоенный период, сообщил в беседе, что на этой территории остатков керамики и других следов жизни прошлых веков было гораздо меньше, чем в других частях города.

В соответствии с этой особенностью джариба Искандар-хон составляющие его кварталы, особенно расположенные в его северной части, были окраинными по своему характеру. Здесь, в частности, находился один из центров кожевенного производства, занимающего, как правило, всегда окраины городов. Здесь же был расположен квартал плетельщиков циновок Буйробофон, который сохранял свою обособленность, в результате чего его население не слилось с остальным населением Бухары и сохранило свой узбекский язык и особенности бытового уклада. Кварталы этого «микрорайона» были сравнительно велики по площади и числу домов, что свойственно больше всего окраинным кварталам.

На плане из архива Лерха мы не находим ни одного махалла, которое мы могли бы сопоставить с джарибом Искандар-хон. Вследствие искажений в конфигурации территории города, а также ошибочного размещения других махалла для этого джариба на плане места не осталось. Название Искандар-хон дано ему нами по одному из наиболее значительных и старых кварталов.

В джариб Искандар-хон включено 19 кварталов: Арабон (или Таи зиндон, или Кучкор-курчи), Мадали-хаджи, Хаджи Рофеъ, Ходжа Гоиб, Джон-Кубоди калон, Джон-Кубоди хурд (или Шур-куль), Чоршанби-казок, Маддохон, Истемур (или Атламиш), Искандар-хон, Бозори чуб (или Мӣри табиб), Катаган, Буйробофон, Олим-ходжа, Зехтоби, Чорбакколи Дарвозайи Самарканд, Шóхи Ахси, Чуббоз, Корхона.

182. Квартал Арабон عربان («Арабы»), или Таи зиндон تە زندان («Возле тюрьмы»), или Кучкор-курчи قوچقار قورچی (имя человека в чине курчи) [470].

Квартал состоял из 110 домов (Т, 1930 — квартал включен в список два раза, оба раза отмечено 29 домов) [471]. Население было таджикоязычное, но одна часть его считала себя узбеками, другая — таджиками, третья — арабами. Последних было 40 домов, они и дали кварталу его наиболее популярное в народе название. Среди жителей квартала было много ремесленников: сапожники (кафшдуз), ювелиры, слесари, каменщики, плотники. Были также водоносы, мелкие

[470] Курчи — чин военных из иноземных рабов, составлявших личную гвардию эмиров XVII в. («История народов Узбекистана», т. II, стр. 81).

[471] Так как в Бухаре имелось два квартала Арабон, вопрос о том, к какому из них относятся данные сведения, неясен.

торговцы и скотопромышленники (гуспанд-джаллоб). Кроме того, в квартале жило несколько чиновников и военачальников: главный казначей (хазиначи), командующий 6000 солдат (лашкар-боши), командующий 1000 солдат (саркарда) и чиновник, ведавший прошениями и жалобами (додхох) [472].

В этом квартале помещалось полицейское управление (миршабхона) и жил в казенном доме дядя (амак) эмира, который находился под домашним арестом и не имел права выходить за порог дома. С ним никто из жителей квартала не общался. Обслуживали его специальные слуги, из арка нередко присылали ему еду.

В квартале имелись мечеть и медресе Садир-бий. Оно было одноэтажным, лишь одна келья была выстроена над воротами (дарвозахона). Напротив этого медресе, под самой стеной арка, находилась святыня квартала — мазар Чиль духтарон («Сорок дев»), представлявший собой небольшой навес, у которого стояло два шеста (туг). По преданию, здесь скрылись в болоте (шур) сорок дев, которые не хотели оставаться среди безнравственных людей. Название этого мазара в какой-то период было и названием квартала (возможно, неофициальным): в грамоте 1823-24 г. упоминается квартал Чиль духтарон [473].

Название Таи зиндон квартал получил по находящейся рядом тюрьме. Название квартала Кучкор-курчи встречено в двух грамотах: 1856-57 и 1921-22 гг. В более ранних грамотах названа мечеть Кучкор-бия (1716-17 г.) и Кучкор-бек-бия-кушбеги (1713, 1723-24 и 1760-61 гг.) [474]. Так как три последние грамоты составлены от имени сыновей Кучкор-бека, сделавших пожертвование в пользу мечети его имени, можно заключить, что он жил в конце XVII — начале XVIII в. Возможно, что Кучкор-бий — то же лицо, что и Кучкор-курчи — изменения в званиях отражают его возвышение с должности курчи (находясь на которой он, возможно, построил мечеть) до должности кушбеги, в которой он умер [475]. Тождественность Кучкор-курчи и Кучкор-бия подтверждается косвенно грамотой 1917-18 г., в которой говорится о мактабе квартала Кучкор-бий.

---

[472] Пояснения, касающиеся функции лашкар-боши и саркарда, сведения о количестве войска, находившегося под их командованием,— даны информаторами. По А. А. Семенову, тупчи-бошийи-ляшкар были подчинены все начальники воинских частей (саркарда) («Очерк устройства...», стр. 59).

[473] ГА, ед. хр. 305. Сообщение Вафоджона Нуруллаева, 60 лет, из этого квартала.

[474] ГА, ед. хр. 176, 177, 494, 178, 1125, 1136, 1174.

[475] О значении термина «кушбеги» в XVIII в. см.: А. А. Семенов, Бухарский трактат..., стр. 148.

183. Квартал Мадали-хаджи محمد علی حاجی (имя собственное).

Квартал состоял из 30—35 домов (Т, 1930 — этот квартал указан дважды: один раз в нем отмечено 28, второй раз — 47 домов). Население было смешанное: большинство составляли местные таджикоязычные бухарцы, меньшинство — тюркоязычные семьи служилых людей (сипо), а также богачей, переселившихся в Бухару сравнительно недавно. Один из них, Абдушукур-бой, торговец каракулем, приехал из Каракульского тумана. Рядом с медресе Абдулазиз-хана он построил большое медресе, известное под его именем, а также мост через Зеравшан возле Вабкента. Тюркоязычны были семьи братьев-богачей, скупщиков хлопка (гуза-джаллоб), Хомид-бека и Кобиль-бека, так же как и приехавшая недавно откуда-то одна знатная узбекская семья (в сообщениях — бекхо). Среди живших в квартале служилых людей самым высшим по чину был туксабо; он происходил из коренных бухарцев, семья была таджикоязычной. Здесь жили также мирохур, джевачи и дахбоши[476]. Проживали здесь также сарбазы из бухарцев, имевшие в этом квартале дома и семьи[477].

Мечеть квартала Мадали-хаджи упоминается в вакуфной грамоте 1767-68 г., а в грамоте 1703-04 г. упомянуто медресе Мухаммад-Али-хаджи[478], находившееся в квартале Кош-мадраса. Это позволяет предполагать, что и строительство квартальной мечети Мадали-хаджи было осуществлено скорее в первой, чем во второй половине XVIII в., когда, возможно, в ее пользу был завещан дополнительно вакф. Социальное положение строителя этих учреждений характеризуется упоминанием в последней грамоте имени его отца — Мехтар Алибия, из чего видно, что Мухаммад-Али-хаджи был сыном одного из высших сановников ханства.

184. Квартал Хаджи Рофеъ حاجی رافع (имя собственное).

Квартал насчитывал 30 домов. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Специализации населения на одной профессии не было, здесь жили ремесленники (кузнецы-подковочники, ювелиры и др.) и торговцы. Из последних в квартале жили торговцы обувью (торговали са-

---

[476] Термин «дахбоши» употреблялся в двух значениях: в войске это был низший чин; по сообщению А. А. Семенова, так назывались также лица, которым были подчинены микрорайоны Бухары (джарибы). См.: А. А. Семенов, Очерк устройства..., стр. 48.

[477] Сообщения жителей квартала Музаффарова, ок. 70 лет, и его тетки, 80 лет.

[478] ГА, ед. хр. 351, 17.

погами из грубой замши желтого цвета) и торговец мелким скотом (гуспанд-джаллоб). Здесь жил также крупный бай, купец и предприниматель Джура-Чанглок, скупавший неочищенный хлопок (гуза) в коробочках, сдававший его для очистки беднякам и затем продававший хлопковое волокно. Мечеть представляла собой простую каркасную постройку, такими же были школа и тахоратхона. Здесь находилось также довольно большое медресе, построенное перед самой революцией упомянутым выше баем. Оно состояло из 32 келий, расположенных в два этажа. На улице, ведшей от центра города к Самаркандским воротам, были две мелочные лавки (бакколи) [479].

185. Квартал Ходжа Гоиб خواجه غایب («Скрывшийся святой»).

Квартал состоял из 60 домов. Население было таджикоязычное. Занималось преимущественно различными мелкими ремеслами — специализации квартала на каком-нибудь определенном ремесле не было. Кроме ремесленников здесь жили мелкие торговцы. Мечеть (на плане Парфенова — Фенина: Шукур-бий-кусоч) была из жженого кирпича, купольная, перед ней находился большой благоустроенный хауз. Сведения относительно школы расходятся, однако наиболее осведомленные информаторы сообщили, что мактаб имелся, была и тахоратхона. Святыней считался мазар Ходжа Гоиб, представлявший собой маленькое строение (хонача), окруженное небольшим кладбищем (пуштаи Ходжа Гоиб). Оно находилось на довольно высоком холмике и считалось древним. В то время, к которому относятся сообщения, там уже новых захоронений не производилось [480].

186. Квартал Джон-Кубод جان قباد (имя собственное, в просторечии — Джон-Кувад), или Джон-Кубоди калон جان قباد کلان («Большой Джон-Кубод»).

Квартал состоял из 50—60 домов (Т, 1930 — в квартале Джон-Кубат I — 57 домов, Джон-Кубат II — 64 дома). Население было таджикское, занималось торговлей кустарными тканями — алачой и канаусом, каракулевыми шкурками, грубой замшей желтого цвета, из которой шились сапоги (музáйи чаппа), бывшие в большом употреблении у сельского населения. Квартал имел большую мечеть, каркасную, мактаб и тахоратхону. У самых городских ворот располагался

---

[479] Сообщения жительницы квартала Мадали-хаджи, 80 лет, и музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Арабон.

[480] Сообщения Вафоджона Нуруллаева и бубниста — жителей квартала Арабон.

небольшой базарчик, где было несколько овощных лавок (бакколи) и самоворхона, в которой продавался кипяток.

Святыней считалась находившаяся у самой городской стены могила «святого», известного под прозвищем «Гесубардори Хазрат» («Поднимать локона Святого»), или, по-видимому более точно, «Гесубардóри имом Хусайн» («Поднимать локона имама Хусейна»). Значение этого имени и характер культа остались неизвестными, ясно только, что они связаны с культом внука Мухаммеда — Хусейна и, возможно, с шиизмом. Непосредственно за стеной, снаружи, находилась другая почитаемая могила, которая приобрела значение мазара совсем недавно: это была могила некоего Шукур-бека, которого, по преданию, Ботур-хан (эмир Насрулла-хан, 1827—1860) велел сбросить с помещения для музыкантов (нагорахона) над воротами арка. Рассказывают, что Шукур-бек остался невредимым, вскочил на ноги и бросился бежать, однако его снова схватили и прирезали[481]. Возможно, что в почитании могилы этого человека сказалось крайне неодобрительное отношение народа к эмиру Насрулла-хану, который отличался необычайной даже для бухарских эмиров жестокостью, заслужив прозвище Ботыр-кассоб («Батыр-мясник»). Возможно, именно это лицо дало название мечети квартала Шукур-бий, упомянутой в двух вакуфных грамотах: 1887-88 и 1915-16 гг.[482].

Название мечети Джон-Кубод-доруга встречается в вакуфной грамоте 1773-74 г.; эпитет «доруга» показывает, что строителем мечети был чиновник. В другой грамоте — 1845 г.— оформляется завещание вакфа в пользу тахоратхоны этого квартала[483].

187. Квартал Джон-Кубоди хурд جان قباد خرد («Малый Джон-Кубод», Джон-Кубод — имя собственное), или Шур-куль شور كول («Солончаковое болото»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население его не отличалось от населения квартала Джон-Кубоди калон ни по языку, ни по бытовому укладу. Жили здесь ремесленники — мастера по выделке ослиных седел (тукумдуз) и уличные рассказчики религиозных историй (маддох), которые составляли население соседнего квартала Маддохон.

Квартал имел небольшую мечеть и школу. На его территории находилось большое солончаковое болото[484]. Этот квар-

---

[481] Сообщения музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Арабон и сурнайчи, 72 лет, уроженца пригородного кишлака.

[482] ГА, ед. хр. 381, 488.

[483] ГА, ед. хр. 494, 386.

[484] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон (Арабон) и сурнайчи, 72 лет, уроженца пригородного кишлака, и др.

тал, несомненно, раньше составлял одно целое с кварталом Джон-Кубоди калон. Когда произошло разделение — неизвестно, в грамотах XVIII в. упоминается один квартал Джон-Кубод, следовательно, это произошло позднее.

188. Квартал Чоршанби-казок چهار شنبه قزاق (имя казаха).

Квартал был очень маленький, состоял из 15 домов, расположенных вдоль улицы (Т, 1930 — 32 дома). Он был населен родственными семьями казахов, происходивших, по рассказам, от одного родоначальника — Чоршамби-казаха, который был маклером на верблюжьем базаре. С этой же профессией были связаны и остальные жители квартала. Как сообщают, казахи жили замкнутой общиной, не вступая с остальным населением Бухары в брачные связи,— как говорят, «и своих девушек не отдавали, и себе (чужих) девушек не брали». Вероятно, они сохраняли связи с казахами, жившими в сельских и степных районах, но этот вопрос остался невыясненным. Мечеть, по-видимому, обслуживала преимущественно завсегдатаев располагавшегося рядом с кварталом хлопкового базара, торговцев из находившихся здесь складов хлопка и шерсти и из рядов, где продавались циновки, находились мелочные лавки [485].

Квартал Чоршанби-корвон упомянут в грамоте 1899-1900 г., другая грамота, 1891-92 г., составлена от имени Чоршанби-корвонбоши бен Чакас-бой-казока, строителя и завещателя вакфа мечети квартала Атламиш [486]. Это позволяет предполагать, что квартал Чоршанби-казок выделился из квартала Атламиш.

189. Квартал Маддохон مداحان («Маддахи»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1930 — 54 дома). Население было таджикоязычное. Профессией большинства, в соответствии с названием квартала, было рассказывание на улицах, при скоплении народа, историй религиозного содержания. Эта специальность, вместе с репертуаром рассказов, была наследственной. Жили здесь также музыканты низшего ранга (сурнайчи, тамбурчи), бродившие по городу в поисках клиентов и выступавшие на семейных праздествах [487].

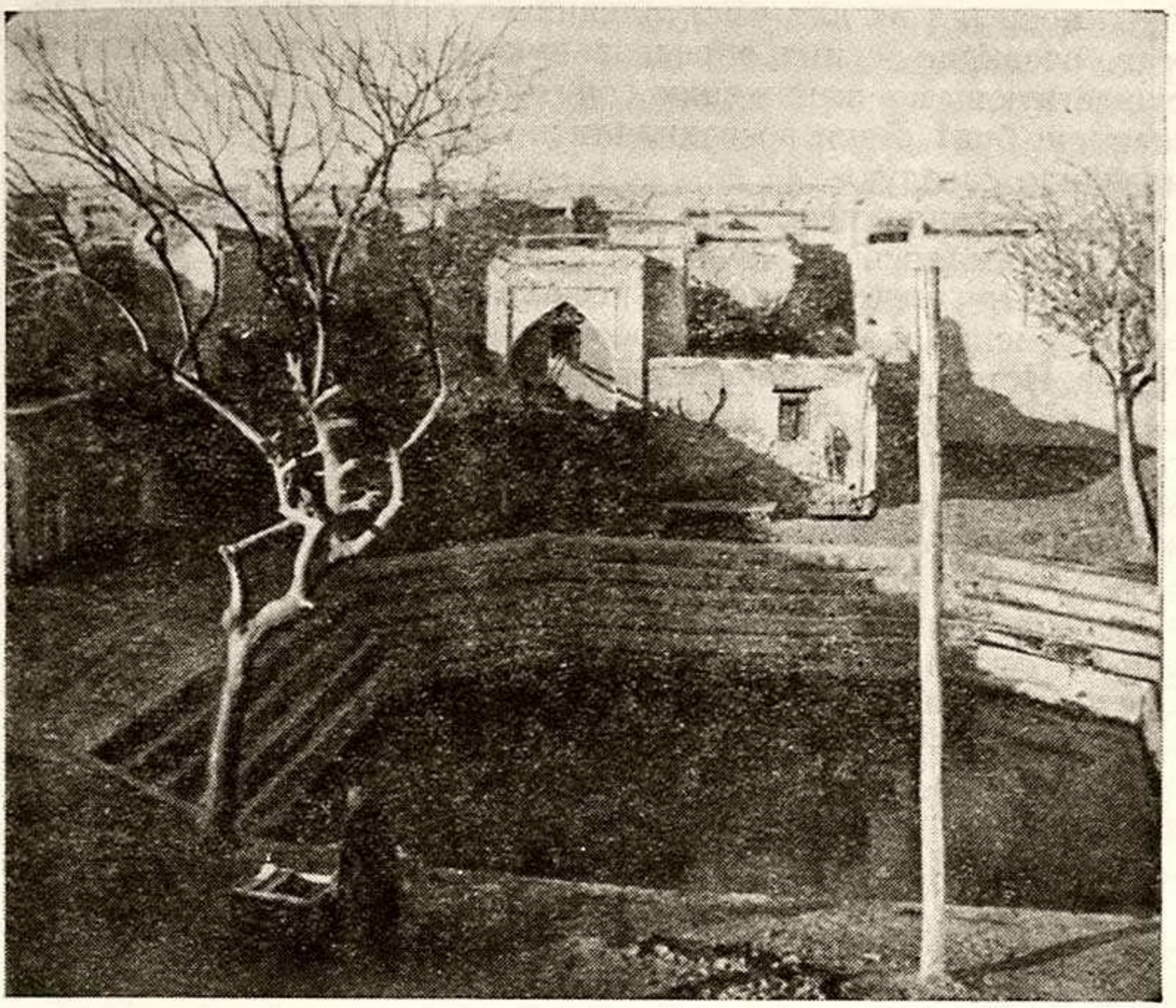
В квартале имелась мечеть. В противоречии с сообщениями информаторов и с планом Парфенова — Фенина, где от-

---

[485] Сообщения бубниста Кенджа из квартала Таи зиндон (Арабон) и его товарища-сурнайчи.

[486] ГА, ед. хр. 369 и 358.

[487] Сообщение Шоева, 50 лет, жителя квартала Искандар-хон.



Хауз и мечеть Истемур

мечена мечеть Маддохон, в поздней грамоте 1919-20 г. квартал Маддохон отождествляется с кварталом Джон-Кубод (гузари Джон-Кубод, машхур ба Маддохон) — «Квартал Джон-Кубод, известный как Маддохон» [488].

190. Квартал Истемур استیمور, или Атламиш اتلمیش (имена собственные).

Квартал состоял из 36 домов. Население было таджикоязычное. Занятием большинства жителей, как и в квартале Искандар-хон, было кожевенное дело (чармгари). Обработка кож производилась тут же, в квартале, у солончакового болота, занимавшего часть территории обоих кварталов. Кроме ремесленников в квартале жили торговцы дверями (дарфруш) и находились ряды с их лавками. Из этого квартала вышло много бачей, например знаменитые в Бухаре начала века Мулло-хон, Джура-хон и многие другие. Все бачи состояли в ведении миршаба, который, по заявлениям желаю-

[488] ГА, ед. хр. 507.

щих, посылал их для выступлений на тоях и праздниках, взимая, очевидно, с них определенную мзду в свою пользу: по существующему выражению, он «был их продавцом» (фурушандеш буд). Бачи возглавлялись старшиной, который носил название «аголук».

Квартальная мечеть отличалась высоким фундаментом, в нее поднимались по ступеням (зина). Потолок ее был расписной. При мечети имелось несколько келий, она считалась одновременно и медресе. Перед мечетью был большой хауз — Хаузи Истемур, на берегу его находился небольшой мазар.

С названием этого квартала связана легенда, согласно которой Атламиш был ханом, а Истемур — правителем области (хоким). Истемур отложился от хана, и между ними произошла война[489]. Раньше, по-видимому, квартал Истемур (Атламиш) составлял одно целое с кварталом Искандар-хон: в грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, мечеть Искандар-хон указана как находящаяся в квартале Атламиш[490]. Следовательно, разделение произошло позже конца XVIII в. Название Истемур в грамотах не встречено, но характер имени и легенда не позволяют считать это название квартала новым: видимо, оно было неофициальным, народным.

191. Квартал Искандар-хон اسکندر خان (имя собственное).

Квартал состоял из 75 домов. Население было таджикоязычное, но часть считала себя узбеками племени мангыт, часть арабами (семьи арабов происходили из Шафиркама). Остальные были бухарцами, говорящими по-таджикски, но называвшими себя узбеками. Основным занятием жителей квартала было кожевенное дело. Здесь вырабатывали белую баранью кожу (меши мепухтан).

В квартале была большая мечеть с плоским балочным перекрытием. По сообщениям, вакф этой мечети был очень велик: говорят, что он состоял из 1800 танапов земли, которая находилась частью в Ромитанском тумане, частью в Зияуддине и немного — в Катта-Кургане. Имам мечети ежегодно получал из доходов с вакуфных земель 10 тыс. танга, 8 тыс. получал муэззин мечети. Доходность этих должностей делала их очень заманчивыми. Сюда назначались крупнейшие муллы из родовитых семей духовной знати, и назначениями ведал сам эмир. Назначенные лица получали полагающиеся имаму вакуфные доходы, а имамские обязанности перепоручали другому лицу, которое совершало службу в мечети и требы, по-

---

[489] Сообщения уроженца квартала Искандар-хон — Шоева, 50 лет, и музыкантов — бубниста и сурнайчи, хорошо знающих город.

[490] ГА, ед. хр. 494.

лучая вознаграждение от прихожан. Кроме того, при мечети была 21 келья для чтецов Корана. Каждую неделю, в вечер под пятницу, являвшийся поминальным, 7 кори читали Коран (ха́тми куръон), вероятно, в поминовение строителя мечети. Каждый кори также получал большой доход — в 10 тыс. танга ежегодно. Мечеть была выстроена отцом Абдулла-хана [491]. Искандар-хан бен Джанибек-хан упомянут в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, где сказано, что «упомянутый Искандар-хан» — строитель и завещатель вакфа мечети квартала Атламиш [492]. Квартал Атламиш примыкал к кварталу Искандар-хон; следовательно, оба они в прошлом составляли одно целое [493].

К этому кварталу относились два кладбища: небольшое кладбище Пуштайи Искандар-хон и древнее кладбище Ходжа Сесарон, функционировавшее, по-видимому, до самого конца рассматриваемого периода; оно помещалось на холме, где находился мазар Ходжа Сесарон, представлявший собой небольшое строение, у которого возвышался шест с хвостом яка. Как показывает название мазара (сесарон — «трехголовые»), с ним была связана какая-то древняя легенда. У южного подножия холма было пять домов, где жили могильщики и сторожа (гурков и гурбон), обслуживавшие это кладбище [494].

192. Квартал Бозо́ри чуб بازار چوب («Дровяной базар») [495], или Мири табиб میر طبیب («Знатный врач»).

Квартал, по сообщениям, был немноголюдный (Т, 1928 — 61 дом). Его жители были таджикоязычны, в большинстве занимались торговлей лесом и дровами.

Мечеть помещалась на возвышенности, напротив хауза квартала Истемур, которым пользовались и жители окрестных кварталов. Первое название квартала объяснялось его местонахождением по соседству с лесным и дровяным базаром, вокруг которого группировались немногочисленные дома квартала [496]. По-видимому, этот квартал идентичен с указанным в

---

[491] О нем см.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 53.

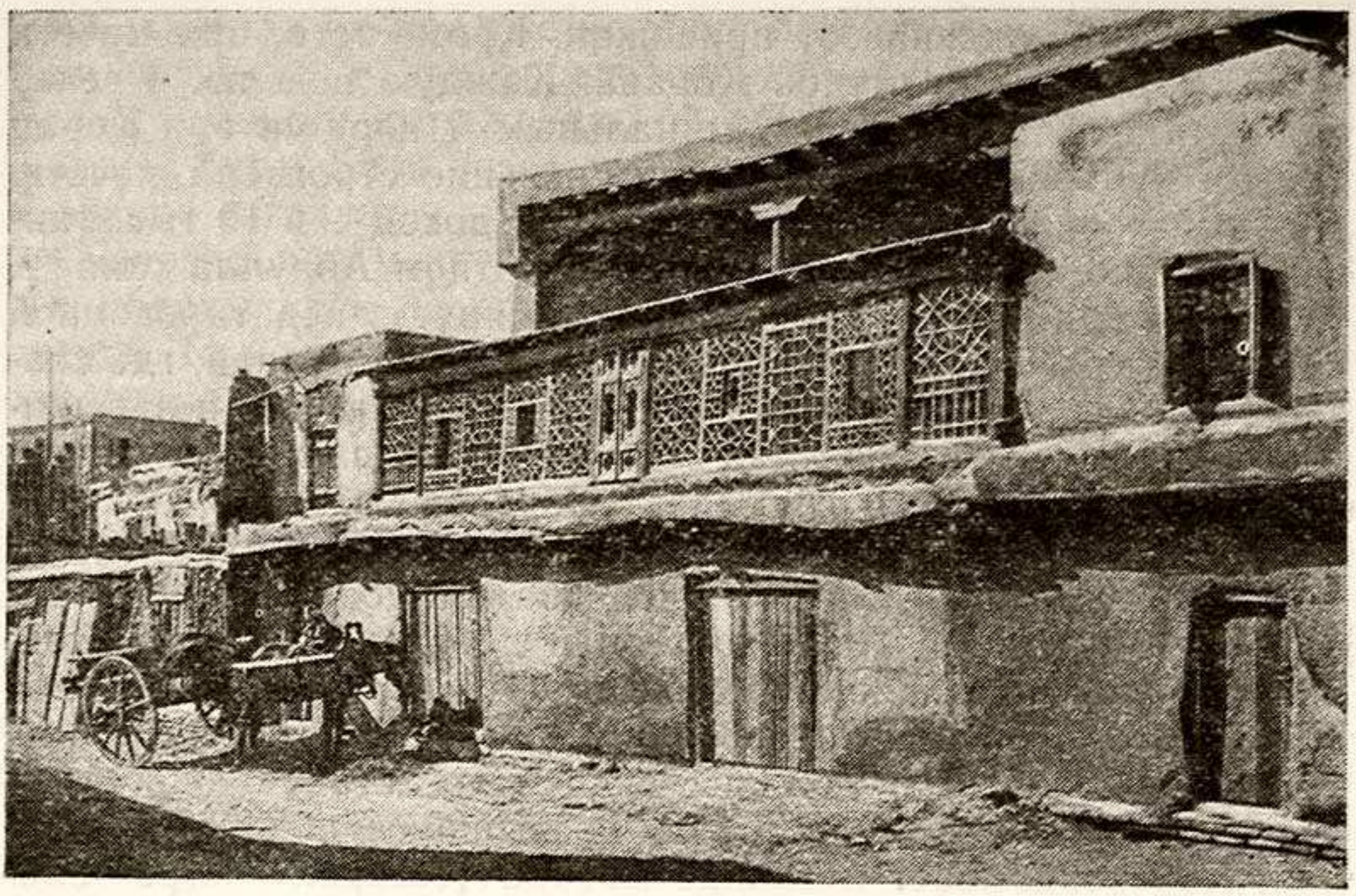
[492] ГА, ед. хр. 494.

[493] Среди актов имеется еще несколько заверенных печатью Шах-Мурада грамот, оформляющих вакуфные пожертвования в пользу мечети Искандар-хон. В одной из них говорится о квартале Искандар-хон (Куйи Искандар-хон), находящемся «к югу от Регистана» (ГА, ед. хр. 19). Следовательно, Искандар-хон построил две мечети, давшие названия кварталам, из этих названий к концу XIX в. сохранилось только одно.

[494] Сообщения уроженца этого квартала Шоева, 50 лет, и старика плетельщика циновок из квартала Буйробофон.

[495] На этом рынке продавался строительный лес.

[496] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон (Арабон) и сурнайчи, 72 лет, из пригородного кишлака.



Мечеть в квартале Ми́ри табиб (Бозори чуб)

экспликации к плану Парфенова — Фенина кварталом, мечеть которого названа «Мирзо-табиб или Мири табиб». Мечеть Мири табиб, «находящаяся в квартале Атламиш», упомянута в вакуфной грамоте 1819-20 г. Грамоты 1845 и 1914-15 гг. упоминают уже квартал Мири табиб [497]. Это показывает, что квартал Бозори чуб выделился из квартала Атламиш, в чем проявился закономерный процесс членения кварталов как форма развития города. В данном случае выявилась история членения квартала Атламиш и образования трех кварталов — Атламиш (он же Истемур), Искандар-хон и Мири табиб (он же Бозори чуб).

193. Квартал Катаган قتغن (катаган — название узбекского племени).

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1929 — 57 домов). Население в большинстве было таджикоязычное, занималось различными мелкими ремеслами и торговлей.

Три семьи живших в квартале служилых людей (сипо) происходили из Шахрисябза и были тюркоязычны, они принадлежали к узбекам племени кенегес. Узбеков племени катаган на памяти современного поколения в квартале не было.

---

[497] ГА, ед. хр. 305, 386, 362.

В квартале имелась своя мечеть. Сведений о наличии других общественных зданий нет [498].

Название квартала представляет собой часть его старого названия — Эр-Назар-катаган. Имя Эр-Назар-бий-девонбеги-катаган, как имя отца завещателя вакфа, Иброхим-бия-додхо, упомянуто в вакуфной грамоте 1786-87 г. [499].

194. Квартал Буйробофон بوریبافان («Плетельщики циновок»).

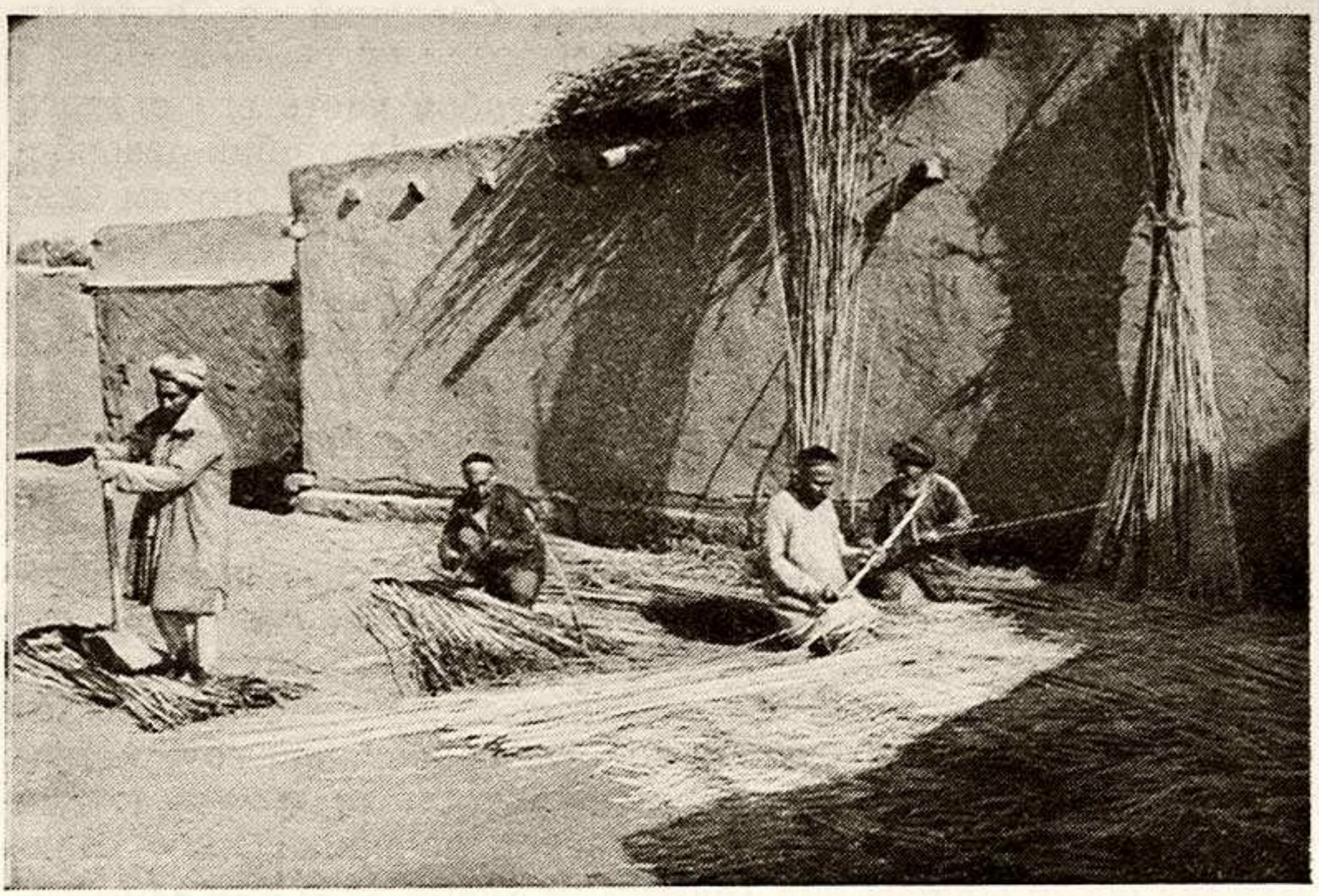
Квартал принадлежал к крупным, состоял из 110 домов (Т, 1929 — 42 дома). Население было тюркоязычное и делилось на две части: в южной половине квартала жила группа узбеков, выходцев из Хорезма (урганджи), в северной — группа обузбечившихся туркмен племени хидир-эли, по одним сообщениям, пришедшая в Бухару откуда-то со стороны Чарджоу. Большинство составляли потомки переселенцев из Хорезма, хидир-элинцев было мало. По сообщению группы пожилых жителей этого квартала, предки как тех, так и других были приведены в Бухару из Хорезма по приказанию Шах-Мурада после победы над хивинским ханом (его имя забыто). Сначала их поселили в центре города, но им там было тесно и неудобно, и они выбрали для поселения этот окраинный и тогда почти пустовавший квартал. Некоторые их родичи не захотели жить в городе, и эмир разрешил им самим выбрать подходящее место. Они поселились в местности Чет-арык (недалеко от Каракуля), где живут и поныне. Население квартала Буйробофон поддерживает с ними постоянные связи, с другими же группами «урганджи», которых в Бухаре было несколько, связей нет. Браки заключались преимущественно внутри этой группы жителей квартала и родственными семьями из Чет-арыка, а иногда и с «таджиками» (т. е. таджикоязычными бухарцами).

Хорезмцы и хидир-элинцы раньше составляли одно целое, и квартал возглавлялся одним аксакалом, но потом, «во времена Алим-хана», произошло разделение. Каждая группа хотела выдвинуть аксакала из своей среды. Не придя к соглашению, каждая группа выбрала себе особого аксакала, и таким образом внутри одного квартала образовалось как бы две самостоятельных общины. Как сложились отношения между ними, выяснить не удалось. Главным занятием обеих групп было плетение циновок, это ремесло они привезли со своей прежней родины. В квартале находился и рынок циновок —

---

[498] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон и флейтиста, 72 лет, из пригородного кишлака.

[499] ГА, ед. хр. 494.



Улица в квартале Буйробофон («Циновочники»)
Производство циновок на улице перед домами

Бозори буйро (буриё) [500]. Имелся торговый старшина («оксакóли бозор»), ведавший вопросами производства и сбыта циновок. К нему, например, обращались из арка, когда там бывали нужны циновки. Доставив заказанное, он получал бумагу, согласно которой из канцелярии девонбеги выдавали деньги. В квартале жило десять (по другим данным — 50) семей мыловаров, вырабатывавших самый последний сорт мыла (ширта) из остатков после варки обычного местного мыла. Они были таджикоязычны. Их производство раньше было здесь же, в квартале, но затем, вследствие того что оно связано с дурными запахами, его вынесли за пределы городской стены.

Мечеть построил, по-видимому, один из мыловаров, она называлась Мачити Хакими собунгар. Этому лицу народное предание приписывало и самое основание квартала на пустовавшем раньше месте, которое якобы называлось тогда Бешкаппа («Пять шалашей»). Мечеть Хакими собунгар значится и в экспликации к плану Парфенова — Фенина, где отмечены не кварталы, а только мечети. Название Буйробофон было, вероятно, не официальным, а народным названием квартала,

[500] Раньше базар циновок находился в квартале Амири, как это видно из актов XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 41 и дп.)

именно оно было широко известно, и в вакуфной грамоте 1846-47 г. упомянут квартал Буриёбофон, мечеть которого названа мечетью Хаджи Курбон[501]. Очевидно, это было имя другого, может быть более позднего, строителя квартальной мечети.

195. Квартал Олим-ходжа عالم خواجه (имя собственное).

Квартал был одним из многолюдных, состоял из 112 домов (Т, 1928 — 91 дом). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Несколько семей вели родословную от знатного хивинского рода, от переселившегося в Бухару знатного хивинца Мир-Саид-шо-Мухаммад-хона. В семье его потомков сохранились предания о том, что переселению их предка в Бухару предшествовала война между «белотулупниками» и «желтотулупниками» (окпустин и саригпустин) и поражение хивинского хана в битве с бухарцами на берегу Амударьи, в водах которой обратившийся в бегство хивинский хан кончил свою жизнь. Мир-Саид-шо-Мухаммад-хон обратился за покровительством к Насрулла-хану, ему и его близким было отведено место для поселения в Бухаре, его слуг и воинов, которых было довольно много, поселили в кишлаке Саросиё. Те, кто поселился в Бухаре вместе с Мир-Саид-шо-Мухаммад-хоном, полностью ассимилировались с бухарским населением и перешли на таджикский язык. В настоящее время в Бухаре живут прямые потомки Мир-Саид-шо-Мухаммад-хона: Мулло Хотам, 60—65 лет, и его сын Зиёдулло, который представляет шестое поколение переселенцев (Зиёдулло — Мулло Хотам — Абдулгафур — Абдулкарим — Мир-Саид Абдуррахим — Мир-Саид-шо-Мухаммад-хон). Часть населения квартала происходила из арабов (уру́гашон араб). Три семьи были тюркоязычны и связаны родством и происхождением с населением соседнего квартала Буйробофон и имели общую с ними профессию — плетение циновок. Таджикоязычное население занималось торговлей (дукондори); отдельные семьи жили на доходы с земли и назывались дехкон, хотя чаще эта земля обрабатывалась не ими самими, а сдавалась в издольную аренду. Часть населения занималась кожевенным ремеслом, выделывая белую кожу (меши). Кожевники жили на берегу солончакового болота, занимавшего часть территории этого квартала. Здесь жило также немало мулл, группировавшихся вокруг большой мечети, в которой имелись кельи для студентов, почему она считалась одновременно и

[501] ГА, ед. хр. 562. Сообщения жителей квартала Буйробофон: старика плетельщика циновок из хидир-элинцев и группы стариков урганджи.

медресе. Эта мечеть принадлежала к типу хонако — там происходили громкие радения (джáхру талкин), особенно часто совершавшиеся весной. Эта мечеть была в руках суфийского ордена Кодырия.

По сообщению некоторых жителей квартала Буйробофон, Олим-ходжа был из Хорезма («Урганч»). В последнее время в квартале Буйробофон жил его потомок — Бако-ходжа. Эти ишаны пользовались большой известностью, и на еженедельные радения в мечети Олим-ходжа собиралось очень много народа. В последние 10 дней месяца рамазан желающие уединиться для поста и молитвы (обычно это делали муллы с целью приобрести авторитет у населения) «сидели десятидневие» (даха мешиштан) в этой мечети, никуда не выходя, отделенные от остального мира и друг от друга занавесками. Сведений о прочих общественных зданиях этого квартала не имеется.

Квартал Олим-ходжа упомянут в поздней грамоте 1901-02 г.[502].

196. Квартал Зехтоби زهتابی («Плетение тесьмы»)[503], или Равгангарон روغنگران («Маслоделы»)[504].

В квартале было около 25 домов. Население было таджикоязычно, занималось в большинстве обработкой бараньих кишок, из которых делали струны для дутаров. Позже стали обрабатывать кишки для отправки их в Россию. Здесь жили также кожевенники (пусттарош), которые помимо обработки кож варили из их остатков клей (йилем мерехтан). Часть жителей занималась земледелием, возделывая имевшиеся в этом квартале участки земли, которые засевались люцерной и пшеницей. Часть жителей жила на доходы с земли, находившейся вне города и обрабатывавшейся издольщиками. И те и другие назывались дехкон. В этом же квартале находились сады, принадлежавшие крупным ишанам из соседнего квартала Шохи Ахси. Мечеть квартала Зехтоби, построенная, как говорят, каким-то маслобойщиком и получившая от него свое название — Равгангарон, была простая, каркасная; под этим названием она отмечена в экспликации к плану Парфенова — Фенина. При мечети было несколько купольных келий из жженого кирпича для учащихся медресе. Своей шко-

---

[502] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47/183. Описание составлено по сообщениям жителей этого квартала: Мулло Хотама, 60—65 лет, ювелира Восеева, 59 лет, в прошлом мюрида ишана хонако Олим-ходжа, и др.

[503] Некоторые информаторы объясняли это название квартала как «Выделка струн» (для дутаров).

[504] В Бухаре имелся второй квартал Равгангарон (в джарибе Мурдашуён).

лы в квартале не было, дети учились в соседнем квартале Шохи Ахси [505].

197. Квартал Чорбакколи Дарвозáйи Самарканд چهار بقالی دروازهٔ سمرقند («Базарчик у Самаркандских ворот») [506].

Квартал состоял из 112 домов (Т, 1928 — 67 домов). Большинство жителей было таджикоязычно, часть (возможно, связанная с населением соседнего тюркоязычного квартала Буйробофон) была тюркоязычна. Три семьи (мясники) были из форсов. В квартале жили также семьи сапожников (музадуз) и скупщиков хлопка (квартал находился недалеко от хлопкового базара). Остальное население в своем большинстве жило на доходы с земли, сдавая ее издольщикам.

Мечеть была старинного типа, купольная, при ней имелось 12 келий для учащихся медресе и мактаб, помещавшийся в простом каркасном здании. Имелось и помещение для омовений (тахоратхона).

Вдоль большой улицы, ведшей к Самаркандским воротам, помещалось несколько мелочных и овощных лавок и чайхана. Этот базарчик и дал кварталу его название [507].

198. Квартал Шохи Ахси شاه اخسی (прозвище ишана) [508].

Квартал принадлежал к самым многолюдным, по определению информаторов, в нем было 360 домов [509] (Т, 1930 — 105 домов). Квартал состоял из четырех отдельных частей, которые, однако, не выделились в самостоятельные кварталы. Собственно Шохи Ахси называлась центральная часть его территории, которая была наиболее многолюдной. Северная часть, расположенная на границе с Чорбакколи Дарвозайи Самарканд, носила название Лязгихо — «Лезгины», хотя на памяти современного поколения лезгинов там не было. Распространение среди жителей этой части квартала ювелирного ремесла (им занимались в 5 из 20 домов), возможно, было связано с проживанием здесь в прошлом лезгинов,

---

[505] Сообщения Мулло Хотама, 60—65 лет, из квартала Олим-ходжа и других жителей соседних кварталов.

[506] Чорбакколи — маленький базарчик.

[507] Сообщение Мулло Хотама, 60—65 лет, из квартала Олим-ходжа.

[508] Шохи Ахси (в просторечии — Шои Ахси) — «Царь Ахси» — прозвище известного суфия, строителя хонако Файзабад и, вероятно, мечети данного квартала. Ахси, или Ахсикет,— город в Ферганской долине, неподалеку от которого находилось местопребывание крупных ферганских ходжей, с которыми, возможно, были связаны происхождением и родовитые ходжи из квартала Шохи Ахси.

[509] См. выше, стр. 60—61.

которые имелись в составе населения Бухары и в начале XX в., занимаясь по большей части ювелирным делом[510]. Юго-восточная часть квартала носила название Кошуки. Как говорят, это название было ей дано вследствие ее крайней необеспеченности водой, что заставляло ее жителей воду считать ложками (кошук). Северо-западная часть называлась Кашкарихо — «Кашгарцы». Надежных сведений о происхождении населения этой части квартала получить не удалось.

Население квартала состояло в большинстве из таджикоязычных бухарцев, называвших себя узбеками. Здесь жило также несколько тюркоязычных семей (связанных, по-видимому, с тюркоязычным населением соседнего квартала Буйробофон) и несколько семей форсов, которые составляли большинство населения другого соседнего квартала Тупхона. В квартале Шохи Ахси жило несколько родственных семей сеидов или ходжей, к именам которых прибавлялась приставка «хон» (Султон-хон, Накшбанд-хон), подтверждающая их родовитость. Ведя свое происхождение от Алия и Хусейна (зятя и внука Мухаммеда), они считали себя арабами, хотя, конечно, не являлись ими ни исторически, ни антропологически, так как на протяжении многих веков они смешивались с бухарцами, мужчины женились на девушках, не принадлежащих к роду ходжей. В частности, за этих родовитых сеидов, так же как и за ходжей Джуйбари, постоянно выдавались девушки из арка, из семьи эмира или его родственников. В квартале жил также один представитель служилого сословия (сипо) — Назрилло-бек, в чине мирохура. Он происходил из гидждуванских узбеков, эта семья была тюркоязычна.

Занятием населения были преимущественно различные ремесла. Большинство занималось сапожным промыслом (кафшдузи), некоторые специализировались на пошивке овчинных тулупов (пустиндузи), 5—6 семей занимались ткачеством, изготовляя полушелковый адрас. Кроме того, здесь жили мастера по орнаментации тонких полупрозрачных шелковых платков способом батикования (резервации)[511].

Мечеть, прихожанами которой состояло население всех четырех частей, была добротная, большая, из жженого кирпича. Перекрытие было балочное. Эта мечеть служила как для ежедневных пятикратных намазов, так и для пятничных, общих. Она была также и местом совершения радений. Ее ишаны пользовались большой славой и властью и имели многочисленных мюридов. Мактаб квартала состоял из двух помещений: в верхнем (болохона) занятия происходили летом,

---

[510] О ювелирах-лезгинах см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 44.

[511] См. там же, стр. 81—82.

в нижнем — зимой. Имелось также старинное, с купольным перекрытием, помещение для омовений — как малых (тахорат), так и полных (гусл). Для омовений зимой каждое утро согревалась в котле вода. Считали, что это помещение построено одновременно с мечетью. Находившееся в этом квартале медресе Охунди Ихтиёр-хон было построено при Музаффар-хане одним шахрисябзцем, который был охундом в медресе Кукалтош [512].

Хонако Шохи Ахси упомянуто в недатированной грамоте, заверенной печатью эмира Шах-Мурада. В ней строителем хонако назван «Мир-Поянда Мухаммад, известный как Шóхи Ахси». Грамота оформляет крупное пожертвование в 1487 танапов земли и две лавки, сделанное Кучик-бий-углоном и другими лицами [513]. По сообщению весьма осведомленного жителя этого квартала — Накшбанд-хона Султанова (возможно, происходившего из потомков Шохи Ахси), Шохи Ахси умер в 1688-89 г. (1100 г. х.) [514].

199. Квартал Чуббоз چوبباز («Танцор на ходулях»), или Мирзоджони чуббоз میرزا جان چوبباز («Танцор на ходулях по имени Мирзоджон») [515].

Квартал состоял из 100 домов (Т, 1928 — 59 домов населенных и 18 пустовавших). Население было таджикоязычно. Занималось различными ремеслами: сапожным (кафшу махсидузи), строительным, изготовлением сладостей, выпечкой мясных пирожков (самбусапази). Здесь жили банщики (хамбомчи), торговцы овощами (баккол) и обувью (кафшу махсифруш).

В квартале имелись мечеть и мактаб, оба здания с плоским балочным перекрытием. Был также хауз [516].

200. Квартал Корхона کارخانه («Мастерская»).

По одним сообщениям, квартал состоял из 101 дома, по другим — из 150 домов (Т, 1929 — 105 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. По роду занятий большинство принадлежало к ремесленникам, среди которых было немало ткачей адраса. Некоторые из них имели

---

[512] Охун (д) — высший духовный чин, лицо, которому поручались занятия в главном медресе.

[513] ГА, ед. хр. 494.

[514] В действительности же он умер в 1601 г. («Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 331). Описание составлено по сообщениям жителя квартала Шохи Ахси, старика калгайсоза; жителя квартала Олим-ходжа, Мулло Хотама, 60—65 лет, и др.

[515] Это вышедшее из употребления полное название квартала, по-видимому, доносит до нас имя человека, когда-то отстроившего квартальную мечеть.

[516] Сообщение группы стариков из квартала Тупхона.

сравнительно крупные мастерские, в которых работало до пяти наемных мастеров (халфа). Кроме ткачей, в квартале жили мастера по орнаментации способом батика и перевязки тонких шелковых платков (калгайсоз). Ткань для них изготовляли жившие в Бухаре евреи, или она привозилась из Ферганы — здесь их только орнаментировали. Были в этом квартале также мастера по изготовлению бумажных платков способом набойки (румолсоз) и сапожники, изготовлявшие сапоги на твердой подошве (муза).

В квартале имелись своя мечеть и мактаб. Святыней считалась могила «святого» Юсуфа Хамадони[517]. Над ней было небольшое строение, и ткачи приходили сюда на поклонение (зиёрат), принося с собой жертвенное кушанье (буй — лепешки, жаренные в масле). Общественных жертвоприношений (арво́хи пир) ткачи здесь не совершали. Святыней считался и сам хауз: по поверью, под ним находится ткацкая мастерская (корхона) Юсуфа Хамадони. Считалось, что человек верующий и чистый сердцем, подойдя в пятницу к хаузу, мог услышать стук работающего станка и увидеть под желобом «святого», занятого работой. Это поверье было настолько живо, что при ремонте хауза, по рассказам, были приняты специальные меры, чтобы предохранить воображаемую мастерскую от просачивания в нее воды: стенки и дно хауза были покрыты водонепроницаемым раствором (кыр), который применялся при постройке местных бань и некоторых других сооружений.

Квартал Корхона упомянут в акте 1867-68 г., а хауз Корхона — в источнике XVI в., где говорится, что возле него построена мечеть[518].

На северо-востоке к кварталу Корхона примыкало большое кладбище, известное под названием Ходжа Нуробод (Нуробод, букв. «созданный светом»), помещавшееся, по-видимому, на месте какого-нибудь древнего святилища. Оно упомянуто в «Книге Мулло-зода», где говорится, что там похоронены многие святые, шейхи и духовные лица (уламо)[519]. В какой-то период название кладбища служило и названием квартала: в вакуфной грамоте 1824-25 г. назван квартал Ну-

---

[517] Ходжа Юсуф Хамадони был учителем Ходжи Абдухолика Гиждувани, основателя ордена ходжагон (см. «Собрание восточных рукописей», III, Ташкент, 1955, стр. 172). Умер в 1140 г. Оба суфийских «святых» считались покровителями отдельных отраслей ткацкого дела. Юсуф Хамадони считался патроном шелкоткачества (согласно рисоля ткацкого ремесла).

[518] ГА, ед. хр. 477. Сочинение Бадриддина ал-Кашмири «Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» («Собрание восточных рукописей», I, 1952, стр. 67, шифр 2094). Список 1589 г. На этот источник указала Р. Г. Мукминова, которой приношу благодарность.

[519] «Книга Мулло-зода», стр. 66.

робод[520]. У бухарцев имелось поверье, что Ходжа Нуробод, Ходжа Сесарон и Ходжа Аспгардон[521] были братьями (акаука). Примечательно, что это сложившееся, несомненно, в довольно позднее время поверье связалось с древнейшими бухарскими кладбищами, оказавшимися внутри города в результате его роста[522].

Невзирая на крайнюю тесноту внутри городских стен и дороговизну городских участков, обширная территория кладбища, находившегося в той части города, которая славилась хорошими климатическими условиями, не застраивалась. На кладбище среди множества могил имелось три больших мавзолея (гурхона). Один из них, более старый, имел купольное перекрытие. Он был известен под названием мавзолея Комил-бой (гурхонайи Комил-бой); второй, построенный лет 60—70 назад,— под названием мавзолея Очильди-бой. Приставка «бой» (богач) показывает, что это были богачи; откупив определенный участок кладбища, они, возможно, при жизни воздвигли семейную усыпальницу, в которой и были похоронены.

Джариб двенадцатый. Калобод

Джариб Калобод занимал северо-восточную часть города, располагаясь между Самаркандскими и Каршинскими (Каволя) воротами. На этом отрезке городской стены помещались и ворота Мазарские. Эта часть территории Бухары до постройки последней городской стены, вероятно, находилась вне города, была сельской местностью. Кварталы, особенно лежавшие около стены, больше, чем другие части города, сохраняли полусельский облик. Здесь располагалась большая часть садов, которых в Бухаре было очень мало, и даже пашни и огороды.

На плане из архива Лерха северо-восточное махалла названо Козиён (казии, судьи). Возможно, это связано с тем, что в этом «микрорайоне» находились два квартала, в составе названия которых значатся казии. Но если этот джариб и имел такое название, то как просторечное, неофициальное. В источниках для него мы встречаем другое название, старое и хорошо известное в Бухаре — Калобод. Оно встречается в источнике XV в. «Книге Мулло-зода» и в одной очень ста-

---

[520] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47/61. Сообщения старожилов этой части города.

[521] Кладбище Ходжа Сесарон помещалось около Самаркандских ворот (см. описание квартала Искандар-хон, № 191); кладбище Ходжа Аспгардон, или Ходжа Чоршанби,— на востоке от Хыёбона, в квартале Ходжа Аспгардон (№ 113).

[522] См. об этом: В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 41; также: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 42—44.

рой, сохранившейся в копии вакуфной грамоте в пользу находившегося в махалла Калобод медресе Арслан-хана, на месте которого, видимо, в XVI в. было выстроено джуйбарским шейхом Ходжа Саъдом другое медресе, получившее название медресе Калобод[523]. Эта часть города выделялась в сознании бухарцев, ее жители назывались «калабадцами», это выделение проявлялось в обычае традиционного соперничества между жителями разных частей города[524], причем одной из сторон были «калабадцы».

В этот джариб входило 20 кварталов: Мехчагарон, Калобод, Зомуча, Мухамма́ди Пастак, Кокила́йи хурд (или Кокилача), Ой-бинок, Ходжа Порсо, Фатхулло-кушбеги (или Саид-Камол), Абдулло-кучкор, Саадакон, Песхона, Дильку́шо́йи дарун, Ходжа Таббанд, Куча-бог, Джафар-ходжа, Мехтар Анбар, Имом Кози-хон, Каро-Камол, Мир-Тахури девон, Кози Нуриддин.

201. Квартал Мехчагарон میخچه گران («Гвоздари»).

Квартал состоял из 40 домов (Т, 1929 — 32 дома). Население было таджикоязычное. Занятия жителей были разнообразны: здесь жили один медник, несколько ткачей адраса, мастер по изготовлению сладостей, который тут же, в доме, продавал свои изделия. Часть жителей занималась торговлей: продажей обуви, фабричных тканей, пряностей, уксуса.

В названии квартала отражена, по-видимому, старая специализация его жителей. На памяти современного населения выработки гвоздей в Бухаре не было, гвозди завозили из России.

В квартале имелась мечеть. Святынями считались могила Ходжа Хофи́зи Бухори, расположенная у самой дороги, и могила Ходжа Туроб, которая помещалась в одном из двориков квартала[525].

202. Квартал Калобод کلاباد («Построенный плешивыми»).

Название квартала происходит от городских ворот Калобод, к которым вела дорога, пролегавшая через этот квартал. Это название ворот известно по источникам X—XV вв.[526].

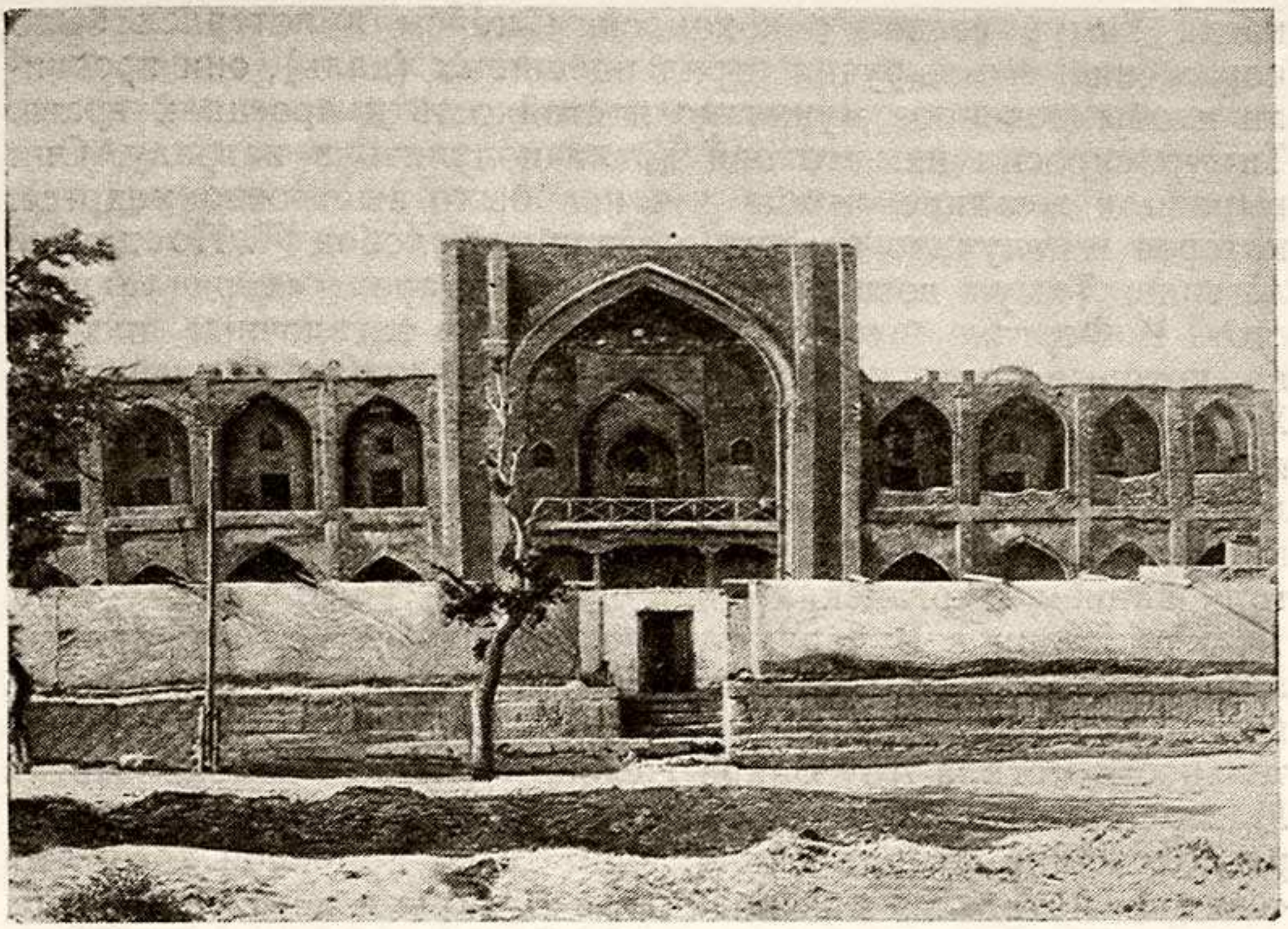
---

[523] См.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 54—55.

[524] См.: О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 124.

[525] Сообщения жителя квартала Ходжа-калон, 60 лет, и др.

[526] См.: В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Сочинения, т. I, стр. 153; И. Умняков, К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары,— «Сб. Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 153; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 53—55.



Медресе квартала Калобод

Квартал состоял из 50—60 домов (Т, 1930 — 40 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занятия жителей квартала были разные. Одна семья занималась, например, изготовлением набивных бумажных кушаков (фута). В квартале имелась мечеть и два медресе. Большое медресе Калобод было выстроено вторым из известных джуйбарских ходжей — Ходжа Саъдом, известным как Ходжа Калон (1530—1582) [527]. Это указано, в частности, в вакуфной грамоте 1608-09 г., где Ходжа Саъд Ходжа Калон назван строителем и завещателем вакфа этого медресе [528]. По рассказам, медресе состояло из большого зала для занятий (дарсхона) и 100 келий для учащихся. Это было одно из немногих медресе, где лекции читались до самой революции. Мударрисы этого медресе принадлежали к разряду «банораспуш» — «носивших халаты из банораса» (полушелковая ткань). В противоречии со сравнительно поздним происхождением этого медресе жители Бухары считали его самым древним в городе. По одной легенде, оно было построено сверхъестественными силами за одну ночь. Легенда рассказывает, что,

---

[527] О ходже Са'де см.: П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 55—68.

[528] ГА, ед. хр. 115.

когда Тимур воевал с кокандским царем и потерпел было поражение, его выручил отряд плешивых (каль), они проявили необыкновенное мужество и стойкость и прогнали врага. Тимур спросил их, что они хотят получить в награду. Они выразили желание, чтобы для них было выстроено медресе, которое и получило поэтому название Калобод[529]. По другой легенде, Тимур воевал с ферганским царем, споря за престол. В Фергане были найдены какие-то загадочные письмена, которые никто не мог прочесть. У Тимура был ученый — Ходжа Исхок Калободи, знавший все языки мира. Тимур послал его в Фергану; когда тот прочел письмена, они оказались греческими (юнони), и в них содержалось указание, что престол должен принадлежать Тимуру. Разгневанный этим толкованием ферганский царь приказал убить ходжу. Его труп привезли в Бухару, там похоронили, а над его прахом воздвигли медресе Калобод. Эта легенда находится в противоречии с хорошо известными бухарцам фактами: в действительности могила Абу Бакра Исхока Калободи находилась за Мазарскими воротами и почиталась как мазар[530]. Видимо, расположение мазара около ворот было причиной того, что «святой» почитался как хранитель Бухары и носил прозвище «дарбони Бухоро».

Квартал Калобод упоминается во многих письменных источниках. О нем говорится в недатированной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, несомненно являвшейся копией более старого документа. В ней говорится о медресе Арслан-хана, находящемся в квартале Калобод[531]. Это медресе, как известно, не сохранилось. Вторым медресе квартала Калобод было медресе Мирзо Фузайль, где жили учащиеся других медресе. Лекции здесь не читались.

203. Квартал Зомуча (Ходжа Зомуча) زاموچه (خواجه) («Дыня», здесь: название мазара).

Квартал состоял из 30 домов (Т, 1930 — 36 домов). Население было таджикоязычное. Занятия не выяснены. Имелась мечеть. Несмотря на маленькие размеры квартала, в нем находилось три медресе. Одно, самое старое, носило имя строителя — Домулло Шер. Оно упомянуто в вакуфной грамоте 1819-20 г.[532]. Второе было известно под названием Мад-

---

[529] В этой версии легенды, несомненно, следует видеть отражение мотивов, свойственных таджикскому фольклору; в народных сказках «плешивые» (каль) выступают ловкими и умными, лишь прикрывающимися невзрачной внешностью.

[530] Об Абу Бакре Исхоке Калободи см.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 142.

[531] ГА, ед. хр. 55.

[532] ГА, ед. хр. 51.

расáйи Хурджин — «Медресе — переметная сума», которое было дано ему за особенности его архитектуры: оно делилось на две равные части, к которым вели две двери из входного купольного помещения (миёнсарой). Это медресе упоминается в грамоте 1864-65 г. под названием «медресе Саид-Амин-бой, известное как Хурджин»[533]. Третье медресе, Мулло Султон, было вовсе маленькое, состояло всего из двух келий. Его построил лет за 10 до революции мулла, уроженец Ташкента, по имени Мулло Султон[534].

В квартале находился мазар — могила, возможно мнимая, «святого» Ходжа Зомуча, помещавшаяся внутри одного из домовладений.

204. Квартал Мухаммади Пастак محمد پستک («Мухаммед-коротышка»).

Квартал был очень маленький. Количество домов не установлено. Население было таджикоязычное, занималось преимущественно торговлей.

Несмотря на незначительные размеры, квартал имел свою мечеть[535].

205. Квартал Кокилáйи хурд کاکلهٔ خرد, или Кокилача کاکلهچه («Маленькое Кокила»)[536].

Количество домов в квартале точно не установлено, сообщения информаторов сильно расходятся: по одним сведениям. он состоял из 20, по другим — из 59 домов. Население было таджикоязычное, занималось выработкой шелковых тканей, сапожным ремеслом (кафшдузи, махсидузи) и гончарным (сафолгари). Гончары здесь только проживали; их обжигательные печи и мастерские находились вне стен города, за воротами Саллаххона, в кишлаке Сепилон. Кроме ремесленников в квартале жили мелкие торговцы.

Квартальная мечеть была большая, каркасная. Своей школы не было, дети учились в соседних кварталах.

Квартал Кокилайи хурд упомянут в вакуфных грамотах 1791-92 и 1881-82 гг.[537].

206. Квартал Ой-бинок آی بیناق (видимо, женское имя, возможно, от Ой-биби-инок, или Ой-бий-инок).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1928 — 30 домов). Население называло себя узбеками, хотя и было таджикоязыч-

---

[533] ГА, ед. хр. 32.
[534] Сообщение жителя квартала Калобод, 60 лет.
[535] Сообщение Ахьёра Ахророва, 60 лет, из квартала Дегрези.
[536] О слове «кокила» см. квартал Кокилайи калон (№ 5).
[537] ГА, ед. хр. 448, 309. Сообщения жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева и др.

ное. Жители занимались главным образом торговлей (продажей чая и готовой одежды). Было здесь также немало мулл и мелких служащих эмирских учреждений, принадлежавших к служилому сословию (сипо).

В квартале была старинная купольная мечеть и школа, представлявшая собой простую каркасную постройку. Имелось два медресе — большое медресе Иброхим-охунд и медресе Мухаммад-Наби, которое было основано жителем этого квартала, происходившим из Денау, богатым землевладельцем (дехкон) и торговцем паласами, которые он привозил из Карши. Поссорившись со своими сыновьями, он завещал превратить после его смерти в медресе его собственный дом и оформил его как вакф. Помирившись с сыновьями, он пожалел об этом и хотел изменить свое решение, однако вследствие того что по закону имущество, превращенное в вакф, не может снова стать чьей-нибудь собственностью, его хлопоты по этому делу остались безуспешными, и дом превратился в медресе — общежитие для учащихся. В память этой истории медресе получило в народе ироническое название Мадрасайи пушаймон — «Медресе раскаяния», или Мадрасайи истезо — «Медресе досады». В одном из двориков квартала находилась святыня — почитаемая безымянная могила (возможно, мнимая). Шеста с хвостом яка над ней не было, она была отмечена лишь небольшим алтариком (чирогхона), где иногда возжигались светильники.

Квартал Ой-бинок в форме Ой-биби-инок упомянут в вакуфной грамоте 1858-59 г.[538]. Теперь это имя понимается исходя из значения слова «бинок», означающего нить, которая получается при прядении на прялке шерсти или хлопка, свернутых валиком. Это толкование вызвало появление легенды, объясняющей название квартала: Ой-бинок толкуется как прозвище бедной женщины, которая отстроила квартальную мечеть на деньги, вырученные ею от продажи шерстяных портянок. Шерсть для пряжи, из которой она ткала портянки, она якобы по клочку собирала в степи, где паслись овцы[539]. Легенда эта, несомненно очень позднего происхождения, является интересным примером осмысления и переосмысления ставших непонятными топонимов и связанного с этим процесса мифотворчества.

207. Квартал Ходжа Порсо خواجه پارسا (имя суфийского шейха).

Квартал состоял из 50 домов (Т, 1928 — 58 домов). Население было таджикоязычное. Занятием большинства была

---

[538] ГА, ед. хр. 93.

[539] Сообщения жителей соседних кварталов, главным образом квартала Калобод.

торговля. Жили в квартале и «дехкане» — землевладельцы, существовавшие на доходы с земли. Было немало мулл. Мечеть была простая, с балочным перекрытием. Имелся мактаб. В этом квартале находилось очень старое медресе Ходжа Порсо. Ходжа Порсо был известным бухарским суфием, учеником Ходжа Баховаддина Накшбанда, автором суфийских трудов[540]. Умер в 1419 г. Это медресе, давшее имя кварталу, упомянуто в грамоте 1407-08 г.[541], составленной при жизни Ходжа Порсо и, возможно, относящейся ко времени постройки медресе. Второе пожертвование вакфа в пользу этого медресе оформлено вакуфной грамотой 1781-82 г.[542]. Могила Ходжа Порсо тоже была в этом квартале, она находилась внутри медресе. У могилы стоял шест с хвостом яка и каменный алтарик (чирогхона) для возжжения светильников. Пожилые бухарцы передавали соответствующее фактам предание, согласно которому Ходжа Порсо был мюридом и преемником Ходжа Баховаддина в ордене Накшбандия. В годовые праздники внутри медресе происходили женские гулянья (са́йли зано), на которые женщины приходили под предлогом поклонения святыне, принося с собой ритуальное поминальное блюдо — жаренные в масле лепешки (буй — запах; подразумевается запах масла при жарении, достигающий духов умерших и служащий им пищей)[543].

208. Квартал Фатхулло-кушбеги فتح الله قوشبیگی (имя сановника, при последних эмирах занимавшего положение везира), или Саид-Камол سید کمال (имя собственное).

Население квартала состояло из 60 семей. Оно было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Занятием большинства была торговля: здесь жили мясники, продавцы фабричных тканей и всевозможные мелкие торговцы (дукондор), имевшие лавочки. Кроме того, здесь жили землевладельцы, которые существовали на доходы со своих земель, находившихся в окрестных кишлаках и обрабатывавшихся издольщиками (чайрикерами). Некоторые из этих «дехкан» на лето выезжали на свои земли с семьями, однако немало было таких, которые наведывались туда только для контроля за состоянием посевов и для раздела урожая.

В квартале находился большой эмирский дом (хавли́йи пошоги), где никто не жил. Дом стоял в полном убранстве,

---

[540] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, № 2394. 2420 и др.

[541] ГА, ед. хр. 55.

[542] ГА, ед. хр. 457.

[543] Сообщения жительницы этого квартала, 30 лет, из актива домоуправления, и жителей кварталов Ходжа-калон и Мир-Иброхим.

за ним наблюдали специально назначенные люди, однако постоянной стражи там не было. Время от времени туда наезжал эмир. Иногда в этом доме помещали знатных «гостей», приезжавших откуда-нибудь для представления эмиру.

Мечеть была старинная, купольная. Рядом с ней находилось небольшое медресе Ходжа Хасан и хауз, известный под названием хауза Мулло-хон или Хаузи Ходжа Хасан. При мечети были помещения для омовений (тахоратхона и гусл-хона), в которых в зимнее время согревалась по утрам вода для всех жителей, нуждающихся по требованию религии в полном омовении. Большое двухэтажное медресе Фатхулло-кушбеги с высокой входной аркой (пешток) включало в себя большой зал для занятий (дарсхона) и 100 келий, располагавшихся в каждом этаже двумя рядами: один ряд выходил во двор, другой — на улицу (по существующему выражению, оно было «двухсторонним» — «дуруя»). Несмотря на его величественные размеры и наличие дарсхоны, в этом медресе лекции давно не читались, там жили учащиеся других медресе Бухары. В 1935 г. оно было снесено за ветхостью. Медресе Фатхулло-кушбеги упомянуто в нескольких вакуфных грамотах, самая ранняя из которых относится к 1585-86 г. В другой грамоте, 1595-96 г., названо и имя отца Фатхулло-кушбеги — Амир Асадулло[544]. В этих грамотах квартал, где находилось медресе Фатхулло-кушбеги, назван кварталом Масъуд-бек كوی مسعود بیک. Это старое название может восходить к имени Масъуд-бека, сына известного сановника, управлявшего Мавераннахром при хане Угэдэе (XIII в.)[545]. Если это так, то нахождение квартала, носящего его имя, на восточной окраине города может служить указанием, что эта территория в XIII в. входила в черту города.

Название квартала Фатхулло-кушбеги к началу XX в. оказалось, в свою очередь, вытесненным названием Саид-Камол, по медресе, построенному, вероятно, в XIX в. В его пользу была составлена вакуфная грамота 1873-74 г. В ней указано, что отцом Саид-Камоля (несомненно, строителя медресе) был Абдурасул-корвонбоши, т. е. глава крупных бухарских купцов-оптовиков[546].

Из общественных зданий в этом квартале находилось прибежище для нищих (гадойхона). Это был довольно большой дом. В нем жили бездомные бедняки, получавшие «от казны» и питание (вероятно, за счет какого-нибудь вакфа):

---

[544] ГА, ед. хр. 29 и 13. Первая грамота доказывает, что датировка медресе Фатхулло-кушбеги В. А. Шишкиным (1595-96 г.), возможно, запоздала на одно десятилетие (В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 64).

[545] О них см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 545 и др.

[546] ГА, ед. хр. 97.

через особого управляющего (девонбеги) им выдавались продукты и дрова. Пищу готовили сами обитатели прибежища. Трапезы были общими. Это прибежище было основано, по словам информаторов, давно — «еще до Ахад-хана»[547].

Квартал Фатхулло-кушбеги упомянут также в поздней грамоте 1924-25 г., в которой указано, что здесь находится рынок Ходжа (Бозори Ходжа)[548].

209. Квартал Абдулло-кучкор عبدالله قوچقار (Абдулло — имя собственное, кучкор — «баран-самец», здесь, вероятно, прозвище)[549].

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1929 — 40 домов). Население было таджикоязычно. Большинство жителей занималось торговлей; жило здесь также много мулл и учащихся медресе (муллобача).

Квартальная мечеть была кирпичной, с плоским перекрытием. Во дворике мечети находилась могила, которая считалась мазаром, на ней был поднят туг. Кто похоронен в этой могиле — неизвестно. Название Абдулло-кучкор население к этой могиле не относит. В квартале имелся мактаб[550].

210. Квартал Саадакон سعدکان («Счастливчики» — вероятно, родовое имя).

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1928 — 47 домов). Население было таджикоязычное. Занятия не выяснены. Имелась своя мечеть[551]. Квартал Саадакон упоминается в вакуфной грамоте 1900-01 г., причем указывается, что это то же, что Нахсакон. В другой грамоте, недатированной, вероятно более ранней, упомянуто только название квартала Нахсакон[552] (возможно, оно имеет значение «несчастные» — уменьшительная форма от арабского «нахс» — «несчастье, притеснение»).

211. Квартал Песхона پیس‌خانه («Лепрозорий»).

Квартал представлял собой лепрозорий для прокаженных, он считался не гузаром, а махалла («слобода», «местечко»). В старину всякого бухарца, на которого падало подозрение в том, что он заболел проказой, помещали сюда, и он оставался здесь до самой смерти. Квартал Песхона находился на северо-восточной окраине города, с севера и востока примыкая

---

[547] Сообщение старожила этого квартала, 65 лет.
[548] ГА, ед. хр. 455.
[549] Слово «кучкор» служило также мужским именем, его давали мальчикам в семьях, где дети не выживали.
[550] Сообщение пожилой жительницы этого квартала.
[551] Сообщение старожила квартала Калобод.
[552] ГА, ед. хр. 552 и 551.

к полосе садов и посевов, а на западе — к кладбищу Нуробод. Несомненно, лепрозорий образовался вне города и вошел в него при постройке городских стен в XVI в. Ко времени революции в квартале насчитывалось 120 домов (Т, 1930 — когда слобода переименована в Озодон («Свободные»), в ней было 60 домов). Многие жители родились и выросли здесь, нередко оставаясь до самой смерти совершенно здоровыми.

Население было таджикоязычно, хотя считало себя узбеками (и даже свой таджикский язык — узбекским). Большинство, особенно действительно больные проказой, занималось нищенством: заходя и в центр города, они выпрашивали у прохожих подаяние. Если следы проказы были видны на лице, его прикрывали какой-нибудь тряпкой. В слободе жили и ремесленники разных специальностей. Так как жители квартала жили в изоляции от остального населения города, они должны были во многих отношениях обслуживать себя сами. Среди них были сапожники, пекари, мясники и т. д. Все жители квартала были прихожанами находившейся здесь мечети, имамом и муэззином которой также были жители этой слободы. При мечети имелся и мактаб.

Святыней считался находящийся на Нурабадском кладбище мазар Ходжа Нуробод. К нему приводили детей, так как считалось, что этот мазар излечивает от коклюша[553].

212. Квартал Дилькушойи дарун دلکشای درون («Дилькушо внутренний»[554], дилькушо — «радующий сердце»).

Название квартала объясняется наиболее благоприятными в климатическом отношении условиями этого района: сравнительное изобилие воды, садов и посевных земель делало эту часть города наиболее прохладной и наименее пыльной. Здесь имели сады и дома богачи и представители аристократии, которые жили в них в самые жаркие летние месяцы. Особенно стремились в этот район люди пришлые, непривычные к условиям жизни в Бухаре, например некоторые чиновники, происходившие из горного Таджикистана («аз Кулоб»).

Из этого квартала происходил известный поэт, ученый и художник XIX в. Ахмáди Дониш (бухарцы больше знают его под прозвищем Ахмáди Калля, данным ему за его большеголовость).

---

[553] Сообщение старожила квартала, лет 70—75, который при проверке, произведенной после революции врачами, оказался здоровым.

[554] «Внутренний», т. е. находящийся внутри городских стен, в отличие от кишлака Дилькушойи берун («внешний, т. е. «загородный»). Квартал образовался из той части селения, которая при перестройке стены в XVI в. оказалась включенной в черту города.

Квартал состоял из 70 домов (Т, 1930 — 43 дома). Его жители были таджикоязычные, занимались главным образом ремеслами. Больше всего было сапожников, которые шили ичиги и кожаные калоши. Семь семейств изготовляло садовые палатки (чодир, шомъёна, таммук) [555]. На них был спрос: палатки покупались богатыми и знатными людьми и устанавливались при выезде на общественные гулянья (сайль) или у себя в саду при приеме гостей в летнее время. По рассказам, предки мастеров (чодирдуз) были форсами, однако их потомки совершенно ассимилировались с остальным населением квартала и ничем от него не отличались.

В квартале имелись мечеть, около которой был хауз, и мактаб. Лет за 10 до революции одна пожилая жительница квартала на свои средства построила маленькое медресе, которое носило ее имя, теперь уже забытое.

Квартал Дилькушойи дарун упомянут в вакуфной грамоте 1872-73 г. [556].

213. Квартал Ходжа Таббанд خواجه تبيند (в просторечии Таббат — «Излечивающий (букв. „связывающий“) лихорадку»).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1930 — 24 дома). Население было таджикоязычно, но называло себя узбеками, относя термин «таджик» к форсам. Жители квартала занимались починкой и чернением старой обуви (сиёкори) и ее продажей [557]. Другая часть жителей жила на доходы с земли, считаясь «дехканами». В квартале был дом богача Хаджи Яхъе-боя, ведшего крупную торговлю каракулевыми шкурками, а также казенный дом, в котором проживал раис [558] и находилась его канцелярия (раисхона).

Мечеть была с балочным перекрытием, с потолком старинного типа из выструганных валиками дощечек (тахта-маича). В квартале имелся мактаб, а также тахоратхона. Святыней считалась могила — мазар Ходжа Таббанд, которому приписывалось свойство излечивать лихорадку. Его посещали многочисленные паломники, так как в Бухаре было много больных малярией. Выполнив обряд поклонения (зиёрат) и дав имаму или суфи мечети принесенные с собой деньги и жертвенное кушанье, они брали немного земли с могилы «святого»

---

[555] Этим ремеслом занимались также в квартале Кукалтош (см. № 131).

[556] ГА, ед. хр. 282. Описание составлено по сообщению жителя этого квартала, ок. 1905 года рожд.

[557] Этим ремеслом занималось также население квартала Сиёкорон, получившего от него название (см. № 145).

[558] Раис — чиновник, наблюдавший за выполнением предписаний шариата и наказывавший за несоблюдение их (см.: А. А. Семенов, Очерк устройства..., стр. 44—47).

и воды из находившегося неподалеку колодца. Землю зашивали в ладанку и носили на шее, водой умывались и ее пили.

Квартал Таббанд упомянут в вакуфных грамотах 1615 и 1827-28 гг.[559].

214. Квартал Куча-бог كوچه باغ («Садовая улица»).

Название квартала соответствовало его действительному облику: он был расположен в той части города, где находился основной массив садов, огородов и пашен. Квартал состоял из 48 домов (Т, 1930 — 38 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занятием большинства было шитье мягких сапожков (махси); некоторые шили расшитые золотом сапожки (хосаги) для эмирского двора. Кроме сапожников в квартале жили кузнецы-подковочники, мясники и плотники. Мечеть являлась одновременно и медресе, она была известна под названиями Куча-бог и Эшони Кукани («кокандского ишана»), так как была построена лет 60 назад ишаном, приехавшим из Коканда и обосновавшимся в Бухаре. Мечеть служила для совершения как ежедневных, так и пятничных намазов; здесь совершались и религиозные радения, почему эта мечеть называлась хонако. При мечети была фамильная усыпальница (гурхона) потомков этого ишана, также занимавшихся ишанской деятельностью. Их родоначальник умер в конце XIX в.

Сведения о других общественных зданиях не имеются.

Квартал Куча-бог назван в вакуфной грамоте 1911 г.[560].

215. Квартал Джафар-ходжа جعفر خواجه (имя собственное).

По сообщениям, раньше этот квартал составлял одно целое с соседним кварталом Каро-Камол и имел одну общую с ним мечеть. Лет 60 назад кварталы разделились, о чем старожилы квартала хорошо помнят по рассказам своих отцов. Разделение произошло, когда восточная часть квартала, где образовался квартал Каро-Камол, очень разрослась. Поводом к разделу послужила какая-то ссора между населением обеих частей квартала.

Квартал Джафар-ходжа состоял из 104 домов (Т, 1929 — 65 домов). Его население резко делилось на две части. Старожилы, таджикоязычные бухарцы, занимались торговлей и ремеслами: здесь были строители, плотники, цирюльники и другие. Лицо квартала определяли главным образом те, кто

---

[559] ГА, ед. хр. 7, 290. Сообщения двух жителей этого квартала, 40 лет. и жителя квартала Калобод, 70 лет.

[560] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47/292. Сообщения группы старожилов кварталов Джафар-ходжа, Каро-Камол и Дилькушойи дарун.

был связан с деятельностью медресе Джафар-ходжа: многочисленные муллы и учащиеся медресе (муллобача), среди которых было очень много пришлого народа, съехавшегося сюда с различных концов Средней Азии.

Медресе Джафар-ходжа не отличалось пышностью архитектуры и состояло из 50 худжр простой, каркасной постройки. Однако ему были завещаны обширные вакуфные земли, простиравшиеся от Бухары до Чарджоу и дававшие громадные доходы. Это привлекало сюда и учащихся и преподавателей. По сообщениям, в этом медресе числилось до сорока мударрисов, в то время как в других крупных медресе Бухары их было не больше двух-трех. Так как кельи приносили своим владельцам ежегодно немалый доход, многие из них перешли в руки людей, не имевших к медресе никакого отношения. Вопреки категорическому запрету шариата в отношении присвоения вакуфного имущества кельи превратились в предмет купли-продажи, перешли во владение баев, которые сдавали их в наем или предоставляли учащимся медресе безвозмездно, в порядке «богоугодного дела» (савоб), получая в свою пользу падающий на каждую келью ежегодный доход с вакуфных земель (вакфона, в просторечии — вахмона).

Квартал Джафар-ходжа упомянут в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада,— следовательно, она может быть копией более ранней грамоты. Но бухарцы считают, что ишан Джафар-ходжа, давший медресе и кварталу имя, жил не так давно: в квартале еще растет посаженное якобы им дерево, второе такое дерево было срублено совсем недавно. В 40-х годах здесь жил семидесятилетний правнук ишана Джафар-ходжи, исполнявший должность мираба (мири об). Ишан Джафар-ходжа вышел, как говорят, из числа чарджоуских муллобачей, приезжавших для обучения в Бухару. Судя по форме имени, в котором титул стоит позади, можно думать, что ишан был тюркоязычен. Постепенно выдвинувшись на духовном поприще, он превратился в крупного суфийского духовника и прославился своей «святостью». После смерти он был похоронен здесь же, в квартале, его могила превратилась в почитаемый мазар. Время жизни ишана Джафар-ходжи могло относиться к началу XVIII или даже к XVII в., так как вакуфная грамота, в которой мы находим его имя, заверена печатью Шах-Мурада — следовательно, была составлена раньше[561]. Второе медресе этого квартала — медресе Эшони Устоз, возле которого тоже находилась могила основателя медресе, считавшаяся мазаром. Этот мазар относился к двум кварталам — Джафар-ходжа и Каро-Камол. Время жизни этого ишана (его имя оста-

---

[561] ГА, ед. хр. 49.

лось неизвестным, было забыто) могло падать на конец XVIII — начало XIX в., так как его внук умер в очень преклонном возрасте в 20-х годах нашего столетия. Он также был ишаном, и, обращаясь к нему, его называли «эшони тура».

Характер святыни имел находившийся в этом квартале мавзолей над могилой Шах-Мурада, который в Бухаре больше известен под своим эпитетом «Джаннат макони» («тот, кому уготовано место в раю»).

На территории квартала было также небольшое семейное кладбище. Оно было устроено в самом начале XX в. для себя и своей семьи ишаном Хайрулло[562]. Старики еще помнили этого человека, он был уроженцем и жителем Бухары.

В некоторых сообщениях юго-западная часть квартала выступала как самостоятельный квартал, но официального выделения не произошло.

Квартальная мечеть имела балочное перекрытие, так же как и мактаб. В квартале был хауз, известный под названием Ха́узи Гунгак — «Хауз Немого»; название, вероятно, было дано по прозвищу его устроителя[563].

216. Квартал Мехтар Анбар مهتر عنبر (имя сановника в должности мехтара)[564].

Квартал состоял из 95 домов (Т, 1929 — 89 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя «бухарскими узбеками» («узбако́йи Бухоро»). По роду занятий большинство принадлежало к торговцам. Здесь было много москательщиков (аттор), некоторые из них были крупными, ездившими за товарами в «крепость», т. е. Оренбург. Население одного из переулков этого квартала специализировалось на торговле рисом. Часть занималась торговлей одеждой (джомафруши), другие — индийской кисеей. Один из жителей квартала имел при доме маслобойку (джувоз) для выработки растительного масла, другой — мельницу (харос), приводимую в движение лошадью.

Мечеть была каркасная, мактаб помещался в старинном купольном здании. Позже купол обвалился, был произведен ремонт и сделано балочное перекрытие. В квартале имелось медресе, известное под названием медресе Аттор (в экспликации к плану Парфенова — Фенина — Ходжа Шарифи аттор).

---

[562] Устройство семейных кладбищ было в Бухаре обычным. Нередко богачи приобретали домовладение, сносили постройки и обращали эту площадь в свое кладбище — для этого никакого разрешения не требовалось.

[563] Сообщения группы старожилов кварталов Джафар-ходжа и Каро-Камол.

[564] О термине «мехтар» см. в описании квартала Мехтар Шафеъ (№ 15).

По воспоминаниям жителей квартала, оно было построено в 70-х годах прошлого века. На перекрестке помещался крытый базар (собот), где находилось 10—12 мелочных лавок (бакколи) [565].

217. Квартал Имом Козн-хон امام قاضی خان (имя имама).

Квартал был большой, в него входило, по приблизительному подсчету, 100 домов. Население было таджикоязычное. В большинстве здесь жил трудовой люд: мастера по пошивке овчинных шуб (5 семей), водоносы (около 10 семей), вязчики вьюков, работавшие в складах каракуля, подметальщики, сторожа и пр. Жили здесь также муллы, торговцы; из числа последних — оптовый торговец каракулем Сайфулло-бой.

В квартале имелась мечеть и несколько мазаров. Главным из них была гробница Имом Козн-хона. Этот мазар упоминается в «Книге Мулло-зода», где приводится полное имя «святого» (Имам Хасан бен Мансур бен Махмуд бен Абдулазиз Маргилани) и сообщается, что Козн-хон был в Бухаре судьей и написал несколько книг [566]. В Бухаре о нем ходила следующая легенда. Когда Хулагу-хан [567] подошел со своими войсками к Бухаре, он объявил, что уничтожит весь город, если ему не ответят правильно на вопрос, кто привел его на головы бухарцев (мана да са́ри шумо ки овард). Бухарцы попросили сорок дней на размышление, однако не могли придумать ничего удовлетворительного. Наконец нашелся в одном мактабе мальчик, который взялся ответить Хулагу-хану. Так как срок истекал и более почтенного ответчика не находили, то решили послать к Хулагу-хану этого мальчика. Мальчик попросил, чтобы ему привели верблюда и большого белого козла, а его самого отправили бы к Хулагу-хану в паланкине (маофа). Когда Хулагу-хан увидел перед собой мальчика, он рассердился и сказал: «Неужели у них не нашлось никого побольше, неужели нет у них белобородых стариков, что они прислали ко мне ребенка?» Мальчик ответил: «Если вам надо кого-нибудь большого ростом, то вот верблюд. Если вам надо белобородого — вот козел. Если вам нужен ответ, то отвечу я. Кто привел вас на наши головы? Вас привели наши плохие поступки (эъмо́ли ба́дамо овард)». Хулагу-хан удивился мудрости мальчика и сказал: «Много стран я прошел

---

[565] Сообщения старожила этого квартала, 62 лет, в прошлом водоноса, и жителя квартала Кокилайи калон — Бакирова, ок. 40 лет, преподавателя Бухарского пединститута.

[566] «Книга Мулло-зода», стр. 55.

[567] Имя Хулагу-хана (Халоку) народная этимология производит от слова «халок» («гибель»), считая, что оно было дано ему за то, что он всех губил (халок мекард).

и где ни задавал этот вопрос, никто не мог правильно ответить, а ты нашел хороший ответ, на который ничего нельзя возразить. Проси чего ни пожелаешь». Мальчик попросил дать ему столько земли, сколько займет верблюжья шкура. Велев зарезать верблюда и разделить его шкуру на тоненькие, как волос, ремешки, мальчик окружил ими город. Так он получил от Хулагу-хана Бухару. Там, где лежали ремешки, он приказал построить стену. Стену стали строить, а он в это время был в отсутствии. По недогадливости строители брали глину для стены со стороны города, и потому город оказался в низине, а снаружи не получилось рва. Когда мальчик вернулся, то очень досадовал на себя, что не указал, откуда надо брать землю: «Если бы вы брали землю снаружи, получилась бы неприступная крепость». Этот мальчик достиг святости и прославился под именем Имом Кози-хон [568]. Его мазар считался помогающим при заболевании риштой [569]. Мазар Имом Кози-хон пользовался большим почитанием, мимо него никогда не проезжали верхом, а, приблизясь к мазару, спешивались и вели верховое животное на поводу.

Второй святыней квартала была могила «святого» Ахли наматпуш — «Человека, одетого в войлок». По преданию, этот святой был «как каландар», носил одежду из войлока. Ему приписывалось следующее чудо: начало намаза (суннат) он читал в Бухаре, а окончание (фарз) дочитывал в Мекке, переносясь туда чудесным образом. В «Книге Мулло-зода» этот «святой» упомянут как шейх Хасан Намадпуш и приведено его полное имя; годом смерти этого лица указан 1115-16-й [570]. Мазар представлял собой маленькую каркасную постройку, внутри которой находилось надгробие (дакма), а снаружи рос старый тутовник, которому могло быть лет двести. На этот мазар по годовым праздникам сходились женщины, принося жертвенное кушанье (жаренные в масле лепешки — буй). Третий мазар этого квартала, известный как мазар Ха́джи пиёда («пеший хадж»), вероятно, идентичен с упомянутым в «Книге Мулло-зода» мазаром шейха Али Бухори, подвиг которого заключался в том, что он совершил хадж в Мекку 18 раз [571]. В легенде, которая была распространена среди жителей квартала Имом Кози-хон, этот рассказ своеобразно пре-

---

[568] Эту легенду пересказывает А. Борнс («Путешествие в Бухару», М., 1848, стр. 429).

[569] Ришта — паразит (гвинейский червь) в виде длинного червя, зародыши которого, проникая в тело человека с питьевой водой, развивались внутри мускулов, производя сильные боли и язвы. От этого заболевания сильно страдали бухарцы — немногие из старшего поколения не болели этой болезнью. Она была искоренена лишь в советское время.

[570] «Книга Мулло-зода», стр. 47.

[571] Там же.

ломился: «святой» совершает хадж в особо трудных условиях: он несет на спине парализованную мать[572].

218. Квартал Каро-Камол قرا کمال (имя собственное), или Джу́йи чаппа جوی چپه («Канал с обращенной вспять водой»).

Раньше составлял одно целое с кварталом Джафар-ходжа. По некоторым сообщениям, название Каро-Камол прилагалось к западной части квартала, а восточная, сделавшаяся самостоятельным кварталом, называлась Джуйи чаппа. Однако отделения, по-видимому, не произошло, хотя различия между западной и восточной частями квартала имелись.

По преданию, на территории квартала раньше находились солончаковые болота (куль). Лет 100 назад, когда город разросся и места не хватало, были приняты меры к их осушению.

Второе название квартала объясняет легенда. Когда-то на расположенные здесь земли, принадлежавшие «сильному» ишану, не дали без очереди воды. Рассерженный ишан повернулся к арыку, уже наполнившемуся водой, махнул рукой и сказал воде: «Кайт» (узб.) — «Возвращайся обратно», и вода потекла в обратную сторону.

Квартал Каро-Камол состоял из 80—90 домов (Т, 1930—92 дома). Большинство населения было таджикоязычно, меньшинство — тюркоязычно. Тюркоязычная (или, вернее, двуязычная) группа являлась потомками когда-то поселившихся здесь служилых людей (сипо) из узбеков разного происхождения. С течением времени они слились в однородную группу, сохранив, однако, память о своем происхождении и о своей племенной принадлежности. Среди них были, например, буркуты, предки которых переселились из Нур-Ата или Кермине. В знак «родовитости» (авлоди́) к именам всех мужчин из этих семей прибавлялась почетная приставка «бек». Они говорили между собой по-узбекски, этот язык употребляло в обращении к ним и окружавшее их таджикоязычное население из уважения к их более высокому социальному происхождению. Все эти семьи с течением времени потеряли свои сословные привилегии, обеднели, и их потомки в большинстве занимались сапожным ремеслом (махсидузи), на котором специализировалось около 90 семей квартала. Большинство шило преимущественно сапоги на мягкой подошве (махси), 2—3 семьи — кожаные калоши (кафш), одна семья — сапоги на твердой подошве (муза). Три семьи занимались изготовлением палаток (чодирдузи), составляя одну группу

---

[572] Сообщения нескольких старожилов этого квартала.

с теми семьями чодирдузов, которые жили в соседнем квартале Дилькушойи дарун (всего 10 семей).

Территория квартала Каро-Камол вместе с находившимися на ней домами считалась вакфом мечети Джафар-ходжа (она была пожертвована в вакф, очевидно, еще в то время, когда на этом месте квартала не было, оно представляло собой частью болото, частью — посевную землю и огороды). Поэтому жители вносили в пользу мечети подать в одинаковой сумме с каждого дома: раньше — ежегодно по 5 копеек (як мири), а затем, при последних эмирах,— по 15 копеек (як танга). Деньги шли на освещение мечети Джафар-ходжа и покупку для нее подстилок. Подать называлась «фáршу рушнойи» («подстилки и свет»).

Мечеть, известная под именем мечети Охунди Каро-Камол, представляла собой каркасную постройку с потолком из дощечек. По сообщениям, она была построена около 1870—1875 гг. Однако, видимо, тогда была осуществлена лишь перестройка здания,— мечеть Каро-Камол упоминается уже в грамоте 1652-53 г., где говорится, что строителем ее является Шохим-бий, а вакф — 100 танапов земли — завещан сыновьями Шохим-бия. Мечеть Каро-Камол упоминается также в грамотах 1685-86, 1700-01, 1910 гг.[573].

Около мечети находилась святыня, привлекавшая много паломников: небольшой хауз, по-видимому родникового происхождения, вода которого считалась целебной для больных тифом (араки). Больного обрызгивали водой при помощи веточки с дерева, росшего на берегу хауза. Верили, что от этого у больного появится испарина и наступит выздоровление. У хауза на границе с кварталом Джафар-ходжа располагалось упомянутое выше кладбище, называвшееся Пуштáйи Эшóни Устоз[574]. Второй хауз был расположен у западной границы квартала. По имени своего устроителя он назывался Шариф-бой-бинди[575]. По рассказам, Шариф-бой был одним из крупнейших торговцев каракулем. Сохранилось воспоминание о том, что он кончил жизнь, утопившись в этом хаузе, после того как убил свою жену. Это событие произошло лет 70 назад[576].

219. Квартал Мир-Тахури девон ميرطهور ديوان (Мир-Тахур — имя собственное, девон — одна из высших должностей)[577].

---

[573] ГА, ед. хр. 245, 328, 242.

[574] См. описание квартала Джафар-ходжа (№ 215).

[575] Бинди (тадж. «нос») являлось, очевидно, прозвищем. В экспликации к плану Парфенова—Фенина ошибочно указано Шариф-бой-бинон.

[576] Сообщения группы старожилов этого квартала.

[577] По А. А. Семенову, «великий диван... является заведующим высо-

Квартал Мир-Тахури девон состоял из 120 домов. Население было таджикоязычное, занималось в большинстве ремеслами: здесь жили мастера-строители, плотники, сапожники (кафшдуз), мастера по выработке ганча (гачкуб) и, кроме того, возчики (кирокаш), могильщики (гуркау) и др. Женщины занимались тканьем грубой бумажной ткани в полосатый рисунок (калями). Их продукция шла на домашние нужды, на рынок не поступала.

Мечеть представляла собой старинное здание с купольным сводом, мактаб помещался в простой каркасной постройке. Несколько домов этого квартала являлись вакфом мечети, и с их жителей ежегодно собиралась подать, которая должна была тратиться на нужды мечети. В квартале находилось два медресе. Меньшее, более старое, было известно под названием Мадрасайи Биби-халфа — «Медресе учительницы» (в конфессиональной школе для девочек). При медресе имелось помещение для омовений (тахоратхона), представлявшее собой небольшую каркасную постройку. Второе медресе было выстроено лет за 10 до революции неким Хаджи Курбоном, по профессии могильщиком. При медресе было специальное помещение (хаджихона), в котором могли останавливаться паломники к святыням Бухары или те, кто оказался в Бухаре проездом. Святыней считались две могилы «двух братьев-подвижников» (ду додарóни муджтахид), помещавшиеся внутри небольшого строения, как говорят, воздвигнутого каким-то афганцем, которому якобы открылось, что в Бухаре есть великая, но заброшенная святыня. В Бухаре он нашел «могилы братьев» и принялся за благоустройство мазара, который его стараниями приобрел популярность и стал посещаться паломниками[578]. В этом рассказе мы имеем один из примеров того процесса появления или обновления различных локальных культов, который был так характерен для эпохи феодализма. В качестве повода для появления новых или оживления старых культов обычно выдвигалось соответствующее сновидение, в котором «являлся» дух святого и приказывал отметить его могилу шестом с хвостом яка. Нередко новый культ устанавливался гадалкой, к которой обращались для определения причины болезни: она указывала, ссылаясь на духов, какое-нибудь место, где якобы находится неизвестная (иногда невидимая) могила, от которой ниспослана болезнь.

Упоминаний квартала Мир-Тахури девон в источниках не

кими дефтерными записями» (А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 141). При мангытских эмирах употреблялась узбекизированная форма «девонбеги».

[578] Сообщения старожилов этого квартала — Бахрома Курбанова, 62 лет, и др.

встречено, однако форма названия говорит о том, что оно старое.

220. Квартал Кози Нуриддин قاضی نور الدین (имя судьи — казия).

Квартал состоял из 51 дома (Т, 1928). Население было таджикоязычное. Сведений о его занятиях не имеется [579].

Мечеть квартала упомянута в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью эмира Шах-Мурада [580]. Это указывает на то, что название квартала могло относиться ко времени более раннему, чем конец XVIII в.

2. Общая характеристика бухарских кварталов

Интересно свести воедино те данные, которые содержатся по отдельным вопросам в приведенных выше описаниях всех кварталов города без исключения. Именно эта полнота, достижимая только при этнографическом обследовании, позволяющем расширять круг источников привлечением все новых информаторов, дает возможность, с одной стороны, выделить те отличительные черты, которые свойственны всем кварталам, а с другой — наметить различия, определяющие как бы типы кварталов.

Полное описание кварталов города позволяет выяснить закономерности в расселении разных категорий жителей. Анализ названий кварталов открывает просвет, через который в ряде случаев можно заглянуть в их прошлое, тем более что именно названия кварталов мы встречаем в письменных источниках прошлых веков, почти не оставивших иных следов жизни квартальной общины за минувшие столетия; лишь сам характер бытового уклада квартала неоспоримо свидетельствует о том, что он сложился в достаточно глубоком прошлом.

Как видно из описаний, подавляющее большинство бухарских кварталов обладало определенным комплексом общественных учреждений, составлявшим как бы неотъемлемую черту облика жилого квартала феодального города вообще, по крайней мере на последних этапах его истории. В каждом бухарском квартале имелась одна мечеть для совершения ежедневных пятикратных молитв (намóзи панджвакти). Ее прихожанами были все жители квартала, которые составляли один приход, что придавало квартальной общине характер приходской, хотя отнюдь не это лежало в ее основе. При систематическом обследовании кварталов Бухары выявилось,

---

[579] Сообщение жителей квартала Мир-Тахури девон.
[580] ГА, ед. хр. 130.

что имелись там и кварталы без мечетей: жители их входили в приходы соседних кварталов или были прихожанами расположенной поблизости крупной соборной мечети, если в ней совершались и ежедневные пятикратные молитвы. Но особенностью бухарских кварталов была почти полная тождественность квартала и прихода в отличие, например, от Ташкента, где было немало кварталов, которые, сохраняя свое единство как одна квартальная община, махалла, распадались на два, а то и на три прихода, образовавшихся при строительстве в квартале второй или третьей мечети, в то время как первая продолжала функционировать. В Бухаре конца XIX — начала XX в. не было ни одного квартала, имевшего две приходские мечети. В прошлом, видимо, такое положение в некоторых случаях имело место, но оно продолжалось, вероятно, недолгое время, и вслед за постройкой второй мечети ее прихожане выделялись в особый квартал, в отдельную общину. О том, что в те или иные моменты истории конкретного квартала в нем иногда оказывалась вторая мечеть, можно судить только по наличию в вакуфных грамотах кварталов, носивших название, с которым не совпадало название его мечети [581].

Итак, одной из характерных черт квартала было наличие в нем мечети — ее делало необходимым предписание ислама совершать ежедневно общественные молитвы. Так как соблюдение этого предписания было под постоянным контролем властей, то наличие мечети поблизости от жилищ прихожан было совершенно необходимым условием городской жизни.

По своей архитектуре мечети Бухары делились на имеющие купольный свод или балочное перекрытие. Отдельные сообщения о том, что балочное перекрытие было сделано после того, как купольный свод обветшал, позволяют предполагать, что в старину купольных мечетей было больше. Но все же каркасное строительство в Бухаре имело давние корни: еще при Наршахи, в X в., многие здания в Бухаре были «деревянными» (чубин), т. е. с каркасным балочным перекрытием [582]. По характеру культа мечети делились на находив-

---

[581] Примером может служить квартал Калмокон. Прослеживается история постройки в нем двух других мечетей, при которых образовались, конечно, самостоятельные приходы, а потом и кварталы (см. № 66, 67, 72).

[582] В Бухаре, где, как и в других районах Средней Азии, деревянных зданий не было, термин «чубин» («деревянный») означал постройки, которые имели деревянную основу (столбы. стояки, обвязки), заложенную кусками кирпича или глины и поверху оштукатуренную, и балочное перекрытие. Таковы же, вероятно, были в X в. постройки: бухарского рынка, названные у Наршахи «чубайи бакколон», так же как и другие здания (в частности, дворцы), которые, по этому источнику, в разное время погибали от пожаров (Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 70, 37). Описание конструкции среднеазиатских каркасных зданий см.: А. К. Пи-

шиеся в руках ортодоксального духовенства и такие, где под руководством имама совершались, обычно по пятницам, после общей молитвы, религиозные радения, громкие или безмолвные, в зависимости от того, к какому ордену относилась данная мечеть. Это определялось, можно думать, принадлежностью к тому или иному ордену основателя мечети.

Почти обязательным дополнением к мечети была школа для мальчиков (мактаб), для которой строилось особое здание, а в отдельных кварталах и школа для девочек, которые учились на дому у учительницы. К сожалению, при собирании сведений о кварталах эта их черта, особенно важная для Бухары, где процент грамотных был сравнительно очень велик, была учтена не сразу и содержащиеся в описаниях данные по этому вопросу неполны: в некоторых кварталах имевшиеся там школы не были учтены. К счастью, этот пробел заполняется, до известной степени, сведениями, содержащимися в списке кварталов из архива А. Л. Куна [583]. Неизвестный составитель его, несомненно бухарец, дотошно отметил, была или нет в квартале школа и приблизительно число мальчиков, которые в ней учились. Эти данные еще предстоит изучить и обобщить.

Почти столь же необходимым учреждением в квартале было помещение для ритуальных омовений, имевшееся почти в каждом квартале, причем в некоторых кварталах оно отличалось особым благоустройством — его основание считалось делом «богоугодным» (савоб). Помещения для омовений, как уже говорилось, были двух типов: тахоратхона — для неполных омовений, предшествовавших каждой молитве, и гуслхона — для полных омовений, предписываемых исламом после полового сближения. Хотя в большинстве случаев гуслхона отмечены в кварталах, где среди жителей имелись несемейные мужчины (например, муллобача из находившегося там медресе), которым могло понадобиться совершить полное омовение, в прошлом, вероятно, гуслхона использовались и семейными мужчинами квартала, что проскальзывало в некоторых сообщениях. Это предположение подкрепляется сведениями о наличии общественных помещений для полных омовений, использовавшихся всеми мужчинами квартала, в других городах (например, в Ходженте, ныне Ленинабад) [584].

В кварталах Бухары отмечено огромное число мазаров — мест поклонения. Мазаров было много и в других средне-

---

сарчик, Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины,— «Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954, стр. 260—261.

[583] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Архив А. Л. Куна, ф. 33, оп. 1, д. 217.

[584] Сообщение этнографа А. Давыдова (Душанбе).

азиатских городах, но для Бухары наличие святыни стало почти обязательной чертой квартала. Некоторые мазары имели более широкое значение, привлекали паломников даже издалека, другие, и таких было большинство, были известны главным образом внутри квартала, жители которого поддерживали мазар и совершали на нем обряды в случае болезни или несчастья. Проведенная при изучении бухарских кварталов регистрация имевшихся в них мазаров оказалась весьма важной: во-первых, наличие или характер мазара часто объясняли название квартала, а во-вторых, что еще более важно, названия мазаров нередко встречаются в письменных источниках прошлых веков, и в таких случаях мы получаем редкую возможность проникнуть в историю квартала, обнаружить его существование в далеком прошлом или выяснить, как квартал назывался раньше.

Важной чертой квартала было его водоснабжение. В Бухаре, где воды было очень мало, основным источником для получения воды были водоемы — хаузы. Хауз имелся далеко не в каждом квартале, гораздо чаще один хауз обслуживал два и больше кварталов. Если учесть, что в Бухаре на 220 кварталов имелось около сотни хаузов [585], то выходит, что в среднем один хауз приходился на два с лишним квартала. Следует однако иметь в виду, что хаузы и по своему объему, и по качеству отделки (обеспечивавшей сохранение или, наоборот, способствовавшей утечке воды) были неравноценны: из одних получали воду до десятка кварталов (ее приносили в дома специальные водоносы) [586], другими пользовалось население одного квартала или даже часть его жителей.

Этнографические данные, собранные при изучении кварталов, освещают вопрос об их размерах. Уже приходилось отмечать, что при отсутствии в Бухарском ханстве точной статистики населения речь может идти не о числе жителей города или квартала, а о числе домовладений, в каждом из которых жила одна семья, иногда малая, состоящая из одной брачной пары, иногда неразделенная, в которую входило несколько родственных брачных пар с их детьми. Таким образом, вопрос о размерах квартала — это прежде всего вопрос о числе входящих в него домовладений. Разные по площади кварталы были различны и по числу входивших в них домов, причем связь между тем и другим не всегда была прямой. Основное значение имела бóльшая или меньшая плотность городской застройки, что и определяло количество населения квартала. В Бухаре колебания между крайними числами домов в квартале были особенно велики, несравнимы с другими

---

[585] Л. М. Исаев, Ришта и ее ликвидация в Узбекистане, стр. 7.
[586] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 317—320.

городами. Наряду с кварталами, состоявшими из одного-двух десятков домов, были такие, в которых насчитывалось до двух сотен домовладений. Соотношение числа кварталов разного размера наглядно видно из следующих данных [587]:

Число домов	Число кварталов	Число домов	Число кварталов
10 — 20	19	80 — 90	7
30 — 40	26	90 — 100	7
50 — 60	23	100	15
60 — 70	25	150	5
70 — 80	13	Свыше 150	8

Интересно отметить некоторые закономерности в распределении крупных и мелких кварталов на территории города. Из 19 самых маленьких кварталов 12 были расположены в центральной части города, среди базарных рядов (кварталы Гузари Хай, Магоки аттори, Мирзо-кули, Зангулясози, Сузангарон, Арроки мисгари и др.). Почти все крупные кварталы — в 100—150 домов — помещались на окраинах, неподалеку от городских ворот: у Самаркандских ворот находились кварталы Чорбакколи Дарвозайи Самарканд (112 домов), Олим-ходжа (112 домов), Буйробофон (110 домов), в том же районе был расположен крупнейший, по-видимому, бухарский квартал Шохи Ахси; около Мазарских и Каршинских ворот располагались кварталы Мир-Тахури девон (120 домов), Джафар-ходжа (104 дома), Имом Кози-хон (100 домов); там же неподалеку находились кварталы Корхона (101 дом) и Чуббоз (100 домов). У ворот Саллаххона был расположен один из двух кварталов Арабон, состоявший из 120 домов, и квартал Эшони пир (100—150 домов). Особенно много крупных кварталов оказалось на территории Джуйбара: Абдулло-ходжа (свыше 100 домов), Хонако (105 домов), Чакар (100 домов), Халифа Худойдод (148 домов), Чукур-махалла (160—180 домов). На границе Джуйбара, в районе Кош-мадраса, где до последней перестройки стены при Абдулла-хане находились западные ворота, располагалось еще два очень крупных квартала: Мир-Дустум (свыше 150 домов) и Шишахона (100 домов). Лишь четыре квартала подобных размеров были в центре города: Усто Рухи (210 домов) — к северо-западу от Регистана, второй квартал Арабон (110 домов) — к северу от арка, Дуст-чурогоси (120 домов) — к западу от Регистана и Чохи занджир (160 домов) [588] — на территории древнего шахристана.

---

[587] В эти данные включены те кварталы, в которых численность домов установлена надежно.

[588] Последняя цифра, судя по небольшим размерам территории квартала, кажется преувеличенной.

Довольно близко к центру города оказалась также очень густо населенная Старая еврейская слобода. Это свидетельствует о том, что она зародилась еще в те времена, когда этот район был окраинным, во всяком случае задолго до перестройки стены в XVI в.[589].

Размещение кварталов, состоявших из 80—90 домовладений, показывает ту же картину: из 14 кварталов этого размера 8 принадлежало к окраинным, причем два из них (Вакф и Хаузи баланд) находились на территории Джуйбара и только два квартала располагались в центральных районах: Тупхона (90 домов) — на территории шахристана и Кози Файзи (около 100 домов) — к северо-западу от Регистана. Также по большей части на окраинах, т. е. в самых молодых районах города, находились и кварталы с числом домов в пределах семи десятков.

Эти наблюдения показывают, что процесс развития феодального города выражался в его все более дробном членении вследствие деления кварталов. В наиболее старой, центральной части города он продолжался многие века, и кварталы успели сильно расчлениться; в окраинных кварталах, попавших в черту города значительно позже, этот процесс не успел развиться. В среднем бухарский квартал состоял всего из 50—60 домов, и потому при более чем двух сотнях своих кварталов Бухара включала в себя всего около 12 000 домов[590].

Для истории города и его населения дает материал анализ названий кварталов в языковом отношении. Этот анализ позволяет до известной степени судить о процессе сложения городского населения, которое формировалось постепенно, из самых различных, порой пришлых, элементов. Они заселяли городские кварталы в разное время, в названиях квартала порой различались следы происхождения отдельных групп горожан.

В языковом отношении названия кварталов Бухары можно разбить на три группы: в первую войдут таджикские по происхождению, во вторую — узбекские, в третью — названия, представляющие собой слова, употребляемые одинаково как таджиками, так и узбеками. Среди последней группы названий много арабских, в большинстве — общемусульманские собственные имена. Такие названия кварталов в ряде случаев

---

[589] Старая стена, видимо, доходила до южной границы Старой слободы и могла быть стеной раннего рабада, не совпадая с той, которая в исторической топографии Бухары была известна как «старый хисар»: последний проходил севернее пассажа Токи Тельпакфурушон, тогда как Старая еврейская слобода занимала территорию к югу от пассажа Саррофон (см.: Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина..., стр. 29—30; О. А Сухарева, К истории городов..., стр. 60—62).

[590] См.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 72—73; ее же, Бухара..., стр. 100—103

по косвенным признакам оказалось возможным с большой долей вероятности отнести к таджикским или узбекским: к таджикской языковой традиции восходит постановка титулов, различных званий (таких, как ходжа, хаджи, мехтар, шейх) перед именем собственным (Шайх Рангрез, Ходжа Рофеъ, Мехтар Шафеъ и т. п.), узбекская же языковая традиция требует постановки всех этих званий или титулов после имени (Косим-шайх, Олим-ходжа, Барот-бек и т. п.). По этому признаку скорее к узбекским можно отнести, в частности, все имена, которые сопровождаются названиями должностей и чинов, узбекских по своей этимологии (Абдулло-кушбеги, Ахмад-дорго, Баходур-бий и т. п.), хотя не исключены случаи, когда носителем такого титула был таджик или форс.

Анализ показал, что значительная часть названий бухарских кварталов — таджикская. Даже в названиях, представляющих собой имена собственные, где сравнительно велик процент узбекских имен, из 79 названий — таджикских 48, а узбекских 31. Следует, однако, отметить, что среди названий кварталов XVI—XVIII вв. встречается много таких, которые произошли от имен специфически узбекских: Амир Тин-Кылыч, Кучкор-бек-бий, Тарматой-бий и др. Этот факт, несомненно, стоит в прямой связи с политическим усилением узбекской племенной знати в XVI—XVIII вв., когда в столицу Бухарского эмирата переселилось много степняков, значительная часть которых попала в привилегированное военно-служилое сословие, а часть — в состав высшего чиновничества и знати. Занимаясь строительством культовых зданий, в частности квартальных мечетей, они давали им свои имена, которые затем становились названиями кварталов.

Из названий, не являющихся именами людей, таджикских оказалось 145, в то время как узбекских было только 13, причем одно из них таджикско-узбекское.

Если подытожить проделанные нами подсчеты, устанавливается, что всего в названиях кварталов XIX — начала XX в. таджикских элементов было 173, узбекских — 47, неопределенных — 35. Эти данные еще раз доказывают, как сильна была в Бухаре таджикская языковая традиция[591], опирающаяся на таджикское происхождение основной, старой части населения Бухары.

По семантике названия кварталов можно разбить на 6 групп. К первой группе отнесены названия, являющиеся именами отдельных лиц; ко второй — названия мазаров (среди них также встречается немало имен «святых», с которыми связывались многие квартальные мазары); в третью вошли

---

[591] См.: О. А. Сухарева. Бухара..., разд. «Население», стр. 123 и далее.

названия, обозначающие группы людей (по происхождению, профессии и т. п.); в четвертую — названия различных заведений (промышленного, торгового и культового характера); в пятую — названия, содержащие указания на элементы городской топографии (улицы, хаузы и т. п.); в шестой группе оказались те названия, которые не поддаются надежной или хотя бы вероятной расшифровке.

Первую и наиболее многочисленную группу названий кварталов (82) составляют такие, в основе которых лежат имена людей. Среди них много имен известных исторических лиц. Как правило, имена сделались названием квартала через строительство там на личные средства мечети; ей присваивалось имя строителя, а потом по мечети назывался и квартал. Реже имя принадлежало строителю не мечети, а медресе или хауза. Анализ имен, ставших названиями кварталов, раскрывает ту прослойку, из которой выходили строители общественных зданий. Об этом говорят звания и титулы, сопутствующие многим именам. По ним мы обнаруживаем, что среди строителей больше всего было всевозможных должностных лиц из государственного аппарата во главе с членами царствующих династий. Имя номинального хана, за которого управлял сын, Шейбанид Абдулла-хан, принявший ханский титул после смерти отца, носили два (в прошлом) квартала Искандар-хон. Название квартала Чорбоги Боки-Мухаммад-хон, или Чорбоги Боки-хон, имеет в своем составе имя Аштарханида, правившего в Бухаре с 1598-99 по 1605 г. Несколько собственных имен, ставших названиями кварталов, сопровождаются титулами высших сановников: Амир Тин-Кылыч и Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка; четыре имени имеют титул «мехтар»: Мехтар Анбар, Мехтар Ориф, Мехтар Шохбек, Мехтар Шафеъ. Последнее имя принадлежало известному сановнику Аштарханида Абульфайз-хана, в ведении которого находились финансы государства и который своей денежной реформой — выпуском неполноценной серебряной монеты — вызвал народные волнения[592]. Среди кварталов, названия которых приводятся в грамотах XVIII в., встречаются имена двух аталыков — Канбар-аталыка и Кучкор-бек-бий-аталыка. Титул аталыка — первого сановника в государстве Аштарханидов — носил также строитель квартальной мечети Мухаммад-ёр-аталык (XVII в.). В составе названий двух кварталов мы находим титул «кушбеги» (кварталы Абдулло-кушбеги и Яланги Бокиджон-кушбеги)[593].

Имя очень знатного сановника лежало в основе названия квартала Катаган, очевидно тождественного с упомянутым

---

[592] «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 579.

[593] Как известно, этот титул был присвоен первому сановнику эмирата в более поздние века, когда титул «аталык» перестал употребляться.

в вакуфной грамоте конца XVIII в. кварталом Эр-Назар-катаган. Высокое социальное положение обладателя этого имени раскрывается из содержащегося в грамоте указания, что вакф мечети этого квартала завещан сыном Эр-Назар-бий-девонбеги-катагана.

Крупнейшим представителем высшей аристократии был человек, прозвище которого сделалось названием квартала Шóхи Ахси: это строитель хонако в Фатхабаде — Мир-Поянда-Мухаммад.

Крупный сановник был строителем мечети квартала Кукалтош. Титул «кукалтош», по-видимому, носили когда-то молочные братья ханов и эмиров [594]. Как явствует из документа, датированного XIX в., но, по-видимому, являющегося копией более раннего, в данном случае он принадлежал известному придворному Абдулла-хана — Кулбобо-кукалтошу, строителю одного из крупнейших медресе Бухары — медресе Кукалтош.

Высшее придворное звание отражено в названии квартала Ходжа-калон, или Хаузи Ходжа-калон [595]; имя этого лица — Ходжа Ульфат, сын Абдулло-ходжи,— раскрывается документом XVIII в. [596].

Многие кварталы носили имена чиновников и военных, нередко принадлежавших к узбекской родовой знати, например Аскар-бий, Баходур-бий. Придворные титулы и названия административных должностей сопровождают ставшие названиями кварталов имена Дуст-чурогоси, Мусурмон-энага. К этой же категории названий нужно отнести Ля́би ха́узи арбоб и Ляби хаузи дастархончи; два квартала носят имена начальников артиллерии эмирского войска — Кучкор-курчи и Надир-курчи, один квартал — имя человека, исполнявшего обязанности посла (Мухаммад-пайк), три квартала — имена чиновников, ведавших сбором урожая и занимавших должность доруги (дорго) (Ахмад-дорго, Хаджи-дорго и Джон-Кубод, в документе XVIII в. квартал назван Джон-Кубод-доруга). Четыре человека, чьи имена сделались названиями кварталов, были казиями: Кози Мир-Хошим, Кози Файзи, Кози Нуриддин, Кози Зохид. К ним добавляется Кози-урда, название, не содержащее имени; возможно, его донесло до нас второе название этого же квартала — Охунди Мулло Усмон. Чин «кози-урда» — «казия, разбирающего дела ханской семьи и гарема»,— был одним из самых высоких чинов в эми-

---

[594] کوکه، کوکلتاش — «молочный брат» (М. А. Г а ф ф а р о в, Персидско-русский словарь, т. II, М., 1927, стр. 676).

[595] О титуле ходжа-калон см.: О. А. С у х а р е в а, Бухара..., стр. 292—293.

[596] ГА, ед. хр. 315.

рате. К концу XIX в. вышло из употребления еще одно подобное название — Кози Мирзо-пайк, упоминающееся в документах XVIII в.

Ряд имен сопровождается приставкой «мир», также говорящей о знатном происхождении их носителей: Мир-Дустум, Мир-Иброхим, Мир-карача, Мир-Масъуд, Мир-Тахури девон. В последнем названии содержится указание на чин (девон, позже девонбеги). К этой категории названий кварталов надо присоединить еще четыре, являвшихся именами знатных женщин: квартал Модáри хон, Волида-хóни шахид (Волидáйи хóни шахид), Кыргыз-оим и, может быть, Ой-бинок; последнее документом расшифровывается как Ой-биби-инок[597]. Отметим, что в прошлые века среди бухарских кварталов было довольно много таких, которые получили название по именам или титулам женщин: например, квартал XVI в. Масчиди джомийи Бегим. Всего среди кварталов конца XIX — начала XX в. больше трех десятков назывались по именам знати.

Еще больше в названиях кварталов встречается имен духовных лиц. Среди них два имени, сопровождаемые званием «халифа», руководителей суфийских общин (Халифа Худойдод и Халифа Хусайн); пять имен имеют духовные титулы «мавлоно» или «мавляви» (Мавлоно Асири, Мавлоно Шариф, Мавляви Мирзоджон и др.). Особенно много имен с титулом ходжа: Ходжа Порсо, Ходжа Зайниддин, Ходжа Рофеъ, Ходжа Туйгун и Джафар-ходжа, Узбак-ходжа, Олим-ходжа, Абдулло-ходжа. Несомненно, видное духовное лицо — руководитель суфийской общины — скрывалось под прозвищем Эшони пир, которое сделалось названием квартала, в то время как подлинное имя этого лица забылось, не употребляясь, по обычаю, при его жизни в знак особого уважения. К этой же категории названий кварталов можно отнести Сохиб-зада. В литературе упоминается суфий Хазрат Сохиб-зада (Миён-Гулом-Кодыр) (XIX в.)[598]. Три имени в названиях кварталов имеют звание «шейх», обозначавшее либо хранителя и хозяина мазара (если принять то значение, в котором этот термин употреблялся в конце XIX — начале XX в.), либо знатное духовное лицо; из них имена Шайх Шох и Шайх Джалол[599] принадлежали, вероятно, таджикам, Косим-шайх — узбеку.

Пять названий кварталов состоят из имен, имеющих звание «хаджи», показывающее, что их обладатели совершили паломничество к святыням Мекки и Медины (Мадали-хаджи, Кул-Махмад-хаджи, Поччокул-хаджи, Хаджи Амон-бой, Хад-

---

[597] О титуле «инок» в Бухаре см.: А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 139.

[598] Н. Лыкошин, Роль дервишей в мусульманской общине, стр. 126.

[599] Последнее было также названием южных городских ворот.

жи Курбон). Конечно, все эти люди принадлежали к состоятельным горожанам: совершить такое путешествие человеку из трудового народа было не под силу. Четыре имени в названиях кварталов имеют звание «мулло», обозначающее, что их обладатели были учеными, грамотными людьми (Мулло Шох, Мулло Пайрави, Мулло Хоки рох, Мулло Шамси-Мухаммад). Несколько строителей квартальных мечетей имели звания мирзо: Мирзо Кули, Мирзо Гафур, Мирзо Хайдар, Мирзо Убайд (в основе названия квартала Мирзо-бий, очевидно, лежит собственное имя). Термин «мирзо» не однозначен: в конце XIX — начале XX в. он имел значение «писец», обозначал человека, ведущего официальные, деловые бумаги; в прошлом же употреблялся при обращении раба к хозяину, а в еще более ранние времена был титулом принцев (Мирзо Улугбек, Мирзо Бобур и т. п.).

Таким образом, среди названий кварталов конца XIX — начала XX в. обнаруживается 33 названия, представляющие собой имена лиц, так или иначе связанных с духовными званиями и с мусульманской образованностью.

Имен, принадлежавших купечеству и богачам-баям, среди названий кварталов очень мало. К ним можно отнести имя Хаджи Амон-бой, приставка которого (бой) характеризует его обладателя как богатого купца. Другое имя — Чоршанбиказок — известно нам по опросным сведениям как имя богатого казаха-торговца, а по документам — как имя главы купцов или вожака караванов (корвонбоши). Имя крупного купца могло явиться основой названия квартала Кофилон, более полную форму которого — Мехтар Кофилон (глава караванов) — мы встречаем в документах [600]. Несомненно, к этой же прослойке состоятельных горожан, торговцев или хозяев крупных мастерских, относился Ниёз-алача, имя которого как название квартала мы встречаем в вакуфной грамоте начала XIX в. Возможно также, что торговцам (во всяком случае, состоятельным горожанам) принадлежали немногие названия кварталов из имен, которые не имеют приставок, указывающих на социальное положение их владельцев (Шарифджон и др.) — видимо, эти люди происходили из простого народа, из той прослойки, которая не имела права на титулы или звания. То, что имена богачей торговцев, ставшие названиями кварталов, не столь многочисленны, вряд ли случайно. По-видимому, состоятельное городское население мало стремилось к увековечению своего имени путем строительства в кварталах на собственные средства мечетей. Как показывают наблюдения, гораздо больше, в особенности в поздний пери-

---

[600] В документе есть указание, что строителем мечети в этом квартале был известный Мехтар Шафеъ (ГА, ед. хр. 55).

од — в начале XX в., среди них было строителей медресе. Это связывалось, вероятно, с материальными расчетами: строитель медресе и завещатель в его пользу вакфа получал таким образом возможность (которая широко использовалась) для обращения некоторой доли своих доходов в неотчуждаемое имущество. Доходы с него, за исключением небольшой части, идущей в пользу богоугодного учреждения, можно было завещать потомкам.

Имена людей из трудовых слоев населения в названиях кварталов мы встречаем очень редко. Среди 82 имен лишь три содержат указания на принадлежность их обладателей к ремесленникам: Шер-Мухаммад-джувозкан (мастер по выделке ступ и пестов для маслобоек), Хакими собунгар (мыловар) и Хаджи-усто-Курбон-буйробоф (плетельщик циновок). Столь малое число ремесленников среди строителей квартальных мечетей понятно, так как трудовое население города, конечно, не имело свободных средств, которые могли бы быть вложены в «богоугодное» дело. Можно не сомневаться, что все три ремесленника, давших имя квартальным мечетям, принадлежали к наиболее зажиточной верхушке, к хозяевам крупных мастерских.

К первой выделенной нами группе названий кварталов, обозначающих одного конкретного человека, может быть, следует отнести и некоторые из названий, представляющих собой прозвища — когда-то они, несомненно, сочетались с именами, которые позднее забылись. Таково происхождение шести названий кварталов: Ахтачи (Конюх), Бобóйи нонкаш (Старик разносчик хлеба), Лянги араб (Хромец араб), Поччо-ходжа (Зять-ходжа), Раъд-зада (Убитый молнией), Чуббоз (Акробат, Ходок на ходулях). В отношении последнего наше предположение находит подтверждение — пожилые люди вспоминали, что раньше квартал назывался Мирзоджóни Чуббоз.

Несколько названий кварталов представляют собой имена легендарного характера. Квартал Атламиш, по преданию, носил имя тюркского правителя, а его второе название, Истемур, было именем его полководца. Сюда же можно присоединить такое название, как Ляндахур (старое название квартала Назарча), которое, и по сообщению информаторов, и по словарю, было именем индийского царя [601].

Во второ́ю группу можно выделить названия кварталов, которые были названиями находившихся там мазаров. В значительной своей части они также восходят к именам людей. Таких названий для конца XIX — начала XX в. мы

---

[601] لندهور (И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, стр. 1351).

находим 21, из них шесть являются именами известных исторических лиц, причисленных к «святым»: известный суфий Имом Мухаммад Газоли; Махдуми Аъзам — крупнейший суфий XII в., выходец из Ферганы, обосновавшийся в селении Дагбид под Самаркандом, где и поныне живут его отдаленные потомки; «святой» Ходжа Халимуддин Демуни (квартал Ходжа Халим), по свидетельству «Книги Мулло-зода», жил в 1026-27 г.; «святой» Ходжа Гунджори, его полное имя и дата смерти (1021-22 г.) известны из этого же источника, «Книга Мулло-зода» приписывает ему два сочинения, одним из которых была не дошедшая до нас «История Бухары». Название квартала Зиндафиль Ахмади Джоми является прозвищем суфийского шейха и поэта (1049—1141). К названию мазара, связанного с именем «святого» (по некоторым данным — Баховаддина Накшбанда), восходит название квартала Пойи остона («Священный порог»).

Наряду с именами исторических лиц среди названий мазаров (и кварталов) мы встречаем имена мифических персонажей: с общемусульманской мифологией связаны имена Ходжа Хизра [602], Хазрат Аюба (Чашма Аюб) и др. Местная мифологическая и историческая традиция породила названия таких мазаров (и по ним кварталов), как Ходжа Булгор, Шайх Рангрез, Усто Рухи, Бобойи Ол, Имом Кози-хон и др. Имелись также и мазары, давшие названия кварталам, в которых связи с каким-либо персонажем не усматривается: таков был мазар квартала Хаузи лесак; здесь почитание было обращено на находившийся возле водоема «чудодейственный» камень.

Интересно отметить, что в конце XIX — начале XX в. названия мазаров, еще сохранившихся в кварталах, во многих случаях уже не были названиями этих кварталов, как это имело место в прошлом. Так, по мазарам назывались раньше кварталы: Саид Бандкушо (XVI в.) — теперь квартал Дегрези, Ходжа Алам-на-расон (начало XIX в.) — в квартале Мавлоно Шариф, Суфиёни Саури (XVII в.) — в квартале Тупхона и т. п. Подобных примеров можно привести множество. В изменении названий таких кварталов можно усмотреть признак некоторого упадка культа мазаров, потерявших былую популярность у населения.

Третью группу названий кварталов, по нашей классификации, составляли такие, которые обозначают группы людей по их профессии, происхождению или принадлежности к определенной народности или родо-племенной группе. В последнюю входит 6 названий: два квартала Арабон, в которых

---

[602] О Ходжа Хизре см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. VI, стр. 115—116.

еще в начале XX в. арабы составляли основное или наиболее заметное, сплоченное своей общностью, ядро населения; кварталы Калмокон, Дурман и Урусон носили названия узбекских племен. К концу XIX в. только в первом сохранялся тот состав населения, который дал кварталу его название[603]. В квартале Дурман в это время жили родо-племенные узбеки, но они относили себя не к дурменам, а к кенегесам. В документах название квартала Дурман не встретилось, хотя из вышесказанного ясно, что название он получил не в позднее время.

Четвертым кварталом, который носил название узбекского племени, был квартал Катаган. Однако, как уже говорилось, это название не указывает на проживание здесь группы узбеков-катаган, а представляет собой часть имени знатного лица, принадлежавшего к этому племени. Это уточнение очень важно для исследования вопроса о составе городского населения.

Если названий, происходящих от узбекских племен, в Бухаре было всего четыре, то таких, которые можно трактовать как названия семейно-родовых или земляческих групп (по форме представляющих собой таджикское множественное число от имен собственных или прозвищ), там насчитывалось около десятка: это кварталы Миракон, Сиддикиён, Саадакон (его старое название — Нахсакон), Баракиён, Азизон[604], Джанафарон и Бобо-Ахмадиён. В эту же группу, вероятно, можно отнести название квартала Заббиён. Особенно ясно связь с семейно-родовой группой видна в названии квартала Бобо-Ахмадиён, встречающегося в актах XVI—XVII вв. По упоминаниям кварталов и строителей квартальных мечетей в актах или по семейным преданиям иногда можно проследить историю образования семейно-родовых имен или происхождение отдельных семейно-родовых групп. Так, название квартала Дасторбандон, встречающееся в документах начала XIX в., представляется происходящим от имени специалиста по повязыванию парадных чалм знати — Мирзо-хаджи-дасторбанда. Очевидно, с течением времени потомки этого лица образовали заметную группу, и название квартала приобрело форму множественного числа по ее семейно-родовому прозвищу или, возможно, по ее профессии. Названия земляческих групп носили пять кварталов: Урганджиён — хорезмцы (ургенчцы), Миёнколиён — миянкальцы, Сарахсиён — серахцы, Калтигиён и Понобихо — переселенцы из селений Калты и Поноб (Поёни об). Опросы жителей этих кварталов выяви-

---

[603] О живших в Бухаре калмаках см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 134—138.

[604] Азизон — прозвище ишанского рода из Кермине.

ли, что только в первом и последнем население сохранило предания о переселении. Вероятно, это указывает на то, что переезд этих двух групп в Бухару произошел сравнительно недавно. Удалось выяснить, что жители квартала Поноб стали переезжать в Бухару из селения Поноб с середины XIX в. Три из названных кварталов образовались давно: квартал Калтигиён, где преданий о переселении у населения не обнаружено, упомянут уже в документах XVII в., а квартал Сарахсиён — XVI в. Грамота, в которой встречается упоминание квартала Миёнколиён, заверена печатью эмира Шах-Мурада (1785—1800), а это значит, что она могла быть копией более ранней грамоты. Квартал Урганджиён упоминается только в одной поздней грамоте начала XX в., поэтому определить время появления этого названия (а значит, и переселения в Бухару этой группы хорезмцев) не удается.

Особый интерес для понимания состава городского населения имеют названия кварталов, обозначающие профессии. Таких названий в конце XIX — начале XX в. было 29. Особенно много среди них названий ремесел и ремесленников: Дегрези (литье котлов), Мехчагарон (гвоздари), Сузангарон (игольщики), Арроки мисгари (Аррок медников), Зангулясози (выделка колокольчиков), Косагарон (гончары-чашечники), Харротон (токари), Хуллабофон и Пухтабофон (ткачи), Тагбандбофон (ткачи, вырабатывающие пояса), Алокабандон (мастера басонных изделий — изготовление тесьмы, кистей и пр.), Зехтоби (изготовление тесьмы или струн), Чармгарон и Кемухтгарон (кожевенники), Сарроджон (шорники), Собунгарон (мыловары), Сиёкорон (чернильщики старой обуви), два квартала Пустиндузон (шубники), Буйробофон (плетельщики циновок), Равгангарон (маслоделы), два квартала Писташиканон (мастера по обработке фисташек и урюковых косточек), Гаукушон (вероятно, мясники, закалывавшие крупный рогатый скот), Сорвоно (погонщики верблюдов), Мурдашуён (обмывальщики мертвых). Как показал опрос, в большинстве этих кварталов жители сохраняли до конца XIX — начала XX в. профессию, определившую эти названия. Обилие среди названий кварталов таких, в которых содержится указание на профессию жителей, в особенности на занятие ремеслом, подкрепляет в известной мере предположение А. Ю. Якубовского и других историков о том, что квартал мог быть в прошлом общиной людей, занимающихся одной профессией, совпадая с ремесленным цехом [605]. Однако вряд ли правильно слишком обобщать подобные факты: совпадение цеха с кварталом могло иметь место лишь в отдельных случаях, но не быть правилом, так как в период разви-

---

[605] «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 245.

того и позднего феодализма большинство промыслов давно вышло за рамки кварталов [606].

Среди названий кварталов, указывающих на занятие их жителей, выделяются такие, которые говорят о связи их населения с официальным культом или о проживании там духовных лиц. Это кварталы Суфиён (суфии), известный с XVI в., Муллоён (грамотные люди, муллы), Маддохон (рассказчики историй религиозного содержания). К этим названиям можно добавить название квартала Гозиён (газии, воины, борцы за веру).

В четвертую группу, состоящую из 39 кварталов, мы выделили названия, которые обозначают различные заведения промышленного или культового характера. Наибольший интерес историков привлекло название квартала Корхона («Мастерская»), которое невольно вызывает в памяти известное описание большой ткацкой мастерской (بيت الطراز или كارگاه) в «Истории Бухары» Наршахи [607]. Однако местоположение квартала Корхона настолько не сходится с описанием Наршахи, что предположить связь этого позднего названия с мастерской X в. никак невозможно: древняя мастерская находилась между цитаделью и шахристаном, к западу от последнего,— квартал Корхона был расположен довольно далеко к востоку от шахристана. Название квартала Корхона жители связывают с воображаемой «святыней» этого квартала — невидимой ткацкой мастерской, якобы находившейся под хаузом около квартальной мечети, и с имевшимся во дворе мечети мазаром — могилой, приписывавшейся Юсуфу Хамадони [608], мифическому патрону-покровителю шелкоткачей. Такая специфика святыни квартала Корхона, конечно, не случайна и объясняется, вероятно, тем, что этот район имел какие-то очень старые традиции ткачества, которых не имел другой, более молодой, ткацкий район Бухары — Джуйбар, где производство шелковых тканей — канауса и бархата — находилось преимущественно в руках форсов, потомков переселенцев из Мерва, пришедших в Бухару в XVI—XVIII вв. [609].

Остается нерасшифрованным значение названия квартала Шишахона. Оно может указывать на наличие там либо здания, отделанного стеклом, либо производства стекла или стеклянных изделий. Если правильно последнее, то это название должно иметь очень давнее происхождение: как извест-

---

[606] См. работы О. А. Сухаревой: Позднефеодальный город..., стр. 66, 67, 134; Бухара..., стр. 131.

[607] Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 19.

[608] О Хаджа Юсуфе Хамадони см. выше, стр. 244, прим. 517.

[609] Подробнее см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 65—66; ее же, Бухара..., стр. 155.

но, в Средней Азии умение вырабатывать стекло было утрачено еще в средние века[610]. Население окрестных кварталов связывало название Шишахона с производством зеркал, чем якобы занимались некоторые семьи квартала в начале XX в. Однако этот квартал упомянут под тем же названием в документе XVIII в., когда о производстве в Средней Азии зеркал ничего не говорят ни археологические, ни исторические источники. Видимо, название Шишахона еще более раннее.

К этой же группе кварталов относится, вероятно, и квартал Хоса-пулод, название которого говорит о существовании там мастерских, вырабатывавших «особую сталь»[611]. Форма названия уже упоминавшегося квартала Дегрези («литье чугуна») показывает, что когда-то там находились литейные мастерские, которых позже уже не было, но в квартале жили наиболее квалифицированные мастера-литейщики, скупщики их продукции и помещались торговые ряды литейщиков[612]. Содержит указание на нахождение в квартале промышленных заведений и название квартала Чор харос (Четыре мельницы)[613]. О нахождении в кварталах различных заведений говорят также названия Тупхона (Орудийный парк), Хамбоми кунджак (Угловая баня) и др. К этой же группе можно отнести названия, являющиеся названиями рынков: Бозóри чуб (Дровяной рынок), Бозóри гуль (Рынок цветов) и Бозóри нау (Новый рынок). В первых двух кварталах, действительно, велась торговля соответствующими товарами; третье название — старое; в актах XVI в. оно встречается в другой форме: Бозори дарби нау (Рынок у новых ворот)[614]. В начале XX в. в этом квартале ежедневно происходил утренний базар, на котором продавались кипяченые сливки, привозимые сюда из сельских пригородов.

Среди этой группы названий кварталов значительное место занимали такие, в которых содержится указание на какое-либо культовое учреждение, нередко специфического облика: Мачити Баланд (Высокая мечеть), Мачити бесутун (Мечеть без столбов), Мачити кунджак (Угловая мечеть). В других названиях этой группы мы находим указание на наличие в квартале медресе или хонако (Кош-мадраса, Гарибия, вероятно также квартал Муддао, кварталы Хонако, Хонакóйи

---

[610] А. А. Семенов, Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана,— «Литература и искусство Узбекистана», кн. IV—V, 1937, стр. 117.

[611] Слово «хоса» в конце XIX — начале XX в. обозначало в основном эмирские владения (хамбóми хоса, чорбóги хоса — личная баня, личный сад эмира).

[612] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 33.

[613] В Бухаре были распространены небольшие мельницы (харос), приводимые в движение животным — ослом или лошадью.

[614] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 62—65. См. ниже, стр. 302.

Чукмоки, Куйи хонако). Название квартала Вакф указывает на то, что сам квартал, вернее, его территория являлась вакуфным имуществом какого-то культового учреждения [615].

В пятую группу выделены названия, в которых отразился характер местности или местонахождение квартала: Чукур-махалла (Слобода в низине), Та́и пушта (Около кладбища), Таи чорбог (Возле сада), Яланги Бокиджон-кушбеги (Пустырь кушбеги Бокиджона) и др. К этой же группе относятся названия кварталов, указывающие на расположение их около городских ворот: Дарвозайи Углон, Дарвозайи Саллаххона, Чорбакколи Дарвозайи Самарканд. Очевидно, со старым названием ворот X в. было связано название квартала Калобод. В некоторых названиях имеется указание на улицы и перекрестки: Сесуки таррохи, Сесуки Охунди Суфи, Куйи дарахт и др. Среди таких названий следует отметить название двух кварталов Чакар (Чакари Джуйбор и Чакари Султонон) [616].

Довольно много названий содержат указание на находившиеся в квартале водные источники: Ха́узи баланд, Ля́би ха́узи арбоб, Ха́узи нау, Чо́хи занджир, Джу́йи чаппа, Джуйзар; последнее название может быть очень древним [617]. Возможно, к древним восходит и название квартала Пайкан, которое могло иметь связь с названием соседнего с Бухарой древнего города Пайкенда, захиревшего после арабского завоевания и не вернувшегося к жизни, несмотря на попытки Арслан-хана (XII в.) вновь его заселить [618].

В шестую группу вошли названия нескольких кварталов, которые пока расшифровать не удалось. Записанные от населения предания носят чисто легендарный характер и никак не помогают разобраться в первоначальном значении этих названий.

К таким кварталам относятся Моркуш (Убивающий змей) и Мургкуш (Убивающий птиц или режущий кур).

Неясно значение таких названий кварталов, как Забуда, Зомуча (букв. «дыня») и Карчигай (букв. «ястреб») [619].

---

[615] Подобные примеры в Бухаре конца XIX — начала XX в. имелись (см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 274—276).

[616] О значении термина «чакар» см. стр. 105, прим. 110.

[617] См. описание квартала Джуйзар, № 51.

[618] Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 28.

[619] Л. И. Ремпель объясняет последнее тем, что «там жили сокольничие эмиров или ханов» («Из истории градостроительства на Востоке»,— сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 233). Это толкование основано на недоразумении: название квартала имеет значение «ястреб», а не «ястребятник». Кроме того, охотничьими птицами в Средней Азии служили не ястребы, а беркуты («буркут»). В собирательном значении охотничьи птицы назывались «куш» (ср. термин «кушбеги» в его первоначальном значении). В названиях кварталов Бухары, приведенных в этой работе Л. И. Ремпеля, так же как и при характеристике отдель-

Название Зомуча считается названием находившегося в этом квартале мазара (Ходжа Зомуча). Именами людей могли быть названия Ислом и Кутлук[620] — эти слова употреблялись в качестве мужских имен. Название квартала Алвондж могло быть искажением имени Алвон-бий (алвон — «кумачовый, красный»). В своей современной форме — Алвондж — это название квартала встречено в поздней грамоте начала XX в. Название квартала Гузари Хай бухарцы производят от одобрительного восклицания «хай-хай».

Рассмотрение названий кварталов по их смысловому значению показало, что в Бухаре XIX — начала XX в. больше всего было кварталов, получивших названия по имени лиц, построивших в кварталах мечети или медресе, а также по имени «святых», могилы которых (нередко мнимые) были в данном квартале. Значение таких названий для исторического исследования заключается, во-первых, в том, что имена благодаря имеющимся при них указаниям на чин, должность или титул строителя дают материал для характеристики той прослойки, из которой выходили строители культовых зданий, а во-вторых, в том, что среди этих имен мы встречаем немало имен исторических лиц, деятельность которых благодаря этому освещается еще с одной стороны. Названия мазаров как источник особенно полезны: они сохранялись веками и могут быть использованы для локализации пунктов, известных по историческим источникам и служащих для решения важных вопросов исторической топографии[621]. Второе место по распространенности занимали названия кварталов, в которых содержалось указание на характер местности или наличие какого-нибудь здания, моста и прочих данных, могущих служить ориентирами при изучении топографии города как в последний период его существования в качестве феодального, так и топографии исторической.

Названия, указывающие на происхождение или занятия жителей кварталов, не составляя численно значительной группы, имеют особенно большое значение для характеристики городского населения.

Изложенное показывает тот большой научный интерес, который могут представлять названия городских кварталов. Так

ных кварталов, допущено много неточностей и ошибок. Например, вместо названия Джуйи зар (зар — золото) дано Джуйи зард (зард — желтый), вместо Таи зиндон — Пай зиндон и т. п.

[620] Кутлук — «счастливый, живучий». О значении слова «кут» см.: М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район,— «Изв. Об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1929, стр. 113.

[621] Эти данные были использованы автором для определения границ Бухары до постройки последней городской стены (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 45—63).

как в исторических источниках названия кварталов не увязаны с территорией и попадаются более или менее случайно, то и выводы из этих упоминаний могут иметь только самое узкое значение. Этнографические материалы позволили расширить истолкование этих фактов, дали возможность выяснить состав городских кварталов в целом, увязать сведения о них с конкретной топографией города и использовать их для изучения его истории.

Особо важен для характеристики кварталов вопрос о социальном составе их жителей. В литературе иной раз указывалось, что социально квартал был однозначным. В. А. Гордлевский, ссылаясь на Ибн Баттуту, говорит о кварталах знати, духовенства, купечества, ремесленников, т. е. считает, что кварталы различались по социальному или сословному признаку. Как пишет В. А. Гордлевский, характеризуя средневековую Конию, «цехи... профессиональные группы жили отдельно друг от друга». При этом вывод о раздельном поселении людей разных профессий (а следовательно, о совместном проживании профессиональных групп) он делает, исходя лишь из факта наличия отдельных рядов на конийском базаре[622]. М. Е. Массон, характеризуя Шахрисябз XV в., в составленном им плане выделяет одну часть города как «кварталы знати и духовенства», другую — как «кварталы ремесленников»[623]. Историки вынуждены толковать расширительно отрывочные данные письменных источников (в основном названия кварталов) для решения вопроса о том, на какой основе происходило в феодальном городе расселение различных социальных слоев и профессиональных групп. Более точные выводы могут сделать археологи, обнаружив места сосредоточения остатков того или иного производства, но, как показали этнографические материалы, место производства не всегда совпадало с жилищем ремесленника. По археологическим материалам почти невозможно определить места расселения ткачей и других ремесленников, следы производственной деятельности которых не обладают прочностью. Еще труднее наметить расселение неиндустриального населения. Поэтому большой интерес имеют этнографические данные, и в этом отношении исследование Бухары дает особенно ценный материал, так как Бухара до начала XX в. сохраняла много черт феодального города. Сведения, собранные по всем бухарским кварталам, позволяют судить о том, какой принцип лежал в основе расселения социально различных групп ее населения. Хотя эти данные относятся к последнему

---

[622] В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 155.

[623] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, разд. II, стр. 33.

этапу феодализма, они свидетельствуют и о времени более раннем.

В Бухаре конца XIX — начала XX в. представители привилегированного военно-служилого сословия (сипо) жили в 53 кварталах города, но только в 12 кварталах они составляли заметную по численности часть жителей, причем это были преимущественно низшие слои служилых людей, в то время как в 41 квартале были отмечены лишь отдельные семьи сипо (одна, две, три), жившие среди ремесленно-торгового населения. При этом в расселении служилых людей наблюдалась определенная закономерность: в центральных кварталах, например в кварталах, расположенных на территории древнего шахристана, они почти совершенно отсутствовали, расселяясь преимущественно на окраинах города. В двух районах города отмечены кварталы, где военно-служилые люди жили компактными группами. Одним из них был квартал Кыргыз-оим, который получил в народе название «Гузáри сипохо»; второй, более значительный, район поселения военно-служилых людей находился в северо-западной части города, к югу от ворот Талипоч. Здесь на территории двенадцати кварталов [624], особенно в семи из них, военно-служилые люди составляли весьма заметную часть населения, определявшую облик кварталов, хотя и не являлись единственными жителями этого района: в тех же кварталах жили ремесленники и другие прослойки горожан.

Семьи служилых людей также отмечены в кварталах Урганджиён и Хонако в Джуйбаре. В последнем жили духовная знать из джуйбарских ходжей, а также служилые люди, занимавшие в этом сословии невысокое положение. Вместе с тем среди жителей этого квартала было также немало ремесленников-форсов, в частности ткачей.

На противоположном конце города — на северо-востоке тоже было немало служилых людей. Они жили в двух смежных кварталах — Каро-Камол и Дилькушóйи дарун, а также в кварталах, примыкавших к Самаркандским воротам.

Как в районах поселения компактных групп военно-служилых людей, так и в тех кварталах, где они жили отдельными семьями, территориально они не были отделены от простого народа, жили бок о бок с торговцами, ремесленниками, духовенством и различными категориями обслуживающего люда. В одних кварталах семьи служилых людей принадлежали к постоянным жителям и имели там собственные дома, в других такие семьи проживали временно, в имевшихся там казенных домах, предназначавшихся для чиновников

---

[624] Сорвоно, Кул-Мухаммад-хаджи, Зиндафиль Ахмади Джоми, Окмачит, Калмок, Дурман, Баходур-бий, Лянги араб, Мачити кунджак, Ахмад-дорго, Такия, Чашма Аюб (отдельные семьи сипо).

определенных должностей. Семья жила в таком доме до тех пор, пока в положении ее главы не происходила какая-нибудь перемена, пока он не был смещен или переведен на другую должность. В большом казенном доме квартала Куйи мургкуш все время жили, сменяя друг друга, семьи крупных сановников. В квартале Мир-Дустум знатная аристократическая семья («миро») [625] жила постоянно, имея там свой дом. В этом же квартале проживала в своем доме семья последнего кушбеги — Усмон-бия (который после назначения на эту должность, конечно, переселился в арк, где в отсутствие эмира ему надлежало находиться неотлучно). В этом же квартале был дом казикаляна Бако-хона и жили представители крупнейшего чиновного духовенства — урок и судур. Небольшой казенный дом в этом квартале занимал какой-то мелкий чиновник, которому по должности тоже полагалось жить на казенной квартире. Но эти семьи составляли небольшую часть жителей квартала Мир-Дустум; значительный процент их состоял из ремесленников-золотошвеев, которых было так много, что квартал Мир-Дустум в народе был известен как квартал золотошвеев. Кроме золотошвеев здесь жили ремесленники других специальностей: ткачи, плотники. Вместе с тем в этом квартале было много торговцев — как средних, так и крупных, вроде богатого оптового торговца фарфором Садилло-Чинни.

Таким образом, семьи привилегированного сословия знати и служилых людей в лице наиболее видных представителей этой прослойки жили разбросанно, в разных кварталах, вперемежку с другими слоями горожан. Поселение служилых людей довольно компактными группами наблюдалось лишь в отношении их низших категорий и определялось не традицией и не удобствами, которые могли проистекать от такой концентрации. Набираемые в вилаятах для несения военной службы [626], они поселялись компактной группой в столице ханства, получая от правительства место для жительства [627] преимущественно в менее заселенных окраинных кварталах, где имелось и иное население. Там продолжали жить и их потомки, нередко несшие службу на низших должностях эмирской армии.

Картина расселения по городским кварталам военно-служилых людей будет неполна, если не показать расселение рядовых военных (сарбазов), которых насчитывалось в Бу-

---

[625] Миро (мирхо) — мн. ч. от слова «мир».

[626] В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов,— «Изв. Среднеазиатского отделения РГО», вып. XVII, Ташкент, 1928.

[627] По материалам М. С. Юсупова. См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 270.

харе до 10 тысяч. Их казармы имелись в кварталах Кофилон, Та́и чорбог и Кофар-работ, но сарбазы являлись туда лишь для несения службы, а жили в различных кварталах. Если это были местные бухарцы, то они проживали в своих кварталах, со своими родителями; попавшие в сарбазы люди из других мест снимали кельи в караван-сараях [628]. Семьи сарбазов были отмечены больше в кварталах, расположенных неподалеку от казарм. Среди сарбазов были ремесленники, они занимались ремеслом в свободное от дежурств время. Напоминая во многом русских стрельцов допетровских времен, которые также совмещали военные занятия с ремеслами и торговлей, сарбазы Бухары отличались тем, что проживали не в отдельных слободах, а были рассеяны по всему городу, входя наравне с другими горожанами в общину того квартала, где находилось их жилище.

Тенденция к распространению по всей территории города особенно была характерна для торговцев. По сообщенным старожилами многих кварталов сведениям, видно, что в редком квартале торговцев не было вовсе. Различные их прослойки — крупные купцы (саудогар), богатые торговцы (тимчи), хозяева небольших лавочек (дукондор, баккол), наконец, ростовщики и менялы (сарроф) — отмечены в 130 кварталах. Но лишь в немногих торговцы составляли большинство жителей. К таким кварталам относятся, например, кварталы Пойи остона и Ходжа Порсо. Не наблюдалось в Бухаре и тенденции к поселению в одном квартале торговцев одной специальности, как и поселения этой прослойки в кварталах, расположенных около их торговых рядов или рынков. Разбросанность торговцев по всей территории города, несомненно, вытекала из особенностей самой торговли, отнюдь не стимулировавшей объединения семей торговцев в одном месте, а нередко прямо требующей их разобщения. Это касается, в частности, торговцев съестным, которые должны были обеспечить своими товарами все части города,— их торговля была выгодной лишь при этом условии.

Семьи духовенства, которого в Бухаре было больше, чем в любом другом среднеазиатском городе, были отмечены в 41 квартале. Из них в семи кварталах (Ку́йи дархат, Олимходжа, Чо́хи занджир, Мулло Пайрави, Зангулясози, Ходжа Зайниддин, Магоки аттори) они составляли значительную или даже преобладающую часть населения. Эта прослойка горожан селилась по большей части в центральном районе города. Вряд ли случайным было скопление семей духовенства на территории, которая в средневековых актах обозначалась как город, «обнесенный древней стеной» (даруни хисори ка-

---

[628] См.: С. Айни, Дохунда, М., 1956, стр. 161—164.

дим), где было особенно много культовых учреждений. Но семьи духовенства отмечены и в окраинных кварталах. Их поселение там чаще всего было связано с находившимися в руках суфийского духовенства мечетями, в которых происходили радения. Около них нередко жили потомки основателя суфийской общины, когда-то построившего мечеть. Там же находилась обычно его могила, превращенная в мазар. Так, около Самаркандских ворот располагался один из таких кварталов — Олим-ходжа, где был крупный суфийский центр, основанный выходцем из Хорезма — ишаном Олим-ходжой; несколько южнее был другой суфийский центр — в квартале Шохи Ахси, название которого являлось прозвищем известного суфия, основателя Файзабада, Мавлоно Поянда-Мухаммада (ум. в 1601 г.) [629]. В квартале жили его потомки. На юго-восточной окраине находился квартал Халифа Хусайн, мечеть которого была построена ишаном Халифа Хусайном. Его потомственные мюриды, а может быть, и преемники жили в соседнем квартале Алвондж. У ворот Саллаххона, в квартале Хонако́йи Чукмоки, жили потомки основателя хонако и находилась его могила.

Расселение муллобачей — учащихся многочисленных медресе, которые частью были коренными бухарцами, частью же комплектовались из приезжих,— было тесно связано с размещением медресе, в которых они имели в собственности или в пользовании келью — это было условием для обучения. Но они могли проживать в одном медресе, а учиться в другом. Они входили в общины тех кварталов, где находились медресе, в которых они проживали. Муллобачи-бухарцы, имея в пользовании келью в каком-нибудь медресе, жили в семьях своих родителей и входили в общину того квартала, где находилось их жилище.

С известными оговорками к духовенству низшей категории можно отнести маддахов, специальностью которых было публичное рассказывание на площадях и улицах историй религиозного содержания. Маддахи занимали промежуточное место между каландарами и представителями различных видов народного театра и были объединены в общину или корпорацию. В Бухаре маддахи жили в особом квартале Маддохон [630]; квартал того же названия имелся и в дореволюционном Самарканде.

Каландары внутри города Бухары не обнаружены. По сообщению интеллигентного пожилого бухарца, в Бухаре каландархона находилась за воротами Саллаххона, в местности,

---

[629] См. описание квартала Шохи Ахси, № 198.

[630] О маддахах см.: А. Л. Троицкая, Из прошлого каландаров и маддахов в Узбекистане,— сб. «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии», М., 1975.

которая называлась Сепилон. Там жил их глава (бобо́йи каландаро). Однако на плане, сделанном в начале второй половины XIX в. бухарцем [631], каландархона показана на северо-западе, на некотором расстоянии от ворот Тали Поч.

Приведенные факты показывают, что в расселении различных прослоек бухарского духовенства наблюдалась тенденция к концентрации, так что в некоторых кварталах эта прослойка горожан была довольно заметной. При этом наблюдалась значительная разница в расселении ортодоксального и суфийского духовенства. Последнее селилось отдельными очагами, каждая группа вблизи фамильной святыни. Возможно, более поздним появлением в Бухаре указанных суфийских общин объясняется локализация их в окраинных кварталах. Ортодоксальное духовенство селилось в центральных кварталах, возможно, потому, что эта часть города, с точки зрения бухарцев, была наиболее удобной и ценимой. Конечно, имело также значение нахождение здесь множества культовых учреждений.

Рассмотрев характер расселения всех этих привилегированных групп, мы приходим к выводу, что четко выделявшейся аристократической части города, где концентрировались бы семьи знати, богачей и духовенства, в Бухаре не было. Конечно, некоторые различия в социальном облике разных кварталов имелись, однако они были выражены слабо. Гораздо более характерным было проживание знатных и богатых горожан в одном квартале с семьями среднего достатка и беднотой.

Тенденция к объединению на одной территории однородного по своему облику и социальному положению населения ясно и последовательно проявлялась лишь в расселении ремесленников. Этот вопрос был уже освещен в печати [632], здесь будут изложены только те факты, которые имеют непосредственное значение для понимания характера населенных ремесленниками кварталов.

Историки-востоковеды медиевисты высказывали предположение, что в средние века ремесла совпадали с кварталами [633]. Высокая степень развития ремесла, которой различные его отрасли достигли к XIX в., имела своим следствием то, что наиболее развитые отрасли далеко вышли за границы одного квартала. Ткачество, например, было отмечено в четвертой части всех бухарских кварталов (51 квартал), сапожное дело — в 32, ювелиры жили в 30 кварталах, кузнецы — в 15 и т. п. Сформировались целые районы, в которых одним

---

631 См. выше, стр. 64—66.

632 О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 21—30.

633 См., например: В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 126.

ремеслом занимались большинство жителей нескольких соседних кварталов. Ткачи, например, составляли основное население кварталов Джуйбара — самой молодой части города, вошедшей в его черту во второй половине XVI в. Второй центр ткачества образовался в восточной части города — в квартале Корхона. Этот район вошел в границы города значительно раньше, чем Джуйбар, и, по-видимому, является в Бухаре более ранним районом ткачества, косвенным подтверждением чего можно считать наличие здесь связанной с этой профессией святыни и соответствующей легенды.

Причины, по которым то или иное ремесло локализовалось в определенной части города, были различны. В одних случаях это диктовалось наличием там необходимых для промысла условий. Кожевенники, например, нуждались в воде, без которой не могла осуществляться обработка кож. Вместе с тем они должны были селиться так, чтобы не загрязнять воду, идущую от них по каналу. Поэтому кожевенники обычно занимали кварталы на окраинах, эта закономерность наблюдается во многих городах [634]. В Бухаре кожевенники жили в двух кварталах (Чармгарон и Халифа Худойдод) около Шергиронских ворот и в трех кварталах (Эшони пир, Арабон и Мир-Масъуд) около ворот Саллаххона. Кроме того, они расселились около имевшихся внутри города болот, используя негодную для питья соленую воду родников. Один из таких районов, квартал Кемухтгарон, находился на территории шахристана и был, вероятно, самым старым центром кожевенного производства в Бухаре. Право, которое кожевенники приобрели на это место, вероятно, в незапамятные времена, сохранялось за ними, несмотря на все неудобства, которые причиняло их соседство жителям остальных кварталов этого района. Оно подкреплялось прочно сохранявшимся суеверием: боязнью наказания со стороны мифического патрона кожевенников.

Также древней традицией объясняется сосредоточение в центральных кварталах мастерских ремесленников по обработке металлов — кузнецов, ножовщиков, игольщиков, гвоздарей, литейщиков. В изучаемый период ремесленников, связанных с такими промыслами, оставалось уже немного, в ряде случаев они исчезли в связи с прекращением самого промысла, оставив по себе память только в названии квартала (в Бухаре кварталы Мехчагарон — Гвоздари, Сузангарон — Игольщики). Во многих случаях в квартале оставались только торговые ряды данного ремесла, как, например, в квартале литейщиков Дегрези, расположенном на территории

---

[634] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 136—137, см. планы Бухары и Шахрисябза.

шахристана, но название квартала свидетельствует, что в прошлом здесь не только жили литейщики, но и производилось литье.

Проживание ремесленников одной специальности в особом квартале или в группе соседних кварталов, по-видимому, объясняется глубокой традицией и соответствием этого интересам ремесленников и самого производства. При существовавшей среди ремесленников практике взаимопомощи [635] было важно, чтобы по соседству жили мастера той же специальности. Этот порядок нарушился для большинства ремесел при их развитии, сохранившись лишь в немногих слаборазвитых промыслах [636]. Эти немногие примеры показывают, что историки в своих предположениях о закономерном совпадении ремесла и квартала в феодальном городе были правы. Из этого был сделан вывод о совпадении квартала с ремесленной корпорацией. Как писал А. Ю. Якубовский, «едва ли ошибочным будет предположение, что шейхи махалля являлись одновременно главами того ремесла, которым занимались жители данной махалля, и что занимавшиеся ремеслом были объединены в свой цех» [637].

Однако это может быть верным лишь для ранних этапов истории феодального города: по мере развития ремесел и выхода их за пределы квартала такие совпадения становились всё более редкими. Как показывает пример Бухары, на последнем этапе ее существования как феодального города совпадение квартала и ремесла наблюдалось лишь в порядке исключения, а совпадение корпорации и квартала было невозможно принципиально: старшины кварталов имели обязанности, совершенно отличные от обязанностей старшин ремесленных корпораций, и потому даже в тех случаях, когда ремесло было замкнуто рамками одного квартала, в нем был отдельный старшина цеха и особый же старшина квартала. Эти должности никогда не совмещались в одном лице [638].

---

[635] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., разд. «Плетение циновок», стр. 135—136. Взаимопомощь в производстве ташкентских литейщиков описана Каримой Фазиловой в ее дипломной работе, первая часть которой опубликована (К. Фазилова, Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,— «Научные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 240—245).

[636] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 133—136, 115.

[637] «История народов Узбекистана», т. I, 1950, стр. 245.

[638] Обязанности старшин ремесленных корпораций освещены в книге автора «Позднефеодальный город...» (стр. 96—97, 106). Этот вопрос специально рассматривался Е. М. Пещеревой в ее работах: Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 316 и далее; О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в.,— «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. 33, М.—Л., 1960, стр. 40—44.

Для понимания роли квартала в производственной жизни горожан, в первую очередь в жизни почти единственного производительного компонента городского населения — ремесленников, очень важно учитывать, что связь общины квартала с производством и производственными отношениями к этому времени почти совершенно исчезла. Сохранялись некоторые производственные связи между ремесленниками одной специальности, живущими в одном квартале. Если же специальности были разные, дело ограничивалось обычными отношениями соседей по кварталу, так как занятие ремеслом вообще в Средней Азии не вело за собой ясно выраженной сословной и классовой общности между ремесленниками разных специальностей.

Занятие жителей различными ремеслами влияло на облик квартала по-разному. Конечно, если производственный процесс осуществлялся в лавках-мастерских, находившихся в базарных рядах, то он не сказывался на облике и жизни квартала. Но если ремесленники работали в своих домах, и особенно если они при определенных операциях должны были помогать друг другу (как, например, при подготовке основы для тканья) или же производство их осуществлялось одновременно (например, при очистке шкур кожевенниками), а тем более если они объединялись при заготовке сырья (как плетельщики циновок) и производили некоторые операции на улицах квартала (они же), — квартал приобретал в значительной мере производственный облик, резко отличавший его от других кварталов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЖИЛОГО КВАРТАЛА

1. Исторический обзор кварталов

Свидетельства средневековых письменных источников позволяют установить, что жилой квартал был важнейшим элементом структуры феодального города на всех этапах его существования.

Для обозначения жилого квартала в письменных источниках и в живых современных языках народов Средней Азии были распространены три термина: *ку* (тадж. کو), *махалла* (араб. محله, мн. ч. محلات, от корня حل — «занимать место, селиться») и *гузар* (тадж. گذر «проход», от глагола گذشتن «проходить»). Эти термины употреблялись и как синонимы, и в разных значениях, исторически сменяя друг друга. Процесс и время смены терминов удалось проследить на материалах Бухары благодаря обилию находящихся в нашем распоряжении источников по этому городу[1]. Сделанные выводы подтвердились и в отношении Самарканда.

В наиболее раннем из использованных источников — в таджикском переводе «Истории Бухары» Наршахи, сделанном в XII в. с не дошедшего до нас арабского оригинала[2], встречаются термины *ку* и *махалла* (махаллат). Были ли они во времена Наршахи синонимами, как в более поздних источниках,— сказать трудно. В свете последних данных о наличии в структуре феодального города деления на «микрорайоны», в которые объединялась группа соседних кварталов, можно

---

[1] Терминология, связанная с жилыми кварталами, подробно рассмотрена в специальной статье (О. А. Сухарева, О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии,— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6), и потому здесь вопрос о терминах излагается кратко и только в отношении Бухары.

[2] Мухаммад Наршахи, История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, Ташкент, 1897. Перевод на английский язык опубликован Р. Н. Фраем (R. N. Frye, The History of Bukhara, Cambridge, Mass., 1954). Критический текст издан Шарлем Шефером: Description topographique... de Boukhara par Mohammed Nershakhy. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892.

высказать предположение, что и в X—XII вв. термин *махалла* мог обозначать не обычный городской квартал, расположенный в более или менее густой застройке, а какие-то более крупные отдельные структурные единицы. Употребление обоих терминов в труде Наршахи как будто дает для такого предположения некоторые основания: термин *махалла* употреблен при описании кварталов, которые были «отделены и удалены друг от друга подобно селениям», а также при упоминании квартала, составлявшего «четвертую часть шахристана» — древнейшей части города. Термином *ку* обозначены кварталы, по-видимому, более мелкие, внутригородские, хотя и в этом смысле употреблен иногда термин *махалла*.

В XV—XVI вв. жилой квартал в основном обозначался термином *ку*. *Махалла* в этом значении встречается как исключение и притом явно как синоним термина *ку*. Начиная с XVII в. в Бухаре (и в Самарканде) распространился новый термин — *гузар*, употребляемый там и поныне. Став господствующим, он тоже не сразу вытеснил старое *ку*: в вакуфных грамотах XVII в. встречаются оба термина, причем иногда в отношении одного и того же квартала. Из этого с несомненностью следует, что в тот период оба термина были синонимами. По грамоте начала XVIII в. можно воочию видеть смену терминов для обозначения кварталов: в грамоте сказано, что мечеть находится در کوی گذر غازیان, т. е. употреблены одновременно оба термина: устаревшее к тому времени *ку* и вошедшее в обиход *гузар*[3]. К XVIII в. термин *ку* совершенно вышел из употребления, сохранившись лишь как составная часть в нескольких названиях бухарских кварталов.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют выделить в истории бухарских кварталов пять этапов. Первый из них — это VIII—XII вв., второй: XIII — первая половина XVI в., третий: вторая половина XVI—XVII в., четвертый: XVIII — первая половина XIX в., пятый: вторая половина XIX — начало XX в. После социалистической революции, которая совершилась в Бухарском ханстве лишь в 1920 г., кварталы в ходе сложения социалистического города теряют прежнее значение, хотя в старых частях города и сохраняются в виде пережитка до сих пор. Жилые кварталы при этом в корне преобразуются, их жизнь и функции приобретают новое содержание. Этот период истории бухарских кварталов в данной работе не рассматривается — она посвящена городу феодальному.

Выделение указанных этапов, конечно, в значительной мере условно и продиктовано в первую очередь имеющимися в нашем распоряжении источниками, но все же оно отражает

---

[3] ГА, ед. хр. 450 (1706-07 г.).

этапы истории не только квартала, но и города, изменения, происходившие в его жизни под влиянием исторического процесса, определявшего исторические судьбы всего общества в целом. Первый из выделенных нами этапов — VIII—XII вв.— освещается «Историей Бухары» Мухаммада Наршахи (X в.) и ее переводчиков, дополнивших его сочинение сведениями о городе XII в. Этот период неоднороден[4]. В VIII в. феодальная Бухара только формировалась, а в X—XII вв. это был уже полностью сложившийся феодальный город с развитыми ремеслами и торговлей. Но мы вынуждены пока рассматривать весь этот период как один этап, лишь попытавшись выделить, насколько позволяет сложный текст источника, наиболее ранние черты городских кварталов, относящиеся, по-видимому, ко времени арабского завоевания, т. е. к VIII в.

О кварталах Бухары начала VIII в. известно немного. Наршахи пишет, что город делился тогда на четыре части (четверти — ربع), каждая из которых, вероятно, в это время составляла один квартал. Во всяком случае это можно с уверенностью утверждать относительно одной из четвертей: Наршахи прямо говорит, что квартал, принадлежавший богатому дехкану Хына, занимал четвертую часть шахристана[5], которым во времена арабского завоевания, по словам того же Наршахи, и ограничивалась территория города. К этому же времени относится, вероятно, характеристика некоторых кварталов, по Наршахи не сливавшихся друг с другом, а расположенных разбросанно, далеко друг от друга. Это сообщение мы находим в рассказе о событиях того времени, когда Бухарой управлял Кутайба, т. е. начала VIII в. К таким расположенным обособленно кварталам мог относиться и квартал А'ло, окруженный оградой (خطيره) и имевший ворота[6].

Если считать кварталами все то, что Наршахи именует и «махалла», и «ку», то в этом источнике имеется 12 названий кварталов: Ку́йи Риндон, Куйи Вазир или Куйи Кох, Куйи А'ло, Куйи Бу-Ляйс, Куйи Бакор, Куйи Мугон, Куйи Дехкон, махалла Гардункашон, махалла Ворот Мансура, махалла Ворот Самарканда, махалла Дарвозача и Махаллайи Фагсодара (Фагсодра)[7]. Все эти кварталы упомянуты в тексте, который, по-видимому, принадлежит самому Наршахи. Во вставках,

---

[4] Бухара VIII—XII вв. освещалась автором в статьях и в книге «К истории городов Бухарского ханства», Ташкент, 1958. В последней сделана попытка выделения некоторых разновременных частей в тексте «Истории Бухары» Наршахи (стр. 8—10), конечно, ни в коей мере не исчерпавшая вопроса.

[5] Наршахи, История Бухары, текст, стр. 52; перевод Н. Лыкошина, стр. 70.

[6] Там же, текст, стр. 53; перевод, стр. 72.

[7] Там же, текст, стр. 24, 27, 52—54, 93.

сделанных при переводе в XII в., названий кварталов мы не находим.

Все названия бухарских кварталов, упомянутые в «Истории Бухары», кроме одного, исчезли еще в период средневековья: мы не встречаем их не только среди названий XIX—начала XX в., когда были выявлены все бухарские кварталы полностью, но и среди многочисленных названий, известных нам по письменным источникам XV—XVIII вв. Только название Куйи Дехкон просуществовало дольше. Оно упомянуто в вакуфной грамоте начала XV в., составленной в пользу библиотеки медресе Ходжа Порсо, которая находилась, по этому документу, в квартале Куйи Дехкон[8]. Здание библиотеки в виде небольшого купольного помещения, почти вросшего в землю, так что над ней возвышался только верх купола, еще сохранялось в 40-х годах нашего века, и по этому ориентиру квартал Куйи Дехкон может быть локализован очень точно: он соответствовал кварталу Мулло Пайрави, помещавшемуся на территории шахристана, к северо-востоку от пассажа Токи Заргарон. Исследование О. Г. Большакова, основанное на изучении арабоязычных географов, также привело его к убеждению, что Улица дехканов должна была помещаться в восточной части города X—XII вв.[9], где и был расположен квартал Мулло Пайрави. Эта локализация улицы расходится с той, которую предложил А. Ю. Якубовский, высказавший мнение, что эта улица находилась в западной части Бухары[10].

Вторым документом, в котором мы находим название квартала Куйи Дехкон, является упомянутый выше поздний список бухарских кварталов из архива кушбеги; в этом списке есть квартал Куйи Дехконон[11].

В X, а тем более в XII в. кварталы Бухары были, конечно, уже не такими, как описанные Наршахи кварталы VIII в. По известиям, оставленным арабскими авторами X в., видно, что Бухара к этому времени приобрела уже чисто городской облик, городская застройка сделалась очень плотной. Истахри сообщает о перенаселенности города и о значительном развитии в нем ремесленной промышленности и торговли[12], т. е. типично городских занятий. Это, конечно, определяло и облик кварталов того времени.

---

[8] ГА, ед. хр. 55.

[9] О. Г. Большаков, Город в конце VIII — начале XIII в.,— в кн.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 250.

[10] А. Ю. Якубовский, Ибн Сина,— сб. «Ибн Сина», Ташкент, 1958, стр. 11.

[11] См. выше, стр. 59, № 101.

[12] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 385. См. также: В. А. Шишкин, Города Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 8.

Второй этап в истории бухарских кварталов: XIII — первая половина XVI в. Письменные источники пока не позволяют расчленить этот трехсотпятидесятилетний период, хотя он был неоднороден не менее, если не более, чем первый этап. За эти века произошло разрушение Бухары войсками Чингизхана, а потом медленное и неполное ее восстановление. Даже в блестящий период Тимура и первых Тимуридов город не вырос до прежних размеров и сохранял границы, которые определила городская стена, возведенная, вероятно, при восстановлении города после разгрома его монголами. Это обстоятельство и позволяет выделить в один этап весь этот длительный и неоднородный период. Конец ему положила перестройка стены во второй половине XVI в. Для этого этапа сведения о кварталах Бухары очень скудны: по источникам XV в. мы знаем названия лишь пяти кварталов, но зато все они могут быть вполне уверенно локализованы на территории города, причем три из них сохранили свои названия до начала XX в.

В «Книге Мулло-зода» мы встречаем два названия. Одно из них Калобод. Квартал Калобод (محلهٔ کلاباد) можно считать самым древним из бухарских кварталов, сохранивших свое старое название. Название Калобод известно в Бухаре на протяжении целого тысячелетия: арабские географы X в. упоминают Ворота Калобод (Калябад), которые, по В. В. Бартольду и И. И. Умнякову, соответствовали воротам Каволя, или Каршинским. Это сопоставление было принято и другими историками Бухары. Однако реальная топография Бухары этого не подтверждает: квартал Калобод, существовавший еще в начале XX в., был расположен на дороге, которая вела не к Каршинским, а к Мазарским воротам. Это была самая северная из трех улиц, ведших от центра города к его восточной границе, она начиналась от перекрестка, на котором в XVI в. был возведен купольный пассаж Заргарон. К Каршинским (юго-восточным) воротам шла самая южная улица. Она отходила от перекрестка, где в XVI в. был возведен купольный пассаж Саррофон [13]. Квартал Калобод, несомненно, получил свое название от тех городских ворот, около которых он был когда-то расположен, а ворота были названы по святыне — почитавшейся могиле Абу Бакра Исхока Калободи, которая, по сообщениям, еще в наше время находилась за Мазарскими воротами. Квартал Калобод, занимавший рань-

---

[13] О неправильном отождествлении древних ворот Калабад с дошедшими до нас воротами Каволя, или Карши, см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 35—37, 54. О. Г. Большаков считает, что в восточной стене было не двое ворот, а трое и что Калабадским воротам соответствовали Мазарские, а Каршинским «скорее... Мардкушанские» (см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 383, прим. 5 и 6).

ше положение около ворот, т. е. на самой окраине, при расширении границ города в XVI в. оказался довольно далеко от городских ворот. Территория этого квартала, конечно, могла за долгий период его существования изменяться, уменьшаясь при вычленении из него новых кварталов. Но его центр — улица, ведшая к городским воротам,— оставался без изменений.

Тождественность квартала Калобод XV—XVI вв. с современным одноименным кварталом доказывается наряду с прочими фактами тем, что находившееся в последнем медресе, известное среди бухарцев под названием Калобод, в документе (вакуфной грамоте) отождествляется с медресе Арслан-хана, как известно, в современной Бухаре не обнаруженным. К сожалению, подлинник грамоты пока не найден — он стал мне известен по описи вакуфных грамот, составленной в Бухаре в 1927 г. В этой описи подробно передаются наиболее важные сведения, содержавшиеся в подлинниках. Всего в список занесено свыше трех десятков грамот. Под номером 2 стоит грамота медресе Калобод. Вот что написано в описи: «В Старой Бухаре [есть] медресе, сначала называвшееся Медресе Хана, а потом названное медресе Калобод. Его построил Ходжа Низомиддин-ходжа-калон в 1018 г. хиджры (1609-10 г.). Эта вакфнома в одном свитке содержит две вакфнома. Первая составлена от лица устроителя вакфа (т. е. Ходжа Низомиддина.— *О. С.*)... а вторая — это свидетельство, которое было составлено вследствие того, что вакфнома Арслан-хана-гози, который был первым учредителем вакфа, много лет была утерянной, а завещанные им земли... из рук в руки и продавались... В 1298 г. хиджры (1880-81 г.) мутавалли того времени предъявил иск и по свидетельству многих людей старые владения медресе были установлены...» (дальше содержится описание того, как должны расходоваться доходы с этого имущества) [14].

---

[14] Опись составлена на узбекском языке, написана на арабской графике по принятому в те годы новому правописанию. Ввиду большого интереса, который представляет этот пока не обнаруженный в архивах документ, проливающий свет и на историю медресе Калобод, или Арслан-хана, и на историческую топографию этого района Бухары, привожу часть текста описи, сохраняя ее орфографию:

كه‌لاباد مه‌درسه‌ننک وه‌قف نامه‌سی ایسکی بوخاراده مه‌درسه ئه‌ووه‌ل‌ده مه‌درسه خان بولوب سونکره كه‌لاباد دیب ئاتلغان خواجه نظام‌الدین خواجه كلان بنا قیلغان 1018 هجریده اوشبو وه‌قف‌نامه برلوله 2 وه‌قف‌نامه بولوب بری بانی ته‌ره‌فیده‌ن بولوب 2 نچی شه‌هادتنامه و 1 نچی‌واقف ارسلانخان غازی بولوب مونتک وه‌قف‌نامه‌سی كوب‌یلله‌ر یوقالیب كیتیب وه‌قف یرله‌رنی ملک و... ؟ قولدان قولغا ساتلب یورگه‌ن 1298 نچی هجری‌ده او زامانتک موته‌وه‌لیسی ...(؟) له‌ریگه ده‌عوا قیلیب بر كوب كشیله‌رنی شه‌هاده‌تلری بله‌ن 250 باتمان

Что в квартале Калобод когда-то было медресе Арслан-хана, явствует из очень интересной грамоты, заверенной печатью Шах-Мурада, который, как известно, предпринял восстановление обветшавших или утерянных вакуфных грамот. Видимо, в XVIII в. еще существовал подлинник, с которого и была снята заверенная Шах-Мурадом копия. В ней оформляется вакф «медресе Арслан-хана, находящегося в квартале („ку“) Калобод» [15]. То, что это была грамота старая, подтверждается употреблением в ней термина «ку» в значении квартал — в XVIII в. он полностью исчез из употребления, заменившись термином «гузар». Наличие в Бухаре медресе, строительство которого приписывалось Арслан-хану, подтверждается одним из дополнений, сделанных к «Истории Бухары» Наршахи при переводе ее на таджикский язык в XII в. В нем мы находим сообщение о том, что Арслан-хан «приказал обратить (построенный им.— *О. С.*) дворец в мадрасу для факихов». Этот дворец находился на улице Бу-Ляйса «в местности Дарвозача» [16], которую О. Г. Большаков, как мне кажется, правильно локализует на северо-востоке территории Бухары XIX — начала XX в. («западнее — юго-западнее Нурабада») [17], т. е. как раз там, где располагался квартал Калобод. Медресе Калобод, вероятно, было возведено на том самом месте, где стояло медресе Арслан-хана, и, возможно, на его фундаменте — такой прием широко практиковался в Бухаре позднего времени. Было бы весьма важно осуществить археологическое изучение этого пункта, пока он не застроен,— медресе Калобод лежит в развалинах.

В двух грамотах 1608 г. медресе этого квартала уже названо медресе Калобод, а не медресе Арслан-хана [18]. Но бухарцы долго сохраняли память о преемственности медресе Арслан-хана и Калобод: об этом свидетельствует то, что даже в 80-х годах XIX в. мутавалли смог получить подтверждение от «многих людей»,— это и позволило ему перевести вакуфные доходы медресе Арслан-хана на медресе Калобод.

Интересен вопрос о строительстве последнего. Среди историков прочно утвердилось мнение, что медресе Калобод построено вторым из известных джуйбарских шейхов — Ходжа Саъдом. Об этом говорится и в вакуфной грамоте

غەللە 100 تيلا ئاقچا ئالب قايتادەن شەھادەتنامە يازدريب وەقف قاتاريغ كرگزكەن 2 نچى وەقفنامەسى مەدرسە بانىسى خواجە نظام‌الدين تەرەفيدەن يازيلغان

[15] ГА, ед. хр. 55.

[16] Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, стр. 41.

[17] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 250.

[18] ГА, ед. хр. 115 и 55.

1608-09 г., прямо указывающей, что строителем и завещателем вакфа этого медресе был Ходжа Саъд ходжа-калон [19]. Так же — медресе Калобод — названо оно и в другой грамоте 1608-09 г., завещании вакфа этому медресе сыном Ходжа Саъда — Абдурахимом (واقف عبد الرحيم بن خواجه سعد مشهور به خواجه كلان) [20]. Ходжа Саъд умер в 1589 г. [21],— следовательно, вакф от его имени, как и вакф, завещанный его сыном, были оформлены только спустя 19 лет после его смерти. Видимо, эту дату и следует считать датой окончания строительства медресе Калобод, которое не совсем точно относят к памятникам XVI в. [22].

Интересно также отметить, что завещал вакф в пользу этого медресе не преемник Ходжа Саъда — Таджиддин, а его средний сын — Абдурахим, по законам майората и по личному распоряжению Ходжа Саъда обойденный при разделе наследства. В вакуфном завещании он и определен как мутавалли этого медресе, получив, таким образом, право на часть доходов от вакуфного имущества. Следует думать, что и окончание строительства, как и завещание вакфа от имени Ходжа Саъда, выполнил именно этот сын.

Признавая ценность сведений, содержащихся в ненайденных грамотах и переданных списком 1927 г., нельзя не отметить имеющегося в этих сведениях некоторого противоречия: вопреки известному, принятому историками и подтвержденному грамотой 1608-09 г. положению о том, что медресе Калобод было построено Ходжа Саъдом, в недошедшей грамоте это строительство приписано Ходжа Низомиддину ходжа-калону, причем вакуфная грамота в пользу этого медресе датируется тем же 1608-09 г. Кто такой был Ходжа Низомиддин — неясно: он не был, видимо, из числа ближайших родственников джуйбарского ишанского рода: нам известно имя одного из братьев Ходжа Саъда — Ходжа Косим — и имена его сыновей — Таджиддин, Абдурахим и Абди-ходжа [23].

История медресе Калобод, раскрываемая вакуфными грамотами, важна не только сама по себе: она проливает свет и на историческую топографию этой части Бухары.

Среди бухарцев ходило много легенд, связанных с этим медресе, которое до перестройки стен в XVI в. было расположено на восточной окраине города. Сказочный характер

---

[19] ГА, ед. хр. 115.
[20] ГА, ед. хр. 55.
[21] П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954. стр. 67.
[22] В. А. Шишкин относит окончание строительства к 1599-1600 г. (В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 75).
[23] П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 67.

этих легенд был уже мной отмечен. Он совершенно не вязался с этой ординарной и не очень старой постройкой; предания об остальных зданиях, возводившихся по инициативе джуйбарских ходжей в XVI в., совершенно лишены сказочного момента, носят чисто исторический, хотя порой и анекдотический характер[24]. Это и навело на мысль, что легенды относятся не к медресе Калобод, а к чему-то более древнему. Обнаружение грамоты в пользу медресе Арслан-хана в квартале Калобод позволило предположить, что именно оно породило эти легенды, будучи самым старым медресе в Средней Азии, время и обстоятельства появления которого в Бухаре скрывались в тумане далекого прошлого. Те данные, которые донес до нас список 1927 г., подтвердили это предположение.

Легенда помещает место захоронения Абу Бакра Исхока Калободи, имя которого прочно связалось с Калябадскими воротами, под фундаментом медресе Калобод (тогда как он был похоронен за Мазарскими воротами, и его могила почиталась как мазар). Его прозвищем было Дарбони Бухоро («Страж ворот Бухары»). Это указывает на то, что могила «святого» находилась поблизости от городских ворот. Эти факты могут рассматриваться как смутное воспоминание о том, что Калябадские ворота когда-то стояли недалеко от того места, где находилось медресе Калобод, и как косвенное указание на то, что здесь проходила граница города XII в., до сих пор не установленная. Медресе Арслан-хана, наследником которого явилось медресе Калобод, конечно, было выстроено внутри города — под защитой городских стен. Это предположение, высказанное автором на основании косвенных данных[25], нашло полное подтверждение в подлинной вакуфной грамоте 1608-09 г., прочитанной Е. А. Давидович, предоставившей мне свои выписки для использования. В этой грамоте сказано, что медресе Калобод находится «поблизости от внутренних ворот Калобод» (مدرسهٔ کلاباد ...خارج حصار قدیم قریب بدرب اندرون کلاباد)[26]. Видимо, они сделались внутренними после того, как была построена новая стена при Абдулазизхане I в XVI в. Следовательно, в течение какого-то, неопределенного пока времени, но после строительства стены в XVI в. в Бухаре имелись две концентрические стены, не считая той, которая известна как стена «старого хисара», остатки кото-

---

[24] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 54—55.

[25] Там же.

[26] ГА, ед. хр. 3. Пользуюсь случаем выразить Е. А. Давидович глубокую благодарность за постоянную помощь указанием исторических параллелей, ценных для проводимого мной исследования, и консультации по многим специальным вопросам, а также за предоставление для использования своих выписок из бухарских вакуфных грамот.

рой, как и сопровождавшего ее рва, еще сохранялись в Бухаре второй половины XVI в., охватывая ее центральную часть и служа ориентиром, по отношению к которому определялось местонахождение других объектов топографии, в частности жилых кварталов, вплоть до конца XVI в.[27]. Это свидетельство вакуфной грамоты начала XVII в. открывает, таким образом, новый, до сих пор остававшийся неизвестным штрих исторической топографии Бухары этого периода. Таковы те выводы, к которым привело углубленное изучение истории одного из кварталов, сохранившего на протяжении веков свое название и донесшего его до наших дней.

Вторым кварталом, название которого донес до нас источник XV в.— «Книга Мулло-зода», был квартал Суфа (он упомянут в ней дважды, как صفه سحله и صفه كوى). Это название давно исчезло, но квартал может быть уверенно локализован, так как в «Книге Мулло-зода» указан для него точный ориентир: могила святого Халимуддина Демуни[28]. Она почиталась как мазар и сохранялась до XX в. в квартале Ходжа Халим, название которого представляет собой сокращенную форму имени «святого». Из этого ясно, что квартал Суфа XV в. соответствовал более позднему кварталу Ходжа Халим, который находился недалеко от пассажа Токи Саррофон, в самом начале дороги, ведшей к Каршинским воротам.

Третьим кварталом, известным для XV в., был квартал Ходжа Порсо, сохранявший это название до начала XX в. Впервые он упомянут в вакуфной грамоте 1407-08 г. в пользу медресе Ходжа Порсо[29]. Ходжа Порсо, умерший в 1419 г., был учеником Ходжа Баховаддина Накшбанда, автором трудов по суфизму[30]. Эта грамота, вероятно, является подлинником, составленным в последние годы его жизни, по-видимому в связи с постройкой медресе, для которого и был назначен вакф. Квартал, где находилось медресе Ходжа Порсо и где «святой», вероятно, жил, получил его имя.

Четвертым кварталом, известным для XV в., был квартал Куйи Дехкон, упоминавшийся в той же грамоте 1407-08 г., о котором уже говорилось[31].

Пятым кварталом, известным для XV в., был квартал Бозори нау, сохранивший это название до начала XX в. в качестве второго, уже устаревшего, но еще хорошо известного

---

[27] О «хисори кадим» см.: Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре,— «Материалы по истории и теории архитектуры в Узбекистане», вып. 1, Ташкент, 1950, стр. 28—30; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 59—62.

[28] «Книга Мулло-зода», стр. 66.

[29] ГА, ед. хр. 55.

[30] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 173.

[31] О квартале Куйи Дехкон см. выше, стр. 295.

бухарцам названия квартала Имом-Мухаммад Газоли[32]. Квартал Бозори нау упомянут в вакуфной грамоте XV в. в пользу медресе Гозиён[33]. Из этого видно, что последнее название (известное нам как название квартала в грамоте 1561 г.[34]) в XV в. в топонимике Бухары уже существовало, но как название не квартала, а медресе.

Для понимания названия квартала Бозори нау интересные уточнения можно найти в актах второй половины XVI в., где оно встречается в более полной форме — بازار دروازهٔ نو или بازار درب نو [35]. По-видимому, такова была первоначальная форма названия этого квартала и базара. Ворота, на которые оно указывает, были, несомненно, во внутренней древней стене, известной под названием «хисори дарун» или «хисори кадим»[36]. Когда эта стена, а вместе с ней и ворота исчезли, эпитет «новый» был перенесен на рынок, очевидно по-прежнему функционировавший на этом месте. Квартал Бозори нау — последний из известных нам кварталов XV в.: их число, возможно, пополнится после того, как будут привлечены новые источники. Пока же их нет вплоть до середины XVI в., когда начинают давать обильный материал документы из архива шейхов Джуйбари.

Обращает на себя внимание размещение в городе известных нам кварталов этого времени. За исключением квартала Куйи Дехкон, который был на территории шахристана, все они размещались на территории раннего рабада. Вероятно, это объясняется тем, что в XV — первой половине XVI в. территория города, уменьшившаяся после разрушения его войсками Чингиз-хана, на востоке не выходила за границы раннего рабада; по косвенным данным удалось установить, что на севере она совпадала в этот период с границей шахристана[37].

Третий этап в истории бухарских кварталов, падающий на вторую половину XVI—XVII в., начинается со строительства новой стены, осуществленного в восточной части при Абдулазиз-хане I (1540—1549), а в западной — при Абдуллахане (1557—1598). В результате территория города значительно расширилась за счет включения в его черту пригородных селений, постепенно преобразовавшихся затем в кварталы. При этом некоторые селения были разрезаны линией стены на две части, одна из которых оказалась внутри, а другая вне города. Так, на северо-восточной окраине образовался

---

[32] См. описание квартала Имом Мухаммад Газоли, № 141.
[33] ГА, ед. хр. 1186.
[34] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 114.
[35] Там же, стр. 62, 65, 74.
[36] О «хисори кадим» см. стр. 301, прим. 27.
[37] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 52.

квартал Дилькушойи дарун, в то время как за стеной осталось селение Дилькушойи берун. На юго-западе в черту города вошла территория Джуйбара, на которой образовалось 16 кварталов, а часть Джуйбара осталась за стеной и получила название Джуйбори берун («Джуйбар внешний»).

В этих границах город просуществовал до самой революции и вышел за них в основном только в послевоенный период.

В актах второй половины XVI в., как изданных, так и хранящихся в архивах, обнаружено 34 названия кварталов [38]. Из них к началу XX в. сохранили свои названия девять, названия двух кварталов слегка изменились: либо в документе дана сокращенная форма (например, Магок вместо Магоки аттори [39]), либо, наоборот, название дошло до нашего времени в сокращенной форме (Мир-Дустум вместо более раннего Ляби хаузи Мир-Дустум). Название квартала Мир-Масъуд сохранилось в качестве второго, устаревшего, но еще не забытого названия квартала Фатхулло-кушбеги (он же Саид Камол) [40].

Шесть кварталов легко локализуются, так как их названия содержат указание на их местонахождение (Заргарон, Саррофон, Бозори карбос, Токиядузон, Хыёбон, Чорсуки дарун). Последний помещался в районе пассажа Токи Заргарон. В Бухаре было два перекрестка (чорсук), на обоих в XVI в. были выстроены купольные пассажи Заргарон и Саррофон (по ним, видимо, назывались одноименные кварталы). Так как второй находился вне территории древней части города (хисори кадим), а первый — внутри нее [41], ясно, что квартал Чорсуки дарун мог быть только около пассажа Токи Заргарон.

---

[38] Названия кварталов второй половины XVI в.: 1. Абдулазиз-хон, 2. Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка, 3. Амир Тин-Кылыч, 4. Амири (Мавлоно, Мулло Амири), 5. Бобо Махмуд-шох, 6. Бозори карбос, 7. Гаукушон, 8. Гозиён, 9. Заргарон, 10. Косагарон, 11. Куйи дарахт, 12. Куйи Хоним (Джомийи Хоним), 13. Ляби хаузи Мир-Дустум, 14. Мавлоно Рахматулло, 15. Мавлоно Шакар (или Шукур), 16. Магок, 17. Мехтар Тагой, 18. Мир-Масъуд, 19. Мулло-ходжа, 20. Мухаммад-Косим, 21. Паткорон, 22. Саид Бандкушо (Хазрат Бандкушо), 23. Сарахсиён, 24. Саррофон (Пули Саррофон), 25. Суфиён, 26. Токиядузон, 27. Ходжа Али Сумитани (хазрат), 28. Ходжа Зайниддин (Хаузи Ходжа Зайниддин), 29. Хофиз Мохони, 30. Хофиз-Тафтон, 31. Хофиз-Хаджи, 32. Хыёбон, 33. Чорсуки дарун, 34. Шайх Шона.

[39] Несомненно, имеется в виду Магоки аттори, а не Магоки курпа, так как вторая мечеть была построена позже, в 1636-37 г. (В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 78). Поскольку во время составления документа в Бухаре имелась одна мечеть Магок, то ее эпитет «аттори» мог быть опущен.

[40] Оба последних названия были названиями находившихся в этом квартале медресе.

[41] См. стр. 301, прим. 27.

Квартал Бозори карбос мог быть поблизости от мечети Калон и минарета Арслан-хана, где в начале XX в. был традиционный рынок, на котором продавались бумажные ткани кустарного производства (карбос). Некоторые кварталы, изменившие свои названия, надежно локализуются по имеющимся ориентирам: Саид Бандкушо отождествляется с кварталом Дегрези, где находился мазар Саид Бандкушо[42] или Саид Побанд; квартал Абдулазиз-хон — с кварталом Хаузи нау, так как документ составлен на построенное Абдулазиз-ханом медресе в Джуйбаре, известное как медресе Джуйбори калон[43], а Шайх Шона — с кварталом Мухаммади Пастак, где находилась большая мечеть Шайх Шона. Квартал Хофиз-Тафтон, видимо, соответствовал кварталу Калтигиён, так как старожилы этого квартала еще помнили там старую баню Кухак (حمام کهک); базар Куйи Кухак упоминается в документе XVI в. как находящийся в квартале Хофиз-Тафтон[44]. Местонахождение квартала Мулло-ходжа устанавливается благодаря тому, что в документах о нем сказано, что он находился около «каменного (кирпичного.— *О. С.*) моста Гаукушон», т. е. по соседству с кварталом Гаукушон[45].

Местонахождение остальных кварталов, названия которых встретились в актах второй половины XVI в., остается неизвестным.

Для изучения истории кварталов XVII в. опубликованных источников нет, зато в нашем распоряжении имеется архив аппарата эмирской администрации (архив кушбеги), содержащий довольно много документов этого периода. Всего для XVII в. мы имеем 42 названия кварталов[46], из которых 22 названия бытовали в начале XX в. Многие исчезнувшие названия XVII в. поддаются сопоставлению с современными, они

---

[42] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 24, 29. О мазаре Саид Бандкушо см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 51.

[43] О нем см.: В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 82.

[44] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 18.

[45] Там же, стр. 17.

[46] Названия кварталов XVII в.: 1. Азизон, 2. Бобо-Ахмадиён, 3. Бозори пиёз, 4. Волида-хон (Волидайи хон), 5. Дарвозайи Имом, 6. Дарвозайи об, 7. Дарвозайи Саллаххона, 8. Дарвозайи Шайх Джалол, 9. Дари арки баста, 10. Дари зиндон, 11. Джон-Али-бий, 12. Искандар-хон, 13. Ислом, 14. Каллапушдузон, 15. Калта Манор, 16. Калтигиён, 17. Камонгарон, 18. Каро-Камол, 19. Кучик-углон, 20. Кози Мир-Хошим, 21. Кози Файзи, 22. Мадрасайи Миракон, 23. Масъуд-девон (Мулло), 24. Мачити бесутун, 25. Мухаммад-ёр-бий-атолык, 26. Мухаммад-Мискин (Мулло, хазрат), 27. Мухаммад-Шариф, 28. Мухаммад-Рахим-султон, 29. Подшох-кули-бий-хаджи, 30. Порсбонон, 31. Равгангарон (Сари пули равгангарон), 32. Раъдзада, 33. Таббанд (Ходжа Таббанд), 34. Халифа Ниёзкул, 35. Халифа Хусайн, 36. Хаммоми каппа, 37. Ходжа Мухаммад, 38. Хофиз-Чанги, 39. Хусайн-Али-нонвой, 40. Чохи занджир, 41. Шайх Суфиён (Суфиёни Саури), 42. Шайх Шох (Ляби хаузи хазрат Шайх Шох).

могут быть идентифицированы с кварталами XX в. по приведенным в документах ориентирам.

Кварталы Дарвозайи Имом и Дарвозайи Саллаххона[47] могли находиться только около одноименных ворот. Квартал Дарвозайи об, упоминаемый в грамоте 1689-90 г., надежно локализуется в том месте, где в город входит основной орошающий его канал. Это название уже не употреблялось в начале XX в. Квартал, расположенный у этого места, в конце XIX — начале XX в. носил название Кози Нуриддин. Это название встречается в вакуфной грамоте, датируемой печатью эмира Шах-Мурада, а это значит, что оно может быть и более ранним[48]. В списке кварталов из архива кушбеги этого названия, как и названия Дарвозайи об, мы не находим. Квартал Суфиёни Саури[49] легко локализуется по сохранившемуся в квартале Тупхона до наших дней мазару Суфиёни Саури. Упомянутый в акте 1662-63 г. квартал Бобо-Ахмадиён позже получил название Кул-Махмад-хаджи; их тождественность доказывается тем, что в документе говорится о нахождении мечети Кул-Мухаммад-хаджи[50] в квартале Бобо-Ахмадиён; в акте 1564-65 г. говорится о «старом вакфе, который называют землями Бобо-Ахмадиён»[51]. Квартал Хофиз-Чанги может быть отождествлен с известным в начале XX в. кварталом Мирзо Гафур, так как Мирзо Гафур назван в вакуфной грамоте строителем мечети, медресе и хауза в квартале Хофиз-Чанги[52]. В XX в. имя устроителя этого комплекса вытеснило старое название квартала, но сохранилось название хауза Хофиз-Чанги, отмеченного в экспликации к плану Парфенова — Фенина в этом квартале. Квартал Халифа Ниёзкул, названный в двух грамотах XVII в.[53], локализуется по одноименному медресе, которое среди бухарцев и в литературе известно как медресе Чор мунор[54].

Уже было сделано сопоставление упомянутого в грамоте XVII в. квартала Арки баста с кварталом Кози-урда, расположенным к востоку от арка, в том месте, где должны были помещаться вторые, позже заложенные ворота цитадели[55].

---

[47] ГА, ед. хр. 494 и 403.
[48] ГА, ед. хр. 305.
[49] ГА, ед. хр. 494.
[50] ГА, ед. хр. 306.
[51] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 135.
[52] ГА, ед. хр. 305. Грамота датируется печатью эмира Хайдара (1800—1826).
[53] ГА, ед. хр. 45 и 55.
[54] «История народов Узбекистана», т. II, 1947, стр. 182. Датировка строительства медресе в этой книге 1807 годом нуждается в уточнении, поскольку медресе Халифа Ниёзкул, как видно из указанных грамот, существовало уже в конце XVII в.
[55] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 58—59.

Среди кварталов XVII в., сохранивших свои названия до начала XX в., следует отметить квартал Мавлоно Шариф. Достопримечательностью его была большая мечеть, в которой до самой революции происходили еженедельные громкие радения, почему она называлась хонако. Эта мечеть упоминается в грамоте 1679-80 г.[56]. Имя, очевидно строителя мечети, давшее название и кварталу, принадлежит одному из двух известных исторических лиц, живших в одно время и носивших одинаковые имена. Строителем хонако Мавлоно Шариф мог быть упомянутый В. Л. Вяткиным «бухарский законовед Мавлоно Шариф, профессор из мадрасы Кукалдаш», «человек влиятельный и ученый», помогавший своими советами бухарскому правителю «при вторжении хивинского хана Ануши в 1097 (1686) г. в пределы Бухарского ханства»[57]. Высокое положение Мавлоно Шарифа подтверждается грамотой 1679-80 г., в которой он назван полностью, со всеми своими титулами: Охунд Мулло Мухаммад-Шариф[58]. Эта черта его биографии была известна и старшему поколению бухарцев: предание считает Мавлоно Шарифа охундом медресе Кукалтош[59]. Как известно, в Бухаре конца XIX — начала XX в. высший духовный чин и звание получал тот, кто был назначен мударрисом крупнейшего в Бухаре медресе Кукалтош. Так как по условию завещателя вакфа этого медресе в нем имелся только один мударрис, его доход с этого вакфа должен был быть очень велик.

Но в истории Бухары XVII в. было еще одно лицо, носившее имя Мавлоно Шариф: «известный теоретик дервишизма и автор трудов о громком зикре», умерший в 1679 г.[60].

Благодаря счастливой случайности удалось ознакомиться с одеждой, приписывавшейся Мавлоно Шарифу, и получить ее для музея. Одежда хранилась у шейхов мавзолея Мавлоно Шарифа, находившегося в этом же квартале, а когда мавзолей разрушился, была передана на хранение жительнице соседнего квартала Дегрези — последнему прямому потомку Мавлоно Шарифа[61]. Судя по скромности этой одежды, она могла скорее принадлежать суфию, чем первому духовному

---

[56] ГА, ед. хр. 474.

[57] В. Л. Вяткин, Ферганский мистик Девона-и-Машраб,— «Сб. Туркестанского восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 30—32. О вторжении хана Ануши см.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 87; «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 555.

[58] ГА, ед. хр. 474.

[59] Сообщение очень осведомленного Мулло Хотама, 70 лет, из квартала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[60] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 353.

[61] О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.,— сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970.

сановнику Бухары. Не исключено, однако, что и последний мог носить небогатую одежду из показного смирения. Известен пример дервишествующего правителя Бухары Шах-Мурада, который ходил в «зеленой, очень засаленной одежде» из простой бумажной ткани [62].

Название квартала Калтигиён впервые встречается в документе XVII в. и происходит от названия селения Калти, откуда, по-видимому, происходили жители этого квартала. Можно думать, что их переселение было осуществлено в XVII в., и тогда старое, известное с XVI в. название Хофиз-Тафтон оказалось вытесненным названием Калтигиён.

К XVII в. относится также квартал Калта Манор [63].

К самому началу XVII в. или, может быть, к концу XVI в. относится строительство мечети (хонако) Шохи Ахси, впоследствии давшей название кварталу. Это название раскрывается вакуфной грамотой, заверенной печатью Шах-Мурада, в которой упоминается полное имя строителя мечети: им был известный суфий Мавлоно Поянда-Мухаммад Ахси (Ахсикети)-йи Файзободи, умерший в 1601 г. [64] (основатель суфийского центра, известного как Файзабад, где находится ханака того же названия, вероятно тоже построенная при жизни и по инициативе Шохи Ахси) [65]. Видимо, вскоре после этого название хонако перешло на квартал. Мечеть этого квартала была одной из самых богатых в Бухаре. Ее имам и другие служители получали большие доходы с вакуфного имущества, которым владела мечеть. Как свидетельствует вакуфная грамота, заверенная печатью Шах-Мурада, в пользу мечети квартала Шохи Ахси было сделано крупное пожертвование, состоявшее из почти полутора тысяч танапов земли и двух лавок, неким Кучик-бий-углоном и другими лицами [66], вероятно его родственниками или мюридами из среды знати. Время этого пожертвования остается неизвестным.

Род ишанов Шохи Ахси продолжал существовать в Бухаре вплоть до революции, играя не последнюю роль в усилении наиболее реакционных настроений. В архиве имеется справка из дела Туркестанского районного охранного отделения от 28 июля 1916 г., содержащая выдержку из «донесения... на ишана Шояхси». В ней говорится, что он участвовал в «шиитской резне» 1910 г.— печально известном событии, спрово-

---

[62] В. В. Григорьев, О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари,— «Уч. записки Казанского университета», кн. 1, Казань, 1861, стр. 116, прим. 60.

[63] Собрание грамот Бухарского музея, № 1313 (1607-08 г.).

[64] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 331.

[65] О хонако Файзабад см.: Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель, История искусств Узбекистана, М., 1965, стр. 336—337.

[66] ГА, ед. хр. 494.

цированном наиболее реакционными кругами духовенства[67]. В 1915 г. начальник полицейского управления сообщает в своем рапорте, что в феврале этого года «ишан Шояхси призывал к восстанию против России в связи с вступлением Турции в войну»[68]. Протурецкие, панисламистские тенденции его деятельности совершенно ясны.

Вероятно, к XVII в. относится и появление квартала Кози Файзи, во всяком случае мечети этого имени. Это выясняется из печати казия Файзи на документе 1664-65 г.[69]. Примерно в это время и была построена мечеть Кози Файзи, несколько позже ее название перешло на квартал.

Хотя XVII в., как известно, отнюдь не был для Средней Азии, и в частности для Бухары, спокойным временем (на этот период падают непрерывные феодальные войны и набеги, народные волнения и смена правителей и их администрации, что не способствовало политической устойчивости[70]), но все же этот период, включая годы правления Абдулазиз-хана II (1645—1680), по сравнению с последовавшими затем смутами «впоследствии вспоминали как время твердой власти, порядка и благосостояния»[71]. Этот период по своему характеру входит в тот этап в истории города, который начался строительством новой стены в XVI в., предпринятым вследствие того, что город вырос и уже не вмещался в старых границах. То, что в это время горожане находились в «нормальных» для феодального общества условиях, доказывает большое число сделанных в эти годы и оформленных соответствующими грамотами пожертвований в пользу бухарских медресе и мечетей.

В следующий период, четвертый этап по нашей периодизации, это весьма относительное процветание сменилось разрухой и запустением, которые, по свидетельству источников, дошли до того, что в Бухаре оставались населенными только два квартала[72]. Многие историки считают, что такие сообщения в основном правильно освещают положение дел. Только В. В. Бартольд высказывал мнение, что «кризис XVIII в. в Бухарском ханстве отразился на городской жизни в меньшей степени, чем в Хивинском», и Бухара пострадала меньше,

---

[67] ГА, ф. III, д. 177, лл. 21—27. Об этом событии см.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 413; «История Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1968, стр. 386; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 86; ее же, Бухара..., стр. 162.

[68] ГА, ф. 3, оп. 2, д. 264, лл. 7—9.

[69] ГА, ед. хр. 310. Квартал Кози Файзи упоминается в грамотах XVIII в.

[70] «История Узбекской ССР», т. I, 1967, стр. 557—566.

[71] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 270.

[72] Д. Г. Вороновский, «Гульшен ал-мулюк» Мухаммада Я'куба Бухари, автореф. канд. дисс., Ташкент, 1949, стр. 9.

чем Самарканд, где к середине XVIII в. «совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств» [73]. Вторая половина этого этапа имела своим содержанием постепенное преодоление последствий разрухи. Город и его жилые кварталы восстанавливались или складывались вновь. Этот этап длился до присоединения Средней Азии к России и превращения Бухары в вассальное ханство.

Основным источником для изучения кварталов на этом этапе их истории остаются официальные акты, в частности вакуфные грамоты. Изданных источников этого рода пока нет. В использованной мной описи вакуфных грамот этого периода встретилось 113 названий кварталов. Из них для XVIII в. отмечено 61 название, не считая тех, которые были встречены в более ранних грамотах.

Рассмотрение грамот XVIII в. представляет особый интерес для истории городской жизни, так как они отражают как упадок города, так и его восстановление. Поэтому мы рассмотрим их более детально, по десятилетиям, это позволит уточнить степень запустения Бухары, его продолжительность и динамику постепенного преодоления.

К первому десятилетию XVIII в. относятся 9 вакуфных грамот. В них упоминаются кварталы: Дари арки баста, Бобойи Ол, Камонгарон (Сиёкорон), Гозиён, Кош-мадраса, Мехтар Кофилон, Имом Кози-хон, Каро-Камол и Чорбоги Бокихон. Первые три квартала расположены в самом центре города, последние — на крайнем западе и на востоке, на территории, вошедшей в черту города в XVI в. Хотя грамот немного (видимо, горожане в этот период не особенно благоденствовали), но по расположению упомянутых в них кварталов видно, что практически весь город был заселен.

На второе десятилетие приходится 12 названий. Из упомянутых в вакуфных грамотах кварталов четыре находились в центре (Хаммоми кунджак, Чор харос, Хуллабофон и Саррофон), Амон-бой — на юге, Кучкор-бек-бий — на востоке, Ходжа Курбон, Мир-Дустум (Ляби хаузи Мир-Дустум) и Хаузи баланд — на территории, входившей в город до постройки последней стены, а Урусон, Хонакойи Джуйбор и Суфи Зохид — в районе, позже других вошедшем в черту города. Следовательно, и в это десятилетие город тоже был сплошь заселен.

В 20-х годах XVIII в. не было сделано ни одного пожертвования вакфа. На 30-е годы падает пять грамот с упоминанием кварталов Дарвозайи об, Махдуми Аъзам, Сари пули равгангарон, Яланги Бокиджон-кушбеги, Такия. Все кварталы располагались посреди густой городской застройки, за

---

[73] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 272.

исключением кварталов Такия (на северо-западной окраине) и Дарвозайи об, находившегося у восточной стены, там, где входил питавший город канал. Этот район, несмотря на его отдаленность, вероятно, должен был быть хорошо защищен, чтобы гарантировать поступление воды в город.

В 40-е годы, совпадающие с захватом Бухары и Самарканда иранским правителем Надир-шахом, было сделано всего два пожертвования — в пользу мечети Арафот[74] в квартале Калобод и мечети Мирзо Пайк. Название последней в быту Бухары не сохранилось, но, по-видимому, ее можно сопоставить с мечетью квартала Кул-Мухаммад-хаджи, расположенного на западной окраине. Название Мирзо Пайк является, по-видимому, вторым названием квартала Кул-Мухаммад-хаджи[75], раньше, как уже указывалось, называвшегося Бобо-Ахмадиён. Отождествление кварталов Мирзо Пайк и Кул-Мухаммад-хаджи можно сделать на том основании, что в документе, который можно датировать первой четвертью XIX в., строителем мечети квартала Бобо-Ахмадиён назван Ходжа Мирзо-пайк[76]. В нескольких грамотах говорится о мечети Кози Мирзо Пайк, причем оговорено, что она построена этим человеком, он завещал ей и вакф[77].

В следующие десятилетия жизнь горожан тоже была неспокойной. Воцарение мангытской династии, как известно, проходило отнюдь не гладко. Годы правления Мухаммад-Рахима (1753—1758) и Данияла (1758—1785) были наполнены непрерывными войнами и подавлением мятежей узбекской племенной знати, стремившейся по-прежнему сохранить самостоятельность. Третий представитель мангытской династии — Шах-Мурад после смерти своего отца долго не решался принять власть и публично каялся в проступках своих предшественников против шариата. Приняв власть и титул эмира, он стал править крепкой рукой и рядом энергичных мер подавил беспорядки, добился того, что власть сделалась более централизованной. Установление некоторого спокойствия и постоянно демонстрируемая приверженность правителя к религии стимулировали строительство зданий с богоугодной целью, в частности квартальных мечетей. Как всегда, основным слоем строителей была знать, светская и духовная, и богатое купечество.

Вплоть до 80-х годов число грамот, оформлявших строительство новых мечетей и пожертвований в их пользу, оставалось очень небольшим. Несколько больше грамот падает на

---

[74] ГА, ед. хр. 459.

[75] ГА, ед. хр. 306 (1662-63 г.).

[76] ГА, ед. хр. 305. Документ без даты, но на нем стоит печать казия Шарифа бен Атоулло, которая встретилась на грамоте 1825-26 г.

[77] ГА, ед. хр. 307, 306 (две грамоты 1748 г. и одна — 1776 г.).

50-е годы — их было девять, зато на 60-е приходится всего четыре, а на 70-е — три.

В грамотах 50-х годов упомянуты мечети кварталов Волида-хон, Дуст-чурогоси, Заббиён, Ляби хаузи арбоб, Кози Файзи, Яланги Бокиджон-кушбеги (сохранившие свои названия до начала XX в.), квартал Ходжа Абульхафиз-аълам, о котором говорится, что там находится мечеть Мухаммад-ёрбий, возможно соответствовавшая мечети квартала Мухаммад-ёр-атолык[78], и квартал Байни токайн, который локализуется по медресе Мулло Асири, позже давшему название всему кварталу (Мавлоно Асири)[79]. Последней назовем мечеть квартала Гулом-Али-тупчибоши, о которой в трех грамотах говорится, что она находится в квартале Кози Файзи, причем в одной из них Гулом-Али-тупчибоши назван строителем мечети его имени[80]. Как видим, это строительство не привело ни к отделению нового квартала, ни к изменению старого названия, датируемого временем жизни Кози Файзи: оно устанавливается по грамоте 1664-65 г.[81], на которой стоит его печать, как печать казия, утверждающего пожертвование. Из приведенного видно, что оба названия мечети бытовали одновременно, более ранним было Кози Файзи. Гулом-Али-тупчибоши осуществил свое строительство столетием позже и, вероятно, на том месте, где стояла прежняя мечеть, пришедшая в ветхость. Это видно из того, что разделения квартала на два прихода, за чем должно было последовать выделение нового квартала, не произошло.

Из грамот 60-х годов мы узнаём названия кварталов Мухаммад-Али-хаджи, Эшони Имло, Кучкор-бек и Калмокон, в котором в это время была построена новая мечеть — Баходурбий. Квартал с этим названием тогда еще не отчленился. В трех грамотах 70-х годов упоминаются кварталы Джон-Кубод-доруга, Хазрат Аюб и Хуллабофон. Все эти семь названий сохранились до начала XX в.

Хотя, как видим, в эти три десятилетия новых мечетей или пожертвований в пользу старых было очень мало, но примечательно, что названные в грамотах кварталы были разбросаны по всей территории города: кварталы Джон-Ку-

---

[78] ГА, ед. хр. 306. Мы сопоставляем эти два названия не с полной уверенностью, так как «соборная мечеть Мухаммад-ёр-аталыка» указана как находящаяся в квартале Бозори нау в более ранней грамоте 1668-69 г. (ГА, ед. хр. 8). Может быть, то же лицо, не имея еще титула аталык, выступило как строитель еще одной мечети — Мухаммад-ёр-бий, до нас не дошедшей.

[79] ГА, ед. хр. 36. Грамота датируется печатью Мухаммад-Рахим-бия-аталыка (1753—1758).

[80] ГА, ед. хр. 359 (1755-56 г.), 306 (грамота, заверенная печатью Шах-Мурада) и 332.

[81] ГА, ед. хр. 310.

бод-доруга, Хазрат Аюб, Калмокон и Мухаммад-Али-хаджи находились на северной и северо-западной окраинах, Кучкорбек — в восточной части города. Но большинство упомянутых кварталов этого времени все же помещалось на территории, занятой городом до постройки стены в XVI в., в центре, который, конечно, при разрухе сохранялся лучше, чем окраины. С 80-х годов число грамот начинает заметно возрастать, они становятся всё более многочисленными [82]. Возрастание продолжается и в 90-х годах [83] и в первой половине XIX в.

Из приведенных фактов с очевидностью следует, что начиная с третьего десятилетия и кончая седьмым, особенно в третьем и четвертом десятилетиях, горожанам приходилось настолько туго, что им было не до пожертвований с «богоугодной» целью. В последние два десятилетия этого века городская жизнь, видимо, полностью восстанавливается.

При восстановлении города после запустения XVIII в. некоторые кварталы переменили свои названия, в других путем строительства новых мечетей создались предпосылки для членения квартала; отделившийся квартал получал при этом новое название. Квартал Ворот Саллаххона (около одноименных ворот) стал называться так лишь с конца XVII в. [84], раньше он был известен под названием Мир-Масъуд, которое старожилы помнили как второе название своего квартала. Оно встречается и в грамотах XVIII в. [85].

Кроме указанных выше, некоторые названия могут быть сопоставлены с кварталами XIX — начала XX в. по приведенным в документах ориентирам. Так, квартал Тарматой-бий можно отождествить с кварталом Мурдашуён, так как в грамоте 1794-95 г. указано, что квартал Тарматой-бий «известен, как квартал Ляби хаузи мурдахо» [86], а хауз, которым пользовались только обмывальщики мертвых, в изучаемый период находился в квартале Мурдашуён. В грамоте 1785-86 г. сказано, что медресе Аскар-бий находилось в квартале Канбар-

---

[82] В грамотах 80-х годов упоминаются кварталы: Чор корвонсарой. Шишахона, Ходжа Мухаммад Порсо, Мухаммад-Подшох-ходжа, Суфиён, Чохи занджир, Яланги Бокиджон-кушбеги, Канбар-бий-атолык, Хонакойи Джуйбор, Эр-Назар-катаган, Мири табиб, Усто Рухи, мечеть Баходур-бий в квартале Калмокон, Мулло Масъуд-девон, Мухаммад-Косим (ГА, ед. хр. 55, 341, 457, 202, 397, 31, 494, 1294, 306, 456, 129).

[83] В грамотах 90-х годов упоминаются кварталы: Саид-Бандкушо, Мирджон-Али, Надир-Ваис, Кокилайи хурд, Магоки аттори, Кош-мадраса, Куйи мургкуш, Волида-хон на Хыёбоне, Мадрасайи Амин Мухаммад-накиб, Хаузи лесак, Хаджи-доруга, Ок-мачит, Калмокон, Мир-Дустум, Куйи чорбоги Боки-Мухаммад-хон, Мирзо Хайдар, мечеть Ходжа Али, известная как Подшокули-хаджи, Тарматой-бий (ГА, ед. хр. 441, 306, 448, 307, 55, 129, 55, 20, 129, 213, 307, 292, 387, 17, 188, 285, 186, 203).

[84] ГА, ед. хр. 196 (1683-84 г.).

[85] ГА, ед. хр. 494.

[86] Там же.

бий[87]. К началу XX в. последнее название исчезло, квартал стал называться Аскар-бий по медресе, которое, видимо, было достопримечательностью квартала и потому вытеснило старое название. Имена Канбар-бий и Аскар-бий могли принадлежать отцу и сыну: было принято давать сыну имя, рифмующееся с именем отца.

Некоторые кварталы в XVIII в. еще носили старые названия, известные по более ранним документам, но их мечети уже были перестроены и получили имена строителей, которые впоследствии перешли и на кварталы. Так, мечеть Ходжа Курбон, по которой в конце XIX — начале XX в. назывался квартал, в то время была еще мечетью квартала Ходжа Аёз[88], а мечеть Мирзо Гафур, согласно грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара, находилась в квартале Хофиз-Чанги[89].

В ряде случаев документы позволяют установить первоначальную форму названия, дошедшего до нас иногда в измененной форме. Уже говорилось о квартале, известном в начале XX в. как квартал Катаган (что позволяло думать о принадлежности его населения к этому узбекскому племени). Но грамота 1786-87 г. раскрывает это название как имя Эр-Назар-катагана, отца жертвователя вакфа в пользу этой мечети[90]. Из этого можно заключить, что Эр-Назар жил в первой половине или в середине XVIII в., т. е. в то время, когда в Бухаре царила разруха. Пожертвование вакфа, вероятно, было сделано сыном в порядке выполнения завещания отца, уже после его смерти, когда сложилась более благоприятная обстановка: мы знаем, что это произошло после того, как правителем стал Шах-Мурад, принимавший крутые меры для восстановления порядка. Именно при нем число вакуфных грамот, оформлявших новые пожертвования, стало резко возрастать.

Название квартала Кучкор-курчи, представлявшее собой, несомненно, имя строителя квартальной мечети, в грамотах встречается с разными титулами: Кучкор-бий, Кучкор-бек-бий-кушбеги. Ясно, что во всех этих случаях имелся в виду один и тот же человек — знатный сановник, занимавший различные высшие должности в административном аппарате ханства. Наиболее ранний документ, оформляющий завещание вакфа в пользу мечети этого квартала, относится к 1713 г., следующее завещание сделано в 1723 г., а последнее, вероятно посмертное,— от имени его сыновей в 1760 г. Имен-

---

[87] ГА, ед. хр. 186.

[88] ГА, ед. хр. 303; квартал Ходжа Курбон упомянут также в грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада (ГА, ед. хр. 494).

[89] ГА, ед. хр. 305.

[90] ГА, ед. хр. 494.

но в самом позднем документе имя этого лица сопровождает самый высокий и полный титул — Кучкор-бек-бий-кушбеги [91]. Видимо, в этом чине он и умер.

Квартал Яланги Бокиджон-кушбеги, название которого впервые упоминается в грамоте 1734-35 г., судя по грамоте 1753-54 г. носил также название Алочабофон («Ткачи») [92]; однако не исключено, что они употреблялись одновременно, второе было народным в отличие от первого названия, которое могло быть официальным, «дафтарным». Официальные названия чаще всего представляли собой имя строителя квартальной мечети.

К XVIII в. мы вынуждены отнести также довольно многочисленные грамоты, заверенные печатью эмира Шах-Мурада. Как известно, он предпринял в годы своего правления восстановление вакфов предыдущего периода, документы на которые либо обветшали, либо были утеряны, особенно за смутное время, предшествовавшее его воцарению. Ясно, что вакфы, получившие в XVIII в. новое оформление, образовались гораздо раньше. Примером этого может служить изложенная выше история кварталов Калобод и Шохи Ахси. Конечно, не в XVIII в., а, вероятно, в XVI были составлены оригиналы двух заверенных Шах-Мурадом грамот в пользу двух разных мечетей Искандар-хон. Их строителем был номинальный правитель Бухары Искандар-хан (ум. в 1583 г.) [93]. В одной из этих грамот указано, что мечеть Искандар-хон находится «на юге Регистана» [94]. В этом районе Бухары начала XX в. квартала с таким названием не было, и неизвестно, какому из современных кварталов он соответствовал. Второй квартал Искандар-хон, находившийся около северной стены города, к западу от Самаркандских ворот, сохранил свое название. Его тожественность с тем, который назван в грамоте, заверенной Шах-Мурадом, удостоверяется указанием, что мечеть Искандар-хон находится в квартале Атламиш — этот соседний квартал раньше, очевидно, составлял единое целое с кварталом Искандар-хон. Документ в пользу мечети последнего, несомненно, был составлен при жизни Искандар-хана или вскоре после его смерти (если вакф оформляли по его распоряжению наследники). Это видно из того, что вакуфное завещание сделано от имени «Искандар-хана, сына Джанибек-хана» [95]. Только по документам, заверенным Шах-Мура-

---

[91] ГА, ед. хр. 178, 494.

[92] ГА, ед. хр. 359, 494.

[93] Искандар-хан был провозглашен верховным правителем в 1561 г., но фактически главой государства был его сын Абдулла-хан. Что касается Искандар-хана, то он «был занят больше всего религиозными обрядами» («История народов Узбекистана», т. II, стр. 53).

[94] ГА, ед. хр. 19.

[95] ГА, ед. хр. 494.

дом, мы можем датировать свыше двух десятков кварталов [96]. Вместе с ними для XVIII в. известно 83 квартала.

В первой половине XIX в. продолжился начавшийся с 80-х годов XVIII в. рост города, наметившийся с приходом к власти новой династии и ослаблением междоусобиц. В этот период пожертвования в пользу мечетей разных кварталов становятся еще более многочисленными. За полстолетия — с начала XIX в. и до превращения Бухарского ханства в вассальное — нам известно по вакуфным грамотам 36 новых названий кварталов, среди которых бóльшая часть не вышла из употребления во второй половине XIX — начале XX в. [97]. Следует отметить, что большинство грамот, оформляющих пожертвование богоугодным заведениям, падает на первые три десятилетия — время правления чрезвычайно набожного эмира Хайдара, примеру которого, вероятно, следовали его приближенные.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, хотя Бухара в течение нескольких десятилетий пребывала в состоянии явного упадка, сведения нарративных источников о степени этого упадка сильно преувеличены. Даже в наиболее тяжелые для Бухары годы жизнь в городе не затухала. Если уж горожане могли не только жертвовать свое имущество мечетям и медресе, но и оформлять это юридически, у казия, значит, город не был в таком полном запустении, о каком говорит автор «Гульшен ал-мулюк». Знаменательно и то, что упоминающиеся в актах этого периода кварталы были расположены в разных районах города, даже на его окраинах, которые, надо думать, наиболее пострадали во время разрухи. Сложившийся исторически городской быт и в этот период все же сохранялся, его было кому поддерживать. Автор этих строк уже отмечал, что бытование в конце XIX — начале XX в. многих названий кварталов, известных с XVI—XVII вв.,

---

[96] Кварталы, заверенные печатью Шах-Мурада: 1. Атламиш, 2. Бобойи нонкаш, 3. Джафар-ходжа, 4. Джиляухона, 5. Дуст-чухраогоси, 6. Кози Нуриддин, 7. Кофар-работ, 8. Куйи хонако (шайх Бадри Майдони), 9. Миёнколиён, 10. Куйи Регистон, 11. Мир-Сари-ходжа, 12. Мулло (Мавлоно) Асири, 13. Сарроджон, 14. Сесуйи тарроxи, 15. Собунгарон, 16. Хаджи Хабибулло, 17. Ходжа Булгор, 18. Ходжа-калон, 19. Хофиз-Низом, 20. Шер-Мухаммад-джувозкан, 21. Шохи Ахси.

[97] Кварталы первой половины XIX в.: 1. Алокабандон, 2. Аскар-бий, 3. Буйробофон, 4. Гарибия, 5. Дарвозайи Каволяйи гач, 6. Дасторбандон, 7. Зомуча, 8. Кемухтгарон, 9. Кукалтош (Кулбобо-кукалтош), 10. Кулолон, 11. Ляндахур, 12. Мехтар Анбар, 13. Мехтар Шохбек, 14. Мирзо Гафур, 15. Мирзо Хайдари поён, 16. Мир-карача, 17. Модари хон, 18. Муддао, 19. Муйи тобон, 20. Мулло Шох, 21. Мухаммад-паррон (ходжа), 22. Нисёз-алоча, 23. Нуробод (ходжа), 24. Оби равон, 25. Пустиндузон, 26. Пухтабофон, 27. Сиддикиён, 28. Табибон, 29. Тахти шур, 30. Ходжа Алам-нарасон, 31. Ходжа Авлиёйи гариб, 32. Ходжа Ашур-тупчибоши, 33. Хаджи Усто Курбон-буйробоф, 34. Шайх Шох, 35. Усто Хакими собунгар, 36. Чиль духтарон.

указывает, что их жители продолжали традицию, сложившуюся до запустения города,— следовательно, в этих кварталах жизнь не прерывалась [98]. Видимо, там остались или в них скоро вернулись прежние жители. Вместе с тем наш источник (вакуфные грамоты XVIII в.) свидетельствует о значительном сокращении обычных для горожан операций как раз в смутные годы. На установление твердой власти и относительного спокойствия жители Бухары реагировали достаточно резким увеличением пожертвований, безусловно свидетельствующим о росте благосостояния, в первую очередь конечно, привилегированных слоев общества, к которым принадлежало подавляющее большинство жертвователей в пользу культовых учреждений.

В особенно многочисленных актах первой половины XIX в. встречаются названия почти всех кварталов, зарегистрированных в Бухаре по сообщениям старожилов для конца XIX—начала XX в. Но все же в документах встречались названия, правда немногие, либо вовсе неизвестные, либо известные в несколько иной форме. Так, в вакуфной грамоте XIX в. мы встречаем квартал Чорбоги оли [99] («Эмирский сад-парк»), а при опросе квартал был назван Таи чорбог («Около парка»); название квартала Ой-бинок в документах имеет форму Ой-биби-инок [100]; вероятно, обе формы являются искаженными (из Ой-бий-инок), так как титул «инок» в Бухаре вряд ли мог относиться к женщине, разве что был перенесен на жену инака. Понимание этого имени как женского (биби — «госпожа») объясняется, вероятно, тем, что слово «ой» («месяц, луна») в последние века было обычно приставкой к женским именам. Возможно, раньше оно употреблялось как мужское имя.

Как особый квартал в грамоте первой половины XIX в. упоминается квартал Ходжа Мухаммад-паррон [101]. В начале XX в. это название сохранялось только за мазаром, находившимся в нише купольного пассажа Токи Тельпак, который относился в этот период к кварталу Магоки курпа. Название квартала Ворот Каволяйи гач в начале XX в. хорошо знали как старое, уже не употребительное название квартала Шайх Рангрез. Так как старое название ворот, по которому именовался раньше квартал, к концу XIX в. заменилось другим — Ворота Карши, исчезло и связанное со старым названием ворот название квартала. В документе 1823-24 г. упоминается квартал Чиль духтарон [102] — это название мазара, находив-

---

[98] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 116.
[99] ГА, ед. хр. 38.
[100] ГА, ед. хр. 32.
[101] Там же.
[102] ГА, ед. хр. 305.

шегося в квартале, который в начале XX в. назывался Арабон (он же Таи зиндон, он же Кучкор-курчи). Название Нуробод (Ходжа Нуробод), в грамоте 1824-25 г. употребленное как название квартала, в начале XX в. прилагалось лишь к большому кладбищу, граничившему с одной стороны с кварталами Корхона и Куча-бог, а с другой — с кварталом-лепрозорием Песхона. Возможно, в начале XIX в. Нуробод было официальным названием квартала-лепрозория, так как на его территории находились кладбище и мазар Нуробод. Мазар был хорошо известен, так как считался излечивающим от коклюша и к нему шло много паломников.

Произведенный нами обзор данных по кварталам за прошлые века показал, что названия кварталов, как правило, были очень долговечны, хотя и не оставались неизменными. Из пяти названий, обнаруженных в источниках XV — первой половины XVI в., к изучаемому периоду перестали употребляться два; из 76 названий второй половины XVI—XVII в. исчезло 27, а из 73 названий, известных для XVIII в., не употреблялось только 11. Из 37 названий, известных по документам для первой половины XIX в., вышли из употребления 13, причем почти все они были еще хорошо известны населению.

2. Процесс образования кварталов и его значение для развития феодального города

Проведенное нами сравнительное изучение этнографических и исторических данных о жилых кварталах Бухары позволило установить, что кварталы были элементом довольно динамичным. Медленно, но непрестанно изменялась их территория, сменялись названия, отражая иногда смену состава населения или его занятий, иногда появление какого-либо нового элемента городской топографии, иногда перестройку квартальной мечети, завещание в ее пользу нового крупного пожертвования или членение квартала при появлении там второй мечети.

Возможность проследить век за веком изменения в составе и названиях городских кварталов благодаря использованию сопоставляемых письменных и этнографических (опросных) данных, а также наблюдения над исторически сложившимся обликом городов Средней Азии, в первую очередь Бухары, приводят к выводу, что процесс образования жилых кварталов был одним из проявлений процесса развития города.

Пути развития кварталов были различны. Некоторые кварталы сложились на территории слившихся с городом селений. Вероятно, на заре превращения Бухары в город отдельными селениями были те древние кварталы (махаллат), «отделенные и удаленные друг от друга», которые описал

Наршахи для периода арабского завоевания. Такой путь образования городских кварталов особенно явственно прослеживается на примере небольших городов с менее плотным населением, где слившиеся с городом селения очень долго сохраняют еще сельский облик [103]. В древних крупных городах, подобных Бухаре, слияние включенных в городскую черту сельских пригородов происходило быстрее и полнее. Значительная по размерам новая территория, охваченная стенами при последней их перестройке в XVI в., к концу XIX — началу XX в. приобрела вид типично городской. Только внимательное наблюдение и сравнение размещавшихся здесь кварталов с кварталами центральной части Бухары обнаруживало в них следы более позднего вхождения в город, наличие черт, оставшихся от былых селений. Эти отличия сохранялись в кварталах самой молодой части города — Джуйбаре, на северо-западной и особенно на северо-восточной его окраинах, где в отличие от центра было сравнительно много зелени, имелись сады и даже посевы [104].

Новые кварталы образовывались не только из вновь включенных в город селений, но и на старой городской территории. Осваивались и заселялись участки, ранее занятые под пашней или пустовавшие вследствие их непригодности ни под жилье, ни под возделывание. Такие участки в Бухаре чаще всего представляли собой солончаковые болота. Их освоение требовало предварительного осушения территории. По преданию, так именно появились кварталы северо-восточной части города (Каро-Камол; возможно, также Мир-Тахури девон), а также две последние еврейские слободы — Новая махалла и Амиробод, которые образовались на пустырях, считавшихся «собственностью эмира» и продававшихся от казны под застройку. Тяготы по их освоению падали в основном на «иноверческое население», т. е., в условиях Бухары, на евреев, которые были вынуждены покупать их «по чрезмерно высоким ценам» [105].

Вторым путем образования новых кварталов на старой городской территории было членение кварталов, и это был

---

[103] Город Джизак, например, в своей структуре сохранил ясные следы образования его из отдельных селений. Его кварталы еще в 40-х годах нашего столетия не полностью слились в сплошную городскую застройку — в некоторых частях города между ними лежали поля и сады. Следы того же процесса слияния близлежащих селений с основной частью населенного пункта обнаруживаются в структуре Ургута: его части, также отделенные друг от друга садами, огородами и пашнями, местные жители называли то кварталами (гузар), то селениями (кишлок). Менее явственно обнаруживается этот процесс в истории Ташкента, где, однако, еще недавно сохранялось предание о происхождении его из селений.

[104] О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 32—34.

[105] Н. Ханыков, Городское управление в Средней Азии, стр. 346.

путь наиболее обычный. Он хорошо прослеживается при сочетании письменных источников с этнографическими данными. Так выяснился процесс образования трех соседних кварталов — Калмокон, Баходур-бий и Ок-мачит, расположенных на северо-западной окраине города. В вакуфных грамотах второй половины XVIII и начала XIX в. мы находим упоминание «старой мечети Калмокон в квартале Калмокон» и сведения о строительстве там двух новых мечетей — Баходур-бий и Ок-мачит. Мечеть Баходур-бий со своим приходом на протяжении 23 лет оставалась в квартале Калмокон. Это видно из двух вакуфных грамот: 1764-65 и 1787-88 гг., где она отмечена как мечеть, находящаяся в квартале Калмокон. Впоследствии квартал Баходур-бий сделался самостоятельным. Грамота 1805-06 г. оформляет завещание вакфа в пользу третьей мечети — Ок-мачит, строителем которой назван тот же Баходур-бий-калмок. Эти документы проливают свет на историю всех трех кварталов и раскрывают личность Баходур-бия: это был знатный представитель военно-служилого сословия, принадлежавший к этнической группе калмак, которая, видимо, еще до XVIII в. заселила эту часть города, дав свое имя кварталу Калмокон (в грамоте XVIII в. упомянута «старая мечеть Калмокон»). Строительство Баходур-бием первой мечети, вокруг которой впоследствии образовался квартал его имени, было им предпринято в начале второй половины XVIII в. К концу XVIII в. или к самому началу XIX в. относится строительство им второй мечети — Ок-мачит. Так как уже имелась одна мечеть, носившая его имя, второй было дано название «Белая мечеть», в котором отражались особенности оформления здания мечети. Таким образом, предпринятое Баходур-бием строительство двух новых мечетей стимулировало членение квартала Калмокон на три отдельных квартала. Конечно, оно было вызвано не только постройкой новых мечетей, но и ростом населения; это видно из того, что все три вновь образовавшихся квартала были не из мелких: они состояли в конце XIX — начале XX в. из 60—70 домов каждый.

По вакуфным грамотам прослеживается членение находившегося в северо-восточной части города старого квартала Атламиш, из которого выделилось три, а может быть, и четыре квартала. Из недатированной вакуфной грамоты, представляющей собой, вероятно, копию более старого документа, мы знаем о строительстве новой мечети в квартале Атламиш отцом Абдулла-хана Искандар-ханом, сыном Джанибека (1561—1583). Мечеть получила имя Искандар-хон и сделалась центром отдельного квартала. К концу XIX в. в этом районе имелись отдельные кварталы Атламиш и Искандар-хон. При этом старое название квартала Атламиш хотя и

помнилось, но в быту заменилось названием находившегося здесь хауза — Истемур. Из того же квартала Атламиш выделился и третий квартал — Мири табиб. В вакуфной грамоте 1819-20 г. мечеть Мири табиб указана как находящаяся в квартале Атламиш, а в грамоте 1845 г. говорится уже о квартале Мири табиб [106]. Видимо, в конце XIX в. из квартала Атламиш выделился четвертый квартал — Чоршанби-казок: грамота 1891-92 г. называет строителем и жертвователем вакфа мечети квартала Атламиш — Чоршанби корвонбоши, сына Чокас-бия-казока, а в двух грамотах, составленных всего восемью — десятью годами позже, упомянут уже квартал Чоршанби-корвон или Чоршанби-казок [107]. Нет сомнения, что в грамоте 1891-92 г. речь идет о строительстве той самой мечети, которая позже стала мечетью выделившегося квартала Чоршанби-казок. В момент строительства мечети территория квартала Чоршанби-казок входила, следовательно, еще в квартал Атламиш. Как показывают эпитеты, относящиеся к имени строителя мечети, он был вожаком каравана, или старшиной крупных купцов, и происходил из казахов. Сообщения старожилов говорят о том, что вокруг этой мечети жила довольно значительная группа казахов, возглавлявшаяся указанным лицом.

Таким же путем на протяжении XIX в. разделился на две части квартал Муйи тобон, из которого после строительства мечети Мулло Шох выделился новый квартал — Мулло Шох, названный как отдельный квартал в грамотах 1819-20 и 1862-63 гг. [108].

Процесс образования нескольких кварталов на том месте, где раньше был один более крупный, прослеживается и на примере кварталов Халифа Худойдод и Чукур-махалла, образовавшихся на территории квартала Чорбоги Боки-хон (или Боки-Мухаммад-хон). По документам видно, что в XVIII в. квартала Халифа Худойдод еще не было: мечеть и медресе этого имени в грамотах указаны как находившиеся в квартале Чорбоги Боки-хон [109]. Образовавшиеся на этой территории после разделения кварталы Халифа Худойдод и Чукур-махалла в конце XIX — начале XX в. принадлежали, как и многие другие юго-западные кварталы, к самым крупным: в первом насчитывалось 148 домов, во втором — 160—180 домов. По этому можно судить о размерах квартала Чорбоги Боки-хон, занимавшего раньше территорию обоих кварталов, на которой кроме жилых домов находился также обширный сад. Этнографические данные позволяют обнаружить и после-

---

[106] ГА, ед. хр. 305, 386.
[107] ГА, ед. хр. 358, 368, 369.
[108] ГА, ед. хр. 370, 371, 374.
[109] ГА, ед. хр. 17.

довавшее затем начало членения квартала Чукур-махалла. Официально он рассматривался как единое целое, но в нем начинала выделяться юго-восточная часть, получившая название Джиляухона. В дальнейшем она могла бы превратиться в самостоятельный квартал.

Так же ясно прослеживается начавшийся, но не закончившийся процесс выделения южной части квартала Шахри нау, где появилась новая мечеть, и эта часть квартала стала называться Кучайи боло («Верхняя улица»). Из квартала Хаузи балянд выделилась часть, известная как Кучайи узбако. Расчленился, хотя и не оформил своего разделения, один из самых крупных кварталов города — Шохи Ахси. Кроме основной части в нем образовались три меньших: Кошуки, Лязгихо и Кашкарихо.

Этнографические данные — народные предания раскрывают в ряде случаев конкретные обстоятельства, вызвавшие членение старых кварталов.

В некоторых случаях разделение квартала происходило из-за несогласий между его жителями или в результате вражды между отдельными знатными семьями. Среди старожилов сохранилось, например, предание о разделении квартала Ходжа Низомиддин на два — верхний (боло) и нижний (поён). Это произошло около ста лет назад в результате ссоры в семье богатых жителей квартала. Возникшая между двумя братьями вражда была так велика, что один из них, не желая встречаться с другим на общей молитве в квартальной мечети, выстроил новую. Вокруг нее образовался самостоятельный приход, а затем выделился новый квартал. Оба квартала были невелики, примерно в два раза меньше средней величины кварталов Бухары (в первом было 22 дома, во втором — 30); это позволяет думать, что отделение их действительно диктовалось не необходимостью, не требованиями удобства для жителей этих кварталов, а субъективными мотивами.

По устному преданию мы знаем о разделении на две части крупного квартала Буйробофон, состоявшего из 110 домовладений. Все его население занималось одной профессией — плетением циновок, но было неоднородно в этническом отношении: в южной части жили переселенцы из Хорезма (урганджиён), в северной — группа обузбечившихся туркмен племени хидир-эли, тоже пришедшая с Амударьи. После ссоры квартал разделился на две части, и каждая стала выбирать себе отдельного старшину, хотя официально это разделение признано не было и обе части объединялись общим названием.

Следует, однако, подчеркнуть, что и в этом случае образование новых кварталов нужно рассматривать как следствие

и свидетельство развития города, прямой результат увеличения плотности населения кварталов. Именно это было в подавляющем большинстве случаев основной причиной членения старых кварталов. Как правило, квартал разделялся на несколько частей тогда, когда число его жителей начинало превышать принятые и удобные в быту размеры, но оптимальный вариант в каждом отдельном случае мог иметь различные формы, вопрос решали конкретные условия жизни квартала, которые либо стимулировали разделение, либо, наоборот, удерживали от него. Мы знаем в Бухаре очень крупные кварталы, жители которых имели веские причины, заставлявшие их держаться за принадлежность к большому кварталу [110]. Наряду с этим имелись и кварталы настолько маленькие, что причину их выделения нельзя видеть в непомерном увеличении числа жителей старого квартала. Предания, сохранившиеся в памяти старожилов, говорят о том, что это произошло по инициативе какого-нибудь влиятельного человека, взявшего на себя строительство новой мечети и оформление нового квартала перед городскими властями. Понятно, что он преследовал при этом свои интересы, стремясь поднять свой авторитет и получить свой круг «обязанных» ему людей, поддержка и помощь которых всегда могли быть ему обеспечены.

Хотя по документам, относящимся к одному и тому же кварталу, но к разному времени, и можно установить, что в истории некоторых кварталов Бухары бывали периоды, когда там одновременно имелось больше одной приходской мечети, но в отличие от Ташкента, например, где такое положение могло быть стабильным [111], в Бухаре положение было иным. Вслед за появлением второй мечети происходило рано или поздно, но, видимо, по истечении недолгого времени, разделение старой территории квартала на две части, а населения — на два прихода, на две общины. В конце XIX — начале XX в. нам известен лишь один квартал — Шахри нау, где незадолго до революции была построена вторая мечеть, но новый квартал еще не успел выделиться, и второй квартал — Буйробофон, где жители фактически разделились, но новой мечети еще не было и потому все они составляли один приход и одну общину. Можно не сомневаться, что, если бы революция не прервала обычного течения жизни жителей феодального города, через некоторое время там появилась бы

---

[110] См., например, описание квартала Шохи Ахси, № 198.

[111] Исследованием Шейхентаурской части г. Ташкента, осуществленным М. Рузиевой, выявлено, что, хотя и там большинство кварталов совпадало с приходами, имелось несколько кварталов, где были 2—3 и даже 4 приходские мечети, их жители делились в соответствии с этим на несколько приходов.

вторая мечеть и разделение было бы окончательно оформлено.

Факты, вскрывающиеся различными источниками, свидетельствуют, что членение кварталов было закономерным, непрерывно, хотя и медленно протекавшим процессом, в котором выражалось развитие города. По-видимому, можно считать правилом, что в историческом прошлом кварталы были территориально крупнее (что понятно: ведь на территории кварталов располагались раньше сады и пашни), измельчение кварталов являлось следствием их дробления в многовековом процессе развития города. Этим объясняются малые размеры кварталов, занимавших центральную, самую древнюю часть города — территорию шахристана. Хотя в течение веков, прошедших после строительства последней городской стены, процесс членения успел охватить и окраинные кварталы, все же именно на окраинах сохранилось еще некоторое число крупных кварталов, состоявших из 100—150 и больше домовладений. В окраинных, более молодых районах города и средние размеры кварталов значительно превышают средние размеры кварталов центрального, самого древнего его района. Образование мелких кварталов в результате многовекового процесса дробления ясно доказывается сравнением числа кварталов шахристана VIII—X вв., когда один квартал составлял четвертую часть территории города, с числом кварталов, образовавшихся здесь к началу XX в.: тогда на этой территории помещалось уже 24 квартала и плотность населения их была наиболее велика.

Таким образом, изучение показало, что столица Бухарского ханства была городом чрезвычайно расчлененным. Из всех среднеазиатских городов лишь число кварталов Ташкента было несколько большим, чем в Бухаре (свыше двух с половиной сотен) [112]. Остальные города Средней Азии по числу кварталов не могли идти в сравнение ни с Ташкентом, ни с Бухарой: Самарканд не насчитывал, судя по имеющимся данным, и ста кварталов [113], в Ходженте, по уточненным данным, было 146 кварталов [114], в Шахрисябзе было 52 кварта-

---

[112] В списке Н. Г. Маллицкого — 282 махалля (Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927).

[113] А. Гребенкин говорит о 70 городских мечетях Самарканда (А. Гребенкин, Родословная мангытской династии,— «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. III, СПб., 1874, стр. 338, прим. 3. По полевым материалам автора, в Самарканде конца XIX — начала XX в. было 85 кварталов.

[114] Н. Турсунов, Ходжент и его население (конец XIX — начало XX в.),— «Очерки из истории таджиков северных районов Таджикистана», Ленинабад, 1967, стр. 26. Видимо, кварталы Ходжента были очень маленькими: об этом говорит то, что при таком сравнительно большом числе кварталов в конце XIX в. в Ходженте было всего 5800 дворов (там же,

ла [115], Китаб состоял из 42 кварталов [116], а Куляб — всего из 17 [117]. Сравнение этих цифр показывает, насколько более сложным, расчлененным и развитым городом была феодальная Бухара в начале XX в. Основной причиной этой расчлененности следует считать продолжительность существования этого города на одном месте и его важную роль в истории среднеазиатских народов, в развитии здесь еще в древности городской жизни и культуры [118].

3. Итоги исследования жилого квартала и историческая оценка квартальной общины

Изучение истории среднеазиатских городов (Бухары, Самарканда, Шахрисябза, Карши, Ташкента) XIX — начала XX в. выявило, что их характерной чертой было членение на отдельные жилые кварталы. Письменные источники засвидетельствовали, что эта особенность структуры городов сложилась очень давно и существовала на всем протяжении истории городской жизни феодального общества. Но сколько-нибудь подробных письменных данных, отражающих бытовой уклад городской жизни, ее организацию в Средней Азии, особенно для периода средневековья (которое гораздо ближе хронологически и социально к тому обществу, которое изучается по этнографическим данным), пока не имеется. В этом регионе основным источником для изучения городов — феодальных и дофеодальных, особенно их структуры, остается источник археологический. В этом отношении Средняя Азия представляет собой богатейшее поле для исследования городов.

Все более широкое развертывание раскопок, начавшееся, по существу, лишь в советское время, уже дало блестящие результаты и сулит еще больше.

Кварталы отмечены археологами в древнем Хорезме [119],

стр. 20). В более ранней работе А. Е. Маджи (К истории феодального Ходжента,— «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945) приведен список кварталов Ходжента, в котором указано 84 квартала.

[115] О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства (см. план г. Шахрисябза). Неполный список кварталов Шахрисябза приводит также А. Кун (Очерки Шагрисебзского бекства,— ЗИРГО по отд. этнографии, т. 6, СПб., 1880, стр. 24).

[116] А. Кун, Очерки Шагрисебзского бекства, стр. 24.

[117] А. П. Колпаков, Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба,— «Изв. АН ТаджССР, отд. обществ. наук», вып. 5, Сталинабад, 1954.

[118] Это было отмечено еще авторами X в. Макдиси и Истахри (см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 385; В. А. Шишкин, Города Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 8).

[119] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 93, 104, 123.

на Варахше [120], в древнем Термезе [121], на Афрасиабе [122], в древнем Пенджикенте [123].

Археологические материалы, естественно, раскрывают прежде всего, а иногда и исключительно лишь архитектурно-планировочную структуру городов. При этом археологи нередко употребляют термин «квартал» условно, для обозначения участков городищ, которые либо выделились своими особенностями (например, следами ремесленного производства) при раскопках, либо обозначались без проведения раскопок — по рельефу городища и его общему виду. Социального значения квартала археологические исследования пока не раскрывают. Лишь за последнее время термин «квартал» в трудах археологов приобретает конкретность, в связи с тем что на

---

[120] С. К. Кабанов, Раскопки жилого квартала в западной части городища Варахша,— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», 2, Ташкент, 1956.

[121] П. И. Князев, Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза,— «Труды АН УзССР, Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945. Автор приходит к выводу, что территория изученного им квартала (ок. 8 га) была занята почти целиком производственными мастерскими, в том числе «весьма крупными». Здесь не было ни жилья, ни торговых рядов. Эта характеристика, в свете того что известно о ремесле эпохи феодализма и об организации ремесла в позднефеодальной Бухаре, оставляет много неясностей. Нарисованную автором картину трудно связать с теми производственными отношениями, которые характерны для феодального ремесла. В частности, удивляет такая изоляция промышленной части города от жилой и торговой его частей. Этнографические данные показывают, что даже в поздний период, после присоединения Средней Азии к России, когда началось быстрое развитие городов и городского ремесла, ремесленники объединяли обычно жилище и производство в одном месте. Это зафиксировано даже в таком неудобном для городских условий ремесле, как чугунолитейное, которое городские власти стремились вынести за пределы города (так еще до конца XIX в. удалось им сделать в Бухаре). В таком крупном городе, как Ташкент, чугунолитейщики даже в начале XX в. работали в густонаселенном районе города (см.: К. Фазилова, Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,— «Научные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4 Ташкент, 1961.

[122] Г. В. Шишкина, Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, автореф. канд. дисс., стр. 16, 18—21; ее же, Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 1970.

[123] А. М. Беленицкий, Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента,— СЭ, 1965, № 3, стр. 179 и далее; его же, Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии (доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук), Л., 1967, стр. 9—10; см. также: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 24—25; В. Л. Воронина, Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, автореф. докт. дисс., М., 1961; Б. Я. Ставиский, Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища,— МИА, № 124, 1964; О. Г. Большаков, Отчет о раскопках северо-западной части объекта III,— МИА, № 124, 1964.

некоторых городищах вскрыты достаточно большие участки рядовой городской застройки. Особенно ясные по своему значению и убедительности данные получены в древнем Пенджикенте, где раскопана достигающая почти гектара сплошная площадь городской застройки, включающей и здания, и сеть улиц. Хотя изучение кварталов Пенджикента, а тем более других городов далеко не завершено, значение этих работ огромно. Они по-новому освещают определенный этап в истории городской жизни, показав, что она достигла значительного развития уже на заре феодального общества. Выяснилось, что в Пенджикенте «еще в доарабское время застройка имела покварталь ный характер... вдоль улиц, примыкая к наружным стенам жилищ и в отдельных случаях входя в их состав, но всегда имея выход на улицу, группировалось значительное количество мастерских и торговых заведений»[124]. Говоря о «покварталь ном характере» застройки древнего Пенджикента, А. М. Беленицкий имеет в виду правильность планировки, расположение групп жилых домов прямоугольными массивами, ограниченными со всех сторон улицами. Эти улицы А. М. Беленицкий считает границами между кварталами, подобно тому как это свойственно хорошо спланированным частям современных городов. Однако вряд ли эти прямоугольники являлись кварталами в социальном значении этого термина, раскрывшемся благодаря этнографическим исследованиям. Как показало изучение городских кварталов в натуре, улицы не были в феодальном городе разделяющим кварталы элементом планировки. Они, наоборот, соединяли обитателей домов, расположенных по обеим сторонам улицы или ее определенного отрезка, все эти дома входили в один квартал, и улица была его центром.

Границы кварталов были очень невыразительны, проходили в виде неправильной ломаной линии по задним стенам домовладений, обращенных на разные улицы и относящихся к разным кварталам. Определение точных границ кварталов даже живого, наблюдаемого в натуре города оказалось возможным только путем выяснения (на основании сообщений жителей), к какому из смежных кварталов относится каждый конкретный дом. Имеется лишь один-единственный план старого города, на котором зафиксированы границы всех его кварталов: это упоминавшийся выше уникальный план Шахрисябза, составленный уже в советское время при подготовке к реконструкции города[125]. Этот план позволяет воочию убедиться, насколько кварталы, сложившиеся в феодальном

---

[124] А. М. Беленицкий, Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии, стр. 10.

[125] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 128.

городе, не похожи на кварталы современных городов, отделенные друг от друга правильными линиями улиц.

Можно не сомневаться, что как черты топографического облика кварталов, так, вероятно, и многие черты их быта, раскрытые на примере Бухары этнографическими данными, были глубоко исконны, сложились отнюдь не на том позднем этапе феодальной эпохи, к которой относятся наши материалы. Истоки их нужно искать в далеком прошлом. Поэтому, изучая города более ранних периодов — древности и раннего средневековья, необходимо учитывать результаты детального этнографического исследования кварталов XIX — начала XX в. Без учета различия между современным городским кварталом и кварталом феодального города этот термин останется узкопланировочным, лишенным социального содержания. Для того чтобы с полным правом считать кварталами определенные части раскапываемых археологами городищ, предстоит достаточно убедительно определить границы, замыкавшие отдельные кварталы.

Многие из обнаруженных в Бухаре особенностей кварталов были свойственны им по крайней мере уже в средневековье, а в некоторых отношениях можно установить и более раннее их происхождение.

Прежде всего, по-видимому, можно считать универсальной чертой городских поселений то, что они сложны по своей структуре, им свойственна расчлененность на более мелкие, отдельные части, в совокупности составлявшие город, и в первую очередь деление на жилые кварталы. Столь подробно освещаемое этнографическими источниками для более позднего периода это деление прослежено по письменным источникам и по археологическим материалам на очень широкой территории и на самых различных этапах истории города.

Уже во II тысячелетии до н. э. города Вавилона оказались расчлененными на жилые кварталы. Широко проведенные раскопки города Ура, давшие и обильный письменный материал, позволили изучить «два отлично обследованных археологами... жилых квартала горожан средней состоятельности», выяснить характер расселения живших в этих кварталах семей, проследить по документам историю членения домовладений путем купли-продажи домов или их раздела при наследовании, установить, что жители одного квартала, «имевшие свой культовый центр», «составляли общину, в которой общинные формы» «калькируются», несмотря на то, что «общинных отношений, по существу, не существует» [126].

---

[126] И. М. Дьяконов, Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура),— «Древний Восток», Ереван, 1973, стр. 38, 54, 61.

Глубокое исследование средневековых городов Ближнего Востока, изученных по письменным источникам, опубликовано недавно американским медиевистом А. Лапидусом. Наряду с другими вопросами он подробно рассматривает структуру и формы жизни городского общества и в этой связи говорит о кварталах, составе их населения и взаимоотношениях между разными группами, живущими в одном квартале, об организации «экономической жизни» горожан [127]. Достойно удивления обилие фактов, которые Лапидус сумел извлечь из своих источников.

Но возможности исследования всех этих вопросов для прошлых веков по письменным источникам, естественно, ограничиваются сведениями, содержащимися в этих источниках, а они отражают не все стороны жизни и далеко не с исчерпывающей полнотой. По признанию самого Лапидуса, «к несчастью, очень мало известно о внутренней организации кварталов... Каким образом семьи в кварталах соотносились и объединялись друг с другом остается тайной» [128]. Этнографические данные приоткрыли эту тайну. Хотя они относятся к позднему этапу истории феодального города, но освещают древние по своему генезису черты, вероятно, свойственные квартальной общине вообще.

Членение городов на кварталы было свойственно не только мусульманским и не только восточным городам, оно прослеживается, можно сказать, повсюду. На противоположном конце Азиатского материка — в Китае для эпохи феодализма также отмечено деление городов на кварталы, причем их организация в XII—XIII вв. во многом напоминала организацию и самый характер описанных здесь бухарских кварталов, отличаясь от них большей разработанностью и регламентированностью быта и отношений, более официальным духом [129].

Близкие или аналогичные черты были свойственны и средневековым городам Европы [130]. Их отдаленные пережитки сохранились кое-где и позже, особенно в городах южных, где семьи соседей не изолируются друг от друга закрытыми дверями, их жизнь протекает в той или другой степени под открытым небом, на дворе или на улице квартала. Во Франции

---

[127] I. M. Lapidus, Muslim Cities in the Later Middle Ages, Cambridge, Mass., 1967. За указание на этот труд приношу благодарность Б. А. Литвинскому.

[128] Там же, стр. 91.

[129] Э. П. Стужина, Китайский феодальный город в XII—XIII вв., М., 1964, стр. 1—2. («Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук»).

[130] L. Mumford, The City in History. Its Origins, Its Transformations and Its Prospects, London, 1961, стр. 315. За указание на этот труд приношу благодарность М. Г. Рабиновичу.

исчезновение городских общин (вероятно, цеховых и территориальных) историки связывают с буржуазной революцией, которая декретировала «отрицание тех общинных единиц Франции, которые выработались путем естественноисторическим», и узаконила организацию населения по административным округам [131].

Точные и довольно подробные данные о членении городов и о значении их структурных частей имеются по городам Восточной Европы. Изучение средневековых городов России, далеко продвинутое трудами М. Н. Тихомирова и А. В. Арциховского, М. Г. Рабиновича, В. Снегирева и др., показало, что и русские города имели сходную структуру, состояли из отдельных ячеек, в большей или меньшей степени близких к кварталам среднеазиатских городов. Особенно хорошо освещена в этом отношении Москва, история которой рассматривается в нескольких специальных работах. Изучены также благодаря археологическим раскопкам и открытым при этом грамотам на бересте Псков и особенно Новгород [132].

Интересно провести некоторые параллели между бухарскими кварталами и теми структурными ячейками, на которые делились города России. Средневековая Москва состояла из слобод и сотен, по своему значению в структуре города и в жизни городского общества довольно близких к жилому кварталу позднефеодальной Бухары. И там, и здесь в основе объединения жителей лежало совместное проживание их на общей территории [133], в большинстве случаев — наличие своего храма: и московская слобода и бухарский квартал, как правило, представляли собой один приход [134]. Сходство между теми и другими обнаруживается и в принципе объединения горожан: жителей кварталов и слобод нередко связывала общность занятий, особенно занятие одним ремеслом. Имелись также кварталы и слободы, названия которых указывают на заселение их земляческими группами, пришедшими в город из одного места [135]. В Бухаре благодаря привлечению

---

[131] И. Дитятин, Городское самоуправление в России, Ярославль, 1877, стр. 15—21.

[132] А. В. Арциховский, Городские концы в древней Руси, — «Исторические записки», т. XVI, 1945; М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956, стр. 224—226; его же, Средневековая Москва в XIV—XV веках, М., 1957, стр. 24—29; В. Снегирев, Московские слободы (очерки из истории московского посада XIV—XVIII в.), М., 1956; М. Рабинович, Г. Латышева, Из жизни древней Москвы, М., 1961; Г. Латышева, М. Рабинович, Москва и московский край в прошлом, М., 1973. Итоги изучения русского феодального города охарактеризованы в статьях сборника «Города феодальной России» (М., 1966).

[133] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 25.

[134] Там же, стр. 33 и 43.

[135] Там же, стр. 25.

этнографического источника удалось выяснить, по сообщениям старожилов некоторых кварталов, историю переселения их предков и характер отношений между ними и остальными горожанами, т. е. вопросы их слияния или, наоборот, их обособленности среди старого городского населения. По русским городам таких данных нет.

Слободы и сотни Москвы XVII в. были близки к кварталам Бухары XIX — начала XX в. и по своим размерам: в Москве, так же как и в Бухаре, в них входило от 40 до 200 домов [136], и по общему числу: в Москве 150 слобод [137], в Бухаре 220 кварталов, причем бóльшая расчлененность Бухары может объясняться тем, что Бухара изучалась по источникам, отделенным двумя столетиями от тех, которые были использованы при изучении Москвы. В течение этого времени Бухара продолжала членитьcя, и 220 кварталов в ней образовалось только к последнему этапу ее существования в качестве феодального города.

Несколько иной характер имели, видимо, «концы» Новгорода и Пскова. Их небольшое число (в Новгороде было 5 концов, в Пскове — 6) свидетельствует, что это были единицы довольно крупные, и, возможно, аналогии к ним надо искать не в бухарских кварталах, а в тех 12 микрорайонах (джарибах), на которые когда-то делилась Бухара и которые ушли в прошлое неизученными [138]. Это предположение в от-

---

[136] М. Рабинович, О древней Москве, М., 1964, стр. 240—241, прим. 83.

[137] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 23.

[138] Возможно, некоторую параллель к джарибам представляли собой в Москве те 12 административно-полицейских участков, на которые она была разделена впервые в 1504 г. по указу Ивана III (там же, стр. 30—31). Вспомним, что и в Бухаре А. А. Семенов выявил прежде всего именно административное и полицейское значение джарибов. Вообще степень вмешательства государственных учреждений в дела городского управления была в разных странах различна: в Китае, например, даже посадские старосты были «правительственными чиновниками» (см.: Э. П. Стужина, Китайский феодальный город в XII—XIII вв., стр. 2). В Москве указанными участками ведали назначенные царскими властями бояре. В Бухаре, при самоуправлении кварталов, 12 «микрорайонами» тоже управляли начальники, носившие военное звание «дахбоши» («десятник»). Но более крупные части, которых было две (каждая из них объединяла по шесть джарибов), возглавлялись правительственным чиновником, называвшимся, однако, весьма патриархально — «бобо» («дед») (см.: А. А. Семенов, Очерк административного устройства..., стр. 48). Это позволяет предполагать наличие древней традиции, лежавшей в основе описанного административного членения городов. По-видимому, в ней проявляется отголосок такой общественно-бытовой структуры, которая включала членение общественных организмов на части, более удобные для организации жизни населения и для управления им. Эта, по-видимому, древняя традиция была использована властями феодальных государств для административного устройства городов и благодаря этому в Средней Азии дошла до нашего времени.

ношении Новгорода и Пскова находит подтверждение в том, что при пожаре Великого Новгорода в 1340 г. сгорело 74 церкви — надо думать, что это были в большинстве церкви приходские. Следовательно, число приходов в Новгороде было очень велико — больше, чем в Москве того времени (где при пожаре 1334 г. сгорело 28 церквей). М. Н. Тихомиров использовал эти цифры, чтобы составить «некоторое представление о количестве населения в названных городах». Оговаривая всю условность «сопоставления величины обоих городов по количеству сгоревших церквей», он был вынужден использовать этот факт за отсутствием более точных сведений [139].

Имелось сходство в правовых нормах и в административной организации бухарских кварталов и московских слобод: в обязанности защищать жителя своего квартала, как и слободы, против посторонних, представительствовать за него перед властями или перед судом [140]; в функциях и обязанностях возглавлявших кварталы или слободы выборных старост, в круговой поруке, которую городские власти и там и здесь использовали для проведения своих мероприятий.

При наличии общих черт сравнение обнаруживает и существенные различия. Не вдаваясь здесь в их глубокий анализ (что должно составить предмет специальных исследований и станет возможным лишь после накопления широкого, разнообразного и притом достаточно сопоставимого материала), отметим два момента, высказаться по поводу которых дает основание детальное изучение Бухары.

Прежде всего встает вопрос об удельном весе земледельческих занятий в быту жителей феодального города, в частности на позднем этапе феодальной формации. В этом отношении были налицо значительные различия. В Москве XVI—XVII вв. между слободами были расположены сады и огороды, а также боярские усадьбы [141], нередко окруженные земледельческими угодьями,— следовательно, застройка еще не сделалась сплошной, часть городской территории была занята под земледелие. В Бухаре XIX — начала XX в. почти вся площадь была освоена под жилье и другие постройки, под многочисленные торговые площади и ряды. Немногие сады и пашни оставались (видимо, еще с тех пор, когда эти районы не принадлежали к городу) на крайнем западе и на востоке [142]. Эти участки нередко не имели хозяйственного значения, среди них большое место занимали сады и парки (чорбог)

---

[139] М. Н. Тихомиров, Средневековая Москва..., стр. 24.

[140] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 40.

[141] Там же, стр. 26; М. Рабинович, Г. Латышева, Из жизни древней Москвы, стр. 123—127.

[142] См. выше описания кварталов Таи чорбог (№ 55), Чукур-махалла (№ 54), Куча-бог (№ 214), Зехтоби (№ 196).

знати и богатого купечества. Но такое положение было характерно лишь для Бухары. Среди других городов Средней Азии она была городом наиболее урбанизированным, резко отличаясь этим от большинства даже крупных городов, таких, как Самарканд, Ташкент, города Ферганской долины. Особенно важное значение в XIX в. для горожан имело сельское хозяйство в Ташкенте, где в последней четверти XIX в. земледелием занималось до 35% городского населения, правда в большей или меньшей степени сочетая его с ремеслом или торговлей. Еще в начале XX в. на территории города большие площади были заняты сельскохозяйственными угодьями, так что отдельные богачи владели в городе 50—60 танапами земли и садов [143]. Бухаре это было не свойственно.

Отрыв бухарцев от сельского хозяйства усугублялся тем, что здесь среди горожан не было в обычае иметь сад в пригороде, вести там земледельческое хозяйство, переезжая туда на весь летний сезон, как это широко практиковалось, например, в Самарканде и Ташкенте. Бухарцы проводили все долгое, жаркое лето в городе за своими обычными занятиями. Состоятельные горожане и здесь нередко приобретали землю, но туда не переселялись и хозяйства сами не вели: земля сдавалась в издольную аренду и рассматривалась только как выгодная статья дохода [144].

Автор этих строк давно отказался от высказанного им еще в 1958 г. предположения, что в Бухаре X—XII вв., описанной Наршахи, доходы феодалов, владельцев отдельных кварталов, могли быть доходами от ведшегося на их территории сельского хозяйства. А. М. Беленицкий, справедливо возражая против этой точки зрения, подтверждает свое мнение результатами раскопок на городище древнего Пенджикента, показавших очень убедительно, что уже в предарабское время на территории города (по крайней мере в ее наиболее населенной части) нельзя было заниматься земледелием в сколько-нибудь широких масштабах [145]. Однако вряд ли будет правильно совершенно исключить возможность для горожан того времени сельскохозяйственных занятий. Это противоречит тому хорошо известному факту, что даже в конце XIX — начале XX в., когда городские формы жизни в Сред-

---

[143] См.: «История Узбекской ССР», т. II, 1968, стр. 123, 132; Ф. Азадаев, Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959, стр. 39, 176; М. Рузиева, О занятии земледелием жителей города Ташкента,— сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 73—77.

[144] О покупке земли духовной знатью рассказывают многие документы, опубликованные в книге «Из архива шейхов Джуйбари». См. также: П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 52, 53, 56, 58, 75—76 и др. О сдаче этих земель в аренду см. там же, стр. 60—61.

[145] А. М. Беленицкий, Древний Пенджикент..., стр. 6.

ней Азии получили особое развитие, когда значительно углубилось общественное разделение труда, а население городов резко возрастало и их территория усиленно застраивалась, горожане не отказались совершенно от сельскохозяйственных занятий. Не только в Ташкенте, Самарканде и городах Ферганской долины, но и в Бухаре, где плотность застройки, при ограничении площади сохранившимися городскими стенами, давно уже достигла наибольшей степени, на территории города имелись, правда небольшие, участки не только садов, но и пашен. Находясь в тех районах городской территории, которые вошли в черту города в XVI в., они за истекшие четыре столетия не успели исчезнуть, несмотря на все возраставшую плотность населения и жилой застройки. Трудно полагать, что на ранних этапах феодализма таких сельскохозяйственных участков в среднеазиатских городах, в частности в Бухаре, не было, особенно на окраинах городской территории. По наблюдениям В. А. Шишкина, сделанным при строительных работах в той части Бухары, которая расположена к северу от шахристана (между воротами Имамскими и Самаркандскими), обнаруживалось сравнительно с другими районами города мало остатков городской жизни — зданий, керамики и т. п.[146]. Возможно, при дальнейших раскопках на Пенджикенте и там обнаружатся участки, находившиеся внутри городских стен, но не занятые сплошной застройкой. При всем том вывод А. М. Беленицкого о ранней урбанизации городов Средней Азии, особенно Бухары, не вызывает возражений.

Таким образом Бухара на последнем этапе ее феодальной истории являла собой для Средней Азии пример наибольшего отрыва города от деревни, городских занятий — от сельских, ремесла и торговли — от земледелия. Здесь этот процесс зашел очень далеко, дальше, чем в большинстве других стран на поздних этапах феодальной формации. В этом отразилась та особенность истории Средней Азии (ее издревле оседлой части), которая заключалась в раннем и значительном развитии здесь торговли и связанного с ней товарного производства. В Бухаре позднефеодального периода эти черты усилились благодаря ее положению столичного города, среди населения которого больший удельный вес имели семьи высокого достатка, не говоря уже о эмирском дворе, и поэтому даже в самом городе бухарским ремесленникам был обеспечен сбыт изделий, причем спросом пользовались изделия самого высокого качества. Эта степень профессиональной специали-

---

[146] Приведено в устной беседе как факт, подтверждающий мой вывод о том, что в послемонгольское время северная граница города могла частично совпадать с границей шахристана (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 51—52).

зации не давала ремесленникам возможности сочетать свое ремесло-искусство с занятием земледелием. Не менее важное значение имело и то, что Бухара до начала XX в. была в среднеазиатской торговле, вероятно, самым важным торговым городом; ее ремесленники были вовлечены в эту высокоразвитую (для феодализма) торговлю, их изделия расходились по всей Средней Азии и за ее пределы.

Вторым моментом, важным для оценки города как специфической сферы проявления феодальных отношений, является степень феодальной зависимости, закрепощенности трудовых слоев городского населения. Конечно, этот важнейший вопрос истории феодального города здесь не может быть решен, и не в этом задача данной работы. Для этой большой проблемы имеет определенный интерес вопрос о зависимости населения кварталов, специализировавшегося на определенном ремесле, от различных прослоек феодалов и от городских властей, сравнение функций выборной администрации, с одной стороны — квартальных общин, а с другой — профессиональных корпораций.

В позднефеодальной Москве отдельные феодалы, и прежде всего сам князь, владели некоторыми, в частности ремесленными, слободами и сотнями, их права распространялись на население, в таких слободах, вероятно, целиком состоявшее из крепостных людей. В крепостной зависимости должны были находиться и ремесленники, которые несли натуральную повинность — сдавали владельцу определенное количество изделий своего ремесла. За работой следили и принимали продукцию, контролируя ее качество, старшины слобод и сотен [147]. Таким образом они выполняли функции, которые в Западной Европе, как и в Бухаре, лежали на старшинах ремесленных корпораций.

Как показали конкретные примеры бухарских кварталов, там, даже в тех случаях, когда ремесло было слабо развито и не выходило за границы одного квартала [148], все отношения, связанные с ремеслом, находились в ведении особого лица — представителя корпорации, а вопросы, связанные с жизнью квартала, составляли прерогативу другого лица — старшины квартала. Все дела производства были вне его компетенции.

В Бухаре многие торговые и ремесленные лавки и мастерские находились в собственности самых различных категорий имущих людей, в том числе и высшей знати. Скупкой лавок и мастерских занимались, как известно, джуйбарские ишаны, об этом говорят и документы из архива (XVI в.) и нарратив-

---

[147] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 47.
[148] См., например, описание квартала Буйробофон (№ 194).

ные источники [149]. Но, приобретая ремесленную мастерскую, феодал не получал никаких прав ни на личность ремесленника, ни на продукцию — его доходы составляла арендная плата за промышленное или торговое помещение. В производство и производственные отношения он не вмешивался [150], в его власти было только расторгнуть договор об аренде с неугодным ему арендатором. Это было сильным средством оказывать на арендатора давление, но не средством внеэкономического принуждения, которое, как мы видели, определяло положение московских крепостных ремесленников XVI—XVII вв. Вне сферы экономики лежало в Бухаре лишь принудительное привлечение ремесленников на казенные работы, в частности в дворцовых мастерских. Этот момент неоднократно освещался в научной литературе [151].

Помимо приобретаемого покупкой права владения городскими предприятиями — ремесленными мастерскими, торговыми лавками, караван-сараями, банями и пр., доходы с которых получались в виде арендной платы, наш материал позволил нащупать и отдельные факты получения доходов (в том или ином виде) непосредственно с городской территории. Родившийся в начале второй половины XIX в. мастер Усто Маджид Солихов сохранил в своей памяти предание о том, что вся территория города «от правой створки ворот Намозгох до левой створки ворот Шергирон» была когда-то пожалована правителем в танхо джуйбарским шейхам, которые таким образом получили право на взимание налога с жившего здесь населения в свою пользу. Затем, спустя какое-то время, налог с горожан взимать перестали, и джуйбарские ишаны лишились этого дохода. Это предание вполне правдоподобно. Видимо, в нем отразился действительный исторический факт. Как известно, эмир Шах-Мурад был вынужден дать Бухаре тарханскую грамоту, чтобы восстановить город после разрухи [152], и подушная подать была с горожан снята, остался только санкционированный шариатом налог с иноверцев — джизья: в условиях Бухары это был налог, который

---

[149] «Из архива шейхов Джуйбари», документы № 4, 6, 8, 11, 83 и др.; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, глава —«Ходжа Тадж ад-Дин». О более поздних операциях подобного рода пока неизвестно за отсутствием источников.

[150] П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 80. См. также: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 177—178.

[151] Е. М. Пещерева, Бухарские золотошвеи,— «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 276 и далее; П. А. Гончарова, Золотое шитье,— в кн. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1954, стр. 179—180; О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 118. 119. 176; М. А. Андреев, О. Д. Чехович, Арк Бухары, Душанбе, 1972, стр. 70—75.

[152] «История Узбекской ССР», т. I, 1967, стр. 652.

платило население еврейских слобод[153]. Также проявлением внеэкономического принуждения, т. е. феодальной формы эксплуатации, было получение от населения некоторых кварталов, чья территория считалась вакфом, регулярных взносов в пользу того богоугодного заведения, которому был когда-то завещан вакф[154]. Вероятно, это произошло еще в то время, когда эта территория не была заселена. Доход шел на расходы по этому учреждению и в пользу связанных с ним духовных лиц. Такой порядок сохранялся до самого конца существования Бухарского ханства. Это были последние остатки феодальных институтов, основанных на феодальной собственности на землю.

В более широком масштабе сохранялись феодальные институты и социальные отношения в ремесленной промышленности Бухары, в которой к концу XIX в. начали формироваться новые отношения, уже капиталистического типа, зарождалась первая ступень их — мануфактура. Но эти отношения появились лишь в самых развитых отраслях и охватили далеко не все предприятия. Наряду с немногими сравнительно крупными предприятиями типа мануфактуры сохранялось множество мелких мастерских, и в целом промышленность Бухары оставалась еще феодальной.

Важным итогом проведенного исследования явился вывод о характере отношений между жителями одного квартала, вся организация быта которого ведет нас к отношениям, свойственным общине. Длительное сохранение ее пережитков было закономерным явлением для всех общественных формаций вплоть до капитализма, «именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь. Превратив все в товары, оно уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения...»[155]. Так как народы Средней Азии не прошли этой стадии исторического развития, пережитки общинного быта наблюдались у них еще в начале этого века во многих сферах жизни, и в частности в быту горожан.

Общинный быт в городах имел глубокие исторические корни. К. Маркс отметил общинное начало в быту древних городов, где «община *существует*... в наличии *самого города* и должностных лиц, поставленных над ним...»[156]. В результате взаимной связанности жителей древнего города «отдель-

---

[153] О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 170.

[154] См. описание кварталов Баходур-бий (№ 72), Зехтоби (№ 196).

[155] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 82.

[156] К. Маркс, Критика политической экономии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I, стр. 470.

ный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...»[157]. В быту кварталов Бухары конца XIX — начала XX в. мы находим эти черты, правда в глубоко пережиточном виде, но сохранившимися достаточно полно. Они существовали в иных уже условиях, когда город сильно разросся, вследствие чего личные связи не могли охватить всех горожан и ограничивались в основном рамками одного квартала. Но житель последнего, как и житель древнего города, не был полностью самостоятельным — он подчинялся нормам быта и поведения, установленным общиной и порожденным традицией.

Общинные отношения в городе коренились в пережитках организации быта, сложившейся еще в городах античности, представлявших собой нераздельное единство с их сельской округой. Когда города сделались феодальными, старые общинные традиции оказались им не чуждыми и, трансформировавшись, продолжали жить и развиваться на новой основе, проявляясь в средневековых ремесленных и иных корпорациях, в своеобразном бытовом укладе жилых кварталов.

Общинное начало в жизни горожан подкреплялось и оживлялось их непосредственной связью с сельским населением. В этой среде общинные отношения сохранялись особенно прочно и имели своей базой жизненные производственные интересы крестьян. В Средней Азии, как и в других странах, где земледелие основано на искусственном орошении, общинные связи были необходимы: земля не приносила бы плодов, если бы община односельчан не выполняла совместных работ по проведению каналов и поддержанию их в порядке. Переселяясь в город, крестьяне приносили с собой свои навыки общественной жизни, в частности традиции общины, которые попадали там на подготовленную почву и не были чужды горожанам. Сохранение в феодальном городе архаических по своему генезису пережитков общины было исторически закономерно. Если общинный уклад — в форме профессиональных корпораций — не был полностью изжит даже в наиболее динамичной сфере — в производстве, то тем более понятно его бытование в сфере надстроечных явлений. Такой надстройкой и была описанная нами пережиточная квартальная община.

Какие формы имела квартальная община в далеком прошлом — неизвестно, так как источники не содержат о ней достаточных сведений. Архаичный уклад быта жилых кварталов конца XIX — начала XX в. позволяет представить себе, что общественный быт горожан и на начальных стадиях феодализма не отличался существенно от описанного. Аналогия

---

[157] Там же, стр. 474.

в данном случае вполне допустима, так как система деления городов на кварталы зафиксирована источниками начиная с X в. Что и тогда квартал был не только территориальной единицей, а представлял собой социальное образование того же типа, как и более поздняя квартальная община, показывает упоминание в источниках (Макдиси) «квартальных шейхов» (глав кварталов) в ряде городов [158]. Вряд ли можно сомневаться, что «шейхи кварталов» по своим функциям были очень близки к позднейшим аксакалам бухарских кварталов, как, вероятно, много сходства, если не тожества, было и во всем укладе жизни квартала. О том, что истоки этого уклада могут восходить к дофеодальной эпохе, доказывает приведенная выше характеристика кварталов древнего вавилонского города Ура, данная И. М. Дьяконовым. В ней обнаруживаются во многих деталях явные аналогии к укладу быта жилого квартала позднефеодального города Средней Азии.

Большая роль квартальной общины в быту народов Средней Азии делает необходимой ее историческую оценку.

Во многих отношениях эта традиционная организация общественного быта может считаться весьма положительной. Имея глубокие корни в истории народных масс, организуя и направляя течение их повседневной жизни, она породила стройную этическую систему, основанную на демократических устоях, сложившихся еще в доклассовом обществе. Общинные традиции вносили много хороших черт в народный быт. Прекрасные законы взаимопомощи, гостеприимства и уважения к старшим, древний принцип равенства прав всех достаточно умудренных годами членов общины, место которых в ней должно определяться богатством накопленного ими в течение долгой жизни опыта (отсюда авторитет стариков), сохранялись, несмотря на многие века господства классового строя.

Являясь членом общины, человек привык не чувствовать себя одиноким, всегда мог рассчитывать не только на участие и моральную поддержку, но и на прямую материальную помощь общины. Благодаря общине с ее прочным устоявшимся бытом каждому был обеспечен ряд жизненных удобств, о которых заботилась община в целом; в условиях феодального города их не могла бы обеспечить себе отдельная семья. Община сохраняла, несмотря на то что она существовала в обстановке классового общества, традиции коллективизма и кооперирования, совместных действий и, сколько могла, противодействовала разлагающему влиянию «чистогана», хотя, конечно, уступала ему все больше и больше под влиянием развития товарно-денежных и классовых отношений.

---

[158] «История народов Узбекистана», т. 1, Ташкент, 1950, стр. 245.

Общинные традиции определяли в значительной мере те требования, которые общество предъявляло к поведению своих членов. Этим традициям были обязаны народы Средней Азии наличием у них строгого, выработанного веками этикета, регулировавшего взаимоотношения между людьми и налагавшего печать хорошо воспитанного человека на каждого жителя Средней Азии, особенно на горожанина.

Однако эти положительные черты, определявшиеся и порождавшиеся традициями общинного быта, не были в состоянии перевесить реакционное значение, которое имела община в жизни народа.

Ко всякой общине, в особенности общине того периода, когда она уже не соответствовала уровню исторического развития общества, можно с полным правом отнести характеристику, данную Марксом индийской общине: «...Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы»[159]. Квартальная община среднеазиатских городов несла в себе реакционное начало, свойственное ей как в период феодализма, так и на начальных этапах капитализма. В пережитках общины, существовавших в Средней Азии наряду с чисто феодальными отношениями и колониальной эксплуатацией, лежала одна из причин особенно тяжелых условий, в которых происходило вызревание здесь капитализма, вследствие того что «вредные стороны капиталистического способа производства... совпадают с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства»[160].

Ставя человека в зависимость от общины, определяя в известной мере его поведение и его деятельность, пережиточные общинные отношения вели к сохранению отсталых форм жизни. Сложившись у народов Средней Азии в глубокой древности как необходимая в то время форма организации человеческого коллектива, соответствующая интересам его борьбы за жизнь, общинные отношения на более поздних этапах истории сделались тормозом для культурного развития народов этого региона. Они сковывали их творческие силы, отрицательно влияли на производство, ограничивая его привычными, исстари сложившимися рамками, задерживали раз-

---

[159] К. Маркс, Британское владычество в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 135.

[160] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 377.

витие национальной культуры. Вместе с тем они наносили большой ущерб благосостоянию народных масс, требуя нерационального расходования народных средств.

Прекрасная традиция взаимопомощи обесценивалась тем, что помощь, по правилам квартальной общины, должна была оказываться главным образом при выполнении обрядов, сопровождавших каждое семейное событие, и была необходима прежде всего в силу обязательности этих обременительных обрядов, требовавших массу труда и средств, затратить которые была не в силах отдельная семья. Объединение членов общины было необходимо также для обеспечения регулярного функционирования учреждений официального культа, несоблюдение которого каралось властями.

Следствием живучести пережиточного общинного быта было сохранение архаических явлений и в области идеологии. В архаических отношениях, генезис которых восходил к первобытнообщинному строю, коренились истоки таких форм идеологии, как анимизм, остатки шаманства и магии. Все это сохранялось в виде очень живых еще верований и обрядов в условиях описанного уклада жизни, который в качестве своей оборотной стороны порождал косность и примитивность мысли, отмеченные К. Марксом как неизбежное следствие бытового уклада общины.

Несоблюдаемые строго господствующими классами, но обязательные для народных масс правила общинного быта использовались эмирскими властями для подчинения горожан и обеспечения установленного феодальным строем порядка.

В конце XIX — начале XX в., когда в Средней Азии в тяжелых условиях колониальной страны происходило вызревание капиталистических отношений, община вставала в резкое противоречие с более прогрессивным для того времени направлением исторического развития. Ее нормы становились тягостным дополнительным бременем для трудового народа. Они мешали ему освобождаться от пут традиционной неподвижности и замкнутости, которые облегчали господствующим классам закабаление и эксплуатацию беднейших слоев населения. Увеличиваясь численно, по мере того как углублялась классовая дифференциация, все больше пролетаризируясь в результате этого процесса, слои трудящихся, лишенные средств производства, в силу традиции оказывались привязанными к тому месту, где каждый родился, и к той профессии, которая досталась от отцов и дедов.

Традиции общинных отношений, наряду с другими сферами жизни отразившиеся и в быту жилых кварталов среднеазиатских городов, за многие века превратились в одну из черт национальной культуры народов этого региона и сохра-

няли некоторое значение и после Великой Октябрьской революции. Добрые обычаи взаимопомощи, участия в радостях и горестях друг друга оказались созвучны этическим нормам советского общества. Глубокое сознание общности интересов людей, живущих в соседстве друг с другом, их навыки объединения для проведения общественных мероприятий, привычка приходить на помощь, делиться пищей, их традиционное гостеприимство играли и играют положительную роль и в наше время.

В годы культурной революции такие важные для интересов народа мероприятия, как ликвидация неграмотности взрослых, охват детей школьным образованием, проведение профилактических врачебных мер (например, массового оспопрививания), осуществлялись в рамках квартальных общин, при содействии их руководства — квартальных старшин. Широко выявились положительные черты бытового уклада квартальной общины в годы Великой Отечественной войны, когда она помогала в организации общественных работ, в размещении эвакуированных, в наборе работников для перевезенных с временно оккупированных территорий промышленных и других предприятий, в сборе средств и теплых вещей для фронта и населения освобожденных районов. Авторитет пожилых людей квартала обеспечивал общественный порядок, препятствовал нарушению спокойствия в квартале.

Однако, учитывая все эти положительные черты традиционного общинного быта, нельзя забывать реакционное значение, которое имела и имеет община в жизни всех народов на поздних этапах истории. Живучесть общинных традиций у народов Средней Азии в значительной степени объясняет долгое сохранение многих отрицательных черт быта в национальных республиках. Боязнь «общественного мнения» своих соседей, особенно осуждения со стороны стариков, пользующихся большим уважением в силу своего возраста и традиционной патриархальности, вынуждает соблюдать старые отжившие обычаи: слишком широко отмечать семейные события, принимать участие в религиозных обрядах, в частности совершать обряд обрезания мальчиков, сохранять хотя бы видимость неравноправного положения женщин и младших членов семьи и т. п. Изживание этих черт быта неразрывно связано с изживанием общинных традиций; из них в наши дни должны сохраняться лишь те, которые не противоречат укладу жизни современного человека, члена социалистического общества. Сохранятся и те черты национального характера, которые, будучи порождены общиной, давно утратили с ней и ее традициями непосредственную связь и сделались своеобразной чертой национальной психологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗИРГО — Записки Имп. Русского географического общества.

ИВ АН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР.

ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

РГО — Русское географическое общество.

САГУ — Среднеазиатский Государственный университет.

СЭ — Советская этнография.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum.

СХЕМЫ ДЖАРИБОВ

I. Шайх Рангрез, XII. Калобод (68)
II. Турки Джанди, VIII. Суфиён (84)
III. Джуйбар, IV. Чашма Аюб, V. Регистон, VI. Хыёбон (102)
VII. Мурдашуён, IX. Гаукушон (168)
X. Шахристон, XI. Искандар-хон (206)

А. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. ВОРОТА ГОРОДСКИЕ И КВАРТАЛЬНЫЕ

Атторон (ʿAṃṃāpāн) 216
А'ло (Аʿлā) 294
Бозóри нау, Бозóри дáрби нау (Бāзāр-и нау, Бāзāр-и дарб-и нау) 302
Ворота арка (заложенные) 204, 304
Дарвозача (Дарвāзача) 16
Дарвозáйи калон (Дарвāза-йи калāн) 16, 194
Имамские, Дарвозáйи Имом (Дарвāза-йи Имāм) 66, 136, 148, 171, 226, 333
Кавола, Каволáйи гач (Қавāла, Қавāла-йи гач) 67, 245, 248, 316
Калабадские, Калобод (Калāбāд) 246, 296, 300
Калабадские внутренние (андарўн) 300
Камаргарон (Камаргарāн) 223
Каракульские, Карокул (Қарāкўл) 110 181
Каршинские, Карши (Қаршӣ) 67, 245, 296, 301, 316
Кузнецов см. Охангарон
Мазарские, Мазор (Мазāр) 153, 245, 248, 268
Мансура (Манҫўр) 16, 294
Мардкушан, Мердкушан (Мардкушāн) 66
Намозгох (Намāзгāх) 83
Охангарон (Āхангарāн) 196
Саллаххона (Саллāҳҳāна) 66, 67, 81, 89, 143, 155, 249, 268, 287, 289, 312
Самаркандские, Самарканд (Самарқанд) 66, 226, 230, 268, 284, 287, 294, 314, 333
Талипачские, Талипоч (Тал-и пāч) 123, 284, 288
Угланские, Углон (Ӯғлāн) 123, 136
Хазрат Имом см. Имамские
Шайх Джалол (Шайҳ Джалāл) 83, 100
Шергиранские, Шергирон (Шӣргӣрāн) 16, 116, 123, 124, 289, 335

II. ДЖАРИБЫ, МАХАЛЛА

Адрасбофон (Адрасбāфāн) 66
Бозóри ходжа (Бāзāр-и ходжа) 65
Гаукушон (Гаукушāн) 65, 66, 181, 189
Джуйбар (Джӯйбāр) 16, 61, 66, 101, 103, 108, 109, 112, 113, 116, 121, 123, 144, 150, 152, 155, 161, 162, 222, 268, 269, 279, 281, 284, 289, 303, 304, 318
Искандар-хон (Искандар-ҳāн) 66, 206, 226, 227
Калобод (Калāбāд) 66, 68, 245, 246
Козиён (Қāҙӣйāн) 65, 245
Кулолон, Кулолгарон (Кулāлāн, Кулāлгарāн) 66
Мердкушан, Мардкушон (Мардкушāн) 65
Моркушон (Мāркушāн) 65
Мурдашуён (Мурдашӯйāн) 66, 88, 136, 166, 240
Регистон (Рӣгистāн) 66, 109, 136
Суфиён (Ҫӯфӣйāн) 66, 181
Тýрки Джанди (Турк-и Джандӣ) 66, 83
Хыёбон (Ҳийāбāн) 66, 150, 181

Чашма Аюб (Чашма-йи Айӯб) 66, 123
Шайх Рангрез (Шайҳ Рангрӣз) 66, 67, 68
Шахристон (Шахристӑн) 66,502, 206

III. КВАРТАЛЫ (КУ, МАХАЛЛА, ГУЗАР) И ИХ ЧАСТИ[1]

Абдулазиз-хон (ʿАбдалʿазӣз-ҳӑн) 104, 303, 304
Абдулло-кучкор (ʿАбдаллӑх-қӯчқӑр) 246, 253
Абдулло-кушбеги (ʿАбдаллӑх-қӯшбӗгӣ) 151, 166
Абдулло-ходжа (ʿАбдаллӑх-ходжа) 103, 111, 112, 268, 273
Авлиёйи-гариб (Аулиййӑ-йи ғарӣб) 205, 221, 222, 315
Азизон (ʿАзӣзӑн) 205, 208, 211, 277, 304
Алам-на-расон (Алам-на-расӑн) 212, 213, 276, 315
Алвондж (Алвӑндж) 67, 74, 282, 287
Алокабандон (ʿАлӑқабандӑн) 190, 202, 203, 278, 315
Алочабофон (Алӑчабӑфӑн) 106, 184, 314
Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка (Амӣр Йӑр-Муҳаммад-ҫадр-атка) 303
Амири (Амӣрӣ) 16, 180, 190, 194, 195, 238, 303
Амир Тин-Кылыч (Амӣр Тӣн Қлӣч) 303
Амиробод, махалла (Амӣрӑбӑд, маҳалла) 84. 93, 318
Амон-бой (Амӑн-бӑй) 46, 84, 92, 273, 274, 309
Арабон (ʿАрабӑн) 46, 67, 80, 81, 83, 227, 268, 276, 289, 317
Ӑрки баста (Арк-и баста) 204, 305
Ангиштиё (Ангиштӣхӑ, Ангиштӣйӑн) 195
Арроки мисгари (Аррӑк-и мӣсгарӣ) 167, 172, 204, 268, 278
Аскар-бий (ʿАскар-бӣй) 136, 145, 146, 312, 315
Атламиш (Атламӣш) 227, 232—235, 275, 314, 315, 319, 320
Ахмад-дорго (Аҳмад-дӑрӯға) 124, 130—132, 284
Аъло (Аʿлӑ) 16, 294
Ахтачи (Аҳтачӣ) 151, 165, 275
Бӑйни токайн(Байн-и тӑқайн) 311
Баракиён (Баракийӑн) 84, 90, 277
Баходур-бий (Бахӑдур-бӣй) 124, 129, 130, 132, 284, 311, 318
Бобо-Ахмадиён (Бӑбӑ-Аҳмадийӑн) 128, 277, 304, 305, 310
Бобо Махмуд-шох (Бӑбӑ Муҳмӯд-шӑх) 303
Бобойи нонкаш (Бӑбӑ-йи нӑнкаш) 181, 185, 275, 315
Бобойи Ол (Бӑбӑ-йи Ӑл) 79, 276, 309
Бозори алаф (Бӑзӑр-и ʿалаф) 17, 67, 77
Бозори гуль, Бозори чашмайи гуль (Бӑзӑр-и гул, Бӑзӑр-и чашма-йи гул) 205, 213, 214, 280
Бозори карбос (Бӑзӑр-и карбӑс) 303, 304
Бозори кафш (Бӑзӑр-и кафш) 194
Бозори дарби нау (Бӑзӑр-и дарб-и нау) 250
Бозори нау 188, 301, 302
Бозори пиёз (Бӑзӑр-и пийӑз) 304
Бозори чуб (Бӑзӑр-и чӯб) 227, 235, 236, 280
Боки-хон, Боки-Мухаммад-хон см. Чорбоги Боки-Мухаммад-хон
Бу-Ляйс (Бӯ-Лайс) 294, 298
Буйробофон (Бурйӑбӑфӑн) 35, 43, 116, 226, 227, 237—242, 268, 278, 315, 321, 322
Булгор, Ходжа Булгор (Булғӑр, Ходжа Булғӑр) 67, 73, 74, 276, 315
Вазир (Вазӣр) 294
Вакф, Вахм (Вақф) 103, 123, 269, 281
Волида-хон, Волидайи хон, Волида-хони шахид (Вӑлида-йи ҳӑн-и шахӣд), Волида-хон на Хыёбоне 150, 156, 273, 304, 312
Ворот Мансура (Дарвӑза-йи Мансӯр) 16, 294
Ворот Самарканда (Дарвӑза-йи Самарқанд) 294

[1] В указатель не внесены имеющиеся в ссылках названия кварталов, из которых происходили информаторы.

Ворот Саллаххона (Дарвāза-йи Саллāҳҳāна) 312
Гардункашон (Гардӯнкашāн) 294
Гарибийя (Ғарибиййа) 84, 93, 280, 315
Гаукушон (Гаукушāн) 189—191, 303, 304
Гозиён (Ғāзийāн) 41, 84, 88, 94—96, 143, 182, 279, 303, 309
Гузáри зардузо (Гузар-и зардӯзхā) 152
Гузáри нау (Гузар-и нау) 103, 121
Гузáри сипохо (Гузар-и сипāххā) 284
Гузáри Хай (Гузар-и Хай) 190, 268, 282
Гузáри эронихо (Гузар-и йрāнйхā) 123
Гулом-Али-тупчибоши (Ғулāм-ʿАлӣ-тӯпчӣбāшӣ) 311
Дарвозáйи Имом (Дарвāза-йи Имāм) 304, 305
Дарвозайи Каволя, Каволайи гач (Дарвāза-йи Қавāла, Қавāла-йи гач) 67, 69, 315
Дарвозáйи об (Дарвāза-йи āб) 304, 305, 309
Дарвозáйи Саллаххона (Дарвāза-йи Саллāҳҳāна) 67, 82, 83, 281, 304, 305
Дарвозáйи Углон (Дарвāза-йи Ӯғлāн) 136, 137, 138, 148, 281
Дарвозáйи Шайх Джалол (Шайҳ Джалāл) 100, 304
Дарвозача (Дарвāзача) 16, 294, 298
Дáри áрки баста, Арки баста (Дар-и арк-и баста) 304, 309
Дари зиндон (Дар-и зиндāн) 304
Дасторбандон (Дастāрбандāн) 103, 114, 277, 315
Деволи похса (Дӣвāр-и паҳса) 124, 134
Дегрези (Дӣгрӣзӣ) 205, 208—210, 276, 278, 280, 289, 304, 306
Дероз (в Ташкенте) 325
Джанафарон (Джанафарāн) 103, 114
Джафар-ходжа (Джаʿфар-ходжа) 246, 256, 261, 262, 268, 315
Джилаухона (Джилауҳāна) 119, 170, 171, 315, 321
Джомúйи Бегим, Хоним (Джāмиʿ-и бēгӣм) 273
Джон-Али-бий (Джāн-ʿАлӣ-бӣй) 304
Джон-Кубод-доруга (Джāн-Қубāд-дāрӯға) 231, 232, 233, 311
Джон-Кубóди калон (Джāн-Қубāд-и калāн) 227, 230, 232
Джон-Кубóди хурд (Джāн-Қубāд-и ҳурд) 227, 231
Джуйзар (Джӯй-и зар) 103, 115, 281, 282
Джýйи чаппа (Джӯй-и чаппа) 261, 281
Дилькушóйи дарун (Дилкушā-йи дарӯн) 246, 254, 255, 262, 284, 303
Дурман (Дӯрман) 124, 128, 277, 284
Дуст-чухраогоси, Дуст-чурогоси (Дӯст-чухра-āғāсӣ) 154, 168, 176, 177, 268, 311, 315
Заббиён (Ҙаббийāн) 46, 181, 186, 188, 277, 311
Забуда (Забӯда) 205, 214, 215, 217, 281
Зангулясози (Зангӯласāзӣ) 190, 198, 199, 268, 278, 286
Заргарон (Заргарāн) 303
Зехтоби (Зихтāбӣ) 227, 240, 278
Зиндафиль Ахмади Джоми (Зиндафӣл Аҳмад-и Джāмӣ) 124, 130, 276, 284
Зомуча, Ходжа Зомуча (Зāмуча) 246, 248, 281, 282, 315
Имом Кози-хон (Имāм Қāҙӣ-ҳāн) 246, 259, 268, 276, 309
Имом Мухаммад Газоли (Имāм Муҳаммад Ғазāлӣ) 181, 188, 276, 302
Искандар-хон (Искандар-ҳāн) 227, 234, 271, 304, 314, 319
Искандар-хан (ку) (Кӯй-и Искандар-ҳāн) 235
Ислом (Ислāм) 67, 80, 282, 304
Истемур (Истēмӯр) 227, 233—236, 320
Кабул-ато (Қабӯл-атā) 124, 131
Каллапушдузон (Каллапӯшдӯзāн) 304
Калмокон, Калмок (Қалмāқāн, Қалмāқ) 124, 128—130, 265, 277, 284, 311, 312, 319
Калобод (Калāбāд) 246—248, 281, 296—298, 300, 310, 314
Калта Манор (Калта Манāр) 99, 304, 307
Калта-ходжа (Калта-ходжа) 103, 109
Калтигиён (Қалтӣгийāн) 90, 200, 201, 277, 278, 304, 307
Камонгарон (Камāнгарāн) 192, 194, 304, 309
Канбар-атолык, Канбар-бий (Қанбар-атāлӣқ) 145, 312, 313

Каппóни мавиз (Каппāн-и мавйз) 220
Каро-Камол (Қарā-Камāл) 246, 256, 257, 261, 262, 277, 284, 304, 309, 318
Карчигай (Қарчиғай) 151, 162, 281
Катаган (Қатаған) 227, 236, 271, 312, 313
Кáфши олак (Кафш-и āлак) 194
Кашкарихо (Қашқарйхā) 242, 321
Кемухтгарон (Кймӯҳтгарāн) 205, 214—217, 278, 289, 315
Киёу-ходжа (Кийāӯ-ходжа) 172
Кози Зохид, Суфи Зохид (Қāзӣ Зāхид, Сӯфӣ Зāхид) 103, 113
Кози Мирзо-пайк (Қāзӣ Мйрзā-пайк) 139, 273
Кози Мир-Хошим (Қāзӣ Мйр-Хā-шим) 136, 148, 304
Кози Нуриддин (Қāзӣ Нӯраддйн) 264, 305, 315
Кози Саиди Джуйбор (Қāзӣ Сa'йд-и Джӯйбāр) 113
Кози-урда (Қāзӣ-ӯрда) 204, 272, 305
Кози Файзи (Қāзӣ Файзӣ) 136, 138, 145, 269, 304, 308, 311
Кокила, Кокилáйи калон (Кāкила, Кāкила-йи калāн) 67, 71
Кокилáйи хурд, Кокилача (Кāкила-йи ҳурд, Кāкилача) 246, 249, 312
Корхона (Кāрҳāна) 227, 243, 244, 268, 279, 289, 317
Косагарон (Кāсагарāн) 46, 84, 97—99, 278, 303
Косим-шайх (Қāсим-шайҳ) 190, 199, 200, 273
Кофар-работ (Кāфар-рабāт) 136, 147, 286, 315
Кофилон, Мехтар Кофилон (Қāфилāн, Мехтар Қāфилāн) 150, 155, 156, 274, 286
Кох (Кӯй-и Кāҳ) 294
Кош-мадраса (Қӯш-мадраса) 33, 40, 88, 151, 152, 169, 222, 268, 280, 309, 312
Кошуки (Қāшуқй) 242, 321
Кýйи Бакор (Кӯй-и Бакāр) 294
Кýйи дарахт (Кӯй-и дараҳт) 181, 187, 188, 281, 286, 303
Кýйи Дехкон (Кӯй-и Дихқāн) 220, 294, 295, 301, 302
Кýйи Мугон (Кӯй-и Муғāн) 294
Кýйи мургкуш (Кӯй-и мурғкуш) 67, 71, 72, 285, 312
Кýйи Регистон (Кӯй-и Рйгистāн) 315
Кýйи Риндон (Кӯй-и Риндāн) 294
Кýйи хонако, Куйи хонакóйи Шайх Бадри Майдони (Кӯй-и Ҳāнақāх, Кӯй-и ҳāнақāх-и Шайх Бадр-и Майдāнӣ) 168, 171, 174, 176, 315
Кýйи Хоним (Кӯй-и Ҳāним) 303
Кýйи Чорбóги Боки-Мухаммад-хон, см. Чорбоги Боки-Мухаммад-хон
Кукалтош, Кулбобо-кукалтош (Кӯкалдāш, Қулбāбā-кӯкалдāш) 181, 182, 272, 315
Кул-Махмад-хаджи, Кул-Мухаммад-хаджи (Қул-Муҳаммад-ҳāджжӣ) 124, 127, 130, 273, 284, 305, 310
Кулолон (Кулāлāн) 217, 315
Кутлук (Қутлуқ) 84, 85, 282
Куча-бог (Кӯча-бāғ) 246, 256, 317
Кучáйи Анорихо (Кӯча-йи Анāрйхā) 215
Кучáйи боло (Кӯча-йи бāлā) 113, 321
Кучáйи Гуломо (Кӯча-йи ғулāмāн) 97
Кучáйи нагорачихо (Кӯча-йи нағāрачйхā) 137
Кучáйи сангин (Кӯча-йи сангин) 172
Кучáйи узбако (Кӯча-йи ӯзбакāн) 123, 321
Кучáйи шуллукчихо (Кӯча-йи шуллукчйхā) 171
Кучик-углон (Кӯчик-ӯғлāн) 304
Кучкор-бек, Кучкор-бек-бий (Қӯчқāр-бēк, Қӯчқāр-бēк-бйй) 309, 311, 312
Кучкор-курчи (Қӯчқāр-қӯрчӣ) 227, 228, 313, 317
Кыргыз-оим (Қирғыз-āйм) 150, 160, 284
Лойхуракон (Лāйҳӯракāн) 83, 87
Лáби хáузи арбоб (Лаб-и ҳауз-и арбāб) 181, 189, 281, 311
Лáби хáузи Мир-Дустум (Лаб-и ҳауз-и Мйр-Дӯстӯм) 303
Лáби хáузи мурдахо (Лаб-и ҳауз-и мурдахā) 171, 312
Лáби хáузи Хазрат Шайх Шох (Лаб-и ҳауз-и Ҳазрат Шайх Шох) 86
Лязгихо (Лазгйхā) 241, 321
Ландахур (Ландахӯр) 146, 147, 275, 315
Лянги араб (Ланг-и 'араб) 124, 130, 193, 275, 284
Мавлави Мирзоджон (Мавлавй Мйрзāджāн) 205, 221, 273

Мавлоно Амири (Маулāнā Амӣрӣ) см. Амири
Мавлоно Асири (Маулāнā Асӣрӣ) 167, 168, 273, 315
Мавлоно Рахматулло (Маулāнā Раҳматаллāх) 303
Мавлоно Шакар (Маулāнā Шакар) 303
Мавлоно Шариф (Маулāнā Шарӣф) 205, 210—212, 273, 276, 304
Магóки Аттори (Маҕāк-и ʻАṭṭāрӣ) 205, 216, 268, 286, 312
Магóки курпа (Маҕāк-и кӯрпа) 190, 192, 194
Магóки лятта (Маҕāк-и латта) 194
Мадали-хаджи (Муҳаммад-ʻАлӣ-ҳāджжӣ) 227, 229, 273
Маддохон (Маддāҳāн) 227, 231, 232, 279, 287
Мадраса́йи Амин Мухаммад-накиб (Мадраса-йи Амӣн Муҳаммад-нақӣб) 312
Мадраса́йи Миракон (Мадраса-йи Мӣракāн) 304
Масьуд-бек (Масʻӯд-бек) 252
Масъуд-девон (Масʻӯд-дӣвāн) 304, 312
Махалла Амиробод см. Амиробод
Махалла́йи кухна (Маҳалла-йи кухна) 67, 75, 76, 93, 269
Махалла́йи нау (Маҳалла-йи нау) 84, 93, 318
Махдуми Аъзам (Маҳдӯм-и Аʻẓам) 46, 84, 94, 276
Мачи́ти баланд (Масджид-и баланд) 109, 150, 157, 158, 280
Мачи́ти бесутун (Масджид-и бӣсутӯн) 168, 178, 179, 280, 304
Мачи́ти кунджак (Масджид-и кунджак) 124, 130, 132, 280, 284
Мехтар Анбар (Мехтар ʻАнбар) 246, 258, 315
Мехтар Идрок (Мехтар Идрāк) 166
Мехтар Кофилон см. Кофилон
Мехтар Ориф (Мехтар ʻĀриф) 150, 158, 159
Мехтар Тагой (Мехтар Таҕāй) 303
Мехтар Шафеъ (Мехтар Шафӣʻ) 46, 67, 79, 155, 258
Мехтар Шохбек (Мехтар Шāхбек) 136, 150, 315
Мехчагарон (Мӣҳчагарāн) 246, 278, 289
Миёнколиён (Мийāнкалийāн) 181, 185, 277, 278, 315
Миракон (Мӣракāн) 84, 96, 98, 99, 277
Мирджон-Али (Мӣрджāн-ʻАлӣ) 312
Мир-Дустум, Ляби хаузи Мир-Дустум (Мӣр-Дӯстӯм, Лаб-и ҳауз̧-и Мӣр-Дӯстӯм) 25, 116, 150, 152, 154, 177, 268, 285, 309, 312
Мирзо-бий (Мӣрзā-бӣй) 67, 72, 79, 268, 278, 285
Мирзо Гафур (Мӣрзā Ғафӯр) 136, 149, 274, 305, 315
Мирзоджони кассоб (Мӣрзāджāн-и-қаṣṣāб) 188
Мирзоджони Чуббоз см. Чуббоз
Мирзо-кули (Мӣрзā-қулӣ) 190, 195, 268, 279
Мирзо Пайк (Мӣрзā Пайк) 310
Мирзо Убайд (Мӣрзā ʻУбайд) 67, 79
Мирзо Хайдар, Мирзо Хайдари поён (Мӣрзā Ҳайдар, Мӣрзā Ҳайдар-и пāйāн) 190, 312, 315
Мир-Иброхим (Мӣр-Ибрāҳӣм) 205, 219
Ми́ри табиб (Мӣр-и ṭабӣб) 235, 312, 320
Мир-карача (Мӣр-қарача) 172, 315
Мир-Масъуд (Мӣр-Масʻӯд) 67, 82, 83, 289, 303, 312
Мир-Сари-ходжа (Мӣр-Сари-ходжа) 315
Мир-Тахури девон (Мӣр-Ṭахӯр-и дӣвāн) 246, 262, 263, 268, 318
Мода́ри хон, Мода́ри хо́ни ля́би руд (Мāдар-и ҳāн, Мāдар-и ҳāн-и лаб-и рӯд) 168, 180, 181, 189, 273, 315
Моркуш (Мāркуш) 46, 65, 151, 162, 281
Мугон см. Куйи Мугон
Муддао (Муддаʻā) 124, 133, 280, 315
Муйи тобон, Мохи тобон (Мӯй-и тāбāн, Мāх-и тāбāн) 205, 214, 215, 217, 315, 320
Мулло Амири см. Амири
Мулло Асири см. Мавлоно Асири
Мулло Масъуд-девон см. Масъуд-девон
Мулло Пайрави (Муллā Пайравӣ) 205, 220, 295
Мулло-ходжа (Муллā-ходжа) 303, 304
Мулло Хóки рох, Хоки рох (Муллā Ҳāк-и рāх) 34, 83, 87, 88, 274
Муллоён (Муллāйāн) 136, 140, 279

Мулло Шамси-Мухаммад (Муллā Шамсӣ-Муҳаммад) 17, 67, 77, 274
Мулло Шох (Муллā Шāх) 205, 214, 215, 217, 274, 315, 320
Мургкуш (Мурғкуш) 281
Мурдашуён (Мурдашӯйāн) 167, 170, 171, 278, 312
Мусурмон-энага (Мусулмāн-энага) 168, 175, 178
Мухаммад-Али-хаджи, Мадали-хаджи (Муҳаммад-ʿАлӣ-ҳāджжӣ) 311, 312
Мухаммад-ёр-бий, Мухаммад-ёр-атолык (Муҳаммад-йāр-бӣй, Муҳаммад-йāр-атāлӣқ) 168, 179, 180, 189, 304, 311
Мухаммад-Косим (Муҳаммад-Қāсим) 67, 70, 303, 312
Мухаммад-Мискин, Мулло, хазрат (Муҳаммад-Мискӣн, Муллā, ҳазрат) 304
Мухаммад-пайк, Мухаммад-пай (Муҳаммад-пайк) 136, 137
Мухаммад-паррон, Ходжа Мухаммад-паррон (Муҳаммад паррāн) 315, 316
Мухаммади Пастак (Муҳаммад-и Пастак) 246, 249, 304
Мухаммад-Подшох-ходжа (Муҳаммад-Пāдшāх-ходжа) 312
Мухаммад-Рахим-султон (Муҳаммад-Раҳӣм-султāн) 304
Мухаммад-Ризо-ходжа (Муҳаммад-Ризā-ходжа) 91
Мухаммад-Шариф см. Мавлоно Шариф
Нагорачихо (Нағāрачӣхā) 137
Надир-Ваис (Надир-Вайс) 168, 172, 173, 312
Надир-курчи (Надир-қӯрчӣ) 124, 125
Назарча (Назарча) 136, 146, 147, 275
Нахсакон (Наҳсакāн) 253, 277
Ниёз-алоча (Нийāз-алāча) 315
Низомадди́ни боло см. Ходжа Низомаддини боло
Низомадди́ни поён см. Ходжа Низомаддини поён
Новая махалла см. Махаллайи нау
Нуробод, Ходжа Нуробод (Нӯрābād) 244, 315, 317
О́би равон (Āб-и равāн) 84, 91, 92, 190, 315
Озодон (Āзāдāн) 254
Ой-бинок, Ой-биби-инок (Āй-бӣбӣ-инāқ) 246, 249, 273, 316
Ок-мачит (Āқ-масджид) 124, 129, 130, 131, 284, 312, 319
Олим-ходжа (ʿĀлим-ҳоджа) 227, 239, 240, 268, 273, 286, 287
Охунди Мулло Усмон см. Козиурда
Пайкан (Пайкан) 150, 159, 281
Пардозгарон (Пардāзгарāн) 124, 125
Паткорон (Паткāрāн) 303
Песхона (Пӣсҳāна) 167, 246, 253, 317
Писташиканон (Писташиканāн) 103, 109, 110, 136, 144 145, 278
Подшохкули-бий-хаджи см. Поччокул-хаджи
Пойи остона (Пāй-и āстāна) 205, 218, 276, 286
Понобихо (Пāйāн-и āбӣхā) 83, 87, 88, 277, 278
Порсбонон (Пāрсбāнāн) 304
Поччокул-хаджи (Пāдшāх-қул-ҳāджжӣ) 181, 187, 273, 304, 312
Поччо-ходжа (Пāдшāх-ходжа) 67, 70, 275
Пули Саррофон см. Саррофон
Пустиндузон (Пӯстӣндӯзāн) 79, 82, 88, 89, 167, 169, 278, 315
Пухтабофон (Пухтабāфāн) 103, 105, 106, 110, 278, 315
Пушта́йи зогон (Пушта-йи зағāн) 82
Равгангарон (Равғангарāн) 168, 176, 178, 240, 278, 304, 309
Раъд-зада (Раʿд-зада) 205, 224, 275, 304
Саадакон (Саʿдакāн) 246, 253, 277
Саид Бандкушо, Хазрат Бандкушо (Сайд Бандкушā) 208, 276, 303, 304, 312
Саид-Камол (Сайд Камāл) 246, 251, 252, 303
Сарахсиён (Сарахсийāн) 84, 96, 97, 277, 278, 303
Са́ри бозо́ри Ка́ли Фарход (Сар-и бāзāр-и Кал-и Фархāд) 219
Са́ри пу́ли равгангарон см. Равгангарон
Сарроджон (Саррāджāн) 190, 201, 278, 315
Саррофон (Ṣаррāфāн) 303, 309
Сафедмуй, Сафедмун, Абдулло Сафедмуй (Сафӣдмӯй, Сафӣдмӯн, ʿĀбдаллāх Сафӣдмӯй) 67, 80, 81
Сесу́ки Оху́нди калон (Сесӯқ-и Āҳӯнд-и калāн) 199

Сесу́ки Оху́нди суфи (Сесӯк-и Ахӯнд-и сӯфӣ) 199, 281
Сесу, Сесу́ки таррохи (Сесу, Сесӯк-и таррāхӣ) 84, 90, 281, 315
Сиддикиён (Сиддӣқийāн) 190, 198, 277, 315
Сиёкорон (Сийāхкāрāн) 190, 192, 194, 255, 278, 309
Собунгарон (Сāбӯнгарāн) 151, 157, 164, 165, 278, 315
Согутарошон (Сāғӯтарāшāн) 136, 148
Соло́ри хадж (Сāлāр-и ҳадж) 108, 109
Сорвоно (Сāрвāнāн) 124, 127, 278, 284
Сохиб-зада (Сāҳиб-зада) 84, 100, 273
Старая махалла см. Махаллайи кухна
Сузангарон (Сӯзангарāн) 190, 196, 268, 278, 289
Суфа (Сӯфа) 78, 301
Суфи Зохид (Сӯфӣ Зāхид) 113, 309
Суфиён (Сӯфийāн) 181, 185, 186, 279, 303, 312
Суфие́ни Саури, Шайх Суфиён (Суфийāн-и Саурӣ, Шайх Суфийāн) 276, 304, 305
Таббанд, Ходжа Таббанд (Таббанд, Ходжа Таббанд) 246, 255, 304
Табибон (Табибāн) 136, 140, 141, 236, 315
Тагбандбофон (Тагбандбāфāн) 190, 203, 278
Та́и арк (Тах-и арк) 149
Та́и зиндон (Тах-и зиндāн) 227, 228, 282, 317
Та́и пушта (Тах-и пушта) 91, 281
Та́и чорбог (Тах-и чахāрбāғ) 103, 126, 281, 286, 316
Та́и шур, Та́хти шур (Тах-и шӯр) 215, 315
Такия (Такийа) 124, 134, 284, 309
Тарматой-бий (Тарматāй-бӣй) 312
Токиядузон (Тāқийадӯзāн) 303
Тукумдузи (Тӯқӯмдӯзӣ) 171
Тупхона (Тӯпхāна) 205, 222—224, 242, 276, 280, 305
Ту́рки Джанди (Турк-и Джандӣ) 84, 91
Убонихо, Ходжа Убони (Ӯбāнӣхā, Ходжа Ӯбāнӣ) 183
Узбак-ходжа (Ӯзбак-ходжа) 103, 122, 273
Урганджиён (Ӯрганджӣйāн) 101, 103, 105, 116, 277, 278, 281, 284
Урда́йи маврихо (Урда-йи марвӣхā) 162
Урусон (Ӯрӯсāн) 136, 140, 277, 309
Усто Рухи (Ӯстā Рӯҳӣ) 34, 136, 141, 144, 268, 276, 312
Усто Хаки́ми собунгар (Ӯстā Ҳакӣм-и сāбӯнгар) 315
Фагсодара, Фагсодра (Фағсāдара, Фағсāдра) 294
Фатхулло-кушбеги (Фатҳаллāхкӯшбегӣ) 246, 251, 253, 303
Хаджи Амон-бой см. Амон-бой
Хаджи-дорго (доруга) (Ҳāджжӣдāрӯға) 124, 312
Хаджи Курбон см. Ходжа Курбон
Хаджи Рофеъ (Ҳāджжӣ Рāфиʻ) 227, 229
Хаджи Усто Курбон-буйробоф (Ҳāджжӣ Ӯстā Қурбāн-бӯрйābāф) 315
Хаджи Хабибулло (Ҳāджжӣ Ҳабӣбаллāх) 150, 159, 161, 162, 315
Хазрат Аюб (Ҳазрат Айӯб) 311, 312
Хазрат Бандкушо см. Саид Бандкушо
Хазра́ти Хизр (Ҳазрат-и Ҳизр) 168, 173
Халифа Ниёзкул (Ҳалӣфа Нийāзқул) 304, 305
Халифа Худойдод (Ҳалӣфа Ҳудāйдāд) 103, 117, 118, 268, 273, 289, 320
Халифа Хусайн (Ҳалӣфа Ҳусайн) 67, 69, 273, 287, 304
Халолхурон (Ҳалāлхӯрāн) 224
Хамбо́ми каппа (Ҳаммāм-и каппа) 151, 163, 164, 304
Хамбо́ми кунджак (Ҳаммāм-и кунджак) 190, 198, 215, 280, 309
Харротон (Ҳаррāтāн) 134, 136, 138, 144, 161, 278
Ха́узи баланд (Ҳауз-и баланд) 103, 123, 155, 269, 281, 309, 321
Ха́узи Бобо-Ниёз (Ҳауз-и Бāбā Нийāз) 115
Ха́узи лесак (Ҳауз-и лйсак) 168, 173, 174, 276, 312
Ха́узи нау (Ҳауз-и нау) 103, 281, 304
Ха́узи Рашид (Ҳауз-и Рашӣд) 79
Ха́узи Ходжа Зайниддин см. Ходжа Зайниддин

Ха́узи Чубин (Ҳауз̧-и Чӯбӣн) 127
Ходжа (Ходжа) 18
Ходжа Али Сумитани (Ходжа ʿАлӣ Сумӣтанӣ) 303
Ходжа Абульхафиз-аълам (Ходжа Абӯ-л-Ҳафиз̧-аʿлам) 180, 311
Ходжа Авлиёйи Гариб см. Авлиёйи Гариб
Ходжа Алам-на-расон см. Алам-на-расон
Ходжа Аспгардон, Аспгардон (Ходжа Аспгардӣн) 151, 166, 245
Ходжа Ашур-тупчибоши (Ходжа ʿАшӯр-тӯпчӣбо̄шӣ) 315
Ходжа Булгор см. Булгор
Ходжа Гарибон (Ходжа Ғарӣбо̄н) 183
Ходжа Гоиб (Ходжа Ғо̄иб) 227, 230
Ходжа Гунджори (Ходжа Ғунджо̄рӣ) 276
Ходжа Зайниддин, Хаузи Ходжа Зайниддин (Ходжа Зайниддӣн, Ҳауз̧-и Ходжа Зайниддӣн) 177, 190, 195, 286, 303
Ходжа Зомуча см. Зомуча
Ходжа-калон, Ха́узи Ходжа-калон (Ходжа-калӣн, Ҳауз̧-и Ходжа-калӣн) 205, 219, 220, 272, 315
Ходжа Курбон (Ходжа Қурбо̄н) 136, 145, 309, 313
Ходжа Мухаммад (Ходжа Муҳаммад) 304
Ходжа Мухаммад-паррон см. Мухаммад-паррон
Ходжа Мухаммад Порсо, Ходжа Порсо (Ходжа Муҳаммад Пӯрсо̄, Ходжа Пӯрсо̄) 220, 250, 251, 273, 286, 301, 312
Ходжа Низомадди́ни боло, Низомаддини боло (Ходжа Низ̧о̄маддӣн-и бо̄ло̄) 205, 225, 226, 321
Ходжа Низомадди́ни поён, Низомаддини поён (Ходжа Низ̧о̄маддӣн-и по̄йӣн) 224, 225, 321
Ходжа Нуробод см. Нуробод
Ходжа Порсо см. Ходжа Мухаммад Порсо
Ходжа Рофеъ (Ходжа Ро̄фиʿ) 150, 155, 273
Ходжа Таббанд см. Таббанд
Ходжа Туйгун (Ходжа Тӯйғӯн) 150, 157, 158, 273
Хо жа Убони см. Убонихо
Ходжа Халим, Халимуддин (Ходжа Ҳалӣм, Ҳалӣмаддӣн) 67, 77, 276, 301
Ходжахо (Ходжахо̄) 201
Хонако, Хонако́йи Джуйбор (Ҳо̄нақо̄х-и Джӯйбо̄р) 16, 83, 103, 106, 107, 109, 110, 111, 268, 280, 284, 309, 312
Хонако, Хонако́йи Чукмоки (Ҳо̄нақо̄х-и Чӯқмо̄қӣ) 83, 86, 281, 287
Хофиз-кунгрот (Ҳо̄физ̧-қунғро̄т) 190, 198
Хофиз Мохони (Ҳо̄физ̧ Мо̄ҳо̄нӣ) 303
Хофиз-Низом (Ҳо̄физ̧ Низ̧о̄м) 315
Хофиз-Тафтон (Ҳо̄физ̧-Тафто̄н) 201, 303, 304, 307
Хофиз-Хаджи (Ҳо̄физ̧-Ҳо̄ҷҷӣ) 303
Хофиз-Чанги (Ҳо̄физ̧-Чангӣ) 149, 304, 305, 313
Хуллабофон (Ҳуллабо̄фо̄н) 309, 311
Хусайн-Али-нонвой (Ҳусайн-ʿАлӣ-но̄нво̄й) 304
Хыёбон (Кӯй-и Ҳийо̄бо̄н) 151, 152, 161, 303
Чакар (Чақар) 103, 111, 268, 281
Чакари султонон см. Урганджиён
Чармгарон (Чармгаро̄н) 28, 103, 115, 117, 119, 162, 278, 289
Чашма Аюб (Чашма Айӯб) 124, 134, 138, 276, 284
Чиль духтарон (Чихил дуҳтаро̄н) 315, 316
Чодирдузон (Чо̄дирдӯзо̄н) 182
Чорбакколи Дарвоза́йи Самарканд (Чаҳо̄рбаққо̄лӣ Дарво̄за-йи Самарқанд) 116, 227, 241, 281
Чорбакколи Дарвозайи Углон (Чаҳо̄рбаққо̄лӣ Дарво̄за-йи Ӯғло̄н) 137
Чорбо́ги Боки-Мухаммад-хон, Чорбоги Боки-хон (Чаҳо̄рбо̄ғ-и Бо̄қӣ-Муҳаммад-ҳо̄н, Чаҳо̄рбо̄ғ-и Бо̄қӣ-ҳо̄н) 119, 121, 271, 309, 312, 320
Чорбо́ги Оли (Чаҳо̄рбо̄ғ-и ʿО̄лӣ) 316
Чор корвонсарой (Чаҳо̄р ко̄рво̄нсаро̄й) 67, 79, 312
Чорсу́ки дарун (Чаҳо̄рсӯқ-и дарӯн) 303
Чор харос (Чаҳо̄р ҳаро̄с) 46, 181, 186, 280, 309
Чоршанби-казок (Чаҳо̄ршанбӣ-қазо̄қ) 227, 232, 320
Чоршанби-корвон (Чаҳо̄ршанбӣ-ко̄рво̄н) 232
Чо́хи занджир (Чо̄ҳ-и занджӣр) 205, 222, 268, 281, 286, 304, 312

Чуббоз, Мирзоджони чуббоз (Чӯббāз, Мӣрзāджāн-и чӯббāз) 243, 275
Чубутон, Чуютон (Чуйӯтāн) 150, 160
Чукур-махалла (Чуқӯр маҳалла) 103, 119, 120, 122, 123, 268, 281, 320, 321
Шайх Джалол (Шайҳ Джалāл) 84, 100, 273
Шайх Рангрез (Шайҳ Рангрӣз) 67, 69, 276, 316
Шайх Суфиён см. Суфиёни Саури
Шайх Шона (Шайҳ Шāна) 303, 304
Шайх Шох (Шайҳ Шāх) 83, 85, 86, 304, 315
Шарифджон (Шарӣфджāн) 190, 195
Шаршара (Шаршара) 17, 67, 77
Шáхри нау (Шахр-и нау) 23, 103, 112, 113, 321, 322
Шер-Мухаммад-джувозкан (Шӣр-Муҳаммад-джувāзкан) 136, 146, 275, 315
Шикастабандон (Шикастабандāн) 136, 139, 140
Шишахона (Шӣшаҳāна) 124, 126, 127, 268, 279, 280, 312
Шох-Малик (Шāх-Малӣк) 103, 110
Шóхи Ахси (Шāх-и Аҳсӣ) 24, 227, 240, 241, 268, 272, 287, 307, 314, 315, 321, 322
Шукур-бий (Шукур-бӣй) 231
Шур-куль (Шӯр-кӯл) 227, 231
Эр-Назар-катаган см. Катаган
Эшон (Ӣшāн) 18
Эшóни Имло (Ӣшāн-и Имлā) 138, 161, 311
Эшóни пир (Ӣшāн-и пӣр) 46, 67, 74, 75, 268, 273, 289
Яланги Бокиджон-кушбеги (Йалангӣ Бāқӣджāн-қӯшбегӣ) 181, 184, 281, 309, 311, 312, 314

IV. РЫНКИ И ПРОЧИЕ ТОРГОВЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Базар Куйи Кухак (Кӯй-и Кӯхак) 304
Базар лесной (строительный лес и детали) 235, 280
Базар обуви 194
Базар одеял и одежды 193
Базар птичий 173
Базар сенной ('алаф) 17, 77
Базар тюбетеек 97
Базар хлопковый 232, 241
Базар цветов и саженцев 213, 214, 280
Базар циновок 203, 232
Базарчики квартальные и межквартальные 129, 132, 137, 153, 220, 258, 259
Бозóри карбос (Бāзāр-и карбāс) 303, 304
Бозóри дарби нау (Бāзāр-и дарб-и нау) 189, 280
Бозóри нау (Бāзāр-и нау) 188, 280, 302
Бозóри Ходжа (Бāзāр-и Ходжа) 153
Бозóри Ходжа калон (Бāзāр-и Ходжа калāн) 190

Гаукушон (Гаукушāн) — торговая площадь 189

Караван-сараи 26, 79, 89, 181, 201, 203, 215, 218—220, 286, 335
Регистан (Рӣгистāн) — торговая площадь 66, 136, 170, 172, 201, 225, 226, 268, 269, 314

Тим Абдулла-хана 222, 223
Тóки Заргарон (Тāқ-и Заргарāн) 66, 295, 303
Тóки Тельпак (Тāқ-и Тӣлпак) 66, 127, 189, 193, 194, 196, 203, 213, 269, 316
Тóки Саррофон (Тāқ-и Ṣаррāфāн) 90, 99, 189, 269, 296, 301, 303
Токиядузон (Тāқийадӯзāн) 303
Торговые ряды 75, 92, 96, 110, 112, 124, 125, 128, 146, 150, 154, 172, 173, 186, 189, 193, 194, 196, 199, 203, 208, 215, 216, 218—220, 231, 232, 245, 259
Тукумдузон (Тӯқӯмдӯзāн) 171

Чорбакколи Дарвозáйи Самарканд (Чахāрбаққāлӣ Дарвāза-йи Самарқанд) 241
Чорбакколи Дарвозáйи Углон (Чахāрбаққāлӣ Дарвāза-йи Ӯғлāн) 137
Чубáйи бакколон (Чӯба-йи баккāлāн) 265

V. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ[2]

Авротхона (Аврāдхāна) 71

Бани[3]: Амири (Амирй) 194
Биби-хальфа (Бибй-халифа) 144
Гаукушон (Гаукушāн) 190
Гозиён (Гāзийāн) 95
Домулло Шер (Дāмуллā Шйр) 84
Забуда (Забўда) 214
Кухак (Кухак) 201, 304
Мавлоно Шариф (Мавлāнā Шарйф) 211
Óбу оташ (Āб-у āташ) 179
Пóйи остона (Пāй-и āстāна) 219
Тукумдузи (Тўқўмдўзй) 171
Хамбóми кунджак (Ҳаммāм-и кунджак) 179
Ходжа Порсо (Ходжа Пāрсā) 72
Шишахона (Шйшаҳāна) 126

Гадойхона (гадāйҳāна) 252
Гарибкашхона (ғарйбкашҳāна) 171

Зиндон (Зиндāн) 225

Казенные дома, хаулихойи подшохи (ҳаулйхā-йи пāдшāхй) 71, 127, 151, 153, 166, 175, 190, 223, 228, 251, 255, 285

Козихона (қāзйҳāна) 195
Кушхона (кушҳāна) 218

Мактаб, школа 69—72, 75, 77, 80, 83, 85, 89, 91, 92, 97, 98, 100, 105, 111, 113, 114, 124, 125, 127—130, 132—135, 139, 144—146, 148, 156, 158, 159, 165, 166, 172, 177, 178, 181, 185—187, 195—199, 201, 203, 220, 223, 225, 226, 228, 230, 241—243, 250, 254, 255, 258, 263, 266
Медресе см. указатель медресе (А VII)

Помещения для омовений: Гуслхона (гуслҳāна) 24, 103, 124, 158, 159, 199, 250, 266
Тахоратхона (тахāратҳāна) 24, 69, 85, 87, 91, 95, 98, 100, 105, 111—114, 116, 119, 122, 124, 125, 128, 139, 144, 149, 166, 169, 172, 181, 184, 196, 197, 221, 230, 231, 241, 243, 252, 263, 266

Раисхона (ра'йсҳāна) 255

Сакохона (сақāҳāна) 178
Самоворхона (самāвāрҳāна) 23, 75, 112, 117, 148, 195, 202, 204, 219, 220, 231, 241
Сарбозхона (сарбāзҳāна), казармы сарбазов 122, 147, 156

Такия (такийа) ткачей 28, 116
Танигохона (танйгāхҳāна) 193
Тобутхона (тāбўтҳāна) 185, 186

Хаджихона (ҳаджжйҳāна) 263
Хусайнияхона (ҳусайнийаҳāна) 121, 123, 114, 163, 223

Чайхана см. Самоворхона

Элчихона (йлчйҳāна), Посольский дом 72, см. также 121

---

[2] В этот указатель не включены мечети и медресе, так как по ним даны особые указатели.

[3] В тех случаях, когда названия бани нет, в указателе приводится название квартала, в котором она находилась и по которому была известна населению. О бухарских банях см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 64, где приведены сведения об общем числе бань и их список, составленный по экспликации к плану Парфенова-Фенина.

VI. МЕЧЕТИ[4]

Абдулло-хон (ʿАбдаллāх-ҳāн) — при медресе 151
Азизон (ʿАзӣзāн), ханака 208
Алам-на-расон (Алам-на-расāн) 213
Арафот (ʿАрафāт) 310
Ахмадджон-Пустиндуз (Аҳмад-джāн-пӯстӣндӯз) 170

Баходур-бий (Бахāдур-бий) 128, 129, 312, 319
Болохауз (Бāлā-ҳауз) 143, 145, 204

Волида-хóни шахид (Вāлида-йи ҳāн-и шахӣд) 157

Гаукушон (Гаукушāн) 193
Гулом-Али-тупчибоши (Ғулāм-ʿАлӣ-тӯпчӣбāшӣ) 311

Девон-беги, Надир-девонбеги, ханака (Надир-дӣвāн-бегӣ) 77
Джафар-ходжа (Джаʿфар-ходжа) 262
Дуст-чурогоси (Дӯст-чухра-āғā-сӣ) 153

Волида-хóни шахид (Вāлида-йи ҳāн-и шахӣд) 157

Гаукушон (Гаукушāн) 193
Гулом-Али-тупчибоши (Ғулāм-ʿАлӣ-тӯпчӣбāшӣ) 311

Девон-беги, Надир-девонбеги, ханака (Надир-дӣвāн-бегӣ) 77
Джафар-ходжа (Джаʿфар-ходжа) 262
Дуст-чурогоси (Дӯст-чухра-āғā-сӣ) 153

Аттор, Ходжа Шарифи аттор (ʿАттāр, Ходжа Шарӣф-и ʿАттāр) 258

Биби-халфа (Бӣбӣ-ҳалӣфа) 263
Бозóри гуспанд (Бāзāр-и гӯсфанд) 144
Бокиджон-кушбеги (Бāқӣджāн-қӯшбēгӣ) 184
Боки-хóни накиб (Бāқӣ-ҳāн-и нақӣб) 120

Гарибийя (Ғарӣбӣйя) 94
Гаукушон (Гаукушāн) 193
Гахбанд (Гахбанд) 187
Гиребон-чок (Гирӣбāн-чāк) 96
Гозиён (Ғāзӣйāн) 95, 302
Гозиёни калон (Ғāзӣйāн-и калāн) 95
Гозиёни хурд (Ғазӣйāн-и ҳурд) 95
Гуспанд см. Бозори гуспанд

Джафар-ходжа (Джаʿфар-ходжа) 188, 257

Абдулазиз-хан (ʿАбдалʿазӣз-ҳāн) 208, 211, 229
Абдулла-хан (ʿАбдаллāх-ҳāн) 151
Абдурахмон-аълам (ʿАбдарраҳмāн-аʿлам) 190
Абдушукур-бек/бой (ʿАбдашшукӯр-бēк/бāй) 211, 229
Авез-бой (ʿАвēз-бāй) 186
Аёз-бий (Айāз-бӣй) 204
Арслан-хан (Арслāн-ҳāн) 246, 248, 298, 300
Аскар-бий (ʿАскар-бӣй) 312
Аттор, Ходжа Шарифи аттор

[4] В указатель мечетей не внесены названия тех из них, которые идентичны с названием кварталов второй половины XIX—начала XX в. Исключение представляют такие случаи, когда в тексте приведены сведения, касающиеся мечети, а не одноименного с ней квартала.

VII. МЕДРЕСЕ

Искандар-хон (Искандар-ҳāн) 235, 314, 319

Калмокон (Қалмāқāн) 129, 319
Кози Мирзо Пайк (Қāзӣ Мӣрзā Пайк) 139
Кози Мир-Хошим (Қāзӣ Мӣр-Хāшим) 149
Кози Файзи (Қāзӣ Файзӣ) 139, 308
Кофар-работ (Кāфар-рабāт) 147
Кукалтош, Кулбобо-кукалтош (Кулбāбā-кӯкалдāш) 183
Кучáйи боло (Кӯча-йи бāлā) 113
Кучкор-бий, Кучкор-бек-бий-кушбеги (Қӯчқāр-бек-бӣй-қӯшбегӣ) 228
Ляби хáузи Мир-Дустум (Лаб-и ҳауз-и Мӣр-Дӯстӯм) 153

Мавлоно Асири (Мавлāнā Асӣрӣ) 169
Мавлоно Шариф (Мавлāнā Шарӣф) 210, 212
Магóки аттори (Мағāк-и ʿАттāрӣ) 216
Магóки курпа, Магóки нау (Мағāк-и кӯрпа, Мағāк-и нау) 194

Ходжа Али (Ходжа ʿАлӣ) 312

Джуйбор, Джуйбóри калон (Джӯйбāр, Джӯйбāр-и калāн) 103, 104
Домулло Рузи (Дāмуллā Рӯзӣ) 221
Домулло Шер (Дāмуллā Шēр) 84, 248
Думбаджушак (Дунба-джӯшак) 91

Иброхим-оксаккол (Ибрāхӣм-āқ-сақāл) 98
Иброхим-охунд (Ибрāхӣм-āхӯнд) 250

Калобод (Калāбāд) 247, 297, 300
Кампир (Кампӣр) 211
Кори-ходжа (Қāрӣ-ходжа) 211
Кукалтош (Кӯкалдāш) 84, 183, 204, 210, 212, 243, 272, 306

Мехтар Кофилон (Мехтар Қāфилāн) 156
Миён-Исхок (Мийāн-Исҳāқ) 163
Мирзо Бадеъ (Мӣрзā Бадӣ') 96
Мирзо Турди-элликбоши (Мӣрзā Турдӣ-илликбāшӣ) 182
Мирзо Фузайл (Мӣрзā Фузайл) 248
Мирзо Хамдам (Мӣрзā Хамдам) 183
Мири Араб (Мӣр-и 'Араб) 174
Мир-Камóли сарроф (Мӣр-Камāл-и ṣаррāф) 201
Модáри хон (Мāдар-и хāн) 151
Мулло Асири (Муллā Асӣрӣ) 169, 311
Мулло Ахмадджон (Муллā Аҳмадджāн) 169
Мулло Мухаммад-Шариф (Муллā Муҳаммад-Шарӣф) 95
Мулло Мухаммад-Шариф-саудогар (Муллā Мӯҳаммад-Шарӣф-саудāгар) 95
Мулло Султон (Муллā Султāн) 249
Мухаммад-Али-хаджи (Муҳаммад-'Алӣ-ҳадҗжӣ) 229
Мухаммад-Наби Муҳаммад-Набӣ) 250

Олимджон ('Ālимджāн) 186
Охýнди Ихтиёр-хон (Āхӯнд-и Иҳтийāр-хāн) 243

Садир-бий (Ṣадир-бӣй) 228
Саид-Амин-бой см. Хурджин
Саид-Камол (Сайд-Камāл) 252
Сарóйи таш (Сарāй-и таш) 220
Сесýки Охунди Калон (Сесӯк-и Āхӯнд-и Калāн) 199

Туркман (Туркмāн) 217
Турсунджон (Турсунджāн) 180

Уткур-кушбеги (Утқур-қӯшбēгӣ) 176, 178

Фатхулло-гуспанд-джаллоб см. Бозори гуспанд

Хаким-оим (Ҳакӣм-āйм) 94, 120
Хана, медресе см. Арслан-хан
Хамбóми кунджак (Ҳаммāм-и кунджак) 198
Ходжа Давлат (Ходжа Давлат) 204
Ходжа Зохид (Ходжа Захӣд) 178
Ходжа-калон (Ходжа-калāн) 190
Ходжа Нихоль (Ходжа Нихāл) 171, 188
Ходжа Порсо (Ходжа Пāрсā) 150, 151, 295, 301
Ходжа Хасан (Ходжа Ҳасан) 252
Ходжа Шарúфи аттор см. Аттор
Хусайн-бой (Ҳусайн-бāй) 178
Хурджин (Ҳӯрджӣн) 249
Хыёбон (Ҳийāбāн) 161

Чор мунор (Чахāр манāр) 305
Чубин (Чӯбӣн) 96
Чукур (Чуқӯр) 211
Чучук-оим (Чучуқ-āйм) 94
Шарифджон (Шарӣфджāн) 92

Эшóни Устоз (Йшāн-и Устāз) 257

Юлдош-бой (Йӯлдāш-бāй) 98

Медресе без названий, в том числе в виде келий при квартальных мечетях 71, 73, 75, 77, 79, 81—84, 90—92, 94, 95, 98, 101, 103, 119, 124, 127, 135, 144—146, 156, 157, 161, 164, 169, 173, 180, 186, 188, 189, 203, 210, 218, 220, 223, 240, 241, 243, 253, 255, 257, 266, 280, 282, 287, 297—299, 301—303, 308, 315

VIII. МАЗАРЫ (МЕСТА ПОКЛОНЕНИЯ)

Абдулло-ходжа (ʿАбдаллāх-ходжа) 112
Абу Бакр Исхок Калободи (Абӯ Бакр Исҳāқ Калāбāдӣ) 248, 296
Абульхасáни Побанд, Бандкушо см. Сайд Бандкушо
Авлиёйи гариб (Аулийā-йи ғарӣб) 221
Авлиёйи кабир (Аулийā-йи кабӣр) 221
Алам-на-расон (ʿАлам-на-расāн) 212
Áхли наматпуш (Ахл-и намадпӯш) 260

Биби Мохруй (Бӣбӣ Māхрӯй) 179

Гесубардóри Хазрат, Гесубардóри Имом Хусайн (Гӣсӯбардāр-и Ҳазрат, Гӣсӯбардāр-и Имāм Ҳусайн) 231

Два брата-подвижника (Ду дāдарāн-и муджтахид) 263
Джаннат-макони (Джаннат-макāнӣ) — мавзолей Шах-Мурада 258
Джафар-ходжа (Джаʿфар-ходжа) 257
Джон-Мáрди кассоб, Мирзоджóни кассоб (Джāн-Мард-и қаççāб) 223

Зиндафиль Ахмáди Джоми (Зиндафӣл Аҳмад-и Джāмӣ) 130
Зомуча, Ходжа Зомуча (Зāмӯча, Ходжа Зāмӯча) 248, 249, 282

Имом Бакр, Бáкри Фазль (Имāм Бакр-и Фазл) 108, 110, 111
Имом Гози (Имāм Ғāзӣ) 96
Имом Козихон (Имāм Қāзи-ҳāн) 259
Имом Кутайба (Имāм Қутайба) 179
Имом Мухаммад Газоли (Имāм Муҳаммад Газāлӣ) 188—189
Имом Хи́фси/Хáфси Кабир (Имāм Ҳифç-и/Ҳафç-и Кабӣр) 148, 171
Имом Хи́фси/Хáфси Сагир (Имāм Ҳифс-и/Ҳафç-и çағӣр) 171
Исмоил Сомони (Исмāʿӣл Сāмāнӣ) 132

Косим-шайх (Қāсим-шайх) 199
Кучкор-ато (Қӯчқāр-атā) 226

Мавлоно Асири (Мавлāнā Асӣрӣ) 169
Мавлоно Шариф (Мавлāнā Шарӣф) 211, 212
Махдуми Аъзам (Маҳдӯм-и Аʿзам) 94
Миён Исхок (Мийāн Исҳāқ) 163
Мирзоджóни кассоб см. Джон-Марди кассоб
Мохруй (Māхрӯй) 179
Мýйи тоб (Мӯй-и тāб) 215

Мулло Усмон-охунд (Муллā ʿУçмāн-āҳӯнд) 104

Нуриддúни Хилвати (Нурадди́н-и Ҳилватӣ) 196
Нур-Мухаммад (Нӯр-Муҳаммад) 116
Нуробод см. Ходжа Нуробод

Охýнди Хованд (Āҳӯнд-и Ҳāванд) 135

Сáдри Бáдри Майдони (Çадр-и Бадр-и Майдāнӣ) 174
Саид Абульхасáни Побанд см. Саид Бандкушо
Саид Бандкушо (Сайд Бандкушā) 208, 209, 304
Саид Тоджиддин (Сайд Тāджаддӣн) 105
Сафедмуй, Сафедмун, Сипандмуни (Сафӣдмӯй, Сафӣдмӯн, Сипандмӯнӣ) 82
Сиёхпýши вали (Сийāхпӯш-и валӣ) 194
Солóри хадж (Сāлāр-и ҳадж) 108, 109
Сохиб-зада (Çāҳиб-зада) 100
Суфиёни Саври (Суфийāн-и Çаврӣ) 223, 305

Тýрки Джанди, Ходжа Турки Джанди (Ходжа Турк-и Джандӣ) 92

Углон-ато (Ӯғлāн-атā) 138
Узбак-ходжа (Ӯзбак-ҳоджа) 122
Усто Рухи (Устā Рӯҳӣ) 143

Хáджи пиёда (Ҳадж-и пийāда) 260
Хазрáти Ахи (Ҳазрат-и Ахӣ) 82

Хазрат Аюб, Чашма Аюб (Ҳазрат Айӯб, Чашма-йи Айӯб) 124, 135
Хазрати Насви (Ҳазрат-и Насвиҳ) 218
Халифа Худойдод (Ҳалифа Ҳудойдод) 161
Хамбоми каппа (Ҳаммом-и каппа) 163
Хаузи лесак (Ҳавз-и лесак) 173
Хафт бродарон (Хафт бародаран) 89
Ходжа Абдуллойи гульрез (Ходжа ʿАбдаллах-и гулриз) 189
Ходжа Алам-на-расон см. Алам-на-расон
Ходжа Аспгардон (Ҳоджа Аспгардан) 166
Ходжа Баховаддина чиллахона (Чиллаҳона-йи Ходжа Баховаддин) 219
Ходжа Булгор, Ходжа Хасани Булгори (Ходжа Ҳасан-и Булғорӣ) 73, 74
Ходжа гарибон (Ходжа ғарибон) 184
Ходжа Гоиб (Ходжа Ғаʾиб) 230
Ходжа Гунджори (Ходжа Ғунджорӣ) 125
Ходжа Зомуча см. Зомуча
Ходжа Косагар (Ходжа Косагар) 98
Ходжа Курбон (Ходжа Қурбон) 146
Ходжа Мухаммади паррон (Ходжа Муҳаммад-и парран) 193
Ходжа Нуриддини Хилвати см. Нуриддини Хилвати
Ходжа Нуробод (Ходжа Нӯробод) 244, 245, 254
Ходжа Порсо (Ходжа Порсо), его библиотека 220, его келья (чиллаҳона) 219, его могила 251
Ходжа Рушнойи (Ходжа Рушной) 181, 182
Ходжа Сабатбоф (Ходжа Сабатбоф) 72
Ходжа Сесарон (Ходжа Сесарон) 235
Ходжа Суфиёни Саври (Ходжа Суфиён-и саврӣ) 223
Ходжа Таббанд (Ходжа Таббанд) 255
Ходжа Туроб (Ходжа Тураб) 246
Ходжа Турк (Ходжа Турк) 197
Ходжа Халим, Халимуддини Демуни (Ходжа Ҳалимаддин-и Демунӣ) 78
Ходжа Хофизи Бухори (Ходжа Ҳофиз-и Бухорӣ) 246
Ходжа Шофбоз (Ходжа Шофбоз) 185

Чашма Аюб см. Хазрат Аюб
Чиллахона Джуйбарских шейхов (чиллаҳона) 108
Чиль духтарон (Чихил духтарон) 150, 228

Шайх Али Бухори (Шайх ʿАлӣ Бухорӣ) 260
Шайх Джалол (Шайх Джалол) 100, 146
Шайх Рангрез (Шайх Рангрез), Гульрез (Гулрез) 69
Шакшаки Балхи (Шақшақ-и Балхӣ) 87
Шах-Мурада мавзолей см. Джаннат-макони
Шер-Мухаммад-джувозкан (Шер-Муҳаммад-джувозкан) 146
Шукур-бека могила 231

Эшони Имло (Ишон-и Имло) — жилище и чиллахона 177, 138, могила 161
Эшони пир (Ишон-и пир) 75
Эшони устоз (Ишон-и устоз) 257

Юсуфи Хамадони (Йӯсӯф Хамадонӣ) 244, 279

Мазары безымянные: 69, 72, 73, 75, 77, 79, 86, 87, 89, 92, 100, 105, 116, 125, 127, 132, 134, 138, 145, 146, 148, 155, 157, 163, 164, 172, 174, 176, 181, 182, 189, 196, 209, 211—214, 221, 234, 250, 253, 257, 262, 266, 267, 270, 275, 286, 300

IX. КЛАДБИЩА

Абдулло-ходжа (ʿАбдаллах-ходжа) 112
Авлиёйи гариб (Авлийо-йи ғариб) 221
Гозиён (Ғозиён) 96
Гурхона (Гурҳона) 91, 176, 181, 245, 456
Зиндафиль Ахмади Джоми (Зиндафил Аҳмад-и Джомӣ) 130
Миракон (Мирокон) 98

Нуробод, Ходжа Нуробод (Ходжа Нӯрабӑд) 244, 254
Пушта́йи[5] Амон-бой (Пушта-йи Амӑн-бай) 92
Пушта́йи зогон (Пушта-йи зағӑн) 81, 82
Пушта́йи Искандар-хон (Пушта-йи Искандар-ҳӑн) 235
Пушта́йи Ходжа Гоиб (Пушта-йи Ходжа Ғайб) 230
Пушта́йи Эшони Устоз (Пушта-йи Ишӑн-и Устӑз) 262
Сохиб-зада (Ṣӑҳиб-зада) 100
Ту́рки Джанди (Ту́рк-и Джандӣ) 91, 92
Ходжа гарибон (Ходжа ғарибӑн) 184
Ходжа Гунджори (Ходжа Ғунджӑрӣ) 125
Ходжа Сесарон (Ходжа Сесарӑн) 235
Ходжа Чоршанби (Ходжа Чахӑршанбӣ) 166
Чашма Аюб (Чашма Айӯб) 135
Шер-Мухаммад-джувозкан (Шēр-Муҳаммад-джувӑзкан) 146
Эшони Имло (Ишӑн-и Имлӑ) 138, 161
Семейные кладбища:
в квартале Дегрези 210
Ишана Саид-хана 70
Ишана Хайрулло 258
Ишанов Чукмоки 86

X. ВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ И МОСТЫ

Дарвоза́йи об (Дарвӑза-йи ӑб) 309, 310
Зар ру́д, Ру́ди зар (Рӯд-и зар) 115
Городская река, Ру́ди шахр, Шахр-руд (Рӯд-и шахр, Шахр-рӯд) 20, 21, 15, 123, 152, 169
Колодцы 124, 135, 181, 199, 222
Мосты: Пу́ли ошукон (Пул-и ʿĀшиқӑн) 118, 169
Пу́ли равгангарон (Пул-и Равғангарӑн) 178
Родники 89, 214
Сардоба 161
Хаузы[6]: Арбоб (Арбӑб) 181
Ахмад-дорго (Аҳмад-дӑрӯға) 132
Ахтачи (Аҳтачӣ) 165
Бодом (Бӑдӑм) 154
Боло-хауз (Бӑлӑ-ҳауз) 143
Гаукушон (Гаукушӑн) 190, 191
Гунгак (Гунгак) 258
Дастархончи (Дастарҳончӣ) 178
Девонбеги (Дӣвӑнбēгӣ) 25, 77
Дилькушо́йи дарун (Дилкушӑ-йи дарӯн) 255
Джилаухона (Джилауҳӑна) 119, 171
Зиндафиль Ахма́ди Джоми (Зиндафӣл Аҳмад-и Джӑмӣ) 130
Истемур (Истēмӯр) 234, 320
Кимсон (Кимсӑн) 182
Корхона (Кӑрҳӑна) 244
Лесак (Лēсак) 173
Мехтар Кофилон (Мехтар Қӑфилӑн) 156
Миракон (Мӣракӑн) 98
Мир-Дустум (Мӣр-Дӯстӯм) 25, 153, 154, 156, 188
Мирзо Гафур (Мӣрзӑ Ғафӯр) 149, 225
Муддао (Мудда'ӑ) 133
Мулло-хон (Муллӑ-ҳӑн) 252
Мурдашуён (Мурдашӯйӑн) 167, 171
Назарча (Назарча) 147
Нау (Нау) 104, 149
Ок-мачит (Āқ-масджид) 129
Рахи́ми зур (Раҳӣм-и зӯр) 113
Рашид (Рашӣд) 79
Сарахсиён (Сараҳсӣйӑн) 97

---

[5] Слово „пушта“ (холм, насыпь) в бухарском говоре употребляется главным образом в значении „кладбище“.

[6] О хаузах см. О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 28—29, где дан список хаузов, составленный по экспликации к плану Парфенова—Фенина. Наиболее полные данные содержатся в статье: Л. М. Исаев, Ришта и ее ликвидация в Узбекистане,— «Труды Узбекистанского Института малярии и медицинской паразитологии», т. II, Самарканд, 1956, см. схематический план, на котором обозначены все хаузы.

Сорвоно (Сарвонон) 127
Суфиён (Суфиён) 186
Табибон (Табибон) 141
Хáузи мурдахо (Хауз-и мурдахо) 167, 171
Ходжа Гоиб (Ходжа Ғоиб)
Ходжа Зайниддин (Ходжа Зайниддин) 197
Ходжа-калон (Ходжа-калон) 220
Ходжа Туйгун (Ходжа Тўйғун) 158
Ходжа Хасан (Ходжа Хасан) 252
Хонакóйи Чукмоки (Ханақох-и Чўқмоқӣ) 86
Хофиз-Чанги (Хофиз-Чангӣ) 148, 305

Чор корвонсарой (Чахор корвонсарой) 25, 26
Чордара (Чахордара) 111
Чуббоз (Чуббоз) 243

Шайх Шох (Шайх Шох) 86
Шариф-бой-бинди (Шарӣф-бойбинӣ) 262
Шáхри нау (Шахр-и нау) 113
Шо-Араб (Шох-ʿАраб) 100

XI. САДЫ, ПАХОТНЫЕ ЗЕМЛИ, ОГОРОДЫ[7]

Земли, сады, огороды 128, 240, 251, 254—256, 261, 262
Сады — бог (боғ)
Сад Джуракула 128
Сады ишанов Шохи Ахси 240
Сад Насрулла-хана 122
Сад кушбеги Остонакула 128
Сады - парки — чорбог (чахорбоғ):
Чорбóги Барот-бек (Чахорбоғ-и Барот-бек) 121
Чорбóги бойбачахо (Чахорбоғ-и бойбачахо) 128
Чорбóги Боки-хон, Боки-Мухаммад-хон (Чахорбоғ-и Бокӣ-хон, Бокӣ-Мухаммад-хон) 119
Чорбóги гул (Чахорбоғ-и гул) 122
Чорбóги Оли (Чахорбоғ-и ʿАлӣ) 122
Чорбóги Хаким-оим (Чахорбоғ-и Хакӣм-аим) 120, 121
Чорбóги хоса (Чахорбоғ-и хоса) 121
Чорбóги Шарифи Пахта (Чахорбоғ-и Шарӣф-и Пахта) 128

[7] Среди приведенных здесь сельскохозяйственных угодий нет тех, которые занимали юго-западный выступ городской территории — Кунжи калъа (см. О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 32), так как он не входил ни в один квартал и не упоминался при характеристике кварталов.

Б. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

абрбанд (абрбанд) 103, 110, 114, 152
авлоди (авлāдӣ) 261
авротхона (аврāдҳāна) 71
аголук (аға̄луқ) 234
адрас (адрас) 71—73, 77, 89, 95, 100, 105, 107, 110, 112—114, 117, 119, 121, 123, 156, 162, 182, 242, 243, 246
адрасбоф (адрасбāф) 158, 225
айвон (айвāн) 105, 109, 116, 157
аййар 55
аксакал (āқсақāл)32—40 98,163, 237
аллоф, аллофи (ʿаллāф, ʿаллāфӣ) 72, 139, 151
алоу-хона (алāуҳāна) 23
алоча(алāча)73,105,112,115, 192, 274
амак (ʿамак) 31, 228
амлокдор (амлāкдāр) 131,156, 188
амонат (амāнат) 36
амрикон (амрикāн) 90, 224
араб (ʿараб) 130, 227, 234, 239, 242, 275
арбоб (арбāб) 272, 277
арвохи пир (арвāҳ-и пӣр) 224
ариза (ʿарӣза) 132
арк (арк) 90, 107, 120, 123, 136, 139, 145, 149, 150, 305
аррок (аррāк) 172
асхаб (аҫҳāб) 92
атолык (атāлӣқ) 179, 271
атрофи гузар (атрāф-и гузар) 32
аттор, аттори (ʿаттāр) 70, 89, 114, 163, 216, 258
ахтачи (аҳтачӣ) 165, 275
ашури (ʿашӯрӣ) 120, 121
бай, бой (бāй) 157, 170, 180, 188, 220, 230, 245, 257, 274
баззоз (баззāз) 173, 224
баккол, бакколи (баққāл, баққāлӣ) 42, 75, 78, 94, 117, 129, 159, 198, 230, 231, 243, 259, 286
банорас, банораспуш (банāрас, банāраспӯш) 247
батош (батāш) 224
бахмалбоф (баҳмалбāф) 223
бахрин (бахрӣн) 134
бача (бача) 233
бек (бек), бекхо (бекхā) 126, 134, 160, 166, 204, 229, 261, 270
бекасаб (бӣқаҫаб) 105, 107, 112, 115, 192
бий (бӣй) 67, 72, 133
бинок (бинāғ) 250
бир-туйлаш (бир-тӯйлаш) 46
бирьёнгар (бирйāнгар) 134, 136, 186
бобо (бāбā) 330
борбанд (бāрбанд) 90
бринчфруш (бириндҷфурӯш) 114
бузгунч (бузғунч) 218
буй (бӯй) 224, 251, 260
буйро (бӯрйā) 238
булгори (булғāрӣ) 73, 90, 224
булякфруш (булакфурӯш) 184
буркут (буркут) 281

вакф, вакфона, вакуфное имущество (вақф, вақфāна) 24, 25, 84, 87, 103, 106, 107,110, 126, 140, 141, 146, 176, 184, 198, 201, 203, 204, 210, 212, 215, 229, 231, 232, 234, 235, 237, 247, 250—252, 257, 262, 263, 272, 275, 297—299, 301, 305, 306, 310, 313, 314, 336

гадойхона (гадāйҳāна) 252
газ (газ) 98
гарибкашхона (ғарӣбкашҳāна) 171
гахбанди (гахбандӣ) 187
гачкуб, гачкуби (гачкӯб, гачкӯбӣ) 73, 159, 263
гилофдуз (ғилāфдӯз) 177
гилькор (гилкāр) 73, 74, 88, 110

гудунгер (кудунггар) 72, 85
гуза-дгжаллоб (ғӯза-джаллāб) 229
гузар (гузар) 253, 292, 293, 298, 318
гулах (гулаҳ) 211
гуль (гул) (сыпь) 69, 219
гули мураббойи (гул-и мураббāйӣ) 214
гуркау, гурбон (гӯркау, гӯрбāн) 235, 263
гурхона (гӯрҳāна) 91, 161, 181, 245, 256
гусл (ғусл) 243
гуслхона см. указатель Общественные заведения (A V)
гуспанд-джаллоб (гӯсфанд-джаллāб) 228, 230

дакма (даҳма) 194, 260
даллол (даллāл) 81, 124
дарбон (дарбāн) 248
дарвоза́йи калон (дарвāза-йи калāн) 16
дарвозахона (дарвāзаҳāна) 161, 203, 228
дарра, дурра (дарра, дурра) 22, 213
даррадаст, дуррадаст (даррадаст, дуррадаст) 22, 213
дарсхона (дарсҳāна) 247, 252
дарфруш (дарфурӯш) 233
дастархон (дастарҳāн) 22
дастарха́ндор (дастарҳāндāр) 175, 178
дастор (дастāр) 114
дасторбанд (дастāрбанд) 114, 277
дафтар, дафтари (дафтар, дафтарӣ) 60, 82
даха (даха) 48
дахбоши (дахбāшӣ) 229, 330
дахлез (дахлӣз) 177
девон (дӣвāн) 262, 273
девонбеги (дӣвāнбегӣ) 97, 98, 135, 216, 237, 238, 253, 263, 272, 273
дегрези (дӣгрӣзӣ) 208
дехкане, дехкон (дихқāн) 67, 86, 112, 141, 174, 220, 239, 240, 250, 251, 255, 294, 295
джадидизм, джадид (джадӣд) 95, 97
джаноза (джанāза) 27, 109
джариб, джиреб (джарӣб) 42, 65—67, 83, 84, 88, 101, 103, 109, 123, 124, 135, 150, 166, 168, 181, 189, 205, 206, 226, 227, 229, 240, 295, 330
джахр (джахр) 69, 117, 210
джахру талкин (джахр-у талқӣн) 240
джевачи (джӣвачӣ) 229
джизья (джизйа) 335
джилаухона (джилауҳāна) 170
джойнамоз (джāйнамāз) 225
джомадузи, джомафруши (джāмадӯзӣ, джāмафурӯшӣ) 162, 258
джоруббанд (джāрӯббанд) 177
джувоз, джувози равган (джувāз, джувāз-и рауған) 188, 258
джувозкан (джувāзкан) 275
джувозрон (джувāзрāн) 163
джуйбарцы 48
додхох (дāдҳāх) 228
докафруш (дāкафурӯш) 126, 216
домод (дāмāд) 126
дона-шурак (дāна-шӯрак) 144
дорго (дāрӯға) 131, 231, 270, 272
дук, дукбози (дӯк, дӯкбāзӣ) 48
дукон, дукондор (дӯкāн, дӯкāндāр) 71, 75, 113, 146, 149, 153, 180, 186, 198, 239, 251, 286
дуохон (ду'āҳāн) 165
дурезгар (дурӣзгар) 74
дуррадаст см. даррадаст
дуруя (дурӯйа) 252
ёздахум (йāздахум) 86, 108, 195
ёмхона (йāмҳāна) 188
етим-сипо (йетӣм-сипāх) 160
заргар (заргар) 73, 74, 187
зардуз (зардӯз) 73
зехдузи (зихдӯзӣ) 165, 177
зиёрат (зийāрат) 244, 255
зикр 305
зиндон (зиндāн) 225, 226
зинсоз (зӣнсāз) 163, 166
зонузани (зāнӯзанӣ) 49
иджорадор (иджāрадāр) 107, 125, 140, 222
имам, имом (имāм) 22, 25, 33, 38, 85, 192, 220, 234, 255, 265, 307
инок (инāқ) 250, 273
ирани, эрони (йрāнӣ) 70, 73, 79, 97, 103, 123, 187, 222
ишан, эшон (йшāн) 16, 70, 74, 75, 86, 87, 90, 100, 101, 105, 107, 116—118, 120, 148, 161, 162, 169, 177, 184, 211, 219, 240, 242, 257, 258, 261, 267, 307, 308, 334, 335
йиртиш (йиртӣш) 37
кабудгари (кабӯдгарӣ) 110
кадамгох, кадамджой (қадамгāх, қадам-джāй) 72, 82, 179, 199

казий, козы (қāзӣ) 89, 153, 165, 195, 197, 204, 210, 211, 215, 217, 245, 315
казикалан, кози-калон (қāзӣ-калāн) 139, 149, 285
казок (қазāқ) 232, 320
кайвони (кайвāнӣ) 32, 34, 37, 39
каламдон (қаламдāн) 166
каландар, каландархона (қаландар, қаландарҳāна) 260, 287, 288
калгай, калгайсоз (қалғай, қалғайсāз) 76, 244
каллазани (каллазанӣ) 49
каллапуш, каллапушфруш (каллапӯш, каллапӯшфурӯш) 132, 177
калонтар (калāнтар) 93
калмок (қалмāқ) 128, 129, 130, 277
каль (кал) 248
калями (қаламӣ) 111, 263
канесо (канесā) 76
каннот (қаннāт) 113, 165
капкоз (қавқāз) 122, 135, 147, 156
караван-сарай см. указатель Рынки (A IV)
карача (қарача) 18, 107, 110
караулбеги (қарāӯлбегӣ) 90, 220
карбос, карбосфруш (карбāс, карбāсфурӯш) 117, 126
кассоб (қаççāб) 78, 114
кафш, кауш (кафш) 73, 183, 261
кафили (кафилӣ) 36
кафшдуз, кафшфруш (кафшдӯз, кафшфурӯш) 33, 74, 78, 107, 128, 158, 195, 196, 198, 203, 227, 242, 249, 263
кафшу махсидуз (кафш-у маҳсидӯз) 84, 85, 98, 125, 243
кашшоко (қашшāқāн) 201
кемухт, кемухтгар (кӣмӯҳт, кӣмуҳтгар) 214, 217
кенегес, канагас (канагас) 128, 129, 236, 277
киёу (кийāӯ) 107, 172
китобхона (китāбҳāна) 220
кишлок (қишлāқ) 318
кокмазани (қāқмазанӣ) 49
корвонбоши (кāрвāнбāшӣ) 71, 155 182, 232, 274, 320
кори (қāрӣ) 70, 71, 155, 159, 235
корхона (кāрҳāна) 244
коса, косагар (кāса, кāсагар) 98, 134, 242
ку (кӯ) 72, 98, 152, 197, 292—291, 298
кука (кӯка) 272
кулох (кулāх) 225
кулча (кулча) 47, 89
куль (кӯл) 217
кунгрот (қунғрāт) 198
курайш (қурайш) 80
курбон-байрам (қурбāн-байрам) 109
курчи (қӯрчӣ) 125, 227, 228
кухнадуз (кухнадӯз) 127, 167, 201
куш (қӯш) 281
кушбеги (кӯшбегӣ) 60, 103, 126, 128, 153, 163, 184, 204, 228, 251, 270, 281, 285, 295, 304
кушхона (қӯшҳāна) 218
кыр (қир) 244
кырк-юз (қирқ-йӯз) 160
кытъа (қиṭʿа) 48
лашкар-боши (лашкар-бāшӣ) 228
лятта (латта) 194
лингазани (лингазанӣ) 49
лула (лӯла) 60
маддох (маддāҳ) 231, 287
мадон (мадāн) 143
мазар см. указатель Мазары (A VIII)
мактаб см. указатель Общественные заведения (A V)
мангыт (манғыт) 71, 72, 117, 126, 129, 152, 159, 160, 163, 166, 178, 234
маофа (маʿāфа) 259
марди мардон (мард-и мардāн) 54
мардикор (мард-и кāр) 25
маслихат (маслаҳат) 47
маслихат-оши (маслаҳат-āшӣ) 36
махалла (маҳалла) 7, 9, 64—66, 75, 93, 119, 123, 136, 167, 181, 189, 198, 205, 227, 245, 253, 265, 290, 292—294, 318
махдум (маҳдӯм) 45
махси, махсидуз (маҳсӣ, маҳсидӯз) 73, 151, 180, 183, 203, 210, 249, 256, 261
машади (машхадӣ) 119
машкдуз (машкдӯз) 33
машкоб (машкāб) 71, 84, 147, 198
маърака (маʿрака) 38
мерган (мӣрган) 86
медресе (мадраса) см. указатель Медресе (A VII)
мехтар (мехтар) 150, 155, 158, 229, 258, 270, 271
меши (мӣшӣ) 75, 81, 116, 117, 218, 234, 239
миёнсарой (мийāнсарāй) 249
мир, миро (мӣр, мӣрāн) 153, 166, 285
мирзо (мӣрзā) 81, 82, 186, 274
мири об, мираб (мӣр-и āб) 20, 257
мири (мӣрӣ) 262

мирохур (мӣрāҳӯр) 95, 129, 188, 229, 242
миршаб (мӣршаб) 193, 233
миршабхона (мӣршабҳāна) 228
мисгар (мисгар) 179, 204
мисри (миср̣ӣ) 112
михраб (миҳрāб) 193
мошиначи (мāшиначӣ) 180, 183
мударрис (мударрис) 73, 75, 100, 188, 203, 204, 212, 218, 220, 222, 257, 306
муза, музадуз (мӯза, мӯзадӯз) 73, 89, 95, 110, 124, 183, 196, 220, 230, 241, 244, 261
музапардоз (мӯзапардāз) 192
мулло (муллā) 94, 97, 130, 131, 172, 179, 180, 187, 188, 195, 196, 198, 199, 201, 203, 211, 218—220, 222, 234, 240, 249, 250, 251, 253, 257, 259, 274
муллобача (муллāбача) 75, 189, 253, 257, 266, 287
мулозим (мулāзим) 25, 146, 149, 195, 214, 215, 217
мурдашуй (мурдашӯй) 115
мутавалли (мутавалли) 297, 298, 299
муфти, муфтихойи калон (муфтӣ, муфтӣхā-йи калāн) 180, 188, 195, 199, 204, 210, 215
мухаррам (муҳаррам) 121, 123
мухаррир (муҳаррир) 188
муштзани (муштзанӣ) 49
муэззин (муаззин) 192, 234, 254
мюрид 74, 76, 86, 90, 95, 118, 174, 242, 251, 287, 307

нагорачи, нагорахона (нағāрачӣ, нағāраҳāна) 137
наддоф (наддāф) 146
назр, нарз (назр) 108, 189
найман (найман) 152, 163
наккош (наққāш) 139, 159
намоз, намаз (намāз) 216
намози бомдод (намāз-и бāмдāд) 22
намози панджвакти (намāз-и панджвақтӣ) 22, 264
наукер (наукар) 18, 49,53,124,153
нимтаёр (нӣм-таййāр) 53
нисба (нисба) 87
нова (нāва) 179
нонвой (нāнвāй) 82
нукча (нӯкча) 169

обхона (āбҳāна) 120
оим (āим) 94
ок-пустин (āқ-пӯстӣн) 239
оксаккол см. аксакал
оксаколи бозор (āқсақāл-и бāзāр) 238
оксакколона (āқсақāлāна) 38
олуфта (āлуфта) 52
офтоба (āфтāба) 204
охунд (āҳӯнд) 204, 212, 243, 306
ошхур-у обхур (āшхӯр-у āбхӯр) 46, 47, 65
оя-мулло (āйа-муллā) 73

пайк (пайк) 272
пардозгар, пардозгари (пардāзгарӣ) 110
патдуз (патдӯз) 141, 160
пешкадам (пӣшқадам) 204
пешток (пӣшт̣āқ) 252
пиллакаш (пиллакаш) 74, 107, 120, 176, 223
позагар (пāзагар) 208, 210
пойкор (пāйкāр) 32—35, 37—40, 96
поччо, поччо-ходжа (пāдшāх, пāдшāх-ходжа) 70, 172
пустиндуз, пустиндузи (пӯстӣндӯз, пӯстӣндӯзӣ) 242
пусттарош (пӯсттарāш) 240
пустшуй (пӯстшӯй) 82
пушта (пушта) 96

равгангар (рауғангар) 107
раис (ра'йс) 22, 25, 176, 210, 213, 255
раис молодцов 55
раисхона (ра'йсҳāна) 255
рангрез, рангрезхона (рангрӣз, рангрӣзҳāна) 74, 110, 187
раъд (ра'д) 224
регистанцы 48
респонтоб (рӣспāнтāб) 114
рехтагар (рӣҳтагар) 201
ришта (ришта) 21, 260, 267
роат (ра'йат) 64, 65
ротифа (рāтиба) 111
рохати джон (рāҳат-и джāн) 137
руза (рӯза) 137
руйхат (рӯйҳат̣) 37
румол (рӯмāл) 110
румолсоз (рӯмāлсāз) 71, 244
рух (рӯҳ) 143
рух (рӯй) 143

савдогар (саудāгар) 44, 71, 97, 153, 180, 188, 198, 286
савоб (савāб) 25, 74, 171, 257, 266
сагона (сағāна) 194, 209—211, 218
саид (сайд) 242
сайль (сайр) 109, 148, 251, 255
сакохона (сақāҳāна) 178
самбусапази (самбӯсапазӣ) 243
самоворхона (самāвāрҳāна) 23, 117 и др.
сангин (сангӣн) 97
сандуксоз (ṣандӯқсāз) 184
саноч (санāч) 116

сарбоз, сарбаз (сарбāз) 107, 135, 147, 156, 160, 161, 229, 285, 286
сардоба (сардāба) 161
сариг-пустин (сариғ-пӯстӣн) 239
саркарда (саркарда) 186, 228
сарой (сарāй) 213
сарроф (ṣаррāф) 139, 201, 286
сарроч (саррāдж) 117
сартарош, сартарошхона (сартарāш, сартарāшҳāна) 96
саур (ṣаур) 223
сафолгари (сафāлгарӣ) 249
сепóяйи тáги коса (сепāйа-йи таг-и кāса) 98
сиёкори (сийāххāри) 151, 192, 255
сипо, сипох (сипāх) 85, 95, 97, 103, 107, 127—134, 136, 139, 141, 146, 153, 157, 161, 162, 166, 170, 171, 173, 185, 186, 188, 201, 204, 214—216, 223, 229, 235, 242, 250, 261, 287
сипох-солор (сипāх-сāлāр) 108
сиркои (сиркāйӣ) 113
соатсоз (сāʻатсāз) 95
собот (сāбāṭ) 125, 218, 229, 259
собунгар, собунфруш (ṣāбӯнгар, ṣāбӯнфурӯш) 33, 74, 275
согутароши (ṣāғӯтарāшӣ) 148, 149
судур (ṣудӯр) 153, 285
сумаляк (сумалак) 26
суннат (суннат) 260
сурнайчи (сӯрнайчӣ) 137, 231, 232
суф (ṣӯф) 37
суфа (ṣӯфа) 94, 218
суфи, суфий (ṣӯфӣ) 100, 141, 142, 150, 173, 208, 212, 223, 276, 279, 287, 306
тагол (тагāл) 49
таёр (тайййāр) 54
такия (такийа) 28, 116
тал (тал) 146
тамбурчи (танбӯрчӣ) 232
таммук (таммӯк) 255
тан-ба-тан 49
таракачи (таракачӣ) 36
таррох (ṭаррāҳ) 90
тахорат (ṭахāрат) 243
тахоратхона см. указатель Общественные заведения (A V)
тахта-маича (таҳта-махича) 255
тахта-мурабба (таҳта-мурабба') 179
таш (таш) 171, 219
тельпак, тельпакдуз (тӣлпак, тӣлпакдӯз) 175, 177, 190
телпакфруш (тӣлпакфурӯш) 132
тим, тимчи (тӣм, тӣмчӣ) 37, 71, 149, 222, 286
тирма (тирма) 120, 121
тобутхона (тāбӯтҳāна) 72, 185, 186
тоджик (тāджик) 73, 94, 163, 194, 196, 237, 255
той (тӯй) 38—40, 112, 170, 233
торсаки (тāрсакӣ) 49
туг (тӯғ) 70, 72, 74, 132, 197, 223, 228
туйхур (тӯйҳӯр) 46
туксабо (тӯқсабā) 95, 97, 129, 163, 229
тукумдуз (тӯқӯмдӯз) 231
тунукасоз (тунӯкасāз) 173
тупчи-бошúйи ляшкар (тӯпчӣ-бāшӣ-йи лашкар) 228
туф, туфбоф (туф, туфбāф) 71, 203
углон (ӯғлāн) 137, 138, 243
удайчи (ӯдайчӣ) 95, 120, 160, 186
уламо (ʻулама) 244
улиш (ӯлӣш) 30
урганджи, урганджихо (ӯрганджӣхā) 35, 90, 91, 115, 124, 237, 239, 321
урок (ӯрāқ) 95, 153, 285
усто (ӯстā) 143, 150
устокор (ӯстāкāр) 95, 217, 225
уч-уруг (ӯч-ӯрӯғ) 163
факих (фақӣх) 298
фарз (фарҳ) 260
фаррош (фаррāш) 20, 34, 88, 89
фарш-у рушнойи (фарш-у рӯшнāйӣ) 262
форс, ирани (фāрс, йрāнӣ) 70, 88, 89, 100, 103, 105, 107, 109—117, 119—124, 126, 131, 140, 151, 152, 155—157, 159—165, 176, 184, 194, 220
фотиха (фāтиҳа) 225
фута (фӯṭа) 247
хáбси аз остона дарун (ҳабс-и аз āстāна дарӯн) 178
хавлúйи подшохи см. указатель Общественные заведения
хаджи (ҳāджжӣ) 270
хаджи пиёда (ҳадж-и пийāда) 109, 260
хаджихана см. указатель Общественные заведения (A V)
хазиначи (ҳазӣначӣ) 228
хайма (ҳайма) 183
халвогари (ҳалвāгарӣ) 112, 120, 144, 195, 220, 222
халвопаз (ҳалвāпаз) 134, 136
халиса (ҳалӣṣа) 26
халифа (ҳалӣфа) 273
халк (ҳалқ) 21
халтадор (ҳалтадāр) 214, 218

халфа (ҳалйфа) 85, 89, 110, 116, 152, 213, 225, 244
хамбомчи (ҳаммāмчӣ) 84, 243
харос (ҳарāс) 107, 139, 163, 165, 186, 258
хароспон (ҳарāсбāн) 107, 183
харрот (ҳаррāт) 34, 134, 138, 190
хатм, хатми куръон (ҳатм, ҳатм-и қур'āн) 138, 235
хатчуб (ҳат-чӯб) 153
хашар (ҳашар) 20, 21
хауз см. указатель Водные источники (А Х)
хидир-эли (ҳидйр-элӣ) 35, 237, 239, 321
хирка (ҳирқа) 225
хисор (ҳиçāр-и қадйм, ҳиçāр-и дарӯн) 195, 269, 286, 300—303
ходжа 18, 19, 86, 93, 106, 107, 125, 140, 153, 159, 181, 183, 184, 201, 219, 224, 225, 248, 273, 284, 300
ходжа-калон (ходжа-калāн) 106, 219, 220, 272, 299
ходими гузар (ҳāдим-и гузар) 33, 34, 39, 40
хоким (ҳакӣм) 234
хом-джаллоб (ҳāм-джаллāб) 215
хонако (ҳāнақāх) 69, 79, 86, 93, 100, 117, 153, 154, 210—212, 240, 241, 256, 272, 280, 306, 307
хосаги (ҳāçагӣ) 256
худжра (ҳуджра) 77, 156, 190
худойи (ҳудāйӣ) 86, 104, 201
хумдончи (ҳумдāнчӣ) 82, 112
хун (ҳӯн) 49
хурдафруши (ҳурдафурӯшӣ) 165, 184
хусайния, хусайнияхона (ҳусайнӣйа, ҳусайнӣйаҳāна) 103, 114, 121, 123, 163, 223
хызмат (ҳизмат) 33
чала (чала) 74
чакар (чақар) 105, 281
чарм (чарм) 116
чармгари (чармгарӣ) 233
чархи абрешимтани (чарҳ-и абрӣшимтанӣ) 196
чашма (чашма) 89, 214
челонгар (чӣлāнгар) 81, 193, 194
чиллахона (чиллаҳāна) 73, 78, 106, 108, 138, 177, 214, 220
чильтан (чихил-тан) 109
чирогхона (чарāғҳāна) 101, 250, 251
читгар (чӣтгар) 110
читфруш (чӣтфурӯш) 94, 187
чодирдуз (чāдирдӯз) 182, 255, 261
чойфруш (чāйфурӯш) 89
чорбог (чахāр-бāғ) 331
чорсук (чахāр-сӯқ) 303
чубин (чӯбӣн) 192, 265
чубкори (чӯбкāрӣ) 114
чубфруш (чӯбфурӯш) 94
чурогоси (чухра-āғāсӣ) 133, 154, 160, 176, 272
чуют, чуютон (чуйӯт, чуйӯтāн) 160
шайх, шейх (шайҳ) 41, 85, 92, 101, 108, 117, 119, 121, 123, 132, 133, 143, 152, 166, 193, 203, 211, 244, 246, 250, 270, 273, 276, 290, 298, 302, 306, 335, 338
шафатталош (шафат-талāш) 19
шахид (шахӣд) 156
шахристан (шахристāн) 205, 217, 284, 290, 294, 295, 302, 323, 333
шахристанцы 48, 205
шерхона (шӣрҳāна) 147
шонатарош (шāнатарāш) 215
шикастабанд (шикастабанд) 139
ширта (ширта) 238
шои, шохи (шāхӣ) 89, 109, 117, 156
шомъёна (шāмйāна) 255
шох, шо (шāх) 85, 166
шохибоф (шāхӣбāф) 95, 158, 223
шуллукчи (шуллукчӣ) 171
шур (шӯр) 228
шустагар, шуштагар (шустагар) 112
элчи, элчихона (элчӣ, элчӣҳāна) 140
энага (энага) 175, 272
эшóни судур (йшāн-и судӯр) 153
юнони (йӯнāнӣ) 248
ярлиг (йарлӣғ) 35
ясоул (йасāӯл) 160
яхдон, якдон (йаҳдāн) 116
яхдончи (йаҳдāнчӣ) 137

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 6

Глава первая. Внутригородская жизнь 13
1. Жилой квартал, его административно-социальное значение и быт 13
2. Общественные связи между жителями различных частей позднефеодального города (межквартальные и внутригородские связи) 41

Глава вторая. Кварталы Бухары в конце XIX — начале XX в. . . 58
1. Этнографическое описание кварталов 67
2. Общая характеристика бухарских кварталов 264

Глава третья. Исторические корни жилого квартала 292
1. Исторический обзор кварталов 292
2. Процесс образования кварталов и его значение для развития феодального города 317
3. Итоги исследования жилого квартала и историческая оценка квартальной общины 324

Список сокращений 342
Схемы джарибов 342
А. Топографический указатель 343
I. Ворота городские и квартальные (343). II. Джарибы, Махалла (343). III. Кварталы и их части (344). IV. Рынки и прочие торговые заведения (351). V. Общественные заведения (352). VI. Мечети (353). VII. Медресе (353). VIII. Мазары (355). IX. Кладбища (356). X. Водные источники и мосты (357). XI. Сады, пахотные земли, огороды (358).
Б. Указатель терминов 359

Ольга Александровна Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА
ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА
БУХАРЫ

(в связи с историей кварталов)

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор *В. В. Волгина*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художник *А. И. Гольдман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Д. Я. Броун*
и *Л. И. Письман*

Сдано в набор 18/XI 1975 г.
Подписано к печати 20/IV 1976 г.
А-06563. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1.
Печ. л. 23. Уч.-изд. л. 24,67. Тираж 2000 экз.
Изд. № 3588. Зак. № 900. Цена 2 р. 68 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул, Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
259	18 св.	Маргилани	Маргинани
261	6 сн.	90	90%
276	4 св.	XII в.	XVI в.
335	32 св.	тарханскую	тарханную

Зак. 843

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. 8,5 л.

Неразик Е. Е. Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.). Археолого-этнографические очерки. 16 л.

Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. Сб. статей. 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».